Цена 1 р. 45 к.

Опыт структурного описания арчинского языка

1

Опыт структурного описания арчинского языка

1

МОСКОВСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. М. В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
ФАКУЛЬТЕТ

СЕРИЯ
МОНОГРАФИЙ

ПУБЛИКАЦИИ
ОТДЕЛЕНИЯ
СТРУКТУРНОЙ
И ПРИКЛАДНОЙ
ЛИНГВИСТИКИ

Выпуск 11

МАТЕРИАЛЫ
ПОЛЕВЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

Под общей редакцией
В. А. ЗВЕГИНЦЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1977

А. Е. КИБРИК,
С. В. КОДЗАСОВ,
И. П. ОЛОВЯННИКОВА
Д. С. САМЕДОВ

Опыт структурного описания арчинского языка

ТОМ I

ЛЕКСИКА.
ФОНЕТИКА

М. Бергельсон

Были ли в горах Бергельсон?
Ужели то был только сон?
То был очень страшный сон...

А. Кибрик
Кодзасов
Шлоя-

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1977

Трехтомное описание арчинского языка продолжает монографическую серию "Публикаций ОСиПЛ" (см. предыдущие выпуски: А. Е. Кибрик, С.В. Кодзасов, И. П. Оловянникова. Фрагменты грамматики хиналугского языка. Вып. 9. МГУ, 1972; А.Е. Кибрик. Методика полевых исследований (к постановке проблемы). Вып. 10. МГУ , 1972). Арчинский язык - один из бесписьменных языков горного Дагестана. Отличается богатством звуковой системы (81 фонема, просодическая фарингализация) и словоизменительной морфологии (от одного глагольного корня может быть образовано более миллиона различных форм), наличием редких грамматических категорий (локализации, заглазности, комментатива, аппробатива), ярко выраженным эргативным строем предложения, лексическим своеобразием. Монография основана на полевом изучении арчинского языка методами современной лингвистики.

Работа предназначена для кавказоведов, а также для лингвистов, интересующихся типологией языков и проблемами языкового моделирования.

Рецензенты: Г.А.Климов, А.А.Зализняк

The three-volume description of the Archi language continues the monograph series of "Publications of the OSPL" (cf. the previous issues: A.E.Kibrik, S.V.Kodzasov, I.P.Olovjannikova. Fragments of Chinalug grammar, N 9, 1972; A.E.Kibrik. The methodology of field investigations, N 10, 1972). The Archi language is one of the unwritten Caucasian languages. It is characterized by the richness of its sound system (81 phonemes, prosodic pharyngalization) and its flectional morphology (over a million different forms can be derived from a single verbal root), as well as by its uncommon grammatical categories (localization, commentative, approbative), by its pronounced ergative construction, by its lexical originality. The monograph resulted from the field exploration of Archi by modern linguistic methods.

The work is intended for specialists in the Caucasian languages and for those concerned with language typology and problems of modeling linguistic structure.

Reviewers: G.A.Klimov, A.A.Zalizniak

ОПЫТ СТРУКТУРНОГО ОПИСАНИЯ АРЧИНСКОГО ЯЗЫКА

Часть первая. ЛЕКСИКА. А.Е.Кибрик, И.П.Оловянникова, Д.С.Самедов

Часть вторая. ФОНЕТИКА. С.В.Кодзасов

© Издательство Московского университета, 1977 г.

Памяти выдающегося русского лингвиста, основоположника научного кавказоведения, неутомимого исследователя горских кавказских языков,

ПЕТРА КАРЛОВИЧА УСЛАРА /1816 - 1875/

В В Е Д Е Н И Е

Арчинский язык относится к числу "карликовых", одноаульных языков. На нем говорят жители аула Арчи[1] (arša). По свидетельству П.К.Услара[2], в середине прошлого века носителей арчинского языка было около 500 человек; А.М.Дирр, ссылаясь на официальные источники 1895 г., указывает, что "число их около 800 душ"[3], по данным этнографа Г.А.Сергеевой[4], в 1960 г. на территории Арчинского сельсовета проживало примерно 700 человек, а за его пределами (в Махачкале, Буйнакске, Баку и в других местах) - около 200 человек. Таким образом, на арчинском языке говорит менее тысячи человек.

1. Географическое положение Арчи

Аул Арчи расположен в наиболее труднодоступной высокогорной части внутреннего Дагестана на высоте более 2000 м. С трех сторон - с запада, юга и востока он окружен цепью высоких хребтов - отрогов горного массива Дюльтыдаг (выс. 4132 м), на снеговых вершинах которого берет начало бурная река Хатара (от арчинского слова háItəra "река"). Арчи - крайний южный населенный пункт в долине этой реки. Самыми близкими соседями Арчи являются аварские селения Читаб (šaťá, 3 км), Дусрах (disí, 8 км), Чвадаб (čʒadá, 13 км), Магар (maRá, 23 км). Эти селения протянулись цепочкой с юга на север вниз по течению реки Хатара. За Магаром Хатара сливается с рекой Тлейсерух, образуя реку Каракойсу, в долине которой расположен нынешний районный центр Чародинского района - селение Цуриб (c'urí, 31 км). Кроме того, в 4-5 км от Арчи находит-

---

1. При транслитерации с аварского - Арчиб.
2. П.К. Услар. Этнография Кавказа. Языкознание. IУ. Лакский язык. Тифлис, 1890, стр. 8.
3. А.М.Дирр. Арчинский язык. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, вып.39. Тифлис, 1908, стр.1.
4. Г.А.Сергеева. Арчинцы. М., 1967, стр. 4.

I^{X} - 2913

ся единственное в этом каньоне лакское селение Шали (šálla). Оно расположено в узкой долине небольшего правого притока реки Хатара, впадающего в нее в трех км ниже Арчи.

Через Шали, пересекая в северо-восточном направлении отроги хребта Шалиб, тянется тропинка в крупное лакское селение Кумух (более 30 км от Шали), с которым в прошлом веке у арчинцев были устойчивые политические, торговые и экономические связи: Кумух был центром Казикумухского округа, в который входило Арчи. Старики еще помнят, как по этой тропе арчинцы регулярно ходили на знаменитый Кумухский базар. Это была основная транспортная артерия, связывавшая Арчи с внешним миром. О ней А.Дирр писал 70 лет назад: "Из Кумуха в Арчи ведет даже для дагестанских условий крайне плохая вьючная и пешеходная тропинка. Она сейчас же за Кумухом поднимается к водораздельному перевалу между Дуккухчай (левый приток Казикумухского Койсу, на которой расположен Кумух - А.К.) и каким-то, по-видимому, не имеющим названия ручьем, впадающим у Арчи в Хатар"[5].

В прошлом существовала также связь с Азербайджаном (cili) и Грузией (gurží) через Закаталы, расположенные к югу от Арчи за Главным Кавказским хребтом. Туда арчинцы-ремесленники нередко отправлялись на заработки (см. тексты № 21, 22).

На рубеже XIX-XX вв. Арчи перешло в состав Гунибского округа с

5. А.М.Дирр. Экскурсия по Дагестану, Ш. Арчи, - "Кавказ". Тифлис, 1903.

центром в Гунибе (Runí, 70 км на север от Арчи по долине рек Хатара и Каракойсу), а затем, после образования Дагестанской АССР, оно входит в Чародинский район. Многолетняя территориально-административная связь с северными аварскими ареалами постепенно укреплялась и в настоящее время является доминирующей. В 1960 г. впервые была проложена грунтовая автомобильная дорога от Цуриба до Арчи, положившая конец географической изолированности этого удаленного уголка Дагестана: из Цуриба дорога идет на Гуниб, который связан автобусным сообщением с плоскостными районами и Махачкалой (от Гуниба до Махачкалы 167 км). Существует также авиалиния Махачкала-Цуриб.

2. Краткая этнографическая характеристика арчинцев

Документированных исторических сведений о происхождении арчинцев нет. Исходя из антропологических, этнографических, археологических и лингвистических данных, можно утверждать, что арчинцы бесспорно являются коренными жителями Дагестана. На своей территории они живут с незапамятных времен и не имеют никаких преданий о переселении из других районов. Вообще говоря, данные лингвистической географии Дагестана ярко демонстрируют гомоморфность степени территориальной и лингвистической близости многих характерных грамматических явлений в дагестанских языках[6]. Это указывает на отсутствие существенных перемещений языковых групп в течение длительного времени.

До революции основным занятием арчинцев было неотгонное скотоводство, а земледелие играло лишь подсобную роль. Этому способствовали природные условия: прекрасные высокогорные альпийские луга с хорошим травостоем, в то время как достаточного количества пригодных для возделывания земель у арчинцев не было. Урожаи с небольших пахотных участков лишь наполовину удовлетворяли потребности населения в зерне (высеивались ячмень, полба, пшеница).

У арчинцев были развиты домашние промыслы и ремесла, обеспечивавшие их почти всем необходимым. Изготовляли сукна, ковры, пала-

6. В частности, неопределенность групповой принадлежности арчинского языка, совмещающего в себе признаки как лезгинских, так и аваро-андо-цезских, а также лакского языков, находится в полном соответствии с центральным географическим положением арчинского языка (см. схему на стр. 6).

сы, предметы верхней одежды, обувь из шерсти, шкур и кожи. Большинство предметов домашнего обихода и орудий труда делали из дерева, закупаемого в аварских районах, поскольку в районе Арчи лесов нет.

Арчинцы в этническом отношении вели весьма замкнутый образ жизни и практически не смешивались с соседними народностями. И до сих пор предпочитаются браки с близкими родственниками - двоюродными братьями и сестрами или с членами одного тухума (эндогамия); тухумов насчитывается около двадцати.

Наряду с другими народностями Дагестана арчинцы довольно рано приняли ислам, который укоренился, видимо, в XП-XIУ вв[7]. Еще Услар особо отмечал, что "арчинцы ревностные мусульмане"[8]. Влияние мусульманства до сих пор сохраняется в сознании арчинцев в большей степени, чем у соседних народов.

До 1930 г. обучение в Арчи осуществлялось только в кораническ их школах. В народе сохранилась память о ряде весьма образованных арчинцев, хорошо знавших арабский язык. Один из них даже написал на арабском языке летопись, включавшую события своего селения.

Общественно-экономические отношения, как и многие другие стороны жизни арчинцев, по-видимому, не были специфическими[9] по сравнению с Дагестаном в целом. Скудость исторических документов не позволяет осветить их в должной мере. Арчи до присоединения Дагестана к России входило в Казикумухское ханство, но политически сохраняло достаточную независимость. Основным органом общественного управления была вплоть до начала XX в. сельская община (žama'at), сохранившая черты патриархально-демократической организации. Во главе общины стоял выборный староста (bigawul, см. текст №1, 33). Пастбища и выгоны, являвшиеся важнейшим средством ведения овцеводческого хозяйства, находились в общинной собственности и ежегодно перераспределялись, а пахотная земля была частной собственностью (она наследовалась, покупалась и продавалась, см. текст №33).

7. М.С.Саидов. О некоторых памятниках материальной культуры в лакских районах ДАССР. "Ученые записки ИИЯЛ", т.Ш.Махачкала,1967, стр. 131.

8. П.К.Услар. Указ.соч., стр. 7.

9. О дореволюционной истории Дагестана, его экономике и общественном строе см.: Х.М.Хошаев. Общественный строй в Дагестане в XIX в. М., 1961.

Арчи исторически сформировалось как поселение, состоящее из центрального, главного аула и нескольких сезонно используемых хуторов. Этот так называемый хуторской тип поселения связан с неотгонной формой скотоводства. Дело в том, что содержание скота в осенне-зимне-весенний период требовало обширных зимних пастбищ и запасов корма. Поэтому 9 месяцев в году арчинцы жили на хуторах, находящихся вблизи зимних пастбищ, мест сенокоса и пахоты, а на три летних месяца собирались в главном селении (скот в это время пасся в горах на альпийских лугах). С 20-х гг. XX в. этот обычай летнего переселения теряет силу и хутора становятся местом постоянного жительства.

Сейчас Арчи представляет собой систему из восьми селений, расположенных вокруг центральной усадьбы на расстоянии 0,5 - 2,5 км от нее. Они имеют названия:(собственно) Арчи (xIeré), Хиттаб (x̌aťá), Калиб (k'alá), Алчуниб (álšunna), Кубатль (q'ubáǩ'), Качалиб (q'ášalla), Хилих (xilíq) и Кесер (q'eséra). По общему виду они похожи на аулы соседних народностей. Для них характерна скученная застройка, узкие улочки, отсутствие просторных дворов, преобладание двух- и трехэтажных каменных зданий с плоской крышей. В трехэтажном доме первые два этажа отводились под хозяйственные нужды, а третий был жилым. В первом этаже держали крупный рогатый скот, а второй (обычно высотой около полутора метров) в непогоду служил хлевом для овец, куда из-за недостатка топлива в холодное время года переселялись также и члены семьи.

До настоящего времени остается самобытным национальный женский костюм арчинок (см. текст №30). В особенности это касается женского головного убора - чухты (čuxt'ú, см. Л.334.3), богатого серебряными украшениями. Кроме того, необходимыми предметами женского повседневного туалета являются серебряные цепочки, застежки, ожерелья, браслеты, кольца, серьги, которые передаются по наследству от поколения к поколению.

Естественно, за последние десятилетия условия жизни арчинцев резко изменились. Уходит в прошлое их изолированность, меняются условия труда и быта, отмирают старые и возникают новые формы сознания[10]. Вместе с тем географические, социально-исторические ,

10. Подробный этнографический очерк, охватывающий все основные стороны "арчинского мира" как в историческом, так и в современном аспекте, содержится в уже упоминавшейся работе: Г.А.Сергеева. Арчинцы. М., 1967.

культурные и бытовые условия жизни арчинцев в известной степени определяли судьбу и некоторые внутренние черты их языка. Многовековая изолированность арчинцев, несмотря на малочисленность этой этнической группы, предотвратила их языковую ассимиляцию с соседними несравненно более крупными народностями. При этом постоянные внешние контакты с ближайшими соседями (аварцами и лакцами) способствовали длительному многоязычию арчинцев: на протяжении ряда поколений большинство арчинцев владеет, кроме родного, аварским и лакским языками, что оказывает известное влияние и на арчинский язык, в первую очередь в области лексики, но, возможно, также и в грамматике (совершенно не изучено явление калькирования с этих языков, хотя наличие его в ряде случаев вполне достоверно, см. Л.115-в).

Под влиянием ислама арчинский язык значительно пополнился арабизмами (арабской является большая часть абстрактной лексики, см. Л.111; более того, вместе с лексикой вошли в арчинскую фонологическую систему эмфатические ларингалы).

Существование в условиях горной местности способствовало развитию в арчинском языке, как и в прочих горских дагестанских языках, средств для выражения пространственных отношений, в частности ориентации по высоте, наблюдающейся в указательных местоимениях и пространственных наречиях, а также по течению реки (ср. крайне употребительные, но труднопереводимые наречия duxaj и šumaj). Миниатюрность мира, в котором протекала жизнь арчинца, уравнивала вес событий, очевидцем которых он являлся, с событиями, которых он не наблюдал, что нашло свое отражение в категории заглазности[11], а также адмиратива, который находится в стадии становления. Можно обнаружить много других свидетельств влияния географических и исторических условий жизни арчинцев на структуру арчинского языка.

Без понимания того, сколь важную роль в жизни арчинцев имело овцеводство, трудно понять наличие в языке специальной морфологической формы числительных на {an} (см. Т.151.1), употребляющихся при счете поголовья овец.

Естественно, что особенно связана с окружающим миром лексика, которая классифицирует его основные предметы, объекты, а также совершающиеся в нем типичные и важные для людей процессы, действия и состояния, и словарные переводы часто дают весьма приблизительное представление о смысле арчинских слов. Так, переводы слова noǩ' словами "дом", "комната", слова x̄ₒak словом "лес", háItəra словом "река", deqI' словом "дорога" и т.д. дают возможность примыслить такие объекты, которые крайне далеки от тех, что реально имеются в виду арчинцами. Поэтому, приступая к изучению или знакомству с арчинским языком, надо осознавать, что это одновременно знакомство с необычной, самобытной культурой, с особым миром, в который необходимо проникнуть и постараться его понять. Вместе с тем надо помнить, что изучение языка - это не изучение обслуживаемой им культуры: подмена первого вторым ни в коей мере не предполагается в настоящем исследовании.

11. Заглазное действие - действие, свидетелем которого участник речи не был; адмиратив указывает на то, что некто становится свидетелем части или результата описываемого действия.

3. Об изучении арчинского языка

Первым исследователем арчинского языка был замечательный отечественный кавказовед П.К.Услар. В письме к А.А.Шифнеру от 19 октября 1863 г. он писал: "Я полагаю, что никогда ни одного слова не было еще записано из языка Арчи, и едва ли даже существование этого языка кому-нибудь известно вне Дагестана"[12]. Знакомство П.К. Услара с арчинским языком было очень кратким. В продолжение одного утра занимался П.К.Услар с арчинцами и сделал ряд заметок: собрал парадигму слов со значениями "брат", "сестра", "отец", "мать", "лошадь", "дерево", а также парадигму личных местоимений, правильно установил четырехклассную систему согласования и выделил классно-числовые показатели; подметил способ образования притяжательных местоимений от родительного падежа личных, собрал числительные, парадигму глагола "быть" и два десятка предложений, на основании чего он высказал предположение о синтаксическом сходстве арчинского глагола с аварским и чеченским. П.К.Услар собирался основательно заняться арчинским языком, но планам его не суждено было сбыться.

В 1908 г. вышла первая монография по арчинскому языку, написанная известным исследователем дагестанских языков А.М.Дирром[13] и являвшаяся в течение 60 лет почти единственным источником сведений об этом языке. Она состоит из морфологии, текстов, словаря и русского указателя к нему. А.Дирр собрал довольно большой мате-

12. П.К.Услар. Указ.соч., стр.6.

13. А.М.Дирр. Арчинский язык. Тифлис, 1908.

риал и зафиксировал многие реально существующие формы.
Серьезным недостатком данной работы является отсутствие строгого фонологического подхода и внимания к способу записи материалов. В результате не были учтены существенные коррелятивные признаки фарингализации и долготы гласных, лабиализации согласных, не отмечены редуцированные. В записях А.Дирра некоторые знаки обозначают более одной фонемы (ср.,например, разные значения "т" в написании: аршатехти = aršaťeqIdi "по-арчински"), одна и та же фонема записывается разными знаками (ср. халаттур = xalaťur "старая", где /ť/ записано как последовательность "тт", и слово аршатехти, где /ť/ записано как "т"). Однако работа А.Дирра продолжает сохранять ценность как памятник истории арчинского языка. В некоторых случаях она дает показательный материал об утраченных ныне формах. Таковы, например, сведения об отрицательной форме футурума типа ǩoRit'u "не дам" наряду с ǩōt'u[14], позволяющие с большей определенностью говорить, что морфема потенциалиса {qi} перед морфемой отрицания {t'u} подвергалась фонетическим изменениям, ведущим к ее выпадению (см. Т.122.31). Фиксация морфемы условного союзного деепричастия {enč'iš} (см. Т.123.2) в форме -mič'iš[15] дает повод выделять в ней показатель косвенной основы {mi} аналогично некоторым другим формам, например, морфеме причинно-временного союзного деепричастия {m(u)xur} (см. Т.123.2).

Новый этап в изучении арчинского языка начался со второй половины 60-х гг. В 1967 г. выходит описание арчинского языка в юбилейном многотомнике "Языки народов СССР"[16] и монография К.Ш.Микаилова[17], а в 1973 была защищена докторская диссертация О.И.Кахадзе[18]. Все три исследования проводились независимо.

---

14. А.М. Дирр. Указ. соч., стр. 13.
15. А. М.Дирр. Указ. соч., стр.63.
16. С.М.Хайдаков. Арчинский язык. "Языки народов СССР". М., 1967, стр. 608-626. Этому описанию предшествовали статьи того же автора по именному и глагольному словоизменению: С.М.Хайдаков. Падежная система арчинского языка. „Изв. ОЛЯ АН СССР", 1965, XXIУ, вып. 2; С.М.Хайдаков. О спряжении арчинского глагола. Ученые записки ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР, т. XIУ. Махачкала, 1966.
17. К.Ш.Микаилов. Арчинский язык (Грамматический очерк с текстами и словарем). Махачкала, 1967, 216 стр.
18. О.И.Кахадзе. Арчибский язык и его место среди родственных дагестанских языков. Автореф. докт.дисс. Тбилиси, 1967.

Описание С.М.Хайдакова в обзорной форме дает представление о фонологии и основных морфологических категориях арчинского языка (в ряде отношений более полное, чем работа А.Дирра). В падежной системе существительного выделяется восемь основных и семнадцать местных падежей, указываются основные способы образования эргативного падежа и множественного числа. При описании глагольной системы основное внимание уделено образованию синтетических личных форм и классно-числовому спряжению. Среди деепричастий указываются формы на -mat (означающие, по С.М.Хайдакову, длительность действия). Отмечено наличие категории заглазности (правда, только для аналитических форм). Кроме того, в обзоре даются основные сведения по синтаксису и словообразованию.

В монографии К.Ш.Микаилова также рассматриваются вопросы фонетики и морфологии. Фонетическая часть исследования К.Ш.Микаилова дает системное описание гласных и согласных фонем, фонетических процессов, ударения, содержит ряд метких наблюдений над фонетическими особенностями арчинских звуков. В морфологической части особое внимание уделено существительному. Подробно рассматривается образование множественного числа и эргатива, причем учтены практически все аффиксы, включая единичные. В системе пространственных форм существительного выделяется семь серий (У и УI серии в действительности являются вариантами одной серии) и пять направительных падежей, т.е. выявлены почти все элементы этой системы. Весьма подробно описывается также словоизменение прилагательного, числительного и местоимения. В разделе о глаголе раскрывается многообразие типов спряжения и рассматриваются почти все простые глаголы. Наряду с синтетическими формами автор перечисляет большинство аналитических личных форм. К сожалению, автор не обнаружил деепричастия на -li и омонимичный показатель заглазности, что усложнило описание аналитических личных форм. Совершенно правильно трактуется образование запретительного наклонения не от повелительного наклонения, а от форм настоящего времени. Важным компонентом исследования К.Ш.Микаилова является довольно представительный арчинско-русский словарь, в котором каждое слово снабжено необходимой морфологической информацией. Следует отметить, что, несмотря на нерешенность некоторых трудных фонологических проблем, монография К.Ш.Микаилова в целом отличается хорошим уровнем фиксации материала: ошибок в записи в ней почти не встречается.

Диссертация О.И.Кахадзе написана на грузинском языке, но известное представление о ней дает автореферат. В области морфоло-

гии и фонетики описываются факты примерно в том же объеме, хотя имеется ряд новых наблюдений. Так, отмечается особое согласование глагола с местоимениями 1-2 лица (правда, на наш взгляд, неправомерно рассматриваемое как инновация - появление личного спряжения), констатируется наличие прошедшего заглазного времени и деепричастия на -mat, аналитических форм "инфинитив + глагол". В отличие от всех предыдущих работ в работе О.И.Кахадзе рассматриваются также вопросы истории арчинского языка.

В работах С.М.Хайдакова, К.Ш.Микаилова и О.И.Кахадзе в значительной части фонетического и морфологического описания используется один и тот же исходный материал, хотя имеются те или иные факты, отмеченные одним и не учтенные другими исследователями. Кроме того, интерпретация языковых фактов во многих случаях у этих авторов различна. В данном описании мы не ставили задачи подробного сравнения различных точек зрения, и наши интерпретации не соотнесены с интерпретациями предшественников. Однако отсутствие в грамматическом описании такого рода библиографического аппарата не умаляет высокой оценки работ С.М. Хайдакова, К.Ш. Микаилова и О.И. Кахадзе, внесших существенный вклад в изучение арчинского языка.

Для нас первое знакомство с арчинским языком состоялось в 1967 г., когда филологический факультет МГУ направил в Лакский район ДАССР первую структурно-лингвистическую экспедицию. После выполнения ее основной программы в июне месяце автор этих строк вместе с И.П.Оловянниковой отправился из Кумуха в Арчи через селение Хулисма по той самой заброшенной ныне тропинке, которую некогда описывал А.Дирр. В селении Хулисма нам с трудом удалось найти проводника, знающего этот путь (да и он последний раз ходил по нему 30 лет назад).

Дальность перехода, величие широкой арчинской долины, изрезанной причудливо переплетающимися рукавами реки Хатара, и неожиданность появления самого Арчи непосредственно в двухстах метрах за очередным пиком подъема создавали ощущение, что происходит нечто необыкновенное. Да и мы сами, явившиеся из стороны, откуда никто никогда не приходит, усталые, но стремящиеся немедленно заняться работой, видимо, производили впечатление выходцев из другого мира.

В Арчи мы записали на магнитофон словник на 500 слов и около 100 предложений. Собранный материал использовался во время подготовки к следующей, собственно арчинской экспедиции, которая состоялась в июле-августе 1968 г[19]. Задача экспедиции сводилась к выработке методики изучения незнакомого языка, т.е. к созданию эффективной исследовательской процедуры, позволяющей в короткие сроки выявить его основные грамматические характеристики и собрать представительный фактический материал[20]. Поэтому при подготовке к экспедиции имевшаяся к тому времени научная литература об арчинском языке намеренно не изучалась. Мы рассматривали арчинский язык как terra incognita.

В экспедиции принимали участие 13 человек, из них 9 занимались специально арчинским языком, а именно: сотрудники кафедры структурной и прикладной лингвистики С.В. Кодзасов, И.П.Оловянникова, А.Е.Кибрик и 6 студентов отделения структурной и прикладной лингвистики: М.Алексеев, Г.Бондаренко, И.Муравьева, Т.Погибенко, И.Самарина, О.Сундукова. В течение месяца находилась экспедиция в хуторах Хилих и (временно) Хиттаб. В процессе этой конкретной экспедиционной работы с арчинским языком родилось желание заняться его всесторонним синхронным описанием. Надо сказать, что в тот раз мы мало преуспели, хотя многое и поняли. В нынешнем описании почти ничего не сохранилось от тех первых попыток, но без них оно не было бы возможным.

Наряду с другими информантами неоценимую помощь оказал нам арчинец Джалиль Самедов, в то время студент филологического ф-та ДГУ. Осенью 1968 г. он был переведен в Москву для продолжения обучения на филологическом ф-те МГУ, по окончании которого был принят в очную аспирантуру. В дальнейшем Д.Самедов специализировался как лингвист и ныне является автором части настоящего исследования (см. Лексика, тексты и словарь).

Итак, с лета 1968 г. на протяжении более шести лет велась работа над изучением и описанием арчинского языка. В августе 1971 г. в Арчи побывала вторая экспедиция. Собранный за 20 дней работы материал отражен в настоящем описании (каждый пример снабжается указанием записавшего его исследователя). В экспедиции принимали участие И.П.Оловянникова, А.Е.Кибрик и студенты отделения структурной и прикладной лингвистики: М.Алексеев, Е.Воронина, В.Гальперина, О.Гулыга, Т.Зевахина, Е.Ионесян, Е.Конькова, А.Ле-

19. См. отчет об этой экспедиции: А.Е.Кибрик. Дагестанская и Памирская экспедиции. "Вестник МГУ". Филология. 1970, №4, стр.87-89.

20. Позднее это направление работы легло в основу книги: А.Е.Кибрик. Методика полевых исследований (к постановке проблемы). "Публикации ОСиПЛ", вып. 10. М., 1972.

онов, О.Новгородцева, С.Старостин, Т.Чучина.

В июне 1973 г. С.В.Кодзасов и А.Е.Кибрик еще рах посетили Арчи для проверки с различными информантами некоторых спорных вопросов.

Продвижению исследования способствовал также семинар "Структура неиндоевропейского (арчинского) языка", ежегодно проводившийся с 1968 г. на отделении структурной и прикладной лингвистики автором этих строк [21].

Кроме Д.Самедова, во время полевых исследований помощь в изучении арчинского языка оказывали многие арчинцы. В 1967 г.: Магомед Магомедханов, Майсарат Магомедханова, Гаджи Омаров, Сулейман Шапиев и др.; в 1968 г.: Адильбек Мусаев, Буттай Мамаев, Магомед Рамазанов, Хурулен Магомедова и др.; в 1971 г.: Магомед Рамазанов, Джалал Сагиров, Джамал Шапиев, Пахруттин Гашимов, Магомед Бадруев; Муртазали Муртазалиев, Махмуд Мусаев и др., которым авторы выражают свою сердечную благодарность.

4. Типологическая характеристика арчинского языка

С целью облегчить знакомство с настоящим описанием дадим краткую характеристику арчинского языка, указав его наиболее существенные типологические признаки, подробное изложение которых (правда, не в концентрированном виде) можно найти в соответствующих разделах описания.

Арчинский язык - типичный представитель дагестанской группы языков, и естественно, что многие его свойства характерны также для некоторых или большинства других дагестанских языков. В рамках данного раздела последовательное сопоставление арчинского языка с прочими дагестанскими языками не представляется возможным, поэтому мы ограничимся фактически лишь перечислением типологически существенных, на наш взгляд, признаков, не делая акцента на сходстве и отличии арчинского языка от тех или иных групп других дагестанских языков.

4.1. Фонетика [22]. Арчинский язык характеризуется исключительным фонетическим богатством - инвентарь сегментных фонем насчитывает 81 единицу. Это богатство достигается в основном за счет обширной подсистемы шумных согласных, признаковая организация которой ти-

21. Материалы этого семинара содержатся в работе: А.Е.Кибрик. Избранные главы арчинской грамматики в задачах. "Проблемы структурной лингвистики. 1973". М., 1973, стр. 392-428.

22. Данный параграф написан С.В.Кодзасовым.

пична для дагестанских языков. Характерной чертой подсистемы шумных является большое число локальных рядов кроме "обычных" губного, апикального, сибилянтных, велярного и ларингального рядов, имеются также увулярный ряд и ряд эмфатических ларингалов. В арчинском к тому же имеется еще один "экзотический" ряд - шумных латералов.

Разным локальным рядам свойственны разные по способу образования смычные: в губном, апикальном и велярном рядах представлены взрывные, в сибилянтных, латеральном и увулярном рядах - аффрикаты (ларингальные ряды имеют специфическую организацию). В "аффрикатных" рядах выступают фрикативные, во "взрывных" рядах они отсутствуют.

Арчинский язык имеет также типично дагестанскую систему ларингальных признаков для шумных. Смычные противопоставлены по характеру отступа, причем взрывные имеют троичную корреляцию (непридыхательный-придыхательный-абруптивный), а аффрикаты - двоичную (неабруптивный-абруптивный). Фрикативные различаются характером стационарной части (звонкий-глухой).

Как и во многих других дагестанских языках, в арчинском имеется противопоставление шумных по силе и по лабиализованности. Корреляция по силе охватывает непридыхательные взрывные, абруптивные аффрикаты (частично) и глухие фрикативные. Корреляция по лабиализованности ярко представлена в задних рядах - увулярном, велярном и латеральном.

Подсистема сонорных обычна для дагестанских языков: два носовых (m, n), два плавных (r, l), два глайда (w, j). Гласные образуют пятичленную треугольную систему: i, e, a, o, u, в безударном положении выступает также ə. Имеются долгие гласные, однако сфера их употребления ограничена.

К внутрисловным просодическим признакам, кроме динамического ударения, относится фарингализация, охватывающая слог или последовательность слогов. Слоговой центр фарингализации приходится обычно на гласный, исключением являются слоги с увулярными согласными.

Принадлежа генетически к лезгинским языкам, арчинский обнаруживает некоторые типологические черты, сближающие его с соседними аваро-андийскими языками: треугольную систему гласных, сильные абруптивные аффрикаты, латеральный ряд шумных. Однако подобно большинству лезгинских языков (а также лакскому и южным диалектам даргинского), арчинский имеет сильные взрывные и фарингализацию,

отсутствующие в аваро-андийских языках.

Звуковые последовательности в арчинском языке характеризуются ясно выраженной слоговой структурой. Допускаются слоги трех типов: cv, cvc, cvcc, причем в конце слога возможны лишь сочетания "сонорный-шумный". Наличие закрытых слогов при запрете неприкрытых дает статистическое преобладание согласных; они покрывают 60% текста. Недопустимые внутрислоговые последовательности устраняются за счет вставки "нейтральных" сегментов либо за счет опущения сегментов.

Синтагматические ограничения на употребление фонем довольно разнообразны. Так, все сильные согласные невозможны в конце слога и в этой позиции ослабляются, сильные смычные невозможны также и в начале слога. Противопоставление согласных по лабиализованности нейтрализуется в слогах, содержащих лабиализованный гласный. Недопустим ряд сочетаний согласных, на морфных стыках они устраняются за счет ассимиляций, изменения способа образования, ларингального признака и проч.

Распределение гласных зависит от позиции относительно ударения и конца синтагмы. В ряде случаев происходит редукция безударных. Характерна тенденция к сильной фарингализации ударного гласного в словах, содержащих фарингализованный корень.

Большинство чередований отражает живые фонетические ограничения на распределение фонем, однако немало и исторических процессов, связанных лишь с определенными грамматическими и лексическими единицами. Имеются также характерные символические чередования гласных в "аффективных" формах. Подчеркнем обилие чередований в арчинском языке: для описания лишь регулярных процессов приходится вводить 65 правил.

Фонетический состав корней и аффиксов различен. Корень, как правило, содержит хотя бы один шумный согласный; в аффиксах используются обычно сонорные либо шумные передних рядов, причем отсутствуют "маркированные" признаки (фарингализация, лабиализация согласных). Отсюда вытекает статистическое преобладание "неэкзотических" фонем, противоречащее их скромному месту в инвентаре.

Существенно различны синтагматические схемы корней и аффиксов, а также схемы корней для разных частей речи.

4.2. Морфологические средства. Арчинский язык относится к языкам с богатым словоизменением. Основной тип служебных морфем - суффиксы, наряду с суффиксами в некоторой степени представлены префиксы, инфиксы, трансфиксы, а также редупликация и апофония.

Все несуффиксальные морфемы, несмотря на их малочисленность, относятся к наиболее древним способам словоизменения. Используется также конверсия (в основном для образования синтаксических дериватов). Наиболее новым и продуктивным способом образования грамматических форм являются аналитические конструкции (некоторые формы с суффиксами также явно восходят к аналитическим конструкциям, например, существительные с морфемами локализации и пространственного падежа - к конструкциям "существительное+послелог"). В некоторых случаях наблюдается переходное состояние между аналитической конструкцией и свободным сочетанием форм: таковы конструкции с глаголом kes "становиться" (tot xIor aǩuršі eťi "то село видно стало", см. Т.227), конструкции со значением завершенности и результативности действия (ebkuli obqIali jak "упал внутрь", см. Л.143.4), каузативные и начинательные глаголы (Hadur as "готовить", Hadur kes "приготавливаться", см. Л.221.1) и др.

Способ присоединения суффиксальных аффиксов - в основном аглютинативный. Ввиду многочисленности грамматических категорий, каждая из которых выражается отдельным суффиксом, словформы некоторых частей речи имеют многоместную ранговую структуру (у словоформы субстантива пять суффиксальных позиций, у глагола шесть). Парадигма арчинского глагола отличается исключительным богатством. От одного глагольного корня может быть образовано более миллиона форм, если учитывать аналитические глагольные формы и все глагольные грамматические категории, включая классно-числовые показатели, комментатив, адмиратив и дериваты-деепричастия, причастия (с падежами) и масдары (с падежами).

4.3. Части речи. Представляется желательным проводить различие между глубинными и поверхностными частями речи[23]. Глубинные части речи необходимы для описания отношений между компонентами элементарного ядерного высказывания, в которое входит один предикат[24]. Такое высказывание состоит из предиката, его актантов и

23. Ср. более сильное утверждение Лайонза о том, что любая общая теория "должна определять части речи не как классы слов в поверхностной структуре, а как глубинные составляющие предложений" (J.Lyons. Introduction to theoretical linguistics. Cambridge, 1968, p. 319).

24. Ср. анализ универсально-языковых оснований традиционных частей речи: С.Д.Кацнельсон. Типология языка и речевое мышление Л., 1972, стр. 127-176.

определителей предиката и актантов. Функциональное различие компонентов элементарного высказывания определяет набор глубинных частей речи. Очевидно наличие двух основных частей речи (глагола (V) и существительного (S)) и двух маргинальных (прилагательного (A) и наречия (Adv)). Глагол является предикатом элементарного высказывания, существительные - его актантами, наречия - определителями предиката, прилагательные - определителями существительного; кроме того, существительное может определять существительное. Таким образом, типичные синтаксические связи между глубинными частями речи следующие: $V \rightarrow S$; $V \rightarrow Adv$; $\rightarrow S \rightarrow A$; $\rightarrow S \rightarrow S$.

Неэлементарные высказывания образуются в том случае, если глагол занимает некоторую невершинную, подчиненную позицию. Возможны такие синтаксические связи: $V_1 \rightarrow V_2$; $\rightarrow S \rightarrow V_2$.

Чрезвычайно характерной синтаксической чертой арчинского языка является способ оформления на поверхностном уровне такого рода связей. Невершинный глубинный глагол переходит по определенным правилам в другую (поверхностную) часть речи, а все зависимые от него слова и он сам, как правило, приобретают те же морфологические характеристики, какие они имели бы, если бы глагол образовывал элементарное высказывание. Иными словами, вставление одного высказывания в другое обеспечивается очень простыми средствами: компоненты зависимого высказывания никак не переоформляются, и лишь вершинный глагол переходит в другую часть речи (в отличие от русского языка: "он любит жену" - "я знаю о его любви к жене", "он получил деньги" - "я знал о получении им денег", где переход $V \rightarrow S(V)$ сопровождается различными преобразованиями его зависимых и потерей им признаков времени, лица, числа и залога). Например: jowmus arš̄aten č'at sinš̄i i "Он арчинский язык знает" - ez sini jowmus arš̄aten č'at sinš̄i ikul "Я знаю,-что он арчинский знает" (глагол sinš̄i i "знает (презенс 1)" субстантивируется при помощи суффикса {kul}).

Дериватами глагола могут быть: S(V) - масдар, A(V) - причастие, Adv(V) - деепричастие, S(A(V)) - субстантивированное причастие. Возможны также дериваты от существительного: Adv(S), A(S), от наречия: A(Adv). Эти дериваты включаются в ту или иную поверхностную часть речи. Поверхностная часть речи является, как правило, аналогом некоторой глубинной части речи, включающим в себя также ряд поверхностных дериватов других глубинных частей речи.

К поверхностным частям речи относятся:

1. Субстантив, включающий: а) исходные существительные, напр.: noǩ' "дом"; б) масдары, напр.: wirx̄₀inš̄i wikul "работание"; в) субстантивированные причастия, напр.: wix̄₀innu "работающий"; г) субстантивированные прилагательные, напр.: jow "он" (из "этот").
2. Финитный глагол, напр.: wirx̄₀inš̄i wi "работает".
3. Адъектив, включающий: а) исходные прилагательные, напр.: jow lo "этот парень", marč̄i adamtil "все люди"; б) причастие, напр.: wirx̄₀innu boš̄or "работающий мужчина"; в) отыменные адъективы, напр.: parč̄aHdut "царский"; г) отнаречные адъективы, напр.: ǩ'arakdut "низкий".
4. Наречие, включающее: а) исходные наречия, напр.: hinc "теперь"; б) деепричастия, напр.: wirx̄₀inš̄i "работая", owxuli ewdiťa "когда лежал"; в) отыменные наречия, напр. parč̄aHš̄i "в качестве царя".
5. Числительное, напр.: x̌₀ejt'u noǩ' "пять домов" (соответствует подклассу глубинного существительного).
6. Послелог[25], напр.: adamlis harak "перед человеком", buwan haq'liqI bāIbus "о матери говорить".

4.4. Грамматические категории субстантива. В арчинском языке субстантив имеет довольно богатый набор грамматических категорий.

Субстантив имеет бинарную категорию числа: единственное - множественное. Маркированным является значение множественности. Значение числа во многих случаях семантическое (ux "поле" - uxut "поля"). Однако слова singularia и pluralia tantum часто не имеют противопоставления: "один X" - "более одного X". Они или не имеют значения числа (напр.: bi "кровь", talaH "счастье"), или имеют собирательное значение (напр.: aIn̄š̄ "яблоки", nabq "слезы", s̄arum "кладбище", aš̄ə-x̌onnol "супруги"). Многочленной является категория грамматического падежа. Грамматические падежи выполняют синтаксические и/или семантические функции[26]. Чисто синтаксические падежи-

25. Послелог = поверхностная часть речи. Если он незнаменательный (подразделяется моделью управления глагола), то на глубинном уровне ему ничего не соответствует, если знаменательный - ему соответствует лексема предикативного типа.

26. Ср. Е.Курилович. Проблема классификации падежей. - В кн.: Очерки по лингвистике. М., 1962.

номинатив и эргатив; семантико-синтаксические - генитив, датив, комитатив и компаратив; семантические - пермутатив (заместительный падеж), каузаль, партитив, экватив (уподобительный падеж). Падежи с семантическими функциями развились на собственно арчинской почве, а номинатив, эргатив, генитив и датив относятся к общедагестанскому состоянию.

Спорна трактовка так называемых пространственных падежей. В данном описании принята точка зрения, согласно которой эти формы образованы сочетанием значений двух отдельных (связанных в пределах субстантива) грамматических категорий: категории локализации и пространственного падежа. Категория локализации указывает на пространственную ориентацию относительно предмета, названного данным словом X. Выделяется пять показателей локализации, но многие из них распределены относительно значений конкретных X-ов и указывают на типичное расположение относительно X-а [27], например: k'int'uml-a "в деревянном сундуке (ин)", bili-qI "в крови (интер)", bejraqli-t "на знамени (супер)", x̄Ielmi-ǩ' "под дождем (суб)". Локализации "супер" и "суб" могут употребляться и семантически: baIrili-t "на верхней поверхности пруда (супер)", x̄ₒakli-ǩ' "под лесом (суб)". Локализация "конт" употребляется только семантически ("вплотную к X-у").

Категория пространственного падежа имеет шесть значений: эссив, элатив, латив, аллатив, терминатив и транслатив. Эта категория характерна не только для субстантивов,но также и для послелогов и пространственных наречий (xarā-šI "назад"(алл)", xara-š "сзади (эл)"), включая местное союзное деепричастие (wirx̄ₒimma-šI "туда, где он работает (алл)", wirx̄ₒimma-š "оттуда, где он работает (эл)").

В арчинском языке наблюдается тенденция грамматического слияния категорий локализации и пространственного падежа: многие глаголы управляют конкретными значениями этих категорий,т.е. так же, как обычным падежом (напр. zaťiš axIas "на-меня (супер-эл) обижаться").

4.5. Грамматические категории глагола.Важнейшей категорией глагола является категория вида. В современном арчинском языке удобно выделить четыре вида: дуратив ("действие длительно и не имеет

27. См.: А.Е.Кибрик. О формальном выделении пространственных падежей в арчинском языке и о параметре Lok. "Категория падежа в структуре и системе языка". Рига, 1971, стр. 68-71.

результата"), терминатив ("действие имеет место до момента речи и имеет результат"), потенциалис ("действие может иметь место") и финалис ("действие должно иметь место").

Формы изъявительного наклонения образуются сочетанием видового значения с временны́м. Категория времени имеет три значения: нейтральное время ("видовое значение глагола не соотнесено с моментом речи"), настоящее время ("видовое значение глагола реализуется одновременно с моментом речи") и прошедшее время ("видовое значение глагола реализуется до момента речи").

В формах нейтрального времени видовое значение и видовая основа (нейтральное время не имеет специального ненулевого показателя) представлены в чистом виде. А именно, видо-временные формы нейтрального времени следующие: констатив - wirx̄ₒin "работает (вообще)", аорист - wirxₒni "поработал" (соотнесение с планом прошедшего связано с видовым значением терминатива), футурум - wirxₒniqi "поработает" (соотнесение с планом будущего связано с видовым значением потенциалиса) и инфинитив - wirxₒmus "работать".

Настоящее и прошедшее времена образуются от всех видовых основ аналитически при помощи вспомогательного глагола i "быть".

Категория времени,видимо,возникла на собственно арчинской почве, но ее образование конвергентно соответствующему развитию во многих других дагестанских языках (цахурском, рутульском, агульском, табасаранском, даргинском, чамалинском, тиндинском и др.). Характерно, что инфинитив включается в систему личных глагольных форм (как форма нейтрального времени), т.к. противопоставлен настоящему и прошедшему времени (wirxₒmus "работать" - wirxₒmus wi "должен (сейчас) работать" - wirxₒmus ewdi "был должен работать"). Сочетание видовых и временны́х значений (плюс некоторые модификации) дает 17 видо-временны́х форм.

Видо-временны́е формы имеют также бинарную категорию отрицания ("верно, что X" - "неверно, что X").

Глагол характеризуется также многочленной категорией наклонения. Ряд значений наклонения сочетается с видо-временны́ми значениями. Это индикатив, интеррогатив, дубитатив ("говорящий хочет знать, истинно ли X", где X - лексическое значение глагола), апробатив ("говорящий знает, что X истинно, и одобряет его"), конъюнктив ("говорящий хочет, чтобы X было истинно, и сомневается, что X истинно"), поссибилитив ("говорящий допускает, что X истинно"). Некоторые значения категории наклонения не сочетаются с видо-временны́ми значениями. Это императив, когортатив (вежливый

императив), прохибитив (запрещение) и оптатив ("говорящий хочет, чтобы было истинно X, и полагает, что слушающий тоже хочет сделать X").

Специфическими для арчинского языка являются категории, указывающие на источник получения информации о событии. Это заглазность ("участники речи не являются свидетелями X"), комментатив ("некто Y говорит,что X") и адмиратив ("некто Y становится свидетелем части или результата X-а").

4.6. Отглагольные деривaты (глаголоиды). Как указывалось выше, от глубинного глагола могут образовываться субстантивы (масдары), адъективы (причастия) и наречия (деепричастия). Характерно,что масдары и причастия могут образовываться от любых видо-временных форм глагола, деепричастия образуются от таких видо-временных форм, значения которых не противоречат значению деепричастной формы. Иными словами, механизм отглагольной деривации таков , что он обеспечивает максимальную свободу оформления всевозможных многопредикатных смыслов.

Деепричастия подразделяются на много семантических подтипов, выражающих различные обстоятельственные связи вставного высказывания с главенствующим предикатом. Наряду с собственно деепричастием, выражающим идею "одновременности" (дополнительно может фиксироваться начало второстепенного действия), зафиксировано 14 союзных деепричастий (они выполняют функции, аналогичные союзам) с временными, уступительными, условными, причинными, местными и др. значениями.

4.7. Именные классы и согласование.Характернейшая черта арчинского и других дагестанских языков (кроме лезгинского, удинского, агульского и южного диалекта табасаранского языка) - грамматическое разбиение существительных на классы и классно-числовое согласование.

В арчинском языке выделяется 8 классов. Подавляющее большинство имен относится к первым четырем классам, поэтому остальные классы обычно или не описываются или сводятся к первым четырем. I-П классы - личные, с противопоставлением по полу: I класс включает названия лиц мужского пола, П - женского. Неличные имена относятся к Ш-IУ классам, причем распределение по этим классам в основном историческое и сейчас во многих случаях не мотивировано, хотя некоторые закономерности такого распределения проследить удается.

Принадлежность слова к конкретному классу морфологически, как правило, в самом этом слове не выражается, а проявляется в согласовании других слов с данным словом[28]. I-IУ классы взаимно противопоставлены в ед.числе (согласователи соответственно: w, d/r, b, ø), а во мн. числе объединены попарно: I-П (согласователь b) и Ш-IУ (согласователь ø).

У-УШ классы в известной степени симметричны I-IУ, а именно: в ед. числе с У классом такое же согласование как с I (согласователь w), с УI - как со П (согласователь d/r) и т.д., а во мн. числе согласование "перевернутое": с У-УI классами согласование идет как с Ш - IУ (согласователь ø), а с УП-УШ - как с I-П классами (согласователь b).У - УШ классы семантически мотивированы. У и УI классы включают только личные местоимения 1-го и 2-го лица, различаясь по полу: У класс - "мужчины", УI - "женщины" (аналогично различию между I и П классами). УП класс включает отдельные названия совокупностей людей (например, xalq' "народ"), УШ - названия людей, недифференцированных по полу (k$_o$i-šaw "кто-то", lo "ребенок").

Согласование является важнейшим средством синтаксической организации предложения. Несколько упрощая реальную картину, можно выделить следующие правила. Во-первых, глагол согласуется по классу и числу со своим подлежащим (bošor qI$_o$a "мужчина (I,ед) пришел", x̌onnol daqIa "женщина (П,ед) пришла"), во-вторых, адъектив согласуется с главенствующим субстантивом (jow bošor "этот мужчина (I,ед)", jar x̌onnol "эта женщина (П,ед)", jeb xom "эти женщины (П,мн)"); в-третьих, некоторые зависящие от глагола слова могут через него согласовываться с подлежащим (dez buwa k̆'an "я мать (П,ед) люблю", подлежащее: "мать"; wez dija k̆'an "я отца (I, ед) люблю", подлежащее: "отец").

4.8. Стативные глаголы. Не сразу бросающимся в глаза, но существенным является противопоставление исконно динамических и стативных глаголов[29]. Динамические глаголы выражают действия или процессы и имеют полный набор видовых форм. Вообще говоря, исконно динамические глаголы также могут выражать состояние, как, на-

---

28. См.: А.Е. Кибрик. О формальном выделении согласовательных классов в арчинском языке. ВЯ, 1972, №1.

29. Обычно не выделяемые в дагестанских языках, стативные глаголы нашли законное место в описаниях абхазско-адыгских и нахских языков, см. : Д.С.Имнайшвили. Статические глаголы в нахских язы-

пример, формы перфекта, ср. q'owdi "сел (аорист)" - q'owdili wi "сидит (перф.1)", но во втором случае мы имеем производную форму, выражающую состояние. Стативные глаголы имеют только одну видовую форму (дуратива, значение которого наименее противопоставлено значению состояния) и по семантическим причинам не могут иметь остальных, т.к. все прочие виды означают изменение ситуации, несовместимое со значением состояния. К стативным глаголам относятся, во-первых, слова типа ǩ'an "любить", sini "знать", x̄ₒara "радоваться", iẍuk "жалеть" и т.д., нормальное употребление которых - в функции сказуемого (т.е. в форме финитного глагола). Во-вторых, в эту группу входят слова, обозначающие качества и свойства предметов, типа mu "быть красивым", x̄al "быть плохим", čax̄Iar "быть очень мокрым", beχ̄Ie "быть черным", и т.д., нормальное употребление которых - атрибутивное (т.е. в форме причастий: mu-ƫu "красивый"). Ввиду этого вторая группа слов обычно квалифицируется как прилагательные. Однако в определенных ситуациях слова второго типа ведут себя как финитные глаголы и могут оформляться полным набором глагольных категорий, совместимых с дуративом (в противном случае форма не образуется; например, у стативных глаголов нет императива, т.к. он образуется от невидовой основы, которой у стативных глаголов нет), например: k'ob čax̄Iar-mat edi "одежда продолжала-оставаться-мокрой (имперфект 2)", zon un kelaw mu "Я 2)чем 1)ты красивый (= красивее, констатив)". Кроме того, их глагольная сущность проявляется в многочисленных фразеологизмах типа ikǯ haIrta-ƫu "веселый", букв. "тот, у которого сердце широко", где номинатив слова "сердце" является стандартным выражением подлежащего при глаголе (в данном случае это глагол haIrta "быть широким"), который может адъективизироваться.

Думается, что аналогичная ситуация имеет место и в других дагестанских языках (лакском, аварском, рутульском, цахурском и др.).

4.9. Порядок слов. Арчинский язык относится к языкам со свободным порядком слов. Это значит, что линейное расположение слов в предложении в значительной степени служит средством выражения его коммуникативной организации.

Нейтральный порядок слов подчиняется простому правилу: зависи-

---

ках. ИКЯ, ХУШ, 1973, стр. 350-359.

мые элементы предложения предшествуют главенствующим. С этим связаны следующие закономерности: глагол находится в конце предложения; в аналитических формах значимый глагол предшествует вспомогательному; определение предшествует определяемому слову; при большом количестве послелогов отсутствуют предлоги. При наличии нескольких зависимых у одного слова их взаимное расположение относительно друг друга подчиняется частным правилам, которые различны для различных типов вершинного слова.

Влияние коммуникативного компонента содержания предложения на порядок слов не изучено достаточно подробно, но естественно, что выделение тех или иных элементов предложения осуществляется перемещением зависимых элементов вправо от главенствующих.

Из закономерностей нейтрального порядка слов следует распределение префиксальных[30] - суффиксальных согласователей; они находятся в слове по ту сторону от корня, где расположено слово, с которым идет согласование. Так, в личном глаголе согласователи префиксальны, т.к. подлежащее располагается слева от глагола (buwamu dija—w-irƫur "мать отца разыскивает", подлежащее: "отца"), в адъективе и числительном суффиксальны, т.к. субстантив стоит справа (muƫu-r—lo "красивая девушка", dija—w-irƫur-ƫu-r—buwa "Отца разыскивающая мать", qIǯe-r-u—lo "две девушки").

4.10. Эргативность. Арчинский язык является типичным представителем языков эргативного строя. Не вдаваясь в необозримую литературу по поводу эргативности[31], поясним, как мы ее понимаем. Эргативность - явление глубоко семантическое и не связано с наличием эргативного падежа как такового, поэтому сам термин не удобен и неоднократно вводил исследователей в заблуждение. Однако мы продолжаем им здесь пользоваться, т.к. почти к каждому термину можно предъявить аналогичные претензии.

В отличие от широко распространенного мнения, что эргативность связана с особым способом выражения субъекта двухместного глагола, мы считаем, что сущность ее определяется способом оформления актанта одноместного глагола в сравнении с актантами многоместных глаголов. Если, упрощая реальную ситуацию, полагать, что у каждого события должен быть хотя бы один участник и он должен выполнять

---

30. Инфиксы, видимо, исторически сводимы к префиксам.

31. См. обобщающую работу: Г.А.Климов. Очерк общей теории эргативности. М., 1973.

хотя бы одну из семантических "ролей"[32]: агента-одушевленного участника событий (АГ), пациенса - непосредственного неактивного участника события (П) или адресата - "получателя" события (АД), то возможны при разных предикатах следующие наборы "ролей":

Число актантов	№ типов	Актанты			Примеры
Один актант	I	АГ	-	-	"идти (кто)"
	II	-	АД	-	"быть весело (кому)"
	III	-	-	П	"лежать (кто/что)"
Два актанта	IУ	АГ	-	П	"класть (кто,что)"
	У	-	АД	П	"слышать (кто, кого/что)"
	УI	АГ	АД	-	"мстить (кто, кому)"
Три актанта	УП	АГ	АД	П	"давать (кто, кому, что)"

У трехместного (тип УП) и двухместного (типы IУ-УI) глагола все "роли" должны быть синтаксически различены (иначе будет не ясно, кто какую "роль" играет при данном глаголе), а у одноместного глагола (типы I-III), их различение избыточно.
Поэтому естественна (хотя и необязательна) нейтрализация "ролей" одноместного глагола[33]. Наиболее частотны глаголы, имеющие своими актантами агент и/или пациенс, у этих глаголов нейтрализация обычно идет или в сторону агента (т.е. любой участник одноместного события оформляется так же, как агент многоместного), или пациенса (т.е. любой участник одноместного события оформляется как пациенс многоместного). Первый тип нейтрализации имеется в языках номинативного строя, второй - в языках эргативного строя. Языки без нейтрализации агента и пациенса относятся к активному строю(адресат одноместного глагола обычно нейтрализуется с агентом).

Нейтрализации в сторону пациенса может способствовать возможность ее семантической интерпретации: во всех случаях речь идет о том участнике ситуации, который в ней непосредственно участвует,

32. О семантических ролях (глубинных падежах)см:Ch.J.Fillmore. The Case for Case. "Universals of Linguistic Theory". 1968; У.Л.Чейф. Значение и структура языка. М., 1975.

33. См.сходную точку зрения Лайонза: J.Lyons. Introduction to theorical linguistics. Cambridge, 1968, p. 356.

которого она непосредственно затрагивает (независимо от степени его активности). Такую "роль" мы называем фактитивом (у Ч.Филлмора этот термин используется иначе). Фактитив в арчинском языке обычно выражается номинативом и считается подлежащим. Наличие особого способа выражения агента при двухместном и трехместном глаголе с помощью эргатива является периферийным обстоятельством (агент мог бы маркироваться и другим, непадежным способом).

Естественно, что для фактитива избирается форма прямого падежа (номинатив), так как фактитив имеется при большинстве глаголов и является главнейшей "ролью", хотя в принципе ничего бы не изменилось, если бы фактитив оформлялся косвенным падежом, а агент неодноместных глаголов - прямым.

Фундаментальная роль фактитива подчеркивается в арчинском языке не только прямой формой (номинативом), но и согласованием, которое идет по нему.

Семантическая мотивированность средств выражения актантных "ролей" (фактитива - номинативом, агента - эргативом, адресата - дативом) препятствует образованию категории залога (и более того, смене диатез)[34] и способствует наличию так называемых лабильных глаголов, характерных для арчинского и других дагестанских языков (агент не является обязательным участником ситуации).

Большинство дагестанских языков относится к тому же синтаксическому типу. Исключение составляют даргинский,удинский и лакский языки, находящиеся на пути от эргативного к номинативному строю.

4.11. О мотивированности грамматических средств. В предыдущем разделе мы говорили о семантической мотивированности синтаксических отношений, находящих стандартные формы морфологического выражения (в действительности такое однозначное соответствие значения и падежа мы можем лишь реконструировать, т.к. разнородные внешние исторические процессы произвели значительный сдвиг в этой картине, подробнее см. в описании). Можно отметить также многие частные особенности арчинского синтаксиса, говорящие о значительном подобии глубинных и поверхностных структур. Приведем только два примера.

34. В языках номинативного строя позиция агента легче десемантизируется, приобретая обобщенное значение субъекта (участника ситуации, о котором идет речь); позицию субъекта может занимать актант с любой "ролью" ("Дом (пациенс) построен", "Я (адресат)

Известно, что в русском языке некоторые глаголы имеют больше синтаксических валентностей, чем семантических[35]. Например, при глаголах воздействия типа "бить", "сжимать", "перевязывать", имеющих одну семантическую валентность на объект воздействия, возможны две синтаксические валентности, указывающие объект и ту его часть, которая подвергается воздействию ("бить кого-л. по голове" "сжимать кому-н. руку"; синтаксическая валентность объекта является на самом деле семантической валентностью к существительному: "голова кого-н."; "рука кого-н."). В арчинском языке синтаксические и семантические валентности совпадают, например:
zari towmun kul č'eInne "Я ему (букв. его) руку сжал"; tuxt'ulli is kul et'ni "Доктор мне (букв. мою) руку перевязал", tormi towmun maImərčes xatur aču "Она ему (букв. его) лицо поцарапала". Единство семантических и синтаксических валентностей проявляется во всех случаях, когда имеется семантическое отношение части-целого, а также отношение принадлежности между двумя именами, напр.: towmun lagi ač'is exdi "У-него (букв. его) живот заболел", towmun k'ob bej-eti "У него (букв. его) одежда износилась", zari towmun q'onq' exu "Я у него (букв. его) книгу украл"; uxmun gon abt'u " Пастух палец порезал (букв. Пастуха палец порезался)"; bis gon qI'on boso "Я палец прищемил (букв. Мой палец прищемился)".

Русский глагол "иметь" в поссессивном значении имеет две валентности: X - кто имеет и Y - что имеет, причем X должен заполнять объектную валентность Y-а[36], т.е.: этот глагол может быть производным из структуры: существует $\xrightarrow{1}$ Y $\xrightarrow{2}$ X. В арчинском языке именно такая структура представлена на поверхностном уровне, например: is arsi i "У меня (букв. мои) деньги есть".

Наблюдаются элементы мотивированности также в морфологии. Выше говорилось о многоместной ранговой структуре суффиксальных позиций в субстантиве и глаголе. Семантический анализ системы грамматических значений, передаваемых суффиксальными морфемами, показывает, что ранг морфемы по отношению к основе не произволен, а непосредственным образом связан с местом толкования этой морфемы по отношению к значению основы в общем толковании словоформы. Например, последовательность морфем в словоформе глагола: "основа +

слышу тебя", "Нож (инструмент) режет хлеб", "Бутыль (локатив) вмещает один литр", "Весна (время) застала нас врасплох" и т.д.).

35. См.: Ю.Д.Апресян. Лексическая семантика. М., 1974,стр.153.

36. См.: Е.В.Падучева. О семантике синтаксиса. М., 1974, стр. 239.

вид + отрицание + наклонение" - мотивирована тем, что видовое значение непосредственно доминирует над значением основы, значение отрицания - над видовым значением, а значение наклонения над значением отрицания. Так, словоформа wirx̄ₒint'u "не-работает" (дуратив + отрицание + изъявительное наклонение)" толкуется так: "говорящий знает, что истинно (индикатив), что неверно (отрицание), что длительно и не имеет результата (дуратив) действие работать (основа)".

Можно отметить также мотивированную связь между означаемым и означающим в основных рядах лексем. Например, мотивированным является способ обозначения многих действий, связанных с звучанием, при помощи глагола bos "говорить": ax-bos "харкать", uIns̆-bos "сморкаться", 'op'-bos "отрыгивать", čʕelč'e-bos "грызть" и т.п. Вообще арчинский язык богат идеофонической лексикой (ей посвящен специальный раздел в части "Лексика").

Таковы вкратце некоторые важные типологические свойства арчинского языка. Более развернутое и систематическое их описание содержится в основной части работы.

5. Структура описания

Для того, чтобы предупредить некоторые возможные недоумения по поводу способа подачи материала в данном исследовании, желательно кратко изложить те исходные требования, которые предъявлялись к нему самими авторами.

Знакомство со многими конкретными описаниями редких языков часто вызывает неудовлетворенность из-за того, что их авторы не ориентировались на определенный контингент своих читателей.

Кто может быть потенциальным читателем подобных описаний? Специалист по данному языку? Но таким специалистом зачастую является лишь сам автор, и, в лучшем случае, еще несколько его коллег. Специфика описаний редких языков состоит в том, что они обращены к тем, кто сам этих языков (а нередко и языков данного типа) не знает. Какая же нужда может заставить таких читателей взяться за чтение сочинения о неведомом им языке? Действительно, такой потребности лингвисты долгое время всерьез не испытывали. Однако в последнее десятилетие наметился неуклонный подъем интереса к типологии языков, теории универсалий и общей теории языка. Необхо-

димой питательной средой всех этих направлений является материал конкретных разнотипных языков. Поэтому их описания часто попадают в аудиторию, далеко выходящую за пределы узкого круга специалистов. И тут обнаруживается, что эта аудитория автором не предусмотрена, и получение необходимых сведений о языке оказывается для читателя нелегкой, а зачастую и невыполнимой задачей. Этим объясняется, по-видимому, явная диспропорция между потенциальной потребностью в описаниях редких языков и реальным на них спросом.

Итак, основная ориентация данного исследования - на тех читателей, которые арчинского (а может быть, и прочих дагестанских языков) не знают.

Следует сразу же оговориться, что не надо сказанное понимать буквально в том смысле, что к специалистам-кавказоведам это описание не обращено. Напротив, истинный смысл сделанных выше заявлений состоит в том, что надо, рассуждая о вещах, составляющих главное содержание деятельности специалистов данной узкой области, подавать их в форме, доступной широкому читателю (Ниже мы остановимся подробнее на том, что под этим имеется в виду, но отметим сразу же, что такая форма, как это ни парадоксально, не обязательно является легко воспринимаемой и для специалиста)[37]

Из ориентации на читателя-лингвиста широкого профиля следует ряд особенностей данного описания.

1. Прежде всего это касается отношения к фактическому материалу, с которого начинается как исследование, так и знакомство с описанным языком.

Во-первых, обязательна его фонетическая и смысловая достоверность, что предъявляет особые требования как к системе транскрипции, так и к способу перевода. Не имея возможности останавливаться на принципах того и другого подробно, отметим лишь, что орфографическая запись должна обеспечивать возможность ее точной фонетической интерпретации (это не значит, что принцип записи должен быть фонетическим - тогда неоправданно усложнилось бы понимание морфологической структуры слов), а перевод - передачу всех грамматически существенных семантических различий, имеющихся в высказывании, и простоту соотнесения элементов высказывания с элементами перевода.

Во-вторых, фактический материал должен с максимальной щедростью иллюстрировать каждое грамматическое явление: читатель, не являясь носителем описываемого языка, не может привлечь дополнительные данные, чтобы оценить, верно ли то или иное утверждение, поэтому он должен располагать по крайней мере всеми теми данными, которые имелись у исследователя, когда он строил некоторое утверждение.

И вообще, надо трезво сознавать, что любые теории стареют, а ценность фактов, напротив, с течением времени возрастает, в особенности, когда речь идет о бесписьменных языках.

2. Ввиду самостоятельного значения фактического материала и его большого удельного веса представляется необходимым четко отграничивать фактический материал в описании от собственно грамматики. Что же касается последней, то ее логическая структура должна легко прослеживаться и не осложняться многочисленными отступлениями. В связи с этим данная грамматика практически не содержит теоретических рассуждений, библиографических сопоставлений, исторических экскурсов и межъязыковых параллелей, за исключением некоторых необходимых пояснений и комментариев, в основном размещенных в сносках[38]. Весь общетеоретический и узко-специальный контекст выносится за скобки, несмотря на его огромную важность, а также вследствие его огромной важности. А именно, каждый из компонентов этого контекста заслуживает отдельного, тщательного рассмотрения. В особенности это касается экспликации принятых и анализа отвергнутых грамматических решений, чему предполагалось посвятить специальную часть в данном исследовании. Однако это оказалось невозможным в связи с объемом работы, и мы надеемся в будущем вернуться к указанным вопросам в отдельном исследовании.

---

37. Достаточно указать на психологический барьер, препятствующий кавказоведам объективно оценить универсальную транскрипцию (см. о ней: А.Е.Кибрик, С.В.Кодзасов. Принципы фонетической транскрипции и транскрипционная система для кавказских языков. ВЯ, № 6, 1970, стр. 66-78), несмотря на ее очевидные преимущества и легкость усвоения и, главное, удобство применения к различным языкам лингвистами, не имеющими специальной кавказоведческой подготовки. Эти качества универсальной транскрипции были неоднократно подтверждены в Кавказских экспедициях МГУ 1968, 1970, 1971, 1973, 1974 и 1975 гг. на материале арчинского, хиналугского, даргинского, лакского, лезгинского, табасаранского, агульского, рутульского, цахурского, тиндинского, чамалинского и хваршинского языков.

38. Исключение составляет только часть "Фонетика", в которой обозримость и естественная немногочисленность объектов наблюдения позволили выйти за рамки данных ограничений.

3. Не останавливаясь на характеристике конкретной теоретической платформы предлагаемой грамматики, укажем на ее одну достаточно общую черту: стремление к эксплицитности. А именно, считаются недостаточными утверждения типа: имеет место такое-то явление, такая-то форма; такое-то значение может выражаться такими-то формами; такая-то форма может иметь такое-то значение. Из этих утверждений нельзя сделать заключение, когда имеет место такая-то форма, а когда нет, в каких именно случаях некоторое значение связывается с некоторой формой и наоборот. Эксплицитным мы считаем такое описание, когда в нем в явном виде указываются условия реализации данной формы, когда по некоторому значению мы можем построить соответствующую ему форму и некоторой форме приписать ее значение (именно это делает носитель языка, когда он говорит или слушает)[39].

Эксплицитность еще не обеспечивает адекватности описания. Известно, что построение адекватного описания - необычайно трудоемкая и не решенная еще ни для одного языка задача. Тем не менее эксплицитное описание обладает той важной особенностью, что его можно проверить. Если правила реализации некоторой формы или описываемое грамматикой соответствие между значением и формой неистинно для некоторого высказывания, то данное правило (соответствие) неверно и нуждается в уточнении или замене другим правилом (или соответствием). Таким образом, эксплицитность является эффективным средством приближения к "правильному", адекватному описанию и позволяет оценить качество данного описания.

В данной грамматике мы лишь стремились к ее эксплицитности, хотя во многих случаях достичь желаемого уровня нам не удалось в силу недостаточной изученности того или иного вопроса (см. подробнее ниже).

4. Важным исследовательским критерием при выборе тех или иных решений был для нас критерий простоты. Под простотой понимается не популярность изложения и не предпочтение во всех случаях привычных традиционных трактовок, а простота правил, описывающих со-

---

39. Несмотря на очевидность требования эксплицитности, оно последовательно не проводилось в традиционном языкознании и было впервые поставлено в качестве его первоочередной цели лишь тогда, когда практика потребовала решения ряда прикладных задач, связанных с автоматизацией языковых умений человека.

ответствия между значениями и формами. В силу этого критерия мы отказались, например, от традиционной трактовки пространственных падежей (см. Т.113., Т.114) и от введения субъектно-объектного противопоставления в глаголе (см. Д.242), предпочли выделить категорию стативных глаголов и сузить лексическую сферу прилагательных (см. Т.13, Л.141) и т.п.

Данное описание арчинского языка состоит из 3 томов. В первом томе рассматриваются вопросы фонетики и лексики, во втором и третьем - грамматики (морфологии и синтаксиса). Третий том содержит также приложения[40]. Дадим более подробную характеристику содержания этих томов.

1. Первый том охватывает две большие темы, каждой из которых посвящена отдельная часть.

Первая часть, "Лексика", представляет собой первую попытку систематизации арчинской лексики с различных точек зрения.

В первом разделе описываются некоторые характерные для арчинского языка лексические и лексико-грамматические классы слов. Во-первых, рассматриваются основные источники происхождения слов, обсуждается вопрос об именных классах и лежащей в их основе семантической классификации, а также дается анализ топонимической лексики. Особый интерес представляют в арчинском языке идеофоны - весьма большой лексический пласт, охватывающий как глагол, так и имя. Все указанные параграфы написаны Д.Самедовым. Специальный раздел посвящен глагольной лексике (автор А.Е.Кибрик), в нем рассматриваются стативные и лабильные глаголы, а также глаголы, выражающие завершенность и результативность действия.

Во втором разделе описываются элементы словообразования (авторы А.Кибрик и Д.Самедов), третий раздел представляет собой материалы к тематическому словарю арчинского языка (автор И.П.Оловянникова), задающего семантическую "энциклопедическую" классификацию лексики, являющуюся аналогом "внешнего мира" арчинцев.

Вторая часть - "Фонетика" (автор С.В.Кодзасов) - состоит из пяти разделов. В первом разделе рассматриваются некоторые теоретические вопросы фонологии, которые определяют форму описания и выбор тех или иных фонетических трактовок.

---

40. Для краткости отсылок каждой части описания присваивается однобуквенный индекс: Ф - фонетика, Л - лексика, Т - таксономия, Д - динамика.

Второй раздел посвящен фонологической парадигматике, в нем по единому плану описывается вокализм и консонантизм, а именно: сначала рассматривается инвентарь фонем и их признаковый состав, затем приводятся примеры на фонемы в разных позициях, описывается их фонетическое варьирование, наконец, предлагается историко-типологический комментарий к данному описанию. Кроме того, в отдельный параграф вынесен вопрос о супрасегментных признаках (ударении и фарингализации).

В третьем разделе говорится о фонологической синтагматике. Во-первых, выделяются фонетические составляющие, в которых происходит реализация фонологических единиц: фонетическая фраза и синтагма, фонетическое слово и слог. Затем рассматривается синтагматика гласных, согласных и распределение фарингализации.

Четвертый раздел затрагивает вопрос о фонологической структуре морф. В приложении к данной части дается анализ осциллограмм и спектрограмм, описываются орфографические соглашения, принятые в данном описании.

2. Второй и третий том содержат грамматическое описание арчинского языка (автор А.Е.Кибрик), которое состоит из двух частей: таксономической и динамической[41].

Иными словами, описание одного и того же объекта - арчинского языка дается в двух различных аспектах: таксономическом и динамическом. Ввиду необщепризнанности такого противопоставления необходимо сделать некоторые пояснения.

Таксономическое описание выделяет и классифицирует лингвистические единицы, из которых состоит высказывание. Динамическое описание является действующей моделью языка, которая устанавливает соответствие между смыслом и реально наблюдаемой формой высказывания (или между максимально приближенными к ним, заменяющими их искусственными объектами). Формально эти два описания являются

---

41. В процессе работы выработке многих грамматических решений и уточнению моей собственной позиции способствовали постоянные научные обсуждения и дискуссии с С.В. Кодзасовым. Большая часть рукописи была прочитана К.Ш. Микаиловым, И.П. Оловянниковой и Е.Н. Саввиной, сделавшими ряд полезных замечаний. Отдельные разделы грамматики прочитали также Д.Самедов, М.Бергельсон, О.Гулыга, М.Житомирская, А.Машевская и др.; я пользуюсь случаем выразить им всем свою благодарность.

автономными, т.е. могут рассматриваться независимо друг от друга (хотя то, что динамическое описание следует за таксономическим, позволило его несколько сократить, чтобы избежать излишних повторений). Вместе с тем хотелось бы подчеркнуть, что в исследовательском плане оба аспекта необходимы и помогают углубить друг друга: без первичной таксономической инвентаризации и классификации лингвистических единиц приступить к динамическому описанию языка невозможно. В то же время динамический подход позволяет уточнить таксономическую модель и выбрать более строгую, непротиворечивую систему классифицирующих понятий[42]. Таксономическое и динамическое описание, рассматривающие язык в разных проекциях, должны быть согласованными[43].

Во втором томе дается таксономическое описание арчинского языка, состоящее из 2 разделов. Первый раздел посвящен формообразованию субстантива, глагола, адъектива, наречия, послелогов, числительного и местоимений (местоимения выделены ввиду их важности, несмотря на то, что они не образуют единой части речи). Для каждого из перечисленных классов определяются наборы присущих им грамматических категорий, подробно описываются все морфологические средства их выражения. При этом указываются не только продуктивные модели, но классифицируются и приводятся списками все зафиксированные в словаре слова, имеющие неправильный способ выражения соответствующей категории. Это значительно загромождает грамматику (т.к. в действительности неправильные формы относятся к словарю), но имеет существенное значение для исторического изучения языка.

---

42. См. о связи классификации и синтеза: А.А.Зализняк. Русское именное словоизменение. М., 1967, стр. 5.

43. В идеале эти два аспекта должны быть также согласованы с историческим описанием языка, которое во многом обосновывает интуитивную убедительность синхронных описаний: в синхронном состоянии сосуществуют "старое" и "новое", из которых "новое" является более системным и легко формализуемым, а для всего "старого", как правило, необходима такая система интерпретации, которая подтверждалась бы ходом исторического развития языка. Поэтому стремление построить содержательное синхронное описание неизбежно приводит к взаимодействию с историческим подходом к языку. Однако ограниченность объема данной работы не позволяет подробно рассмотреть эту сторону арчинского языка, за исключением отдельных попутных замечаний, в основном гипотетического характера.

Второй раздел систематизирует значения и подробно иллюстрирует употребление грамматических форм. В нем представлены те же классы слов, кроме числительного и наречий, а именно: субстантив, глагол (он подразделяется на финитный глагол и глаголоиды: причастие, деепричастие и масдары), адъектив, послелоги и местоимения. Кроме того, в этом разделе описывается употребление частиц и артиклей. Поскольку изложение идет от формы к выражаемым ею значениям, то неизбежно смешение синтаксиса и грамматической семантики. Те грамматические значения, которые являются синтаксическими (т.е. служат для установления синтаксических связей, например, большинство падежных значений, значения согласующихся классно-числовых показателей и т.п.), связаны с понятиями синтаксиса, а те, которые являются лексическими (т.е. служат для выражения некоторой части смысла высказывания, например, значения вида и времени, заглазности и т.п.), относятся к грамматической семантике. Нередки и смешанные случаи (например, значение локализации, пространственного падежа и т.п.).

3. Основное содержание третьего тома - динамическое описание. Если в таксономическом описании в центре внимания морфология, то в динамическом - синтаксис. Динамическое описание арчинского языка состоит из 3 разделов.

В первом разделе выделяются уровни описания, используемые в динамической модели.[44] Ввиду сложной организации смыслов и выражающих эти смыслы фонетических высказываний соответствие между ними устанавливается не непосредственно, а через ряд промежуточных этапов. Каждый из этих этапов устанавливает соответствие между двумя способами представления высказывания, один из которых ближе к наблюдаемому (фонетическому) высказыванию, другой - к его смыслу. Таким образом, каждому высказыванию соответствует ряд иерархически организованных представлений, являющихся абстрактными теоретическими моделями этого высказывания. Чем более абстрактна модель высказывания, тем она ближе к смыслу (под абстрактностью здесь понимается степень отвлеченности от конкретно-языковой формы высказывания). Уровни представления высказываний излагаются в нисходящей последовательности: от наиболее поверхностных к более

44. Теоретические предпосылки данной модели содержатся в современных лингвистических теориях о многоуровневом устройстве языка, являющихся естественным продолжением теории порождающих грамматик Н.Хомского.

глубинным. Выделяются фонологическое, поверхностно- и глубинно-морфологическое, поверхностно- и глубинно-синтаксическое и лексическое представления.

Соответствие между значением и формой устанавливается при помощи двух инструментов: словарей различных типов и систем правил (компонентов). Словарям посвящен второй раадел части Д. Так как каждый уровень представления есть некоторая структура, образованная из единиц специального вида, то необходимо описание, перечисление этих единиц, которое содержится в словарях (т.е. словарь совсем не обязательно упорядоченный список слов). В динамической модели используются следующие словари[45]: словарь служебных морфем, словарь нестандартных означаемых граммем, словарь лексем (лексемы делятся на четыре класса: реальные лексемы, квази-лексемы, фиктивные лексемы и семы), словарь синтаксических отношений, словарь семантем и словарь семантических деривативных признаков.

Последний, 3-й раздел части Д описывает собственно динамику: систему правил, обеспечивающих переход от значения к форме. Эта система правил последовательно преобразует самое глубинное лексическое представление высказывания (т.е. значение) в более поверхностные представления, пока не доходит до фонологического представления (т.е. до формы). Компоненты описываются в восходящем порядке: от глубинных к поверхностным. Таких компонентов пять: лексический, глубинно- и поверхностно-синтаксический, глубинно- и поверхностно-морфологический. Всего используется порядка ста правил плюс словарная информация.

Исследование сопровождается приложением, в которое входят парадигмы субстантивов и глаголов, основные формы простых глаголов, парадигмы местоимений, числительных, пространственных наречий и послелогов, приводится текст с грамматическим комментарием.

4. Из-за недостатка места в издание не вошло собрание текстов и арчинско-русский словарь. Их предполагается издать отдельно. "Арчинские тексты" представляют собой сборник, состоящий из 40 текстов (общая длина порядка 2000 предложений) различной тематики (сказки, анекдоты, были, бытовые рассказы, диалоги, пословицы, поговорки, образец обрядовой песни). Частично они были собраны во время двух экспедиций, но большая их часть - Д.Самедовым, который

45. Объяснение всех нижеперечисленных понятий см. в тексте.

снабдил их подстрочником. Пословный и литературный переводы осуществлены А.Е.Кибриком.

"Арчинско-русский словарь" содержит более 3000 лексических единиц. В создании словаря принимали участие И.П.Оловянникова, Д.Самедов, А.Е.Кибрик, С.В.Кодзасов. Грамматическая (морфологическая и синтаксическая) информация к слову согласована с предлагаемым грамматическим описанием. Каждому слову, кроме перевода, приписывается: исходная форма, если она отличается от словарного входа, тип парадигмы, особенности словоизменения, если они имеются, устройство внутренней формы (если словарная единица состоит более чем из одного слова), часть речи и значение изменяемой грамматической категории, если без нее слово неупотребимо (например, признаки класса у адъективов). Глаголы имеют при себе синтаксическую информацию о модели управления. Большинство словарных единиц снабжено примерами, демонстрирующими их употребление. В необходимых случаях даются пояснения к переводу.

А.Е.Кибрик

О переводе арчинских предложений

Порядок слов в русском переводе, как правило, повторяет арчинский. Если арчинский порядок слов в переводе сохранить невозможно, то в соответствующем фрагменте перевода слова нумеруются в том порядке, в каком они следуют в оригинале. Если одно арчинское слово переводят два или более русских слов, расположенных контактно, то они соединяются дефисом, при неизбежности их дистантного расположения они помечаются общим индексом (α, β).

Предложения, взятые из текстов, содержат при себе указание о номере текста и предложения, например: т.1,2 = "текст 1, предложение 2". Изолированные предложения сопровождаются указанием исследователя, записавшего данное предложение - первыми двумя буквами фамилии, например: Ки = "Кибрик" (список исследователей см. на стр. 15-16). Кроме того, возможны пометы: рус = "перевод с русского", тр = "трансформ некоторого другого предложения", прим = "пример на какое-либо грамматическое явление или значение какого-либо слова".

Таблица соответствий транскрипционных знаков*

Губные			Апикальные			Передние сибилянты			Задние сибилянты			Латеральные			Велярные			Увулярные			Эмфатические ларингалы			Простые ларингалы		
1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3
b	b	б	d	d	д										g	g	г									
p	p	п	t	t	т	c	c	ц	č	č	ч	ǩ	l′	лI	k	k	к	q	q	хъ						
p’	p̣	пI	t’	ṭ	тI	c’	c	цI	č’	č̣	чI	ǩ’	ṭ‘	кьI	k’	ḳ	кI	q’	q̣	кь	‘	ω	гI	’	’	’
						z	z	з	ž	ž	ж	ǧ	l′	ль				R	γ	гъ						
						s	s	с	š	š	ш	x̌	l‘	лъ				x	x	x	H	$h^{ɣ}$	xI	h	h	гь

Сонорные											
1	2	3	1	2	3	1	2	3	1	2	3
m	m	м	n	n	н						
w	w	в	l	l	л	r	r	р	j	j	й

Дополнительные признаки			
	1	2	3
Сила	$\bar{k}$	$k^{ə}$	$\bar{k}$ кк
Лабиализация	k_o	k^c	кв
Фарингализация	aI	a‘	aI

*Под цифрой 1 стоят транскрипционные знаки, используемые в настоящей работе, под цифрой 2 - транскрипционные знаки, используемые грузинскими кавказоведами, под цифрой 3 - транскрипционные знаки на русской графической основе.

Часть первая. Л.

А.Е.Кибрик, И.П.Оловянникова, Д.С.Самедов

ЛЕКСИКА АРЧИНСКОГО ЯЗЫКА

Данная часть по сравнению с прочими частями описания является наименее полной, что вызвано объективными причинами. Во-первых, это первое специальное исследование лексики арчинского языка, т.к. все публиковавшиеся ранее работы затрагивали фонетику и морфологию. Следует упомянуть, что в исследовании К.Ш.Микаилова (Арчинский язык. Махачкала, 1967) приводится довольно значительный по объему словарь, что явилось известным вкладом в арчинскую лексикологию. Во-вторых, вообще лексика дагестанских языков почти не изучена, и лишь отдельные языки имеют исследования такого рода (см., например: С.М.Хайдаков. Очерки по лексике лакского языка. М.,1961). В-третьих, описание лексики (и шире - семантики) в достаточно полном объеме - задача значительно более трудоемкая, чем синтаксиса, морфологии или фонетики. В-четвертых, в целом лингвистическая теория в этой области разработана недостаточно.

В силу указанных причин данную часть следует рассматривать как предварительный очерк, охватывающий лишь отдельные аспекты лексики арчинского языка и не претендующий на ее полное систематическое описание. Вместе с тем авторы стремились отразить в нем наиболее характерные, специфические для арчинского языка вопросы, представляющие интерес с различных точек зрения.

Работа делится на три раздела. В первом разделе (Л.1) описываются некоторые лексические и лексико-грамматические классы слов (заимствования, идеофоны, топонимы, именные классы субстантива, стативные и лабильные глаголы, а также глаголы, выражающие значение завершенного и результативного действия). Во втором разделе (Л.2) дается описание элементов словообразования как продуктивного, так и исторического. Третий раздел (Л.3) посвящен идеографическому (тематическому) описанию арчинской лексики, отражающему парадигматические и синтагматические связи лексем.

Разделы Л.11 - Л.13, Л.15 написаны Д.Самедовым, раздел Л.14 - А.Е.Кибриком, раздел Л.2 - Д.Самедовым и А.Е.Кибриком, раздел Л.3 - И.П.Оловянниковой.

Л.1. ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ СЛОВ

В данном разделе рассматриваются некоторые разряды арчинской лексики, представляющие структурно-типологическую и историческую специфику арчинского языка.

С историей народа, говорящего на арчинском языке, тесно связано наличие в нем определенных пластов лексических заимствований, которым посвящен раздел Л.11. Фиксация заимствований существенна также в чисто лингвистических целях: без этого затруднены сравнительно-исторические исследования, базирующиеся на достоверной и исконной лексике; заимствования представляют, кроме того, ценный материал для наблюдений над фонетическими закономерностями исследуемого языка, т.к. огласовка заимствований определяется системой заимствующего языка.

Важным компонентом словаря являются топонимы, представляющие большой интерес для исторического изучения языка (а также в ряде экстралингвистических аспектов), поэтому сделана попытка собрать топонимическую лексику (см. Л.13), не претендующая, правда, на сколько-нибудь существенную полноту.

Арчинский язык, как известно, относится к языкам, имеющим именные классы. Семантика именных классов в арчинском языке в настоящее время в значительной мере затемнена, однако можно выявить некоторые закономерности распределения субстантивов по классам (см. Л.12).

Специально рассматриваются некоторые лексико-синтаксические классы глаголов (см. Л.14), тесно связанные с грамматическим описанием. Во-первых, это так называемые стативные глаголы, обычно не выделяемые в дагестанских языках. Однако введение класса стативных глаголов значительно упрощает грамматическое описание и увеличивает его объяснительную силу. Во-вторых, характерной для арчинского языка является группа лабильных глаголов, природа которых тесно связана с сущностью эргативного строя. В-третьих, отмечается наличие лексических средств усиления аористного и перфектного значения, создающих особые семантико-синтаксические словосочетания, находящиеся на пути грамматикализации.

Обширный слой лексики составляют идеофоны – слова, несущие в своей звуковой оболочке элемент звукоподражания и звукосимволизма (см. Л.15). Большинство идеофонов относится к классу глаголов и морфологически образуется при помощи глагола bos "говорить", однако обнаруживается также определенное число именных идеофонов, имеющих древнее происхождение (ср. также наличие звукосимволизма в редупликации, Т.121.211). В основном звукоподражательна также детская лексика, показывающая, насколько продуктивными в арчинском языке являются фонетические звукосимволические средства.

Л.11. З а и м с т в о в а н н а я л е к с и к а

Заимствованные слова в лексике арчинского языка представляют собой довольно значительный пласт. В зависимости от того, из какого языка пришли те или иные слова, могут быть выделены следующие типы заимствований: 1) арабизмы (заимствования из арабского языка), 2) иранизмы (заимствования из персидского языка), 3) тюркизмы (заимствования из тюркских языков), 4) русизмы (заимствования из русского языка).

Л.111. Заимствования из арабского языка

В прошлом арчинцы прямых связей и отношений с арабами не имели, поэтому большинство арабизмов, вероятно, проникли в арчинский язык через лакский и аварский языки с утверждением на территории Дагестана мусульманской религии. Естественно, что многие арабизмы перерабатывались в арчинском языке, подчиняясь законам арчинской фонетики и грамматики. Вместе с тем процесс фонетической и семантической ассимиляции арабских заимствований в арчинском языке обнаруживает общие черты с аналогичным процессом в аварском языке. Заимствования из арабского языка в значительной мере обогатили лексику арчинского языка. По характеру значений арабизмы обнаруживают большое разнообразие. Они могут быть разделены на несколько групп.

а) Религиозные понятия

alHam "одна из молитв", allah"бог", alšun "рай", aťaHi "молитва, читаемая при совершении намаза, сидя на коленях", budun "сан священника", din "религия", dužgi "ад", du‘i "молитва", hejkəla

"амулет", hurul‘en "гурия", Halal "дозволенное", "не ворованное", Haram "запрещенный религией", "не честно приобретенный", ilbis "дьявол", imam "имам", jasan "молитва (отходная)", kaĭpuĭr "иноверный", "поганый", "нечистый", ka‘ba "место паломничества", k’urum "коран", melejkdu "ангел", minar "минарет", mižgil "мечеть", muwlud "коллективное молебствие в честь пророка", omin "аминь", pušurman "мусульманин", q’ismat "доля", "участь", q’urban "религиозный праздник жертвоприношения", ruH "душа", sužda "длительный намаз", šadq’a "раздача угощений в память об умершем", šakat "вид натуральной повинности", širapan "учение чудотворства", šunnat "обряд обрезания", šari‘at "шариат (свод законов)", šejt’an "черт", ši‘ru "песня религиозного содержания", wallah "ей-богу", wasikat "завещание", zikru "религиозный хор", žin "джин" и некоторые другие.

б) Слова, связанные с общественно-политической жизнью

amru "приказ", dars "урок", hužum "нападение", Haq’ "оплата", Hukmu "решение", Hukumat "правительство", "государство", Hurijat "свобода", "право", maq’al "статья в газете", ma‘išat "хозяйство", milk "владение", "собственность", pitnu "бунт", "мятеж", tasdiq’(as) "утверждать", xalq’ "народ", xarž "зарплата", zaHmat "труд", zulmu "гнет", "насилие", ‘adlu "дисциплина", ‘arz "жалоба", ‘arza "заявление", ‘ādat "обычай", ‘elmu "наука", ‘ummar "жизнь".

в) Отвлеченные понятия, выражающие внутренние состояния и моральные качества людей

adab "уважение", Hal "состояние здоровья", "самочувствие", Harakat "старание", Haz "удовольствие", Hija "стыд", iman "человечность", "почтительность", insap "совесть", ma‘ripat "благородство", "совесть", murawat "пощада", murad "желание", "цель", nijat "намерение", pahmu "способность", paxru "гордость", q’a‘ida "спесивое поведение", raHmu "пощада", siHir(kul) "хитрость", šabur "терпение", tawakal "решимость", talaH "счастье", tišpiš "взволнованность", "внутреннее смятение", xalbat "уединение", xasijat "характер", xijal "мечта", xijanat(kul) "подлость", "измена", žurat "мужское достоинство", "благородство", ‘amal "характер", ‘ejb "вина", ‘išq’u "страсть".

г) Слова, выражающие другие отвлеченные понятия

amānat "то, что оставлено на чье-либо попечение", awal"начало",

axir "конец", daraža "степень", dunil "вселенная"(а также:"земля", "планета", "мир"), Haq'iq'at "реальность", Huža "доказательство", ikram "поклон", ilHam "намек", inkar "возражение", "отказ", išar "знак", "намек", išdah "аппетит", ixtilat "веселье", iznu "разрешение", ʕa'mat "благодать", "покой", luRat "акцент", maslaHat "совет", "посредничество", mažal "возможность", muhlat "срок" (в выражении: muhlat it'aw "быстро", "срочно"), muka'at "польза", minzir "расстояние", nasiHat "наставление", na'na "проклятие", nur "сияние", pikru "мысль", q'adar "участь", q'adru "почет", "уважение", Rurbat "чужбина", sabab "повод", "причина", sana'at "возможность", su'al "вопрос", šapar "путешествие, t'aq'at "возможность", t'awaq"большая просьба", xabar "известие", "рассказ", xer "польза", zaman "время", zaral "вред", 'azab "трудности", "муки", 'azijat "тягость".

д) Стативные глаголы

ašKar "быть действительным", haR ‖ haq' "быть действительным", Hadur "быть готовым", Hasrat "быть дорогим" (о человеке), Hažat "быть необходимым", Hejran "быть удивляющим", karamat "быть дивным", lebR "быть достойным", maHrun "быть печальным", mašhur "быть известным, прославленным", mut'uIh "быть покорным", nuq'san "быть недостаточным", pariq'at "быть спокойным", pasiH "быть красноречивым", qarp "быть задевающим", raHat "быть легким", riIzi "быть согласным", "быть довольным", saxawat "быть щедрым", waHši "быть диким (о характере)", xas "быть особенным", zahir "быть явным, очевидным", za'ip "быть слабым", 'ežeb "быть удивительным", 'imarat "быть красивым".

е) Названия конкретных предметов

alat "инструмент", araqI'i "водка", buxar "камин", halwa "халва", Hamam "баня", Howzi "бассейн", juq'ut "яхонт", katan "холст", kisa "кошелек", k'alum "карандаш", masHa "сапог с мягкой подошвой", mažalt "переплет", miHi "слоновая кость", muhru "печать", mužmu' "поднос", nabt "нефть", niqI'iš "узор", q'umaš "ткань", Ranžar "кинжал", sinžip "подшивка из другого материала", ša'at "часы", šupra "скатерть", šaqI'i "чернила", širwat "сладкая вода, которую принято пить всем собравшимся на muwlud - коллективное молебствие", taž "венец", "корона", tukan "магазин", xandaq' "ров", xurum "хром", xazina "драгоценности", "сокровище", ximir "закваска из бузы с мукой", zanazi "труп", žip "карман", žawhar "жемчуг", 'aba"накидка", 'asa "трость", 'at'ras "атлас", 'atri "духи".

ж) Названия людей

adam "человек", aHmaq' "глупец", ahlu "люди одного тухума", Hakim "должностное лицо", Hambal "амбал" (носильщик), insan "человек", jatim "сирота", loti "гуляка", misgin "бедняк", mata'alim "ученик духовной школы", mu'allim "учитель", awlad "потомство", qIahba "женщина легкого поведения", šejx "святой", wikil "представитель", žamat "жители одного села", žihil "юноша", "молодежь", žuhut' "еврей", 'elemči "ученый".

з) Прочие заимствования

abad "всегда", amānat (as)"поручать", aIrba "среда", bas "спор, пари", bijan(as) "доводить до сведения", "объяснять", dalat "вторник", hawa "воздух", Harp "буква", Hasil "сумма", Haṯa "даже", Hawan "животное", Hisāb "арифметика", jaq'am "мотив", maHla "квартал", mejmanak "обезьяна", midris "компания", pasat(as) "портить", pulan "некий", q'asdan "преднамеренно", "умышленно", raHmat"дождь", surat "картина", "рисунок", "фотография", tadbir"порядок",tapšur(as) "поручать", tarix "цифра", t'awus "павлин", waba' "холера", xarab(kes) "стареть", "износиться", xāt' "почерк", zarbu "печатный шрифт".

Л.112. Заимствования из персидского языка

Как и арабизмы, слова из персидского языка проникли в арчинский язык через контактирующие с ним лакский и аварский языки. В количественном отношении заимствований из персидского языка в арчинском языке значительно меньше, чем арабизмов. Однако по характеру значений иранизмы проявляют большое разнообразие. Можно выделить несколько групп заимствований.

а) Наименования отдельных конкретных предметов

aIpāIsi "монета в двадцать копеек"; bel "лопата", čarx "катушка", čarax "лампа", duwraz "ворота", kaRəra "письмо", "бумага", landa "рубанок", langar "поднос круглой формы", pilti "спичка", pulungi "кирка", rang "краситель", "цвет", šahru "город", šihi "пять копеек", tax "престол", taxta "доска", t'as "таз", zang "колокол".

б) Слова, выражающие отвлеченные понятия

bahna "предлог", baxt' "везение", buht'an "клевета", dard "горе", "скорбь", "забота", diwan "суд"(устар.), hunar "мастерство", kumak "помощь", lummus "совесть", pal "гадание", pand "способ", paŝman "быть печальным", piŝi "работа", tamaŝa "удивление", umud "надежда", zor "сила", žura "сорт".

в) Названия людей

dirzi "портной", dos "друг", duŝman "враг", nukar "слуга", parčaH "царь", pohlon "канатоходец", ŝah "шах", tamaHkar"жадный (о человеке)", ustar "мастер", zargal "ювелир" (устар.).

г) Названия некоторых продуктов питания, материалов, веществ, растений

birinz "рис", čakar "сахар", činar "чинара", čini "фарфор", daraj "вид шелковой материи", duru "лекарство", ipak "шелк", kalam "капуста", kiraž "известь", maxak "гвоздика", pampi "хлопок",parča "отрез", qalaj "олово", qir "асфальт", ŝirka "уксус", tutija"цинк", xara "шелк", xurma "хурма", zahru "яд".

д) Прочие слова

agara "если", aŝkarŝi "явно", gumuŝ "буйвол", iždahi"крокодил", kūt'a "быть коротким", nagah "если", naHaq' "напрасно", pil"слон", šara "выход", tampal "быть ленивым".

Л.113. Заимствования из тюркских языков

Тюркизмы (заимствования из азербайджанского и кумыкского языков) занимают в арчинском языке значительное место. Входя в арчинский язык, они подвергались переоформлению в соответствии с внутренними законами развития языка. Определенная часть этих заимствований, видимо,проникла в арчинский язык через лакский язык: они обнаруживают с лакскими вариантами фонетические и семантические сходства.

Вместе с тем в силу прямых контактов арчинцев с тюркоязычным населением в арчинский язык проникли многие слова непосредственно из азербайджанского или кумыкского языка. Все эти заимствования можно разделить на несколько тематических групп.

а) Названия предметов домашнего обихода

gungum "кувшин", jurRan "зимнее одеяло", paltal "постельные принадлежности", poŝqIap "блюдце", qazam "казан", quti "коробка", utu "утюг".

б) Названия некоторых продуктов питания и растений

čixir "вино", čultuk "неочищенный рис", durma(ču) "голубцы", isdi-hoti "перец", qabaq "тыква", qarpuz "арбуз", dujurma "мясной соус", sorobuRda "сорт пшеницы", tutun "табак".

в)Названия одежды, обуви

baŝmaq' "башмак", čakma "сапог", čalaRaj "шелковый головной платок", dulaq(ur)"обертки для сапог".

г) Названия некоторых животных и птиц

buRa "бугай", qaban "кабан", qaz "гусь", irqi "табун", jurRa (jurRa noIŝ) "иноходец", uIrdek "утка", žaq'al "шакал".

д) Слова, обозначающие людей

beg "бек", biž "наглый (о человеке)", čawuŝ "исполнитель", dallak"парикмахер", kulpat "семья", kusa "мужчина с редкой бородой", qarabaŝ "служанка", qiri "старуха", qelejči "лудильщик", quža "старик", ustar "мастер".

е) Названия отдельных конкретных предметов

burma "винт", čitir "палатка", gimi "корабль", gulla "пуля", jaraR "оружие", kutuk "колода", qarmax "крючок", qundaR "приклад", quruŝ "рубль", tapanči "револьвер", "пистолет", tumank "ружье",xoŝaw "скребница", zaInnaw "зурна".

ж) Отвлеченные понятия

borž "долг", bujuruq "приказ", čut "пара предметов", guž "сила", juk "груз", muŝulluk "вознаграждение за найденную (при потере) вещь", paj "доля", qadaR "запрет", qalmaqal"скандал", qat "слой", qulduR "служба".

з) Прочие заимствования

ambar "амбар", arx "канава", balki "если", "если вдруг ...", baR "сад", bazar "рынок", buran "буран", damRIa "следы от оспы",

girwanka "фунт", mejdan "площадь", "равнина", ner "совсем" (при глаголах), qala "крепость", qat "слой", qap "мешок муки", qum "речной песок", tuman "10 рублей", ulaq' "гужевой транспорт", ulka "страна".

и) Стативные глаголы

bol "быть обильным", buR "(быть) душно", isgi "быть упрямым", nazuk "быть изящным, аккуратным", qulej "быть удобным", ters "быть непослушным", zurba "быть крепкого телосложения".

Л.114. Заимствования из русского языка

Заимствования из русского языка в арчинском языке занимают значительное место. Некоторые из них, видимо, проникли в арчинский язык еще до революции. Эти заимствования подверглись сильным фонетическим изменениям, подчиняясь фонетическим законам арчинского языка.

Установление нового общественного строя в Дагестане после Октябрьской революции, изменения в экономике и культуре, преобразование общественного уклада - все это способствовало интенсивному обогащению дагестанских языков заимствованиями из русского языка. В послеоктябрьский период из русского языка в арчинский язык проникли самые разнообразные в семантическом плане слова: названия предметов домашнего обихода, общественно-политические термины, названия общественных помещений, различных учреждений и учебных заведений, названия продуктов питания и т.д.

В настоящем исследовании мы не ставим целью рассмотрение вопроса об особенностях фонетической и семантической ассимиляции заимствований. В этом плане заимствования из русского языка могли бы стать предметом специального исследования. Мы приводим список лишь тех заимствований, которые укрепили свои позиции и активно употребляются по мере необходимости носителями арчинского языка:

awtábus "автобус", ačót "учет", adíkalon "одеколон", ádris "адрес", agítātor "агитатор", agránom "агроном", ukól "укол", apicer ‖ Napízar "офицер", apíracija "операция", apték ‖ 'aptík' "аптека", ármi "армия", artél ‖ 'art'íl "артель", arxíw "архив", ašíbka "ошибка", awáns "аванс", awára "авария";

bank "банк", banká "банка", baráznik' "праздник", basánoškatu "босоножки", batínka "ботинок", belét "билет", bibli'ótika "библиотека", bindíca "больница", birgád "бригада", biró "бюро",

bot'rón "патрон", budrá "ведро", búkwar "букварь", bult'ú ‖ pult'ú "пальто", bulún "баллон", burúnžin "пружина", buxáltir "бухгалтер", berzín "бензин";

dagáwur "договор", dakúment "документ", deréktor "директор", députat "депутат", dijárka "доярка", doxót' "доход";

galástak "галстук", garám "грамм", garápin "графин", garáwat ‖ karáwat "кровать", garáž "гараж", gastínci "гостиница", gaz "газ", gazét ‖ gezéjt "газета", giktár "гектар", ginížka "книжка", gurúš (mul) "галоши", gurúška "кружка";

instítut "институт", intírnat "интернат", ínwalid "инвалид", ískalat' "склад", ístakan "стакан", ištámp "штамп", iškól ‖ účqol (устар.) "школа", išk'ap' "шкаф", ispírt "спирт", íšt'arap' "штраф", izbáč (устар.) "библиотека", izwéna "звено";

jišík' "ящик", júbka "юбка";

kalxóz ‖ kalxúz "колхоз", kabínka "кабина", kampót "компот", kanáwert "конверт", kancért "концерт", kanpét "конфета", kapítancija "квитанция", kasínka "косынка", kastún "пиджак", kasír "кассир", kaléj "клей", kesék "кусок", kilómetra "километр", kílu "кило", kinó "кино", kinsílar "канцелярия", kómsomol "комсомолец", korórt "курорт", kópija "копия", kulák (устар.) "кулак" (kulák as "раскулачивать"), kurpá "крупа", k'ap'li "капли", "капля", k'abák' "копейка";

lak "лак", lékcija "лекция", lent "лента", létra "литр", limónat "лимонад", linéjka "линейка", lózunga "лозунг";

mak'áron "макароны", margánic "марганец", mark'á "марка", mart "март", matácik "мотоцикл", matór "мотор", méjka "майка", metódis "методист", métra "метр", milíci "милиция", minístar "министр", minút "минута", mirínos "меринос", mišájat (kul) "помеха" (ср. "мешать"), mišína "машина", "грузовик", míting "митинг", mut'úška "русская женщина";

načánnik' "начальник", narád "наряд", nómer "номер, nulúk "налог";

ótpuska "отпуск", órden "орден";

pábrik(a) "фабрика", páčka "пачка", padárka "подарок", palášš "плащ", palítika "политика", pamídor "помидор", pápka "папка", parácent "процент", párta "парта", párti ‖ pártija "партия", partíc "партиец", pawídlo "повидло", peč "печь", pelénum "пленум", pénsija "пенсия", pérma "ферма", pínka "финка", pinžák "пиджак", pirímus "примус", pirkáz "приказ", pirsidātil "председатель", píru "перо", pisírk'a "посылка", pišát "печать", pi'óner "пионер", poč "почта", póllomočin "уполномоченный" (устар.), pórma "форма одеж-

ды", porós̄tin "простыня", pótpis "подпись", powés̄ka "повестка", pōjez "поезд", púdra "пудра"; pupíj̄ka "фуфайка", purúnt "фронт", purúwlenija "правление", putówka "путевка", p'ap'rús "папироса", pəlán "план", pərémija "премия";

rajpó "райпо", raj'ón "район", raspís̄ka "расписка", rástrat "растрата",raš̄ót "расчет", rewéz "ревизия", radí'o"радио", rijk̄óm "райком", rúč̄ka "ручка", rəzín "резина";

samálot "самолет", samáwar "самовар", sikrítar "секретарь", súmk̄a "сумка", sərbānija "собрание", səwét "совет", s̄abs̄ín "совсем", s̄ikúnt "секунда", s̄ud "суд", s̄ətín "сатин", šak'álat "шоколад", šáxmat(mul) "шахматы", š̄íper "шифер", šitáwod "счетовод", šópir "шофер", šənil "шинель", šutká "щетка";

tamát "томат", taráxtor "трактор", tel ‖ telégramma "телеграмма", tilípun "телефон", titrát "тетрадь", tok "ток", tónna "тонна", túpli "туфли", t'iját'ir "театр";

úč̌itel "учитель", uč̌óč̌i "учетчик", uníwersitet "университет", ustáw "устав", ustúl "стол";

wazlín "вазелин", welésepet "велосипед";

xuzén "хозяин";

zaks "загс", zak'ón ‖ zuk'ún "закон", zapitáj "запятая", zap'áz "запас", zasidánija "заседание", zawód ‖ zuwút "завод", záwuč "завуч", zejém "заем", zək'áz "заказ".

Л.115. О влиянии аварского и лакского языков

Арчинский язык испытал довольно заметное влияние аварского и лакского языков. Оно нашло отражение прежде всего в лексике. Непосредственные территориальные и языковые контакты, торговые и культурные связи арчинцев с носителями названных языков способствовали проникновению в арчинский язык довольно большого количества слов.

В зависимости от характера заимствования среди аварско-лакских слов в арчинском языке можно наметить три группы. В первую группу входят те заимствования, которые представляют собой отдельные слова. Вторую группу образуют заимствованные слова (или корни), оформленные морфологическими средствами арчинского языка. И, наконец, к третьей группе относятся лексические кальки.

а) Заимствования, представляющие собой отдельные слова (готовые лексические единицы)

В качестве готовых лексических единиц арчинский язык заимствовал в основном субстантивы. В семантическом отношении они обнаруживают большое разнообразие. Многие из них подверглись как фонетическим, так и семантическим изменениям. В настоящем исследовании в качестве примеров мы приводим лишь некоторую часть из этих слов.

Субстантивы, заимствованные из аварского языка

baRdabus "подсолнух", ba'li "вишня", c'uka "трус", č'orbut' "рогатка" (ав. č'orbut' "самострел", "лук"), jaǩ'ad "свекровь", "теща", kuci "загадка", k'eIrt"осленок", k'urk'uni "алыча" (ав. k'urk'uli), k$_{\circ}$ar "нитка", nuIt'uIh "халва из орехов", q'eǩ "овчина",raq "сторона", waǩ'ad "тесть","свекор", xonobax "сорт абрикосов".

Субстантивы, заимствованные из лакского языка

baIri "пруд", "озеро" (лак. baIr), darc'"столб" (лак. ƭarc'), daxoni "зеркало" (лак. dahani), gurk̄immaj "горская колбаса" (лак. k̄urk̄immaj "спиральная кишка", "колбаса"), k$_{\circ}$at'i "перчатка" (лак. k$_{\circ}$at'a), q'ak "головка сахара" (лак. q'ak), q'anq' "вонь" (лак. q'anq'), q'omo "желоб" (лак. q'umu), raIhu "шуба" (лак. raIhu), Raƭəra "стадо" (лак. Raƭara "скот"), uIrbət'i "лягушка" и другие.

б) Заимствования, оформленные морфологическими средствами арчинского языка

Морфологическими средствами арчинского языка, как правило, оформляются субстантивы и стативные глаголы (последние в аварском и лакском языке представляют собой краткие формы адъективов). При этом в большинстве случаев заимствованные субстантивы обозначают людей. В количественном отношении эти субстантивы по сравнению со стативными глаголами в лексике арчинского языка занимают незначительное место.

Заимствования из аварского языка

bec "быть слепым" (ав. bec), c'uka-kul "трусость" (ав. c'uka "трус"), hudul-halmaxtil "друзья-товарищи" (ав. hudul "друг", halmaR "товарищ"), nus-du "зять", nus-dur "невестка (жена сына)" (ав. nus "невестка", "сноха"), qaždu ← qač'+du "грубый" (ав. qač'), q'urid "быть печальным" (ав. q$_{\circ}$arid), 'elēžu ← 'eleč'+du

"безобразный" (ав. ‘eleč’ "безобразный" (краткая форма) и т.д.

Заимствования из лакского языка

esbeh-dut "изящный" (лак. iswah), guki-ɬut "круглый" (лак. kurki "круглый"), kūt'a-ɬut "короткий" (лак. kut'a "короткий"), palc'-bos "отрубать ветки деревьев" (лак. palc'dan "бросать, "кидать"), q'a-ɬut "ровный" (q'a "быть ровным, гладким"), x̄ₒara-ɬut "радостный" (лак. x̄ₒari-s̄a "радостный").

в) Кальки

Среди лексических калек в арчинском языке в основном представлены словообразовательные кальки. Семантические кальки как таковые встречаются очень редко. Обнаружено также несколько полукалек.

В большинстве случаев словообразовательными кальками являются сложные субстантивы, которые появились как результат перевода составляющих их компонентов. В качестве исходного материала при этом выступают сложные слова как из аварского, так и из лакского языков.

kaRəra-arsi "бумажные деньги" (ср. ав. kaRat-‘arac, букв. "бумага-деньги"), s̄ebek-arči "удила" (ср. ав. k'aldi-raj, букв. " в рот вдеваемые), s̄ob-č'at "язык , речь" (ср. ав. k'al-mac', букв. "рот - язык"), s̄ob et'mus "ворожить" (ср. ав. k'al buxine, букв. "рот привязывать"), orxI-arči "солонка" (ср. лак. čₒu-biču, букв. "соль" - "сыпатель"), x̄Ielmin dogi "улитка" (ав. c'adal Hama, букв. "дождевой осел") и некоторые другие.

Полукальки

berqen č'or "луч солнца" (ср. ав. baq'ul č'or), lači-barti "ступка для чеснока" (ср. лак. lači-butu), os para "некоторые" (ср. лак. cap̄ara), x̄ₒak̄en Heleku "фазан" (ср. ав. roxil Heleko, букв. "лесной петух").

Семантические кальки

č'ubus в значениях "вступить", "поступать": uniwersitetlak č'ubus "поступать в университет" (ср. ав. uniwersitetalde x̌uhine); partilaqIak č'ubus "вступить в партию" (ср. ав. partijalde x̌uhine); oǩmus в значении "выпускать": gezet oǩmus "выпускать газету" (ср. ав. gazeta baqize "выпускать газету").

Л.12. Именные классы

Настоящее исследование не претендует на окончательное решение вопроса о семантической классификации субстантивов по классам. В работе сделана лишь первая попытка установить некоторые семантические критерии, лежащие в основе распределения субстантивов по классам.

В арчинском языке представлено четыре основных и четыре дополнительных лексико-грамматических класса.

Категорию лексико-грамматических классов характеризует три признака: морфологический (наличие классных показателей), синтаксический (синтаксическая связь субстантива с другими частями речи, когда сочетающееся с ним слово принимает показатель того класса, к которому принадлежит данный субстнатив) и семантический (семантический признак лежит в основе распределения субстантивов по классам).

Поскольку большинство субстантивов в арчинском языке не оформляется классными показателями, то принадлежность того или иного слова к определенному классу определяется по формальному признаку вступающего с ним в синтаксическую связь слова, т.е. в большинстве случаев классные показатели проявляются синтаксически.

Таблица 1

Морфологические показатели классов

Число / Класс	Единственное				Множественное	
	Префикс	Инфикс в корне	Инфикс в суффиксе	Суффикс	Префикс, инфикс	Суффикс
I/У	w	w	w	w	b/ø	ib
II/УI	d	r	r	r	b/ø	
III/УII	b	b	b	b	ø/ b	
IУ/УIII	ø	ø	t'	t	ø/ b	

Примеры (ед. ч.):

bošor w-i	"мужчина есть"	bošor e-w-di	"мужчина был"
x̌onnol d-i	"женщина есть"	x̌onnol e-r-di	"женщина была"
xIon b-i	"корова есть"	xIon e-b-di	"корова была"
q'onq' ø-i	"книга есть"	q'onq' e-ø-di	"книга была"

mut̆u-(*w) bošor	"красивый мужчина"
mut̆u-r x̌onnol	"красивая женщина"
mut̆u-b noIš	"красивая лошадь"
mut̆u-t kul	"красивая рука"
buq'ij-w-u bošor	"сорок мужчин"
buq'ij-r-u x̌onnol	"сорок женщин"
buq'ij-b-u č'ele	"сорок камней"
buq'ij-t'-u aInš	"сорок яблок"

Несколько субстантивов, обозначающих людей, имеют в номинативе классно-числовой показатель {t̆u(r)} (см. Т.111.23),формально совпадающий с классно-числовым показателем субстантивированных адъективов. Можно полагать, что данная группа слов исторически такого же происхождения, что и субстантивированные адъективы. С семантической точки зрения эти субстантивы обозначают людей по признаку места происхождения,национальности, по характеру профессии, родственных отношений:

šeker-t̆u(*w)	"двоюродный брат"
šeker-t̆ur	"двоюродная сестра"
haman-nu(*w)	"лакец"
haman-nur	"лачка"
Rat̆eran-nu(*w)	"пастух"
ab-t̆u(*w)	"отец"
ej-t̆ur	"мать"

Л.121. I-II классы

Установление семантических критериев распределения субстантивов по первым двум классам не вызывает затруднений. Первый и второй классы объединяют названия разумных существ. Распределение субстантивов по этим классам совпадает с признаком пола.

К первому классу относятся: а) названия лиц мужского пола: dija "отец", dozja "дедушка", ušdu "брат", bošor "мужчина", "муж", kusa "мужчина с редкой бородой", šekert̆u "двоюродный брат", uxdu "чабан", pohlon "канатоходец", qelejči "лудильщик" и т.д., б) слова: allah "бог", melejkdu "ангел", idagdu "пророк".

Ко второму классу относятся: а) названия лиц женского пола: dozba "бабушка", ejt̆ur "мать", baba "тетя", došdur "сестра", x̌onnol "женщина", "жена", qiri "старуха", б) слово qart "ведьма".

Заимствованные из русского языка субстантивы, обозначающие деятеля,могут относиться и к первому и ко второму классу в зависимости от того, для обозначения лица какого пола они используются. К ним относятся: sikritar "секретарь", derektor "директор", tuxt'ur "врач" (доктор), pirsidatil "председатель" и др. Из нерусских заимствований в указанную группу входят ra'it "раб", aparak "пришлый из другой местности", nukar "слуга".

Первый и второй классы противопоставлены третьему и четвертому классам, между которыми распределяются субстантивы,обозначающие неразумные существа и предметы окружающей действительности.

Л.122. III-IУ классы

а) Одушевленные субстантивы

Распределение субстантивов по третьему и четвертому классам не основывается на четких принципах. Установление семантических критериев при этом представляет определенную трудность. Для выяснения принципа классификации субстантивов по этим классам невозможно руководствоваться и понятием одушевленности-неодушевленности. Так, одушевленные субстантивы (так же как и неодушевленные) могут относиться и к III и к IУ классу: jam "волк" (III кл) - ojomči"заяц" (IУ кл), noqI'on "мышь"(III кл) - tunǩ'"ласка"(IУ кл),xIošon"платье" (III кл)- k'az "платок" (IУ кл).

Не играет различительной роли и признак пола. Однако при распределении субстантивов по III и IУ классам все же обнаруживаются некоторые закономерности семантического характера.

Так, названия домашних животных и птиц независимо от их пола относятся к III классу, а названия их детенышей - к IУ классу.

III класс: xIon "корова", x̄Iili "бык", noIš "лошадь", g̣aci"кобыла", gumuš "буйвол", dogi "осел", q'urc'em "мул", č'an "овца", baIk' "баран", c'aj "коза", q'on "козел", g̣ači "собака", gatu "кошка". meǩle-Heleku "петух", x̌enne-Heleku "курица", gurgur "индюк/индюшка", qaz "гусь", uIrdek "утка".

IУ класс: biš "теленок", uri "жеребенок", k'eIrt"осленок", ǩ'al "ягненок", motol "козленок", k'onc'ol "щенок", gatulin lo "котенок", Helekulin lo "цыпленок".

При распределении названий диких животных по классам существенную роль играет величина обозначаемого. Так, названия крупных диких животных и зверей относятся к III классу, а названия более мелких зверей, наоборот,- к IУ классу.

Ш класс: x̄ams "медведь", jam "волк", izdahi "крокодил", bos "тур", c'irq' "тигр", Ralbac' "лев", pil "слон", lilmuč' "олень".

IУ класс: ojomči "заяц", tunǩ' "ласка", šibux̄al "куница", mejmanak "обезьяна", žaq̄'al "шакал", baIršu "барсук", caclin gatu "еж"[1].

Этим же принципом нам удается руководствоваться при распределении по Ш и IУ классам названий диких птиц.

Так, например, названия более крупных птиц попадают в Ш класс: liqI' "орел", k'eIhu "ястреб", qipixIan "ворон", mus̄al "горная индейка", isu "сова", x̄urk' "голубь", giǩu "кукушка", q̣'ert'i "журавль", k'an "галка", q'arq'i-noc' "орел-стервятник".

Названия же сравнительно небольших птиц относятся к IУ классу: noc' "воробей", žibəla "ласточка", p'aIrp'əla "перепелка", hud-hud "удод", šək'ak'i "название одной из птиц".

Из животного мира к Ш классу еще относятся названия всех насекомых: hilku "муха", t'ant' "пчела", naIǩ'u "слепень", zimzu "муравей", aparxac'i "кузнечик", xac'i "стрекоза", k'ara "комар", nibsu "моль", kabxIon "жук", c'imic'əla "бабочка", nac' "вошь", č'in "блоха", x̣inc' "клещ", ḳ'et-x̣arši "паук".

В Ш класс входят также названия мифических существ: šejt'an "черт", žin "джин", ilbis "дьявол", burqədagu "название одного из мифических существ" ("дракон").

Интересно отметить, что слова, обозначающие совокупности животных, попадают в разные классы. Видимо, это явление также связано с признаком величины. Так, слова irqi ‖ ilqi "табун", Raťəra "стадо" попадают в Ш класс, поскольку они обозначают совокупности более крупных животных. Слова же ǩon "отара", xan "стая птиц" относятся к IУ классу, хотя названия самих животных (или птиц) при этом могут относиться к Ш классу (ср. č'an "овца" (Ш кл), k'an "галка" (Ш кл), q'on "козел" (Ш кл) и т.д.).

Таким образом, мы рассмотрели принципы классификации по классам одушевленных субстантивов. Резюмируя все сказанное относительно распределения данных субстантивов по классам, можно составить следующую схему (см. схему 1):

1. Исключением из этого списка названий является слово noqI'on "мышь" (Ш кл).

Схема 1

Ш класс	IУ класс
1. Названия домашних животных и птиц	1. Названия их детенышей
2. Названия крупных зверей и диких птиц	2. Названия мелких зверей и диких птиц
	2а. Названия детенышей диких животных и птиц
3. Названия насекомых	
4. Названия мифических существ	

б) Неодушевленные субстантивы

Неодушевленные субстантивы в арчинском языке распределяются по Ш и IУ классам. В ряде случаев распределение субстантивов происходит на основе их принадлежности к тем или иным лексико-семантическим группам (см. об этом ниже). При отнесении субстантива к тому или иному классу существенным оказывается не только семантический, но и грамматический признак. Так, большинство слов, оформленных суффиксами {kul}, {mul}, {t'i}, относятся к IУ классу. Как правило, такие субстантивы имеют абстрактные (отвлеченные) значения: mukul "красота", RIažt'i "косьба", bāIbət'i "разговор", q'uramkul "скупость", mač'akul "темнота", q'iRt'i "крик", eImt'i "плач", qI'askul "усталость", ǩ'ankul "любовь", asmul "взвешивание" и т.д.

Как мы отмечали выше, принадлежность ряда субстантивов к тому или иному классу определяется их местом в системе семантических групп слов.

Так, из неодушевленных субстантивов в Ш класс входят:

1) названия музыкальных инструментов:

mandalin "мандолина", garmun "гармошка", balalejx̄a "балалайка", x̄ux̄orťub "кеманча", parx "барабан", t'ump'ur "агач-комуз (струнный музыкальный инструмент)", moxol "бубен", q̣arx̌ "чагур" (ав.);

2) астрономические понятия, большинство названий природных явлений:

marx̄əla "снег" (но x̄Iel "дождь" (IУ кл); ср. с названиями жид - костей), meRIurRIal "наводнение", x̄umuš "метель", x̄ološ̄qIan "звез-

да", bac "луна", barq "солнце", Raṯərṯen deqI' "Млечный путь"[2];

3) названия зерновых культур:

buq' "сорт ячменя", qoqol "пшеница", haIžəla "кукуруза", maxa "ячмень", niHa "овес", sot-barci "озимая пшеница" и др.;

4) названия деревьев:

moǩ'or "береза", had "липа", kal "ель", činar "чинара", š̥aIj "тополь" и т.д.;

5) названия водоемов:

x̌at "море", baIri "озеро", x̌amc'a "болото", zulu "родник", Howzi "бассейн", а также: qol "лед", š̥aIlt' "волна", bix̌ "водоворот; глубина"[3].

К IУ классу относятся:

1) большинство названий одежды:

k'az "платок", čuxt'u "чухта" (женский головной убор), tura "папаха", "мужской головной убор", šabk̄a "кепка", imǩ'əla "носок", qI'ot'ol "ремень", xolor-it'uṯut "безрукавка", čakma "сапог", aqədan "войлочный сапог", qI'aqI'i "штанина", mač' "заплата", oIč'i "воротник", k̥at'i "перчатка", xalac'i "рукав", pult'u "пальто", palaš "плащ", šarp "шарф", mejk̄a "майка", kastun "пиджак"[4];

2) большинство названий орудий труда и режущих инструментов:

bel "лопата", pulungi "кирка", č'aq̥ "деревянная лопата", landa "рубанок", kurt'a "молоток", burk "кувалда", "молот", jaṯərsi "ножницы", k'os "нож", aIrum "серп", č'inik̥ "коса", dab "шило", tabərzan "топор", orǩin-dab "сверло", Ranžar "кинжал", kaIrši "сабля", x̌ol "вилы", aǩ-arti "мясорубка" (топорик) и др.;

3) названия времен года и некоторые другие временные понятия:

qIiṯaqI "лето", qIoṯaqI "зима", soṯaq "осень", x̌annaq "весна", iš "ночь", iq "день", č'em "время", s̄an "год", iš-iq "сутки"[5];

2. Слово dunil "небо" относится к IУ классу.

3. Названия жидкостей входят в IУ класс.

4. Исключение составляют слова: paIṯəla "брюки", xIošon "платье", "рубашка", buzma "платье", parṯuq' "шуба", raIhu "шуба", "тулуп". Все они входят в Ш класс.

5. Слова bac "месяц", zaman "время", hanṯa "определенный отрезок времени", "несколько суток" входят в Ш класс.

4) названия жидкостей:

x̌an "вода", nabt "керосин", bərzin "бензин", x̄alaj "буза", "брага", araqI'i "водка", čixir "вино", naIǩ' "молоко", harq "сливки", x̄urut "сыворотка" с мелкими кусочками творога"[6];

5) названия различных выделений из организма:

s̄in "гной", cor "моча", nabq "слезы", tut'i "слюна", xIerxI "слизь", ax-tut'i "мокрота";

6) названия металлов и тканей:

lacut "железо", t'eIč'u "свинец", misərṯu "золото", arsi "серебро", qalaj "олово", tutija "цинк", karbat "медь", 'at'ras "атлас", daraj "вид шелковой материи", kupi "байка", muxmur "вельвет", s̄ətin "сатин", mač' "бязь", palatnoj "полотно" и т.д.

Выявление четких принципов классификации остальных субстантивов, входящих в те или иные семантические группы, представляет определенную трудность. Субстантивы одной и той же лексико-семантической группы могут относиться к разным классам. Однако в ряде случаев нам удается руководствоваться отмеченным выше признаком величины обозначаемого. Особенно это заметно в тех случаях, когда названия однородных предметов в зависимости от размеров или величины попадают в тот или иной класс. Примеры:

Ш класс		IУ класс	
sahru	"город"	xIor	"село"
duwraz	"ворота"	daǩ'	"дверь"
maHla	"дом, квартал"	noǩ'	"комната"
kaRəra	"бумага"	k'ač'i	"лист"
gat'	"платок"	gat'	"носовой платок"
xIit	"черпак"	xIit	"ложка"
č'ut	"большой кувшин"	č'ut	"маленький кувшин"
tumank	"ружье"	tapanči	"пистолет"
k'int'um	"сундук для хранения муки"	peṯuq'	"сундук для хранения одежды"
maxla	"шест"	k'uHani	"палка"
k'unk'um	"большая кастрюля"	k'unk'um	"кастрюля"

6. Исключение составляют слова: bi "кровь" (Ш кл) и meI "сыворотка" (Ш кл).

k$_{o}$aǎ'	"лапа"	kul	"рука"
s̄aH	"мерка для муки на 2,5 кг"	k'adi	"мерка для муки на 1,5 кг"
k'oǎ'o	"большая миска"	k'oǎ'o	"миска"
ǩ'uṯali	"большой мешок"	ǩ'uṯali	"мешок"

Однако для ряда субстантивов указанный признак оказывается несущественным. Так, например, названия крупных частей тела человека могут относиться к IУ классу, тогда как названия некоторых более мелких частей тела попадают в Ш класс. В Ш класс входят: gon "палец", ǩ'ont'ol "ноготь", poImp "колено", lur "глаз", mac "язык", gowhar "зрачок", hanq' "горло", žara "бедро", bak$_{o}$ "бок", bars̄on "ребро" и др. Вместе с тем такие названия, как: kart'i "мужская голова", oInt "женская голова", aq "нога", kul "рука", s̄on "спина" и некоторые другие входят в IУ класс.

Так же обстоит дело с названиями растительного мира (за исключением названий деревьев) и предметов бытового и хозяйственного пользования.

В связи с классификацией неодушевленных субстантивов по лексико-грамматическим классам заслуживает быть отмеченным еще одно явление. Немаловажную роль при распределении субстантивов, как нам представляется, играет семантическая аналогия, а именно: новые или заимствованные слова попадают в тот класс, в котором представлены названия однородных предметов. Так, по аналогии со словом harc'i "глиняная кружка" (IУ кл) в четвертый класс попадают такие заимствования, как: gurus̄ka "кружка", bans̄ka "банка", isdakan "стакан". Можно сравнить также следующие примеры:

t'eǩ'on	"иголка" (Ш)	išpric	"шприц" (Ш)
ǩ'uṯali	"мешок" (Ш)	mušuk'	"мешок" (Ш)
anx	"драка" (IУ)	punt	"бунт" (IУ)
hel	"шкаф (IУ)	išk'ap'	"шкаф" (IУ)
peṯuq'	"сундук" (IУ)	jišik'	"ящик" (IУ)
čarax	"светильник" (IУ)	panar	"фонарь" (IУ)
x̌an	"вода" (IУ)	limanat	"лимонад", "сок" и т.п. (IУ)
k'os	"нож" (IУ)	pins̄ka	""финка" (IУ)

Из всего сказанного относительно распределения субстантивов по классам можно заключить, что I-П классы противопоставлены Ш-IУ классам. Здесь имеет место логический критерий (противопоставление класса людей всему остальному). При всей непоследовательности распределения субстантивов по Ш-IУ классам можно выделить некоторые семантические критерии, которыми в известной мере мы руководствуемся при классификации как одушевленных, так и неодушевленных субстантивов: производность (ср. названия животных и их детенышей), признак величины, семантическая аналогия, характер значения (конкретность-абстрактность). Последний признак связан также с морфологическими критериями.

Л.123. У-УШ классы

В арчинском языке встречаются слова, для которых не удается описать правила согласования в рамках основных четырех лексико-грамматических классов[7]. К числу таких слов относятся личные местоимения первого и второго лица zon "я", un "ты" (мн. nen "мы", ž$_{o}$en "вы"). Местоимения zon, un в зависимости от того, лицо какого пола они обозначают, требуют согласователей I или П класса, а формы мн. числа nen "мы", z$_{o}$en "вы" согласуются как субстантивы Ш-IУ классов. Примеры:

zon išik w-i	"я (I) здесь нахожусь"
zon isik d-i	"я (П) здесь нахожусь"
un išik w-i	"ты (I) здесь находишься"
un išik d-i	"ты (П) здесь находишься"
nen išik Ø-i	"мы здесь находимся"
z$_{o}$en išik Ø-i	"вы здесь находитесь"

На основании этого местоимения nen "мы", ž$_{o}$en "вы" (в ед.ч. zon "я", un "ты") при обозначении ими лиц мужского пола следует выделить в отдельный класс (в таблице - У класс). В тех же случаях, когда данные местоимения обозначают лиц женского пола, они включаются в УI класс (согласователи отмечены в таблице). По мнению А.Е.Кибрика, в аналогичный "аномальный" класс можно выделить слово xalq' "народ", которое имеет в ед. числе согласование по Ш классу, во мн. числе (основы ед. и мн. числа у этого слова совпадают) - согласование по I-П классам[8]. В нашей таблице данное слово относится к УП классу. Такую же согласовательную модель имеет

7. См.: А.Е. Кибрик. О формальном выделении согласовательных классов в арчинском языке. ВЯ, 1972, № 6, стр. 124-131.

8. См.: А.Е.Кибрик. Указ. работа, стр. 126.

слово žamat "жители одного села", "население".

С точки зрения именного согласования определенный интерес представляет слово lo "ребенок" (данное слово в значении "детеныш" попадает в УШ класс). В ед.числе слово lo имеет согласователи IУ класса (ø/t/t'), во мн. числе - согласователи I и II классов (b/ib). Слово lo "ребенок" имеет также омонимы: lo "мальчик (I кл)", lo "девочка (II кл)", lo "детеныш животного" (IУ кл). Примеры:

qIʒe-t'-u lo ø-i	"два ребенка есть"
muʦu-t lo ø-i	"красивый ребенок есть"
muʦ-ib lobur b-i	"красивые дети есть"
os lo ø-i	"один ребенок есть"

Таким же образом согласуются слова adam "человек", ijsan ‖ insan "человек", kₒišaw "кто-нибудь". С семантической точки зрения - это субстантивы, для которых признак реального пола неизвестен или несущественен. На основе формальных и семантических признаков перечисленные выше слова мы относим к УШ классу.

Таким образом, несмотря на то, что У-УШ классы охватывают сравнительно небольшие группы слов, формально они включаются полноправными членами в именную систему согласования, что и первые (основные) четыре класса.

Л.124. О связи класса с фонетическим оформлением слова

На распределение субстантивов по классам (Ш-IУ кл) оказывает влияние и их фонетическое оформление. Так, большинство слов, начинающихся с согласных [b],[m], попадают в Ш класс (ср. согласователь Ш класса {b}).

Особенно это заметно в тех случаях, когда синонимичные слова или слова с близкими значениями оказываются отнесенными к разным классам:

IУ класс		Ш класс	
k'un	"мука"	bok'	"солод"
q'uwat	"сила"	bič'	"сила"
mač'	"место"	biqʒ	"место"
č'il	"сено"	mokol	"высохшая трава"
c'uxun	"куча"	balk'i	"куча"
hawa	"ветер"	buran	"буран"

naIǩ'	"молоко"	meI	"сыворотка"
nax₀	"мякина"	balbu	"солома"
x̌an	"вода"	mak₀	"роса"
k'uHani	"палка"	max̌a	"прут"
ox̌	"шерсть"	marq	"пряжа"
hoti	"трава"	mač̌	"крапива"
s̄in	"гной"	muIl	"сопли"
g₀eniši	"браслет"	baRəža	"кольцо"
	жидкости	bi	"кровь"

В ряде случаев согласные [b] или [m] являются окаменевшим классным показателем:

b-at'i "коврик" (Ш)(ā t'as "ткать")
b-at "рог" (Ш) (aṯas "бодать")
b-ars̄on "ребро" (Ш) (ars̄as "резать на части")
b-eIrhəla "совокупление" (eIhas "совокупляться")
b-arč̌'əla "прятки" (Ш) (ač̌'as "прятаться")
m-aq̄'ar "корка" (Ш) (q'uras "сохнуть")
mat'i "сук" (Ш) (at'as "рубить")
da-b-xəla "приспособление для смягчения кожи" (Ш) (daxis "бить")
b-irx₀ "нечто крупное" (Ш) (irx₀mus "работать")

К третьему согласовательному классу относятся также многие слова, оканчивающиеся на согласный [m] или гласный [u]:

dox̌um "хлев" (но: k'ox̌an "сарай", IУ), dam "сухожилие", zuq̄'um "яд", kars̄am "большой мешок", k₀em "бревно", k'alum "карандаш", q'am "чуб", "грива", x̌₀em "вид ягоды" (но: ok "черника", osgon "брусника", IУ), jaq'am "мелодия", mam "женская грудь", xatum "грудь", s̄am "желчь" (ср. cor "моча", IУ, s̄in "гной", IУ), qum "мелкий речной песок" (но: sarsi "песок", IУ), qurum "костер", (но: oc' "огонь", IУ), c'om "сито", xam "воск" (но: imc' "мед", IУ), kalam "капуста", qʒaharṯum "деревянная кровать", k'int'um "деревянный сундук для муки", luxum "мочевой пузырь", gungum "кувшин для воды" (ср. č'ut "кувшин", IУ), kukam "слива", kusum "кусок мяса" (но: ak̄' "мясо", IУ), k₀am "жаровня", raHim "запайка", huz̆um "нападение", "атака" (ср. anx "драка", IУ), k'urum "коран", žaz̆um "религиозный экстаз", t'a'am "вкус" [9];

9. Исключение составляют лишь некоторые слова IУ класса: k'un-k'um "кастрюля", lagum "песня", k̆orom "молотильная доска".

čargu "лакский танец", hičču "мужской танец, исполняемый на одном месте", ahlu "люди одного тухума", nasru "потомство", waq'mu "завещание имущества на богоугодное дело", gidu "круг", šuku "нары", marχu "корень", zulu "источник, родник", liluχIu "сказочная птица", milixIu "дождевой червь", raIhu "шуба", "тулуп", kuku "яичница", lilušu"ситец" (все остальные названия тканей относятся к IУ классу), k'eIhu "ястреб-стервятник", isu "сова", maxIu "сказка", giku "кукушка", šak'u "трут", mušu "тмин", balbu "солома", duru "лекарство", zimzu "муравей", qaqu "пшено", čuqu "овца", č'imč'u "холст", šuIlu "овечий помет", xIurxIu "живот", k'eč'u "двухвостка", makru "коварство", c'aťak'u "куча старого навоза" [10].

Таким образом, механизм распределения субстантивов по лексико-грамматическим (согласовательным) классам заключается в следующем.

1. Первые четыре класса охватывают основную часть именной лексики, а в дополнительные классы входят небольшие группы слов, которые частично могут быть дополнены новыми субстантивами при пополнении словаря языка.

Выделение У-УШ классов не нарушает,а, наоборот, образует строгую симметричную систему распределения разнообразных в семантическом и в грамматическом планах субстантивов.

2. Семантика первых двух классов довольно очевидна (см.I-П классы). Распределение субстантивов по Ш-IУ классам частично подчиняется определенным закономерностям (см.одушевленные субстантивы).Отнесение неодушевленных субстантивов к Ш или IУ классу в известной мере определяется семантическими параметрами, к которым относятся: признак величины, конкретность-абстрактность обозначаемого, семантическая аналогия и некоторые другие.

3. Обнаруживается связь между фонетическим оформлением слова и его местом в системе лексико-грамматических (согласовательных) классов. Некоторые субстантивы содержат в себе "мертвые" (окаменевшие) классные показатели.

Л.13. Т о п о н и м ы

Многие топонимические названия в их современном состоянии не поддаются этимологизации.Внутренняя форма этих топонимов десемантизирована. В определенной степени трудность этимологизации топонимических названий объясняется тем, что они претерпели довольно сильные фонетические изменения, что, естественно, привело к стиранию связей смысловых характеристик слов с фонетическими. Однако этимология части названий географических объектов прослеживается довольно четко. Отчасти это объясняется тем, что некоторые из этих топонимов появились в арчинском языке сравнительно недавно (сказанное прежде всего относится к описательным топонимам).

По структуре выделяются следующие типы топонимов: простые, представляющие собой застывшие формы одного из пространственных падежей (чаще всего эссива + то или иное значение локализации), производные, сложные и описательные.

Настоящее исследование не претендует на полный обзор всех арчинских топонимических названий. В этом смысле предстоит еще большая собирательская и исследовательская работа. Представленный здесь материал дает лишь общие сведения об этимологии и особенностях арчинских топонимов.

1. Названия населенных пунктов

Этимологизировать названия населенных пунктов (арчинских хуторов) трудно. Как и все остальные топонимические названия, они представляют собой застывшие локативные формы. Центральное село(в нем в летнее время жили арчинцы вплоть до начала XX века, переселяясь на зимний период в близлежащие хутора, что было продиктовано сезонными работами ; по рассказам стариков в те времена здесь насчитывалось около трехсот дворов, в настоящее время это небольшой центральный хутор, в котором живет меньше двухсот человек) называется xIeré (лок. от: xIor "село"). Большинство остальных названий не поддается этимологизации: χaťá, xilíq, q'esé-ra, k'ála, q'ubáǩ', q'ášella, álšunna (возможно: от álšun "рай"). Этимологизировать слово árša "край арчинцев" трудно. Гипотетично можно предположить, что árša идет от слова {árše}, значение которого затемнено, но встречается в выражении: arše biťu(r) bošaw Haq̄'a - букв. "arše имеющий сказал-хотя, кара-ли?"(="не грех сказать, что (он) счастливый")[11]. Данное утверждение является лишь предположением и не претендует на решение вопроса о происхождении слова arša.

От названий населенных пунктов образуются субстантивы, обозначающие связанную с данным населенным пунктом совокупность людей:

---

10. Исключениями являются следующие слова IУ класса: t'eIč'u "свинец", misərťu "золото", čuxt'u "чухта-женский головной убор", muču "чувяк", tammugu "табак".

11. Ср. в лак. arši "счастье".

x̌aťá → x̌eťéjt, k'ála → k'álejt, q'eséra → q'esérət, q'áš̌əl-la → q'áš̌əlt, álš̌unna → álš̌ut, q'ubáǩ' → q'ubáǩ'ət, xIeré → xIeréjt, xilíq → xilíqət. Все перечисленные названия являются словами pl. tantum.

2. Названия горных пастбищ

Многие названия горных пастбищ не поддаются этимологическому анализу. Некоторые наши объяснения в этом плане носят гипотетичный характер. Этимология отдельных названий (вернее, значения составляющих их компонентов) не вызывает сомнений:

č'ará, g$_{o}$éra, turála (tura"папаха", "мужской головной убор"), hánq'ra (hanq' "горло"; "горловина"), q'éla, boxónaj, áǩ'eqI (aǩ' "мясо"), dárc'a (darc' "столб"), solómma, asra, ǩ'éǩ'ma ("там где криво" - от ǩ'eǩ' "быть кривым"), lurúmčaj (lurúm мн.ч. от lur "глаз"), sasánaj, dáqIliǩ' (daqI "гребень, расческа), mučéra, xináj, bišínaj, maťá, c'uIhéra, k'anáj, úč'eremma (из: úc'eren+ma) maxá, qI$_{o}$énot (qI$_{o}$en "скала"), ját-hanq'ra (см. hanq'ra, jat "наверху"), ǩ'ír-hanq'ra (*ǩ'ir "внизу"), játmulčera (возможно, от: jat "это", mul "гора", čera ← cer "гребень склона горы"), q'á-maRaǩ' (q'a "ровный", "равнинный"), jáťub maRáǩ' (játub "верхний"), gundár-xara (gundár "череп", xara ← xarák "сзади"), jéjjok'i (из: jej - указывает на конец, край, jók'i "общее название пастбища"), íqIekuma (*iqI "середина" - ср. выражение iqImak eq'en "до середины" +eku-ma"там где упал", в смысле: "там, где центральная часть /пастбища/ ниже"), q$_{o}$ánni-xara (q$_{o}$an "каменная плита", xara ← xarák "сзади"), dáIzi-qala (dáIzi "граница", qalá лок. от: *qol "река")[12].

3. Названия отдельных гор и вершин

bedéq'u, oIróIs muč (oIroIs "русский", muč "пик", "вершина", k'ála muč (k'ala "название населенного пункта"), jéjjok'ilin muč (jéjjok'ilin ген. от: jéjjok'i "название горы").

4. Названия рек

Большинство названий рек построены по одной модели: "название пастбища или определенной местности + слово haltəra "река". č'atrá

12. В современном арчинском языке слово qol имеет лишь одно значение "лед". Исторически, видимо, это слово имело значение "река" (ср. qalá "у реки", qaláši "к реке"). Слово haltəra "река" заимствовано из лакского языка (ср. лак. aItara "горный поток").

háltəra, sasánaj háltəra, q'éla háltəra, dárc'a háltəra, mučéra háltəra, č'ará háltəra, g$_{o}$éra háltəra, maxá háltəra. В перечисленных названиях подчеркивается не признак самих рек, а место их протекания. Лишь в одном названии dáIzaltəra (из: dáIz-haltəra) содержится признак, свойственный самому объекту (daIz "быть большим"). Некоторые реки носят названия близлежащих населенных пунктов: x̌aťá háltəra, q'eséra háltəra, k'ála háltəra (неясно, откуда bidí háltəra).

Определенный интерес представляют также микротопонимы. Довольно часто объекты характеризуются по их какому-либо ярко выраженному (или запоминающемуся) признаку. Причем этот признак может относиться как к самому объекту, так и к другим предметам, имеющим отношение к называемому объекту. В отдельных случаях названия самих этих предметов (в широком смысле слова) входят в те или иные микротопонимы. Характерной особенностью многих микротопонимических названий является то, что в их состав обязательным компонентом входят названия самих частей ландшафта (например, x̄$_{o}$an "склон", zulu "родник", qI$_{o}$en "скала", qIin "мост", x̌$_{o}$ali "ущелье", "ложбина" и т.д.).

5. Названия скал

t'íťut qI$_{o}$en (t'iťut "маленькая", qI$_{o}$en "скала"); x̄urk'úm qI$_{o}$en (x̄urk'úm мн.ч.от: x̄urk' "голубь"; скала находится в районе населенного пункта x̌aťa и является как бы местом пристанища голубей); áqur qI$_{o}$en (áqur мн.ч.от: aq "нога", возможно, скала названа по сходству формы); gídu qI$_{o}$en (gídu "круг").

6. Названия родников

bóIrču zulú (bóIrču "быть холодным, студеным", zulú "родник"); ársin zulú (ársin ген. от: ársi "серебро"); haIrš̌ár zulú (haIrš̌ar дур. от: háIrš̌-bos "кипеть"); muHíťin zulú (muHíťin - имя собств., мужск.); q'omóla (q'omó "желоб"); tennélin x̌an (tennélin ген. от: tenne "ревматизм", x̌an "вода"; жители населенного пункта x̌aťa, недалеко от которого расположен данный родник, считают, что его вода имеет целебные свойства); méjla q'úlli (q'úlli "родник").

7. Названия сенокосов

bí-q'arq'iťu (bi "кровь"?, q'árq'iťu мн. от: q'árq'i "равнина", "луг"); hésku-q'arq'iťu, dállit-q'arq'iťu (dállit супер-эс. от: dali "длинная палка", "шест"); k'ála-q'arq'iťu (k'ála "название населенного пункта"); q'ubá-q'arq'iťu (q'ubá "название пастбища"),

8. Названия пахотных участков

xuk̆álaj, maslák̆'(maslák̆' суб-эс. от: mosol "надгробный камень"; по преданию на этом участке находилось кладбище, и действительно, здесь была найдена могила домусульманского периода), q'ulít, mucí šík'a (šik' "пятка", "нижняя часть поля"), éjx̌anna (ej указывает на "конец", "край", x̌an "вода"; участок расположен у места слияния двух рек); k̡énot, xIerék̆' (суб -эс. от: xIor "село"); polómeťe (из: polón - имя собств., мужск., meťe "край обрыва"); borkónaj, oIč̌óm̌čaj (oIč̌óm мн. от: oIč̌ "хвост", "длинный узкий участок"), mezérda (элемент - da не характерен для арчинских топонимов; видимо, данное название аварского происхождения), jáx̣la (jax̣ "фундамент", "основа"), xilíxura, g̣ánnik̆' (суб-эс. от: g̣áni "межевой камень"), q̣áťek̆' (суб-эс. от q̣áťu "деревья")и др.

9. Прочие микротопонимические названия

áIlemma xatná (áIlemma из: áIlenma ← aIlen - ген. от: aIli - имя собств., мужск.; xatná - ин-эс. от: xoťón"узкая длинная полоса земли,покрытая травой"), Ráťərťen deqI' (Ráťərťen - ген. от: Ráťəra "стадо", deqI' "дорога"), g̣ásqa, k'ux̄lá, meždék̆' (суб-эс. от: moč̌'ór "борода"?), ósdina x̌an c'árma (букв. "там, где стоя воду пьют"), marž̌ánat kamárma (букв. "там, где скатилась Маржанат", x̣̄álik̆' (суб-эс. от: x̣̄a "гряда"), c'útli-xara (c'ut "куча сложенных друг на друга камней", xara ← xarak "за", "сзади"), qipín-nox (qipín - ген. от: qip "кал", nox "пещера"), k'ála x̣̌álli (x̣̌álli "ущелье", "ложбина"), xIeréjt x̣̌álli, q'ará x̣̌álli, bút'ila (ин-эс. от: bút'i "часть", "доля"), q̡énot, x̄áraj, muhéIra, x̌eb mec̄'élin jax̣ (x̌eb "три", mec̄'élin - ген. от: mec̄'é "угол", jax̣ "фундамент") и др.

Л.14. Лексико-синтаксические классы глаголов

Не рассматривая всех вопросов, относящихся к глагольной лексике, остановимся только на двух частных, но весьма важных для арчинской грамматики проблемах: одна из них касается стативных, вторая - лабильных глаголов. Эти глаголы имеют характерные лексические свойства, которые проецируются на синтаксис.

Л.141. Стативные глаголы

В настоящем описании выделяется класс стативных глаголов. В него входит, во-первых, ряд слов, выполняющих обычно предикативную функцию, но морфологически резко отличающихся от динамических глаголов[13]. Это следующие глаголы (они приводятся вместе с их моделью управления в форме, принятой в словаре):

КП-ác̄'ar "болеть" ⟨что: Ф⟩
ax "(быть) далеко" ⟨кто: Ф, от кого: К [$S_{комп}$]⟩
КП-axI "хватать", "(быть) достаточным" ⟨что: Ф, кому: АД⟩
КП-áxIt'u "(быть) нужно (чтобы)" ⟨что: $Adv_{одн,\ отр}$ ($V_{терм}$)⟩
balá "(быть) трудно" ⟨кому: АД, что: Ф[$V_{инф}$]⟩
bazár "скучать" ⟨кто: Ф⟩
bux̄Iá "быть добрым" ⟨кто: Ф⟩
hálx̌a "(быть) легче" ⟨что делать: Ф[$V_{инф}$]⟩
Hadúr "быть готовым" ⟨кто: Ф, что делать: К[$V_{инф}$]⟩
Hep "(быть) жаль"
ik̡ xir "жалеть" ⟨кто: АД[$S_{ген}$], что: К[$S_{дат}$]⟩
inž̌ít "чувствовать беспокойство" ⟨кто: Ф, от чего: К[$S_{супер-эл}$]⟩
КП-íq̄I'a "быть голодным" ⟨кто: Ф⟩
íx̌uk "жалеть" ⟨кто: Ф, о чем: К[$S_{супер-эл}$]⟩
jáqI'an "понимать" ⟨кто: АД, что: Ф⟩
k̡at' "(быть) нужно" ⟨кто/что: Ф ‖ Ф[$V_{инф}$], кому: АД⟩
k'ólma "быть отдельно" ⟨кто: Ф, от кого: К[$S_{супер-эл}$]⟩
k̆'an "хотеть", "любить" ⟨кто: АД, кого: Ф ‖ что делать: Ф[$V_{инф}$]⟩
k̆'ínč̌'ar "бояться" ⟨кто: Ф, кого: К[$S_{суб-эл}$]⟩
lábxan "(быть) много" ⟨что: Ф, у кого: АД[$S_{ген}$]⟩
libxI "(быть) стыдно", "стесняться" ⟨кто: Ф, кого: К[$S_{суб-эл}$] ‖ что делать: К[$V_{инф}$]⟩
maIrš̌ "завидовать" ⟨кто: Ф, кому: К[$S_{супер-эс}$]⟩
muHáťal "удивляться" ⟨кто: Ф, чему: К[$S_{супер-эл}$]⟩

---

13. Об отличиях см. Т.121.1, Т.122.13. А именно, стативные глаголы имеют только форму дуративного вида, которая обычно морфологически не выражается (исключение составляют ac̄'ar "болеть", k̆'inč̌'ar "бояться", имеющие, видимо, исторический суффикс {r}); они не изменяются по классам, за исключением глаголов: ac̄'ar "болеть", axI "хватать", axIt'u "(быть) нужно (чтобы)", xali "(быть) лучше", а также глагола ic' "(быть) сладким".

muq̄'á "жаждать" ⟨кто: Ф⟩
quléj "(быть) удобно" ⟨что: Ф, кому: АД⟩
riIzí "быть согласным" ⟨кто: Ф, в чем: К[$V_{инф}$]⟩
saR "быть здоровым" ⟨кто: Ф⟩
síni "знать" ⟨кто: АД, что: Ф⟩
šak "сомневаться" ⟨кто: Ф, в чем: К[$S_{супер-эс}$]⟩
t'ála "быть правым" ⟨что: Ф⟩
t'ibír "(быть) жалко" ⟨кому: АД, кого: Ф⟩
wix "верить" ⟨кто: Ф, во что: К[$S_{супер-эс}$]⟩
КП-xáli"(быть) лучше" ⟨что сделать: Ф[$V_{инф}$]⟩
x̄ₒára "(быть) рад" ⟨кто: Ф, чему: К[$S_{супер-эл}$]⟩
x̄Ioró "отличаться" ⟨что: Ф, от чего: К[$S_{комп}$]⟩
x̌e "(быть) поздно"

Перечисленные 36 глаголов в своем большинстве многоактантны, употребляются, как правило, в вершинной предикатной позиции и ни к какой другой части речи отнесены быть не могут.

В класс стативных глаголов включаются также слова, которые обычно употребляются в атрибутивной функции и традиционно относятся к прилагательным. Это слова типа (см. также Л.221.1):

áqa "быть длинным" ⟨что: Ф⟩ (ср. áqat̄ut "длинный")
aR "быть глуховатым" ⟨кто: Ф⟩ (ср. aRdut "глуховатый")
baj "быть старым" ⟨что: Ф⟩ (ср. bejt̄ut "старый")
bex̄Ié "быть черным" ⟨что: Ф⟩ (ср. bex̄Iét̄ut "черный")
ǩ'eǩ' "быть кривым" ⟨что: Ф⟩ (ср. ǩ'éǩdut "кривой")
lamx̌ "быть сырым" ⟨что: Ф⟩ (ср. lámx̌dut "сырой")
mac'á "быть новым" ⟨что: Ф⟩ (ср. mac'át̄ut "новый")
mu "быть красивым" ⟨что: Ф⟩ (ср. mút̄ut "красивый")
poró "быть плодородным" ⟨что: Ф⟩ (ср. poró t̄ut "плодородный")
q'ič'í"быть кислым" ⟨что: Ф⟩ (ср. q'ič'ít̄ut"кислый")
tux "быть робким"⟨кто: Ф⟩ (ср. túxdut "робкий")
t'i "быть маленьким" ⟨что: Ф⟩ (ср. t'ít̄ut "маленький")
č'uIbáI "быть белым" ⟨что: Ф⟩ (ср. č'uIbáIt̄ut "белый")
x̄arát̄ut "быть дорогим" ⟨что: Ф⟩(ср. x̄arát̄ut "дорогой") и т.д.

В данном описании считается, что формы типа áqa "быть длинным" являются стативными глаголами, а формы типа áqat̄ut "длинный" - причастиями от соответствующих стативных глаголов. Такая интерпретация связана со следующими фактами.

1. Хотя в основном стативные глаголы данного типа используются

в атрибутивной функции, тем не менее имеются конструкции, в которых они употребляются предикативно. Так, любое слово этой группы может быть употреблено в сравнительной конструкции с комитативом:

tow zaxur aqa "Он меня длиннее" (Ки, прим)• wanəra bonč'iš marčimexur doIz "Верблюд же чем-все больше" (т.20,9)

Кроме того, возможно предикативное употребление этих слов во всех формах дуратива.

tow aR"Он глуховат" (Ки) [конст] • oōot t'ala, oōot qI'a "Твое правильно, мое неверно (=Твоя правда, моя неправда)" (Гу) [конст]• un wit'u bona, lobur kulut'u "Тебя нет-хотя, дети не-сироты" (т. 39,17) [конст,отр] • eqiša eqon kelaw mač'aši i "Сегодня-вечером 2)чем 1)вчера вечером темнее" (Ки) [през.1]• "lobur, xali hanžugur bi?" - "x̄alši bit'u" "Дети, семья как есть?" - "Не-плохо" (т.36,56) [през. 1, отр] •labu Hukumat obǩmulkan misginši ikir "3)До-прихода 1)нашей 2)власти бедно-было" (т.33,70) [итер] • tow misgimmat wi "Он продолжает-быть-бедным" (Ки) [през.2] • č'eIp biqIši ebdili lap "Люлька тяжела-была очень" (т.13,18) [импф.1] • mač'aši edili č'elle "Темно-было на-улице" (т.9,41) [импф.1] • k'ob čax-armat edi "Одежда продолжала-быть-мокрой" (Ки) [импф.2] • jamum ustullin rang bex̄Iemat ex̄u "Этого стола цвет черным-оставаясь остался" (Ки) [конт. дп] • aǩ' mac'ašaw, xaraši i "Мясо пусть-свежее, (но) дорогое" (Ки) [св-уст. сд; през. 1] • baǩₒa, dolzši abt'ulla? "Покажи, сильно порезала-ли?" (т.7,58) [дп.одн] • ejt̄uru loburu mūši, awadanši q'eIbdili "И-мать и-сыновья хорошо, радостно жили" (т.11,74) [дп.одн] • lap t'alaši parčaHkul art̄u bošor wi "Очень правильно царствование делающий мужчина есть" (т.25,96) [дп.одн] • temmet̄ejru misginši x̌onnōlu doxoli "ₒ)И так-же бедно ₒ)жену нашел" (т.25,15) [дп.одн]

2. Даже при атрибутивном употреблении эти слова сохраняют одну важную черту исходных глаголов - их модель управления. Таким образом, атрибутивная причастная форма может иметь при себе зависимый актант-фактитив (обозначающий носитель данного качества). Это свойство особенно заметно в идиомах, состоящих из причастия и зависимого актанта в номинативе [14].

14. Предполагается, что выражение типа "$X_{ном}$ +Y-t̄u" восходит к предикативному словосочетанию $X_{ном}$ + $Y_{конст}$. При традиционной интерпретации номинатив при прилагательном не может быть содержательно

ikʒ haIrtatu "веселый","общительный" (букв. "с широким сердцем") • ikʒ dōIzu "гордый" (букв. "с большим сердцем") • s̄ob x̄Ionnu "злой на язык"(букв. "со злым языком") • s̄ob č'uIhdu "спесивый" (букв. "с гордым языком") • kul haIrtatu "щедрый" (букв. "с широкой рукой") • lagi k'olmatu "сводный" (букв. "с общим животом") • nodo kabatub xIon "3)корова 2)с-белой-отметиной 1)на лбу"

Эти идиомы фактически ничем не отличаются от аналогичных идиом, образованных при помощи динамического глагола:

s̄an oditu "годовалый" (букв. "с исполнившимся годом") • ixI erkurtu "смешной" (букв. "с падающей шуткой") и т.д.

Возможно также не идиоматическое наличие актанта при причастии от стативного глагола.

jemim k'ellejt'u lur dōIzib lobur k$_o$iri? "Эти 3)со I)столь большими 2)глазами дети кто-есть?" (Ки)

3. Встречаются в арчинском языке наречия, являющиеся идиомами, состоящими из деепричастия от стативного глагола и зависимого актанта в номинативе.

maImərči č'uIbaIši "честно", "с пользой для других" (букв. "с белым лицом")

Л.142. Лабильные глаголы

Как и в других языках эргативного строя, в арчинском языке имеется группа так называемых лабильных глаголов. Эти глаголы допускают наряду с двухактантной структурой (фактитив+агент) одноактантную структуру (фактитив), в которой отсутствует агент [15]. Наличие двух структур возможно в том случае, если некоторое действие может совершаться с некоторым предметом безотносительно к какому-либо внешнему его каузатору, агенту. Языки эргативного строя совместимы с лабильностью глагола, т.к. фактитив является подлежащим и

объяснен: для него надо специально вводить искусственное правило.

15. Не смешивать со случаем, когда агент отсутствует на поверхностном уровне, а на глубинном имеется (так называемое неопределенно-личное предложение):
jasqi qI$_o$emmul c'aIpus aršiˇi "Сегодня скалы взрывают" (Ки)
[Агент неопределенно-личен] • č'eIn baršˇi bi"Стену строят"(Ки)

сохраняется в обеих структурах. Кроме того, его семантическая роль идентична в одно- и двухактантной структуре. Приведем примеры лабильных глаголов.

ak'as "откалываться"; "гнать": is k'an mutut ra' ak'uli "Мой самый красивый сосуд разбился" (Ки) • zari č'abu ark'aršˇi i "Я овец гоню" (Ки)
aqIas "разбиваться"; "разбивать": ustullitiš ekuli, istakan aqIu "Со-стола упав, стакан разбился" (Ки) • zari waIrt'i abqIu "Я тарелку разбил" (Ки)
as "создаваться"; "создавать": x̄$_o$alli baršˇi bi "Хлеб печется" (Ки) • zari nok̄' aw"Я дом построил" (Ки)
ax̄as "пачкаться"; "штукатурить": tormin k'ob ax̄uli "У-нее одежда испачкалась" (Ки) • zari č'eIn šaIlli bax̄u "Я стену глиной штукатурил" (Ки)
ecas "горько плакать"; "наливать": tor dercartub kus wež̄ bak̄us baxalšˇi ebdildi "3)Способ,2)которым 1)она 2)плачет, вам видеть хорошо-было-бы (=Если бы вы видели, как она плакала!)" (Ки) • zari gurušk̄alak x̄an ecu "Я в-кружку воды налил" (Ки)
exas "проливаться", "выливать": ez ak̄ut'aw č'utaš x̄an exuli "Я незаметив, из кувшина вода вылилась" (Ки) • zari gurušk̄alaš x̄an exu "Я из-кружки воду вылил" (Ки)
ex̄as "оставаться"; "причесывать": jam x̄$_o$ak̄a ebx̄uli "Волк в-лесу остался" (Ки) • ejmi ženaru lahan q'amatu ex̄u "Мать своей дочери волосы причесала" (Ки)
ex̌as "лежать"; "класть": ustullit q'onq' ex̌uli i "На-столе книга лежит" (Ки) • učitelli q'onq' ustullit ex̌u "Учитель книгу на-стол положил" (Ки)
gerk̄ə-bos "свисать"; "качать": x̄atlitiš k̄'arāšˇi čarax gerk̄eršˇi i "С-балки вниз лампа свисает" (Ки) • zari č'eIp gerk̄ə-bo "Я люльку качал" (Ки)
g$_o$aq̄'as "собираться"; "собирать": doxor g$_o$arq̄'uršˇi i, x̄Iel exdiqi "Тучи собираются, дождь пойдет" (Ки) • zari adamtil g$_o$abq̄'u "Я людей собрал" (Ки)
haIrš̄-bos "кипеть"; "кипятить": k'umk'umla x̌an haIrš̄aršˇi i "В кастрюле вода кипит"(Ки) • zari x̌an haIrš̄-bo"Я воду вскипятил" (Ки)
k̄ur-bos "натираться"; "тереть": ansan oIč̄'-leki k̄ur-boli "У-быка шея протерлась"(Ки) • zari towmun s̄on k̄ur-bo"Я ему спину натер"(Ки)
ok̄as "продаваться"; "продавать": x̌annēni sint'u dogi bork̄uršˇi bi "Чей-то осел продается" (Ки) • zari axəran ork̄ur "Я фрукты продаю" (Ки)

oq̄I'as "тонуть", "глотать": tow lo x̌eṯeqI uq̄I'u "Тот парень в-море утонул" (Ки)• t'iṯut laha č'or oq̄I'u "Маленький ребенок пуговицу проглотил" (Ки)

qI'as "делиться", "делить": ebq'at'u qIʒet'umis qI'ar "Четыре надва делится" (Ки)• zari adamčes aInšum qI'o "Я людям яблоки разделил" (Ки)

s̄as "попадать", "трогать (чем)": gulla č'elelis bosoli "Пуля в-камень попала" (Ки)• zari towmun qIunnis kul s̄o "Я его плечо рукой тронул" (Ки)

s̄ubus "вариться", "варить": os t'iṯut s̄a'alliṯiš aǩ' seṯé "Через одно малое время мясо сварилось" (Ки) • zari č'aben aǩ' seṯe "Я баранье мясо сварил" (Ки)

caxas "падать", "кидать": zon, qollit qurš-boli, q'aṯuk cowxu "Я, на-льду поскользнувшись, вниз упал" (Ки)• zari towmus muqIuṯib č'eleṯu caxu "Я в-него мелкие камни бросил" (Ки)

c'ur-bos "ныть (о боли)", "сосать": is aq c'ururši i "У-меня нога ноет" (Ки)• laha mam c'ururši bi "Ребенок грудь сосет" (Ки)

čaras "печься", "жариться"; "печь", "жарить": x̄ₒalli beč̌re "Хлеб испекся" (Ки)• zari aǩ' čere "Я мясо пожарил" (Ки)

čₒarRI-bos "выливаться"; "выливать": čuṯas x̌an čₒarRI-bo "Из-кувшина вода расплескалась"(Ки)• zari x̌an čₒarRI-bo "Я воду отлил"(Ки)

uk̄as "гореть"; "жечь": tejmen mac'aṯut noǩ' uk̄uli "Их новый дом сгорел"(Ки) • zari q'onq'lin k'aždu uk̄u "Я книги страницы сжег"(Ки)

xašás "рваться"; "рвать": tormin bejṯub xIošon boxčo "Ее старое платье порвалось" (Ки)• zari mac'aṯut titrat xošo "Я новую тетрадь порвал" (Ки)

Примечание

Напротив, в арчинском языке не характерно наличие наряду с двухактантной структурой (агент, фактитив) одноактантной структуры с одним агентом (типа русских глаголов "рисовать", "писать", "есть" и т.д.). Это объясняется важной синтаксической ролью фактитива, с которым осуществляется согласование. Поэтому в случае необходимости образуются сложные глаголы с внутренним фактитивом, содержащим имя типичного актанта при данном действии, например: kummul kummus "есть" (букв."еду есть"), ux hej-bos "пахать" (букв. "поле пахать"). Исключение составляет глагол oǩmus "учиться", при котором фактитив часто отсутствует (согласование при этом идет по IУ классу).

zon iškolla orǩinši wi "Я в-школе учусь" (Ки) [При аналитическом глаголе агент "я" стоит в номинативе, и с ним согласуется вспомогательный глагол: фактитив (чему учусь) отсутствует, и значимый глагол согласуется по IУ классу]

Л.143. Глаголы, выражающие завершенность действия

Ряд глаголов в арчинском языке утрачивает свое лексическое значение и переходит в разряд вспомогательных. Эти глаголы употребляются в конструкции: $V_{дп,терм}$ + $X_{заверш.}$ = "действие V доведено до конца, завершено". В качестве X-а могут выступать глаголы: laq'u-kes"кончаться", laqʒ-as "кончать", qIes "идти", aǩis "приходить", t'ɛl-as "посылать".

В сущности идею завершенного действия передает форма аориста (см. Т.221.21). Поэтому в данном случае имеется явление "грамматической редупликации", направленное на усиление значения "завершенности", а также на его "освежение" лексическими средствами. Такая тенденция наблюдается и в некоторых других случаях: например, на смену пространственным падежам приходят конструкции с пространственными послелогами, комментатив усиливается глаголом bos "говорить" и пр.

Каждый из указанных выше глаголов имеет свою сочетаемость со значимыми глаголами, и обычно они не взаимозаменимы.

1. qIes "идти" употребляется при глаголах со значением движения:

   ebkuli obqIali jak "Упав пошел (=Упал) внутрь" (т.10,32)• x̌onnol dakdili orqIali č'ax̄ut-diǩ'innimmaši "Жена уйдя пошла (=ушла) к-соседям" (т.15.8)• marči adamtil beIrš̌uli obqali tor dasas "Все люди побежав пошли ее ловить" (т.18,3)• bošor mullis xarak owč'uli uqIa "Мужчина 2)за 1)горой скрывшись пошел (=скрылся) (Ки)• dogilin oIč oǩnili oqIali "У-осла хвост снявшись пошел(=оторвался)" (т.21,43)• jow guržilin os gon qIeč-boli obqIali tor lahas "Этого грузина один палец толкнув пошел к)к той к)девушке (=Этот грузин коснулся пальцем той девушки)" (т.22,87)• hoti oqI-eṯili xaṯiši i "Трава кончаясь идет (=кончается)")(т.25,117)

2. aǩis "приходить" употребляется при глаголах со значением приближения:

   xiṯa os qₒat'i boxoli, kul daxdiṯut, marx̄ulaš obǩnili baqIali

"Затем одно дерево нашел, рука ударившая,с-корнями вытащившись пошло (=вытащилось)" (т.10,32) • x̌onnol orqIali os išna, orqIa beč'ut'aw, boqI'oli daqIali "Жена пошла одной ночью, пойти не-смогши, вернувшись пришла (=вернулась)" (т.21,20)

3. t'al-as "посылать" употребляется при глаголах со значением каузации удаления:

x̌eťeqIak kammuli t'al-abuli "В-море бросив послал (=выбросил)" (т.2,91) • jowmowu kabxIon kammuli t'al-abuli "И-он, жука бросив послал (=бросил)" (т.10,15) • at'uli, daxdili Ranžarťaj gonnu, laṗuli t'al-owli "α)И отрезал, ударив кинжалом, α)палец, бросив послал (=выбросил)" (т.22,92) • usdu uḳnili t'al-aw "Брата прогнав послала (=прогнала)" (т.28,13)

4. laq'u-kes "кончаться" употребляется при глаголах, не имеющих значения движения; агент отсутствует в модели управления или в реальном предложении:

tow boš̌or kʒali laqʒ-ewťili "Тот мужчина умерев, закончился (=умер)" (т.9,6) • jemimmes s̄ud abuli laqʒ-ebťili "Им суд сделав, закончился (=Суд над ними совершился)" (т.9,61) • imiš̌ q'arq'aj č'abowu q'enc'-boli laqʒ-eťi "Оттуда в-кутанах овец постригши, закончились (=постригли)" (т.30,23)

5. laqʒ-as "кончать" употребляется при глаголах, не имеющих значения движения; агент присутствует:

mirza qI˳aťa, nen ī̆ken kunneli laqʒ-aw "Мирза когда-пришел, мы все съев кончили (=все уже съели)" (Га)

Л.144. Глаголы, выражающие результативность действия

Наряду с перфектными формами глагола в арчинском языке имеется конструкция, подчеркивающая сохранение результата некоторого действия. В этой конструкции употребляются глаголы eχ̄as "оставаться" и q'eIjq'is "сидеть", выполняющие роль вспомогательного глагола. А именно: $V_{дп,терм}$ +$X_{рез}$ = "действие V совершено и продолжает иметь место его результат".

1. eχ̄as "оставаться" употребляется при глаголах со значением "интеллектуальной деятельности":

tow χ̄i-ewťili, han-uqēnu sint'aw ewχ̄u "Он растерявшись, что-делать не-зная остался (=не знал)" (Ки) • tow boš̌or wirχ̄˳inš̌i ewdileēna, weš̌ kot'aw hanžugur eχ̄u? "α)Ведь тот мужчина α)работал, вам не-слышав как оказалось (=как вы об этом не знали)?" (Ки,прим) • š˳aIš̌ q'ot lahas k'ob noḳ̌'a exnili eχ̄uli xIe ewťi "В-прошлом-году зимой пареньодежду дома забыв оставшись замерз" (Гу,рус)

2. q'eIjq'is "сидеть" употребляется при глаголах конкретного действия:

jamur lo, duχ̄Iat xōnnib ǩ'uťallowu oχ̄ali žeš̄at'u, tow duχ̄Ian halmun xōsu oχ̄ali, q'ardili "Эта девушка, на-мельнице α)и все-найденные α)мешки взяв себе, β)и того-мельника β)богатство взяв, села (=осталась)" (т.23,58) • jamum bolo č'ānu buḳ̌'uli, jamummin aḳ̌'u kunneli, tow q'owdili "Эту нашу овцу зарезав, ее и-мясо поев, он сел (=остался)" (Ки,прим) • jaš̄a owli ōqu, q'eIbdili " α)И теперь сделав α)свадьбу, сели" (т.22,54)• jamu boš̌ormuχ̌u dīχ̌abu bac abču, q'ardili, zari "α)С этим α)мужем шесть месяцев провела, оставаясь, я" (т.27,6).

Л.15. И д е о ф о н ы

В арчинском языке идеофонический характер имеют bos'овые глаголы, отглагольные слова (деепричастия) с bos'овым элементом, а также некоторые субстантивы. В настоящем исследовании термин "идеофоны" подчеркивает характер значений названных слов (связь значений со звуковой оболочкой слов) и не характеризует исследуемые нами слова как какую-либо отдельную от других частей речи категорию слов (ср. употребление данного термина по отношению к африканским языкам).

Повышенной степенью мотивированности характеризуются чисто звукоподражательные bos'овые глаголы или их деепричастные формы (см. Л.151.1, Л.151.2), представляющие собой результат подражания звуком звуковым явлениям. Другая же часть идеофонов, представляющая собой в основном морфологически производные формы (bos'-овые деепричастия), а также некоторые субстантивы, связана с выражением с помощью звуков незвуковых явлений или характера определенных действий, не связанных со звукопроизводством. Эти слова характеризуются звуковым символизмом (см. Л.151.3).

Л.151. Глагольные идеофоны (bos'овые глаголы)

Неспрягаемая часть bos'-овых глаголов в арчинском языке представляет собой звукоподражательные комплексы, сочетающиеся со вспомогательным глаголом bos "говорить", "сказать". Все сложные глаголы, имеющие такую структуру, связаны со значением "звучания". Это так называемые звукоподражательные глаголы. В отличие от прочих сложных глаголов, bos'овые глаголы, как правило, не сохраняют модели управления спрягаемого глагола bos. А именно, при них возможен субстантив в номинативе (фактитив) и в ряде случаев субстантив в эргативе (агент). Исключение составляют глаголы: tubus "плевать", ǩiǩ-bos "шипеть", š̄ₒit'-bos "свистеть", č'oIw-bos "чавкать", uInš̆-bos "сморкаться", uHu-bos "кашлять", xIaq'-bos "блевать"[16]. Все эти глаголы имеют один актант[17], выраженный эргативом, т.е. неспрягаемая часть этих глаголов исторически является субстантивом в номинативе (фактитивом): эти глаголы в соответствии с моделью управления глагола bos означают, что "некто (эрг) говорит X", где X - неспрягаемая часть. Все bos'овые глаголы можно разбить на три группы.

Л.151.1. Глаголы со значением звукопроизводства

Сюда относятся глаголы "говорения" и глаголы, обозначающие типичный способ звукопроизводства конкретного субстантива. Данные глаголы характеризуются максимальной степенью мотивированности (ниже при каждом глаголе указывается его модель управления в словарной форме).

bāIbus "разговаривать" ⟨кто: Ф⟩ • burRIur-bos "ворчать" ⟨кто: Ф⟩ • eImmus "плакать" ⟨кто: Ф⟩ • Hubus "рычать" ⟨кто: Ф⟩ • aIngaI-bos "плакать (о ребенке)" ⟨кто: Ф[$S_{эрг}$]⟩ • bu-bos "мычать" ⟨кто: Ф⟩ • bu-bos "ворковать" ⟨кто: Ф⟩ • c'ir-bos "пищать" ⟨кто: Ф⟩ • č'ak'-bos "болтать" ⟨кто: Ф⟩ • haImp-bos "лаять" ⟨кто: Ф⟩ • hoI'-bos "кричать" (об осле)" ⟨кто: Ф⟩ • HiHi-bos "ржать" ⟨кто: Ф⟩ • iI'uI-bos "кукарекать" ⟨кто: Ф⟩ • ǩiǩ-bos "шипеть" ⟨кто: Ф[$S_{эрг}$]⟩ • maI-bos "блеять (об овцах)" ⟨кто: Ф⟩ • me'e-bos "блеять" (о козах)" ⟨кто: Ф⟩ • noIw-bos "мяукать" ⟨кто: Ф⟩ • q'iR-bos "кричать" ⟨кто: Ф⟩ • š̄ₒit'-bos "свистеть" ⟨кто: Ф[$S_{эрг}$]⟩ • uh-bos "вздыхать" ⟨кто: Ф⟩ • ziz-bos "жужжать" ⟨кто: Ф⟩ • zₒarx-bos "звенеть" ⟨что: Ф⟩ • RIemRIə-bos "огрызаться" ⟨кто: Ф⟩ • č'iw-bos "чирикать" ⟨кто: Ф⟩

aI'-bos "звать" ⟨кто: АГ, кого: Ф⟩ • č'eba-bos "звать идти вместе" (букв. "пойдем сказать") ⟨кто: АГ, кого: Ф⟩ • zab-bos (из: zaba-bos) "звать" (букв. "приходи сказать") ⟨кто: АГ, кого: Ф⟩ • oq'i-bos "просить" (букв. "дай сказать") ⟨кто: АГ, что: Ф, у кого: К[$S_{конт-алл}$]⟩ • šuš-bos "шептать" ⟨кто: АГ, кому: К[$S_{конт-алл}$]⟩

ma-bos "предлагать" ⟨кто: АГ, что: Ф, кому: АД⟩

Л.151.2. Глаголы "физиологического" действия

Сюда относятся глаголы, означающие некоторое (физиологическое) действие, связанное с производством характерного звука. Данные глаголы приблизительно воспроизводят звучания (или звуки), сопровождающие определенные физиологические действия, поэтому как и глаголы первой группы, характеризуются высокой степенью мотивированности:

lammus "лизать" (из: lam-bos) ⟨кто: АГ, что: Ф⟩ • c'abus "пить (залпом)" ⟨кто: АГ, что: Ф⟩ • x̄ubus "пить (глотками)" (из: x̄u+bos) ⟨кто: АГ, что: Ф⟩ • č'aImmus "жевать" ⟨кто: АГ, что: Ф⟩ qurqI'-bos "проглатывать" ⟨кто: АГ, что: Ф⟩ • p'ah-bos "курить" ⟨кто: АГ, что: Ф⟩ • s̄unt'-bos "нюхать" ⟨кто: АГ, что: Ф⟩ • c'ur-bos "сосать" ⟨кто: АГ, что: Ф⟩ • č'eInt'-bos "сплевывать через зубы" ⟨кто: АГ, что: Ф⟩

q'iр̄us "испражняться" ⟨кто: Ф⟩ • aInš̆a-bos "чихать" ⟨кто: Ф⟩ • haǩ'-bos "зевать" ⟨кто: Ф⟩ • haIh-bos "дышать" ⟨кто: Ф⟩ • qIʒar-bos "урчать (о животе)" ⟨что: Ф⟩ • s̄ink'-bos "всхлипывать" ⟨кто: Ф⟩ • x̄ank'-bos "храпеть" ⟨кто: Ф⟩ • xaqI'-bos "блевать" ⟨кто: Ф[$S_{эрг}$]⟩ • uHu-bos "кашлять" ⟨кто: Ф[$S_{эрг}$]⟩ • uInš̆-bos "сморкаться" ⟨кто: Ф[$S_{эрг}$]⟩ • č'oIw-bos "чавкать" ⟨кто: Ф[$S_{эрг}$]⟩

hubus "дуть" ⟨кто: АГ, на что: АД⟩ • tubus "плевать" ⟨кто: АГ, на что: АД⟩

16. Кроме того, глагол aIngaI-bos "плакать (о ребенке)" может требовать как номинатива, так и эргатива.

17. Глаголы šuš-bos "шушукать", kₒač'et bos "лгать" двухактантные, но фактитива не имеют.

ba'-bos "целовать"⟨кто: АГ, кого: Ф[S*dam*]⟩• p'a-bos "целовать" ⟨кто: АГ, кого: Ф[S*dam*]⟩

Часть глаголов называет некоторое физическое действие звукоподражательно (или звукосимволически), указывая на сопровождающее его специфическое звучание.

dammus "лопаться" ⟨что: Ф⟩• kammus "бросать" ⟨кто: АГ, что: Ф⟩• laṗus "бросать, кидать" ⟨кто: АГ, что: Ф⟩• qebus "танцевать" ⟨кто: Ф⟩• qubus "греметь (о громе)" ⟨что: Ф⟩• q'ebus "втыкать" ⟨кто: АГ, что: Ф⟩•č'alṗus "взрываться" ⟨что: Ф⟩• buIr-bos "дымить" ⟨что: Ф⟩• gergə-bos "катать (тесто)" ⟨кто: АГ, что: Ф, чем: И⟩• gerḳə-bos "качать (люльку)" ⟨кто: АГ, что: Ф⟩• guḳə-bos "чесать" ⟨кто: АГ, что: Ф⟩• haIrš̌-bos "кипеть" ⟨что: Ф⟩• k'ej-bos "перезревать (о хлебе)" ⟨что: Ф⟩• k'ent'-bos "капать" ⟨что: Ф⟩• k̆ur-bos "тереть" ⟨кто: АГ, что: Ф⟩• pirx-bos "вспыхивать" ⟨что: Ф⟩• qenz-bos "прясть" ⟨кто: АГ, что: Ф⟩• qert'-bos "копать" ⟨кто: АГ, что: Ф⟩• qIeč̌-bos "толкать" ⟨кто: АГ, кого: Ф[S*dam*]⟩• q'anc'-bos "становиться горьким" ⟨что: Ф⟩• q'arš̌-bos "щелкать" ⟨кто: АГ, чем: Ф⟩• q'enc'-bos "стричь" ⟨кто: АГ, кого: Ф⟩• qʒerq'i-bos "крутить" ⟨кто: АГ, что: Ф, чем: И⟩• qI'art'-bos "вывихиваться" ⟨что: Ф⟩• s̄us̄ə-bos "обмазывать" ⟨кто: АГ, что: Ф, чем: И⟩• c'ec'ə-bos "моросить" ⟨что: Ф⟩• čaIx-bos "течь" ⟨что: Ф⟩• čučə-bos "мыть" ⟨кто: АГ, что: Ф⟩• č̆ₒarRI-bos "расплескиваться" ⟨что: Ф⟩• was-bos "колебаться", "быть в нерешительности" ⟨кто: Ф⟩• xit'-bos "толкать" ⟨кто: АГ, что: Ф⟩• x̄art'-bos "брить" ⟨кто: АГ, кого: Ф, чем: И⟩• x̄ux̄u-bos "пилить" ⟨кто: АГ, что: Ф, чем: И⟩• ž̆ₒal-bos кишеть" ⟨кто: Ф⟩• RerRi-bos "разбиваться" ⟨что: Ф⟩• Rurk̆'-bos "густеть" ⟨что: Ф⟩• RIaž̆-bos "косить" ⟨кто: АГ, что: Ф, чем: И⟩

Л.151.3. Символические обозначения действий

Наряду со сложными bos'овыми глаголами в арчинском языке встречаются морфологически производные формы (bos'овые деепричастия). Неспрягаемая часть этих слов имеет звукосимволический характер, а вспомогательная же часть bos выступает в форме деепричастия. Таким образом, морфологическая структура этих слов аналогична структуре bos'овых глаголов. Подобные слова в лингвистической литературе принято называть образными (существуют и другие термины). Они выражают разнообразные движения, световые эффекты, изменения в состояниях и нахождениях предметов и т.д. Образные слова характеризуются также рядом фонетических особенностей (см. об этом Л.154).

Синтаксически большая часть образных слов в арчинском языке употребляется в обстоятельственных функциях, т.е. они определяют глаголы:

k'ut'-bona jat̄i-x̄as "быстро встать, вскочить", k'ej-k'ej-bona aš̄as "сильно дрожать", zit'-bona qʒan daxis "дать сильную пощечину" и т.д.

Употребляясь в обстоятельственных функциях, образные слова, как правило, предшествуют тому глаголу, который они определяют, и в этой функции они занимают контактную препозицию.

Образные слова устойчиво сочетаются с определенными глаголами. С другой стороны, один и тот же глагол может определяться несколькими образными словами (см. ниже глагол "идти"). Они чаще появляются в экспрессивной, эмоциональной разговорной речи, живо и образно описывая те или иные оттенки, стороны определенных глагольных действий, усиливая эффект, впечатления, вызываемые этими действиями. Эмоциональный элемент, содержащийся в образных словах, сосуществует со значением основного глагола, образно дополняя картину выраженного им действия, подчеркивая сам характер его совершения. Употребляясь в обстоятельственных функциях, образные слова как бы более подробно, более детально выражают разные конкретные стороны тех широких обобщений, способностью к которым обладают наречия.

Однако некоторые образные слова обладают способностью к определенным обобщениям. Так, образное слово warx-bona выражает обильное выделение слез и громкий смех (хохот):

tor warx-boli eImmu "Она горько заплакала"; teb warx-boli baxI-raxIu "Они громко засмеялись"

Классификация образных слов может быть осуществлена на основе их фонологических и семантических признаков. В первом случае обычно выделяются фонологические структурные типы образных слов (см. ниже, Л.154).

По семантическим признакам образные слова в арчинском языке могут быть разбиты на три большие группы.

1. В первую группу входят образные слова, выражающие характер раз-

личного рода движений, перемещений, изменений, напоминающих движения. Значительное место в этой группе занимают слова, передающие различные виды ходьбы, походки:

t'irk'-bona V (где V - глагол движения) "совершать V быстро". lap'-q'alp'-bona V "совершать V, лениво покачиваясь из стороны в сторону" • k'ut'-k'ut'-bona V "совершать V быстро и изящно (обычно о детях)" • dalmp-dalmp-bona V "совершать V медленно, тяжело ступая ногами" • ǩep-qlep-bona V "совершать V медленно, лениво волоча ноги" • qʕac'-qʕac'-bona V "совершать V, стуча ногами (или скрипя сапогами)" • quz-muz-bona V "совершать V неуверенно (обычно о детях)" • k'urš-k'urš-bona V "совершать V, слегка покачивая головой вверх-вниз (обычно о женщинах)" • ged-ged-bona V совершать V быстро (обычно о детях)" • talp-talp-bona V "трястись при совершении V" • gₒar-gₒar-bona V "совершать V быстро" • qʕac'-bona ocis "внезапно остановиться"

К этой группе образных слов примыкают и сложные bos'овые глаголы, передающие различные виды перемещений:

qelt-bos "бежать рысью", qec-bos "ходить", t'irk'-bos "ускорить ходьбу", dur-bos "идти быстро", qurš-bos "скользить", t'ank'-bos "прыгать" (исходные формы данных глаголов имеют звукосимволический характер).

К первой группе относятся также образные слова, выражающие представление о движущемся предмете. При этом образные слова, как правило, выражают и звучания, сопровождающие движения. А в тех случаях, когда движение предметов происходит без звукосопровождения, они выражают характер движения, так сказать, образ движущегося предмета:

ziw-boli gulla cabxu "Со-свистом пуля пролетела" • q'onq' dalmp-boli eku "Книга со-стуком упала" • k'ur-k'ur-bona kₒēkis "быстро вращаться"

Несколько образных слов употребляется для обозначения характера вытекания воды из различных сосудов:

k'ur-k'ur-bona "при вытекании воды тонкой струей", qIₒar-qIₒar-bona "при вытекании воды из сосуда с широким горлышком", čir-čir-bona "при вытекании воды тонкой, но сильной струей"

И, наконец, в первую группу мы включаем слова, обозначающие различные конкретные действия, совершающиеся человеком и сопровождающиеся разного рода движениями:

zit'-bona qʕan daxis "дать сильную пощечину" • wirx-bona q'umaš baxčas "с-треском материю рвать" • dalnk-bona q'eljq'is "грузно сесть" • k'ut'-bona jaṯi-x̄as "быстро встать, вскочить" • žirq-bona č'ut dabxis "интенсивно кувшин качать (при сбивании масла)" • k'ut'-bona kurak šubus "ловко (быстро) (что-либо) в-руки взять" • qʕank'-bona dak' dakas "захлопнуть дверь" • sem-sem-bona kummus "медленно есть"

2. Вторую группу образуют образные слова, связанные с ощущениями, чувствами, состояниями человека, с его внутренними реакциями на внешние раздражения:

k'ur-k'ur-bona arxmus "быстро скатиться (о слезах)" • c'ap'-c'ap'-bona ac̄'is exmus "почувствовать ноющую боль" • warx-warx-bona elmmus "горько заплакать" • k'ej-k'ej-bona aš̄as "сильно дрожать" • walrt-bona ac̄'is exmus "почувствовать тупую боль" • warx-bona xlaras "громко смеяться"

Сюда же можно включить и некоторые bos'овые глаголы:

Huč'-bos "лениться" • lah-bos "захотеть есть" • hejt-bos "обняться" q'ec'-bos "задираться".

3. В третью группу входят слова, выражающие предельную степень различных явлений, действий. В эту группу мы включаем и слова, которые, как обычно, выражают характер резких мгновенных действий:

zank-bona ac̄'as "битком набиться" • zir-bona datis "проясниться (о погоде)" • zerzə-bona ac̄'as "переполниться" • warx-warx-bona arxmus "внезапно посыпаться" • qʕant'-bona at'as "резко обрывать (например, нитку)".

Из bos'овых глаголов в эту группу входят следующие:

park'-bos "мигать" • par-bos "сверкать" • pars-bos "моргать" • wak'-bos "стать прозрачной (о воде)", k'erk'ə-bos "кудрявиться", nalbč'-bos "блестеть" • pirx-bos "вспыхнуть" • k'ej-bos "перезреть (о хлебе)" • k'eršbos "кивать головой" • t'ent'ə-bos "нажраться".

Л.152. Именные идеофоны

Известно, что некоторые субстантивы в арчинском языке образуются от неспрягаемых частей bos'овых глаголов присоединением суффикса {əla} (см. Л.213). Почти все субстантивы, образованные таким образом, имеют в своей основе звукоподражание. Их

значение можно представить в следующем виде: "то, которым V" или "то, которое V" (где V - типичное действие называемого, связанное с звукопроизводством):

č'irq'əla "трещотка" (č'irq'-bos "издавать треск")
š̆₀it'əla "свистулька" (š̆₀it'-bos "свистеть")
č'ip'əla "певчая птичка" (č'iw-bos "чирикать")
c'urəla "название цветка" (c'ur-bos "сосать")
qurš̆əla "каток" (qurš̆-bos "скользить")
uInš̆əla "ящерица" (uInš̆-bos "сморкаться")
c'ir-əla "пискля" (c'ir-bos "пищать")
Rurk̆'əla "давка" (Rurk̆'-bos "густеть")

В арчинском языке имеют место непроизводные основы субстантивов, значения которых характеризуются также звукосимволикой. Среди них встречаются как редуплицированные, так и нередуплицированные (простые) основы. В семантическом отношении эти субстантивы проявляют большое разнообразие. Один из наиболее очевидных принципов звукоподражательной или символической характеристики предмета заключается в том, что подражания звучаниям, сопровождающим характерные действия предметов (или издаваемым ими), становятся названиями самих этих предметов. Такую природу, по-видимому, имеют субстантивы hud-hud "удод", x̄urk' "голубь", gik̄u "кукушка", parx "барабан", xent'e "камень для очистки овчины", puIrš̆ "смрад", "вонь", čač̆i "приспособление для очистки зерна в виде корыта" (ср. č̆₀arxI-bos "чистить зерно при помощи čač̆i), gur-gur "индюк", š̆₀aIlt' "волна" и некоторые другие.

Кроме того, встречаются субстантивы чисто символического характера, не связанные со способом звукопроизводства: zimzu "муравей", qerq "узел", x̆₀inc' "клещ", xIerxI "слизь", k'ent' "капля", (ср. k'ent'-bos "капать"), xIarxIi "слизь (на камнях в реке)" и т.д.

Символический характер имеют некоторые производные субстантивы, которые исторически, видимо, образовались так же, как и субстантивы с суффиксом {əla}, первая часть которых представляет собой звукоподражательный комплекс (или выступает в качестве неспрягаемой части bos'овых глаголов; примеры см. выше):

c'imic'əla "бабочка", p'aIrp'əla "перепелка", žibəla "ласточка", k'emek'əla "маленькая юла".

Л.153. Детские слова

В основе детских слов в арчинском языке, несомненно, лежит звукосимволика. Характерным признаком субстантивов является редупликация, а слова со значением действия имеют структуру сложных bos'овых глаголов. Причем неспрягаемые части при этом могут быть редуплицированными:

č̆it-bos "надевать обувь", Ret'-bos "стоять", dak'-bos "сесть", duk-bos "упасть", hač̆a-bos "нести на спине", č̆aIp-č̆aIp-bos "купаться", lala-bos "ложиться спать", hō-hō-bos "гулять", "нести на спине", k'am-k'am-bos "есть (кушать)", 'a'a-bos "пачкаться", gugō-bos "катиться", his-bos "обжечься", daťa-bos "ходить", qix-bos "резать (животных)", ah-bos "бить", ударять", č̆iš̆-bos "мочиться".

Детские слова - субстантивы в арчинском языке образуются поразному. В некоторых словах обнаруживается тенденция к открытости слога; такие субстантивы образуются наращиванием к основам обычных односложных слов гласного элемента:

uqu "нога" (ср. aq "нога"), gat'a "платок (ср. gat' "платок"), gonno "палец" (ср. gon "палец), č̆'eIpe "люлька" (ср. č̆'eIp "люлька").

Часть детских слов представляет собой усеченные формы соответствующих субстантивов:

xit'i "каша" (ср. xit'məsan "каша"), k'aHa "палка" (ср. kʒaHani ‖ k'uHani "палка") и некоторые другие.

Большинство названий животных образованы от междометий:

gici "корова", "бык", "теленок" (gīc - так подзывают скот); gux̄uč̆ "курица", "петух" (gux̄ - так подзывают кур); nono "кошка", "кот", "котенок" (nini - так подзывают кошек); dogo "коза", "козел", "козленок" (digi - так подзывают коз); ba'aj "баран", "овца", "ягненок" (ср. bā-bos "блеять"- об овцах); č̆uma "лошадь", č̆oč̆o "осел", Hapu "собака".

Интересно, что в области названий животных представлены детские слова, обозначающие лишь видовые понятия.

Прочие детские слова: p'aH "вода", kuč̆'u "рука", (ср. kul "рука"), nene "ребенок", paIpaI "обувь", ic̄'i "конфета" (ic' "быть сладким"), zizi "боль", didi "о красивой вещи", 'a'a "грязь", "нечто нечистое", gogo "хлеб", mama "женская грудь" (ср. mam

"женская грудь"), c'uk'u "нечто, которое можно сосать" (cuk'u-bos "сосать"), xlošo "рубашка" (ср. xlošon "рубашка").

Л.154. Фонетические особенности идеофонов

Прежде всего следует отметить, что идеофоны в зависимости от их фонологического состава можно классифицировать по определенным структурным типам. Обнаружено пять структурных фонологических типов: VC, CVC, $C_1VC_2C_3$ (где C_2 - сонорный, C_3 - шумный); C_oVC (где C_o - лабиализованная согласная фонема), $C_oVC_1C_2$. Примеры: uh (uh-bos "вздыхать"), ǩiǩ (ǩiǩ-bos "шипеть"), k'ir-k'ir "подражание звуку, сопровождающему смех", k'urš-k'urš "звуковой образ определенной походки", gurqI (gurqI-bos "глотать"), $\bar{x}_o$it' "звукообраз быстрого проведения линии на поверхности чего-либо", $z_o$arR ($z_o$arR-bos "звенеть") и др.

Другой особенностью идеофонов является то, что в них ярче проявляются черты звукового символизма. Так, сильные согласные, как правило, подчеркивают длительность, напряженность действий: $\bar{x}_o$it'-bona raq ačas "резко провести линию", $\bar{s}$ink'-bot'aw ocis "не трогаться с места".

Абруптивные согласные выражают мгновенность, моментальность кратковременных действий: park'-bos "мигать", $q_o^!$ant'-bos "откусить", k'ut'-bona jaťi-$\bar{x}$as "быстро встать, вскочить" и т.д.

Согласные [z], [s], [c], [c'] могут выражать резкие звучания высокого тона, какие-либо "пронзительные" жесты, резкие эффекты от каких-либо действий: ziw "свист пролетающий пули", zank-bona $\bar{a}$c'as "битком набиться", c'ir-bos "пищать", zerzə-bona "переполниться" и др. (кстати, в арчинском языке в идеофонах встречаются лабиализованные зубные [z_o], [d_o], которые не присутствуют в обычных словах).

Символические функции могут выполнять и гласные. Так, a выражает громкие звучания, сильные эффекты, размашистость: alh-alh "звукообраз громкого смеха", walrt "образ тупой боли", q'anc'-q'anc'-bona a$\bar{a}$as "сильно дрожать" и т.д.; [i], наоборот, выражает либо тихий звук, либо высокий тон любой громкости, слабые (но резкие) действия: k'ir-k'ir "о негромком дрожащем смехе", ziw "звукообраз свиста пролетающей пули", čir-čir "звукообраз тонкой струи воды".

Фарингализация в идеофонах часто выражает эффективный характер слов, нежелательность тех или иных восприятий, ощущений и т.д. В словах же, выражающих идею отвращения, нежелательности, встречаются

гортанные звуки. Примеры:
xaqI'-bos "блевать", 'op'-bos "отрыгивать", holboI-šolboI "всякая всячина", "беспорядок", ulnš-qlunš-bos "сопеть", dalmp-dalmp-bona herqlas "идти, тяжело ступая ногами", palpal "неуклюжий человек", dalda lw "тучный человек", olboI "грязь", pulrš "смрад", "вонь" и т.д.

Чистые корни без удвоения, как правило, выражают звучания или зрительные впечатления, вызванные одиночными действиями: dalmp-bona ekas "упасть со-стуком", k'ut'-bona jaťi-$\bar{x}$as "быстро встать, вскочить", zit'-bona $q_o^!$an daxis "дать сильную пощечину". Удвоение корней (редупликация) выражает многократность одного и того же действия, прерывающиеся звукосопровождения, длительность: sem-sem-bona kummus "есть (кушать) медленно", ged-ged-bona herqlas "идти мелкими шагами (обычно о ребенке)", pirq'-pirq'-bona xašas "растрескаться (о коже рук)". Редупликация может выражать и интенсивность определенных действий: al'-al'-bona b$\bar{a}$lbus "громко разговаривать", warx-warx-bona elmmus "горько плакать".

Особый интерес представляют парные образные слова, вторая часть которых не точно воспроизводит первую. Они выражают, как правило, разнородные звучания, неравномерность, неразборчивость, сочетание разнородных движений, неодинаковость повторяющихся действий, беспорядок: č'irim-RIirim "галдеж", der-Rer-bona b$\bar{a}$lbus "говорить непонятно", lap-qlap'-bona herqlas "ходить неравномерно, покачиваясь из стороны в сторону", holboI-šolbo "всякая всячина, нечто несуразное, непонятное", harš-hurš-bona helrqlas "трястись при ходьбе".

Л.2. ЭЛЕМЕНТЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

В настоящем исследовании не ставилось цели дать всестороннее описание словообразовательных средств арчинского языка. В данном разделе будут рассмотрены лишь наиболее важные словообразовательные модели субстантива, глагола и наречия (о словообразовании числительных см. Т.15).

Ими проблема арчинского словообразования не исчерпывается. Так, остается в тени вопрос о морфологической структуре так называемых простых глаголов. Очевидно, что большинство этих глаголов являются

исторически сложными. Вскрытие их структуры поможет в дальнейшем лучше понять их словоизменительную морфологию. Не исследованы также некоторые другие исторические словообразовательные процессы (видимо, все исконные неодносложные субстантивы обладают внутренней морфологической структурой).

Л.21. Субстантив

Словообразование субстантива развито слабо, поэтому большинство субстантивов в арчинском языке представляют собой чистые корни. Однако можно выделить несколько словообразующих суффиксов, а также такие способы, как конверсия и корнесложение.

Л.211. Суффикс {an}

При помощи суффикса {an} образуются субстантивы от глаголов, наречий и субстантивов (в некоторых случаях исходная основа не сохранилась).

а) Субстантивы, образованные от глаголов

ak̄on "свет", (ak̄us "видеть", √á=k̄₀a), bat'an[18] "хворост" (at'as "рубить", √á=t'ₘa), bar̄son "ребро" (ar̄sas "резать на куски", √ár̄sₘa), eIčon "точильный брусок" (eIčas "точить", √éI-čₘa), abc'on "стружки" (babc'as "строгать", √bábc'ₘa), c'ennen "отходы муки" (c'ummus "просеивать", терм: c'enne), q'uren "сухие тонкие ветки" (q'uras "сохнуть", терм: q'ure).

б) Субстантивы, образованные от наречий

hirxiran "завещание" (*hir "спереди", xir "сзади"), jat̄an "обет" (jat "наверху"), jat̄ikan "верхнее платье" (jat̄ik "наверху"), jakan "подстилка из соломы для чарыков" (jak "внутрь"), ǩ'araxut̄an "взятка" (ǩ'araxut "снизу"), ǩ'illiǩ'an "изголовье" (ǩ'illiǩ' "под головой"), ǩ'iran "мусор"; "подстилка для скота" (ǩ'ir "внизу"), qI'anakan "сводничество" (qI'anak "между"), x̌̄₀akan "закуска" (x̌̄₀ak "около, рядом"), mik'iran "сновидение" (mik'ir "во сне").

в) Субстантивы, образованные от косвенных падежей субстантивов

aqəlt̄əkan "обувь" (из: aqlit̄ik "к ноге (супер-лат)", lagilakan

18. Историческая лабиализация корневой согласной не сохранилась.

"закуска" (из: lagilak "в живот (ин-лат)"), qaqan "ноша" (qaqa "на спине (ин-эс)").

Для некоторых субстантивов, имеющих суффикс {an}, отсутствует в современном языке исходное слово.

dac'on "толокно (как сырье), dar̄c'an "бровь", jak̄əšan "внутренности (человека, животных)", s̄irs̄an "ус", t'ak'an "ошейник теленка", k'uHan "палка", k'ox̌an "сарай".

Л.212. Суффикс {i}

а) При помощи этого суффикса образуются субстантивы от глагола (иногда в основе дуратива).

ac̄'i "болезнь" (ac̄'ar "болеть"), ari "работа" (as "делать", дур: ar), bat'i "коврик местного производства" (āt'as "ткать", имп(Ш): b+at'a), dorki "крышка кувшина" (dokas "накрывать", дур: dorkur), gurqI'i "кадык" (gurqI'-bos "глотать", дур: gurqI'ar), herqIi "походка" (herqIas "идти", дур: herqIar), ic̄'i "конфета" (ic' "быть сладким"), mars̄i "лоскут" (ars̄as "резать на куски", дур (Ш): b+ars̄ar), qIanki "окот" (qIan kes "отелиться", дур: qIan ker), x₀et̄i "клятва" (x₀et̄as "клясться").

б) Часто этим суффиксом оформляются сложные субстантивы.

bok'-arči "каша из солода" (bok' "солод"; ačas "реализовывать", дур: arčar), k'alum barči "пенал" (k'alum "карандаш", orxI-arči "солонка" (orxIi "соль"), s̄ebek-arči "удила" (s̄ebek "в рот (ин-лат)", ǩ'illiǩ'-berx̌̄i "подушка" (ǩ'illiǩ' "под головой", ex̌̄as "класть", дур (Ш): berx̌̄ar), ǩ'ir-erx̌̄i "колода для рубки мяса" (ǩ'ir "внизу"), poIrčet-erx̌̄i "подушка, которую кладут в люльку к ножкам ребенка" (poIrčet "на коленях (супер-эс, мн)" от poImp "колено"), dali-borci "вертушка на мельнице" (dali "шест", ocis "стоять", дур (Ш): borcir), mox̌̄ol-orci "стремя" (*mox̌̄ol "ступня"), lači-barti "ступка для чеснока" (lači "чеснок", ātas "толочь", "дробить", дур (Ш): b+artur), aǩ'-arti "топорик для разделывания мяса", "мясорубка" (aǩ' "мясо"), x̄₀alli-bart'i "инструмент для обрезания краев чуреков" (x̄₀alli "хлеб", at'as "резать", дур (Ш): b+art'ur), poImplin k₀arš̌i "коленная чашечка" (poImplin "колено (ген)", k₀arši=?), hoti-g₀arq̄'i "грабли" (hoti "трава", g₀aq̄'as "собирать", дур: g₀arq̄'ur), sot-barci "озимая пшеница" (sot "осенью", acas "сеять", дур (Ш): b+arcar), iIntin-ac̄'i "надоедание" (iIntin - старый ген. от: oInt "голова", ac̄'i "болезнь", "боль", от: ac̄'ar "болеть").

Л.213. Суффикс {ǝla}

При помощи этого суффикса могут образовываться отглагольные субстантивы (в основном от основы дуратива), подобно суффиксу {i}.

arčǝla "лента на чухте" (ačas "реализовывать", дур: arčar), barč'ǝla "прятки" (ač'as "прятаться", дур (Ш): b+arč'ur), berq̄'ǝla "хрящ" (eq̄'as "кусать", дур(Ш): b+erq̄'ur), dabxǝla "приспособление для размягчения овчины" (dāxis "ударять", дур(Ш): da+b+xir).

Этот суффикс образует также субстантивы от неспрягаемых частей bos' овых и kes'овых глаголов:
šₒit'ǝla "свистулька" (ср. šₒit'-bos "свистеть"), č'irqǝla "трещотка" (ср. čirq'-bos "издавать треск"), qurš̄ǝla "каток (ср. qurš-bos "скользить"), Rurǩ'ǝla "давка" (ср. Rurǩ'-bos "густеть"), t'ank'ála "место перепрыгивания через реку" (ср. t'ank'-bos "прыгать)", x̄arx̄ála "крючок для одежды" (ср. x̄arx̄-kes "цепляться"), uInš̄ǝla "ящерица" (ср. uInš-bos "сморкаться"), parǝla "молния" (par-bos "сверкать").

Отмечены случаи присоединения этого суффикса к субстантиву. oc'ǝla "огниво" (oc' "огонь"), purx̄ǝla "понос" (purx "жидкое испражнение при поносе").

В некоторых словах исходную основу этимологизировать не удается.

c'imic'ǝla "бабочка", č'ip'ǝla "певчая птичка", dat'ǝla "мера веса", hubǝla "шиповник", kₒasǝla "сетка" (часть желудка животных), murtǝla "овечий сыр", nik'ǝrk'ala "тонкий слой воды надо льдом", paIt̄ǝla "штаны", qI'argǝla "крупная кость", qIₒeqIǝla "кустарник (обычно растет у берегов рек)", žibǝla "ласточка".

В некоторых словах исходная основа заимствована из лакского или аварского языка.

gurgǝla "хлеб в форме рожка" (ср. ав. gurga), imǩ'ǝla "носок" (ср. ав. unǩ' "носок" - диал.), márx̄ǝla "снег" (ср. лак. marx̄ála "снег").

Л.214. Суффиксы {ǝra}, {ǝna}

Эти суффиксы выделяются исторически (см. Т.112.5), исходные основы в современном арчинском языке обычно отсутствуют.

aIt̄ǝra "загон для дойки овец", dumpǝra "холм", kaRǝra "письмо", šet'ǝra "бородавка", tuš̄ǝra "туссара (шерстяная сумка)", haIt'ǝna "медальон", heǩ'ǝna "вещь", nak'ǝna "ключ", xIak'ǝra "клещ", zuǩ'ǝra "мочка уха".

Л.215. Суффиксы {ól}, {ór}, {ón}

Эти суффиксы являются, видимо, ударными коррелятами суффиксов {ǝla}, {ǝra}, {ǝna}; в синхронном состоянии арчинского языка они не выделяются (см. Т.111.323-б, Т.111.326).

hondól "вид съедобной травы", k'onc'ól "щенок", ǩ'ont'ól "ноготь", mosól "надгробный камень", motól "козленок", qIošól "лестница", qI'ot'ól "пояс", x̌onnól "женщина", noqI'ón "мышь", xot̄ón "полоса вокруг вспаханного поля, покрытая травой", xIošón "рубашка", mocór "пастбище", k'ok'ór "мешочек из овчины", qoqól "пшеница", moxór "грудинка", moǩól "выцветшая старая сухая трава на склонах гор".

Л.216. Суффиксы {u}, {či}

При помощи этих суффиксов образуются субстантивы, обозначающие людей. Суффикс {či}, заимствованный из тюркских языков, обозначает nomen agentis (имя деятеля).

qelejči "лудильщик", (qalaj "олово"), qulduRči "служащий" (qulduR "служба", "должность"), ‘arabči "аробщик" (‘arabi "арба"), ilqiči "табунщик" (ilqi "табун").

Этим суффиксом оформлено также слово ojomči "заяц" от: ojom "уши" (т.е. "ушастый").

При помощи суффикса {u} образуются субстантивы от стативных глаголов; образованные таким образом субстантивы обозначают людей, страдающих какими-либо физическими недостатками. Подобных субстантивов в арчинском языке мало.

becu "слепой человек" (bec "быть слепым"), deq̄'u "хромой человек" (deq' "быть хромым"), eInk̄u "глухой человек" (eInk "быть глухим"), qIok̄u "левша" (qIok "левый").

Такую же структуру, видимо, имеют слова ǩ'eǩ'u "двухвостка" (ǩ'eǩ' "быть кривым"), naIǩ'u "слепень" (naIǩ' "быть голубым").

Л.217. Суффиксы {mul}, {kul}, {t'i}

Эти суффиксы являются продуктивным способом субстантивации глаголов, а именно исходная основа простых динамических глаголов субстантивируется при помощи суффикса {mul} (например: baqI'as "возвращаться" - buqI'mul "возвращение"), исходная основа bos'-овых глаголов - при помощи суффикса {t'i} (например: c'abus "пить" - c'at'i "питье"), а видо-временные глагольные формы (в том числе и стативные глаголы) - при помощи суффикса {kul}. Отглагольные субстантивы называются масдарами (подробнее о способах образования масдаров см. Т.123.4).

В ряде случаев масдарная форма глаголов выступает как устойчивая лексическая единица. Особенно много таких субстантивов от стативных глаголов (часто отглагольный субстантив более употребителен, чем соответствующий стативный глагол).

bēxukul "высота" (bēxu "быть высоким"), bižkul "наглость" (bižu "быть наглым"), buχ̄Iakul "доброта" (buχ̄Ia "быть добрым"), buRkul "духота" (buR "быть жарким"), hackul "слабость" (hac "быть слабым"), iǩ' it'ukul "бесстрашие" (iǩ' it'u "нет страха"), inžitkul "мучение" (inžit "мучить"), iq̄I'akul "голод" (iq̄I'a "быть голодным"), iqI$_{o}$kul "тяжесть", "вес" (iqI$_{o}$ "быть тяжелым"), ic'kul "сладость" (ic' "быть сладким"), juzuqkul "бедственное положение" (juzuq "быть несчастным"), k'āk'akul "жара" (k'āk'a "быть жарким"), ǩ'ankul "любовь" (ǩ'an "любить"), ǩ'eIrkul "жара" (ǩ'eIr "(быть) жарко"), lāxakul "длина" (lāxa "быть длинным"), mač'akul "темнота" (mač'a "быть темным"), mukul "красота" (mu "быть красивым"), muqIukul "мелочь" (muqIu "быть мелким"), pariq'atkul "спокойствие" (pariq'at "быть спокойным"), pasiHkul "красноречие" (pasiH "быть красноречивым"), porokul "плодородие" (poro "быть плодородным"), q'akul "равнина" (q'a "быть ровным"), q$_{o}$akul "ширина" (q$_{o}$a "быть широким"), šax$_{o}$kul "ржавчина" (šax$_{o}$ "быть ржавым"), t'alakul "правда" (t'ala "быть правым"), t'ibirkul "жалость" (t'ibir "(быть) жалко"), wixkul "доверие" (wix "верить"), xalakul "старость", (xala "быть старым"), xIekul "холод" (xIe "(быть) холодно"), x̌áImakul "богатство" (x̌áIma "быть богатым"), x̌aImáIkul "жидкость" (x̌aImáI "быть жидким").

Некоторые масдары, образованные от исходной основы динамических глаголов, также являются устойчивыми субстантивами. Они означают при этом результат действия, а не абстрактную идею действия.

at'mul "сотканный материал" (at'as "ткань"), aI't'i "крик" (aI'-bos "кричать"), axtut'i "мокрота" (ax-bos "харкать" + tubus "плевать"), bāIbət'i "разговор" (bāIbus "разговаривать"), babxImul "опухоль" (babχ̄Ias "опухать"), bumul "предание" (bos "говорить"), č'ak't'i "болтовня" (č'ak-bos "болтать"), haIht'i "дыхание" (haIh-bos "дышать"), herqI't'i "отрыжка" (herqI'-bos "отрыгивать"), kummul "еда" (kummus "есть"), k'imk'mul "смерть" (k'is "умирать"), eImt'i "плач" (eImmus "плакать"), oqI'mul "проигрыш" (oq̄I'as "проиграть", qeltt'i "рысь" (т.е. бег лошади, от: qelt -bos "бежать рысью").

Кроме того, при помощи суффикса {kul} субстантивы абстрактной семантики могут образовываться от субстантивов конкретной семантики (обозначающих людей).

adamkul "человечность" (adam "человек"), albahkul "глупость" (albahdu "ненормальный"), c'ukakul "трусость" (c'uka "трус"), c'ohorkul "воровство" (c'ohor "вор"), bimušurkul "храбрость" (bimušur "храбрец"), dijakul "отцовство" (dija "отец"), dušmankul "вражда" (dušman "враг"), halmaxkul "дружба" (halmaxdu "друг"), mačakul "родство" (mačatu "родственник"), ošobkul "братство" (ošob "братья"), χ̄Ielekul "потчевание" (χ̄Iele "гости"), q'adikul "должность кадия" (q'adi "кадий"), doskul "дружба" (dos "друг").

Л.218. Словосложение

Субстантивы могут образовываться при помощи сложения слов. Возможны следующие модели.

1. "S + S", т.е. сочетание двух субстантивов в номинативе. При этом второй субстантив означает родовое понятие, а первый - видовой признак.

muš-leǩi "одна из костей конечностей человека или животных" (muš "альчик", leǩi "кость"), oIč'-leǩi "шея" (oIč'i "воротник", leǩi "кость"), čaq$_{o}$-leǩi "лопатка" (č'aq$_{o}$ "ложка", leǩi "кость"), aran-naq$_{o}$ "степная местность с жарким климатом" (aran "степь", naq$_{o}$ "земля"), imc̄'e-χ̄$_{o}$alli "блины" (imc'"мед", χ̄$_{o}$alli "хлеб"), k'ummur-qIin "арочный мост" (k'ummur "арка", qIin "мост"), k'unč'ul-k'uHani "игра в чижика" (k'unč'ul "чижик", k'uHani "палка"), lači-pil "чеснок" (lači "чеснок" (лак.), pil "общее название для чеснока и лука"), k$_{o}$et'-x$_{o}$aršI "паук", (k$_{o}$et' "моток". x$_{o}$aršI

"червь"), oIroIs-qIₒib "картошка" (oIroIs "русский", qIₒib "бутень"), paIt̄əl-k'an "ластовица штанов" (paIt̄əla "штаны", k'an "дно"), č'ot-xol "локоть" (č'ot "длинная узкая полоска кожи", xol "рука"), uri-noIš "молодая необъезженная лошадь" (uri "жеребенок", noIš "лошадь"), q'alaq'i-uIrbəIt'i "черепаха" (q'alaq'i "крышка", uIrbəIt'i "лягушка").

Сложный субстантив может означать совокупность предметов, названных составляющими субстантивами.

aš̄ə-x̌onnol "супруги" (*as "муж", x̌onnol "жена"), aq-kul "конечности" (aq "нога", kul "рука"), bošor-x̌onnol "супруги" (bošor "муж", x̌onnol "жена"), buč̄'i-č'abu "крупный и мелкий рогатый скот" (buč̄'i "скот", č'abu "овцы"), buwa-dija "родители" (buwa "мать", dija "отец"), gel-č'aqź "посуда" (gel "кружка", č'aqź "ложка"), ǩili-mataH "сбруя, принадлежности седла" (ǩili "седло", mataH "вещи"), mas-mataH "постельные принадлежности" (mas "матрац", mataH "вещи"), q'ul-c'aHan "стройматериалы" (q'ul "доска", c'aHan "дрова", "дерево (как материал)", x̄at-moǩ'or "потолок" (x̄at "балка", moǩ'or "береза").

2. "Num/Adv + S", т.е. сочетание числительного или наречия с субстантивом.

hirx̄on "каменная плита, укрепляющая края крыши" (*hir "впереди", x̄on "ловушка"), ǩ'ir-gₒarči "подбородок" (ǩ'ir "внизу", gₒarči "желобок, по которому зерно стекает к жерновам"), ǩ'ir-paIt̄əla "кальсоны" (ǩ'ir "внизу", paIt̄əla "брюки", ǩ'ir-xIošon "ночная сорочка" (ǩ'ir "внизу", xIošon "рубашка", "платье"), x̌eb-k'ač'i "клевер" (x̌eb "три", k'ač'i "лист"), x̌eb-bac "трехмесячный срок соблюдения поста у мусульман" (x̌eb "три", bac "месяц"), x̄Iolož-gert̄i "радуга" (x̄Iolož "с неба", gert̄i "дуга").

3. "V + S", т.е. сочетание глагола и субстантива. В качестве первой части может выступать стативный глагол.

beX̄Ie-čaq "конские бобы" (beX̄Ie "быть черным", čaq "горох"), jarxun-noIš "мерка весом в I кг" (jarxul "быть половинным", noIš "мерка весом в 2 кг"), laqI'a-čaq "фасоль" (laqI'a "быть пестрым", čaq "горох"), muqIu-lobur детвора" (muqIu "быть мелким", lobur "дети"), muqIu-soṯor "бисер" (soṯor "бусинки"), q'ič'i-naIǩ' "кислое молоко" (q'ič'i "быть кислым", naIǩ' "молоко"), x̌aImaI-mesed "ртуть" (x̌aImaI "быть жидким", mesed "золото"), šax̄u-pic' "разновидность жевательной смолы" (šaxₒ "быть ржавым", pic' "смола").

Имеются случаи употребления динамического глагола (согласованного с субстантивом по классу) в форме дуратива или терминатива.

barsargat "шаль" (barsar - дур(Ш) от: asas "надевать", gat' "платок (Ш)", orǩindab "сверло" (orǩin дур. от: oǩmus "сверлить", dab "шило (IУ)", buq're-x̄ₒalli "круглый тонкий хлеб" (buq're терм (Ш) от: q'uras "высыхать", x̄ₒalli "хлеб (Ш)".

4. "$S_{ген}$ + S", т.е. сочетание двух субстантивов, из которых первый стоит в генитиве. Эти субстантивы обладают разной степенью слитности (ср. imtimmaj "мозг" и gₒacilin mam "малина").

deqI'lin iq "суббота" (deqI'lin ген. от: deqI' "дорога", iq "день"), dogilin qźiǩi "гриб" (dogilin ген. от: dogi "осел", qźiǩi=?), duX̄Ian hallu (*duX̄Ian ген. от: dexIₒ "жернов", hallu "хозяин"), goIroIlin inx "сливочное масло" (goIroIlin ген. от: goIroI "шарообразная масса", inx "масло"), gₒacilin mam "малина" (gₒacilin ген. от: gₒaci "кобыла", mam "сосок"), imtimmaj "мозг" (iIntin старый ген. от: oInt "голова", maj "сало, жир"), kummullin noǩ' "желудок" (kummullin ген. от: kummul "еда", noǩ' "дом", "помещение"), lahan lo "внук" (lahan ген. от: lo "сын/дочь/ребенок"), lahan noǩ' "матка" (lahan ген. от: lo "ребенок", noǩ' "дом"), liq̄I'ilin x̄Iel "ливень" (liq̄I'ilin ген. от: liqI' "орел", x̄Iel "дождь"), lullin dorki "веко" (lullin ген. от: lur "глаз", dorki "крышка"), lullin cal "ресница" (cal "крыло"), lullin gowhar "зрачок" (gowhar "зрачок"), šaIben k'ač'i "подорожник" (šaIben стар. ген. от: šaIbi "рана", k'ač'i "лист"), x̄ₒaklin gatu "рысь" (x̄ₒaklin ген. от: x̄ₒak "лес", gatu "кошка"), x̄ₒaǩen Heleku "фазан" (x̄ₒaǩen старый ген. от: x̄ₒak "лес", Heleku "петух"), x̄Ielmin dogi "улитка", "обряд вызывания дождя", (x̄Ielmin ген. от: x̄Iel "дождь", dogi "осел").

В некоторых словах вместо генитива первый субстантив стоит в форме эргатива (или косвенной основы?).

beleHut' "красный червь" (bele старый эрг. от: bi "кровь", Hut' (ав.) "червь"), kura-dexIₒ "жернов" (kura старый эрг. от: kul "рука"), dexIₒ "жернов"), mučliǩan "ноздря" (mučli эрг. от: muč "нос", ǩan "дыра"), xaṯaq'mi-č'em "время захода солнца" (xaṯaq'mi эрг. от: xaṯaq'=?, č'em "время").

5. Особым типом образования сложных субстантивов в арчинском языке являются повторы, которые возникают в результате удвоения

какого-либо субстантива. При этом сложные субстантивы образуются по двум моделям:

а) удвоение основы сопровождается заменой начального согласного основы абруптивным [k'] или шипящим [š]:

diq'-šiq' "суп и тому подобное" (diq' "суп"), c'aHa-k'aHan"дрова и тому подобное"(c'aHan "дрова"), k'ob-šob "одежда и тому подобное" (k'ob "одежда"), noso-k'oso "творог и тому подобное" (noso "творог");

б) если исходный субстантив начинается с гласного, то при повторе к нему присоединяются [k'] или [š]:

aInš-k'aInš "яблоки и тому подобное" (aInš "яблоко, яблоки"), aǩ'-šaǩ' "мясо и тому подобное" (aǩ' "мясо"), inx-k'inx "масло и тому подобное" (inx "масло").

6. В некоторых сложных субстантивах значение одного из компонентов этимологизировать не удается.

noc'-xIimixI "птица (общее название)" (noc' "птица", xIimixI = ?), x̄Iološˇ-qIan "звезда" (x̄Iolos "с неба, qIan = ?), kabxIon "жук" (kab = ?, xIon "корова"), apar-xac'i "кузнечик" (apar= ?, xac'i "кузнечик", "стрекоза"), gorda-xIon "человек с большими глазами" (gorda= ?, xoIn "корова"), jaman-čop "название растения, которое используется для лечения рожи" (jaman "рожа" (мед.), čop= ?), x̄ulik'an "пах (человека)" (xuli= ?, k'an "дно"), lep'ur-q'on "козел (2-х лет)" (lep'ur= ?, q'on "козел"), haInk̄ur t̄ik'i "шумовка" (haInk̄ur "галушки", t̄ik'i = ?).

Образование следующих субстантивов не ясно:

eǩ'iqIan "пойло (для коров)", ganga-bič'i "семенник", gatun-c'ix "урбеч", k'urs̄eqIan "доска для раскатывания теста", xalac'i "рукав", xit'mə̄an "каша".

Л.219. Конверсия

Образование субстантивов от адъективов и числительных при помощи конверсии - очень продуктивный способ словообразования. Практически от любого адъектива и числительного может быть таким образом получен субстантив (см. Т.134, Т.153).

ǩ'annu "любящий (адъ)" - "любящий (субст)"; oq'er-t̄u "говорящий дай (адъ)" - "нищий (субст)"; qI̯ewu "два (I кл,числ)" - "двое (субст)".

При помощи конверсии образуются некоторые пары: субстантив - стативный глагол. Например: bala "несчастье"- "(быть) трудно", bux̄Ia "добро" - "(быть) добрым"; x̄Ion "зло" - быть злым"; libxI "стыд" - "стесняться", misgin "бедняк" - "быть бедным".

Примечание

Некоторые субстантивы имеют корень, совпадающий с глагольным корнем (± окаменевший классный показатель):

bat (√bat̄) "рог" - at̄as "бодать"; amk' "пот"- ak'as "гнать"; iǩ' "страх" - ǩ'inčar "бояться"; dexI$_o$ (√dex̄I$_o$) "жернов" - dex̄Ias (√de-x̄I$_м$a) "молоть"; c'om "сито" - c'ummus "просеивать".

Субстантивы arqIut "орехи" и x̄urut "сыворотка с мелкими кусочками творога" совпадают с основой дуратива глаголов: aqIas (arqIar) "разбивать", x̄ubus (x̄ur) "пить" (+ показатель мн. числа {ót}).

Л.22: Г л а г о л

Подавляющее число глаголов в арчинском языке - сложные. Более того, так называемые простые глаголы (см.их список в приложении 1 в III томе) являются непродуктивным классом, поэтому пополнение глагольной лексики в арчинском языке возможно только по моделям сложных глаголов.

В общем виде сложный глагол представляет собой корень или словоформу некоторого слова + простой глагол. Простой глагол выполняет функции спрягаемой части.

Наиболее употребительны в этой функции глаголы bos "говорить", kes "становиться" и as "делать", однако многие другие глаголы могут также образовывать сложные глаголы.

Сперва рассматриваются kes'овые и as'овые глаголы, затем все прочие. Все bos'овые глаголы рассматриваются в разделе об идеофонах (см. Л.151). В пределах каждой группы глаголов учитывается, какие основы сочетаются с данной спрягаемой частью, а также какова модель управления сложного глагола (модель управления записывается в той же форме, что и в словаре).

Л. 221. Глаголы сложные с as "делать", kes "становиться"

Ввиду того что во многих случаях от одной и той же исходной основы могут образовываться сложные глаголы со спрягаемой частью as "делать" и kes "становиться", их удобно рассматривать вместе.

В качестве исходной основы может выступать стативный глагол, глагол в финитной форме, наречие, субстантив, а также формы, самостоятельно в арчинском языке не употребляющиеся.

Л.221.1. Неспрягаемая часть - стативный глагол

Стативный глагол означает некоторое состояние, свойство, качество предмета, о котором идет речь. От стативного глагола наиболее регулярно могут образовываться динамические kes'овые и as'овые глаголы. При этом $V_{стат}$ + kes означает: "состояние V начинает иметь место", $V_{стат}$ + as означает: "некто каузирует состояние V". Таким образом, kes'овые глаголы имеют начинательное значение, а as'овые - каузативное. При kes'овом глаголе актантная структура исходного стативного глагола сохраняется (<кто: Ф>), при as'овом появляется дополнительная агентивная валентность (<кто: АГ, кого: Ф>).

Ниже приводятся такие стативные глаголы, от которых образуются как kes'овые, так и as'овые корреляты (при наличии у стативного глагола только kes'ового динамического коррелята его семантическое соотношение с исходным глаголом сохраняется, например: bej "быть старым" - bej kes "изнашиваться", lamx̌ "быть сырым" - lamx̌ kes "отсыревать"; случаев наличия каузативного коррелята при отсутствии начинательного не обнаружено).

hoIlo "быть жидким" - hoIlo kes "разжижаться" (о навозе)" - hoIlo as "разжижать", Hadur "быть готовым" - Hadur kes "приготавливаться" - Hadur as "готовить", iq̄I'a "быть голодным" - iq̄I'a kes "проголодаться" - iq̄I'a as "делать голодным", jaIt'an "быть красным" - jaIt'an kes "краснеть" - jaIt'an as "делать красным", jaqI'an "понимать" - jaqI'an kes "понимать" - jaqI'an as "объяснять", k'olma "быть отдельно" - k'olma kes "отделяться" - k'olma as "отделять", ǩ'eǩ' "быть кривым" - ǩ'eǩ' kes "искривляться" - ǩ'eǩ' as "искривлять", ǩ'an "любить" - ǩ'an kes "полюбить" - ǩ'an as "каузировать любить", lāxa "быть длинным" - lāxa kes "удлиняться" - lāxa as "удлинять", marc' "быть чистым" - marc' kes

"становиться чистым" - marc' as "чистить", mac'a "быть новым" - mac'a kes "обновляться" - mac'a as "обновлять", muqIu "быть мелким" - muqIu kes "измельчаться" - muqIu as "измельчать", muq̄'a "жаждать" - muq̄'a kes "испытывать жажду" - muq̄'a as "делать жаждущим", mu "быть красивым" - mu kes "становиться красивым" - mu as "делать красивым", oIlow "быть зеленым" - oIlow kes становиться зеленым" - oIlow as "делать зеленым", poro "быть плодородным" - poro kes "становиться плодородным" - poro as "удобрять", qI'abqI' "быть грязным" - qI'abqI' kes "пачкаться" - qI'abqI' as "пачкать", qI'aqI'ar "быть узким" - qI'aqI'ar kes "сужаться" - qI'aqI'ar as "сужать", sini "знать" <кто: АД, что: Ф> - sin kes "узнавать" <кто: АД, что: Ф> - sin as "доводить до сведения" <кто: АГ, что: Ф, кому: АД>, č'aIra "быть мокрым" - č'aIra kes "становиться мокрым" - č'aIra as "мочить", č'eman "быть худым" - č'eman kes "худеть" - č'eman as "каузировать худеть", č'uIba "быть белым" - č'uIba kes "становиться белым" - č'uIba as "белить", x̄Ioro "быть отличным" - x̄Ioro kes "изменять - ся" - x̄Ioro as "изменять", "менять", bex̄Ie "быть черным" - bex̄Ie kes "становиться черным" - bex̄Ie as "делать черным", t'i "быть маленьким" - t'i kes "уменьшаться" - t'i as "делать маленьким".

Л.221.2. Неспрягаемая часть - динамический глагол

Динамический глагол может быть в инфинитиве, аористе или констативе. От глагола в инфинитиве возможны только каузативные корреляты со спрягаемой частью as. При этом исходный глагол не должен иметь агентивной валентности[19].

baqI'as "возвращаться" <кто: Ф> - baqI'as as "возвращать" <кто: АГ, кого: Ф>, arxmus "рассыпаться" <что: Ф> - arxmus as "рассыпать" <кто: АГ, что: Ф>, ax̄as "пачкаться" <что: Ф> - ax̄as as "пачкать" <кто: АГ, что: Ф>, axIas "гаснуть" <что: Ф> - axIas as "гасить" <кто: АГ, что Ф>, ak̄us "видеть" <кто: АД, что: Ф> - ak̄us as "показывать" <кто: АГ, кому: АД, что: Ф>,

19. Исключение составляют глаголы c'abus "пить" <кто: АГ, что: Ф> и kummus "есть" <кто: АГ, что: Ф>, у которых имеется агентивная валентность.

Характерно, что глаголы, имеющие адресатную валентность, образуют каузативы, например: ak̄us as "показывать" (ср. традиционную точку зрения, по которой имя в дативе является субъектом так же, как имя в эргативе).

exmus "гореть" ⟨что: Ф⟩ - exmus as "каузировать гореть" ⟨кто: АГ, что: Ф⟩, ekas "падать" ⟨что: Ф⟩ - ekas as "ронять" ⟨кто: АГ, что: Ф⟩, eqI$_{\circ}$mus "испугаться", "вздрогнуть" ⟨кто: Ф⟩ - eqI$_{\circ}$mus as "каузировать вздрогнуть", "напугать" ⟨кто: АГ, кого: Ф⟩, irx$_{\circ}$mus "работать" ⟨кто: Ф⟩ - irx$_{\circ}$mus as "заставлять работать" ⟨кто: АГ, кого: Ф⟩, kos "слышать" ⟨кто: АД, что: Ф⟩ - kos as "каузировать слышать" ⟨кто: АГ, что: Ф, кому: АД⟩, k$_{\circ}$eK̄is "кружиться" ⟨что: Ф⟩ - k$_{\circ}$eK̄is as "кружить" ⟨кто: АГ, что: Ф⟩, x̌ummus "убегать" ⟨кто: Ф⟩ - x̌ummus as "заставлять убегать" ⟨кто: АГ, кого: Ф⟩, qes "мерзнуть" ⟨что: Ф⟩ - qes as "каузировать замерзать" ⟨кто: АГ, что: Ф⟩, q'uras "сохнуть" ⟨что: Ф⟩ - q'uras as "сушить" ⟨кто: АГ, что: Ф⟩, xIaras "смеяться" ⟨кто: Ф⟩ - xIaras as "каузировать смеяться" ⟨кто: АГ, кого: Ф⟩, k'is "умирать" ⟨кто: Ф⟩ - k'is as "умертвлять" ⟨кто: АГ, кого: Ф⟩, x̌oxIas "смешиваться" ⟨что: Ф, с чем: К[S$_{комит}$]⟩ - x̌oxIas as "размешивать" ⟨кто: АГ, что: Ф, с чем: К[S$_{комит}$]⟩, eǩas "просыпаться" ⟨кто: Ф⟩ - eǩas as "будить" ⟨кто: АГ, кого: Ф⟩, heIrs̄as "бежать" ⟨кто: Ф⟩ - heIrs̄as as "каузировать бежать" ⟨кто: АГ, кого: Ф⟩, q'ac'as "мириться" ⟨кто: Ф, с кем: К[S$_{комит}$]⟩, g$_{\circ}$as "сгибаться" ⟨кто: Ф⟩ - g$_{\circ}$as as "сгибать" ⟨кто: АГ, что: Ф⟩, x̄as "подниматься" ⟨кто: Ф⟩ - x̄as as "поднимать" ⟨кто: АГ, кого: Ф⟩, s̄as "приходить в соприкосновение" ⟨что: Ф, с чем: АД⟩ - s̄as as "приводить в соприкосновение" ⟨кто: АГ, что: Ф, с чем: АД⟩, c'ummus "трамбоваться" ⟨что: Ф⟩ - c'ummus as "трамбовать" ⟨кто: АГ, что Ф⟩.

Каузативные и начинательные глаголы от аориста и констатива

V$_{лич}$ + kes ⟨кто/что: Ф⟩		V$_{лич}$ + as ⟨кто: АГ, кого/что: Ф⟩	
oqIa kes	"кончиться"	oqIa as	"закончить"
axu kes	"спать"	axu as	"каузировать спать"
it'(u) kes	"теряться"	it'(u) as	"потерять"

Л.221.3. Неспрягаемая часть - наречие (или неупотребительный корень)

Собственно отнаречных начинательных и каузативных глаголов в арчинском языке немного. Перечислим их:

Adv	Adv + kes	Adv + as
x̌$_{\circ}$ak	x̌$_{\circ}$ak kes	x̌$_{\circ}$ak as
"близко"	"приближаться"	"приближать"
šoIrtal	šoIrtal kes	šoIrtal as
"вместе"	"встречаться"	"объединять"
xir[20]	–	xir as
"сзади"		"приводить"
harās̄i	harās̄i kes	harās̄i as
"вперед"	"пододвинуться"	"пододвинуть"
ǩ'arās̄i	ǩ'arās̄i kes	ǩ'arās̄i as
"вниз"	"опуститься ниже"	"сделать ниже"
hara[21]	hara kes	hara as
–	"взглянуть"	"показывать"

Значительно больше глаголов, образованных от корней, самостоятельно в арчинском языке не существующих. При этом от одних корней возможны и начинательные и каузативные глаголы, от других - только начинательные, от третьих - только каузативные. Сперва приведем парные глаголы, а затем непарные (X - корень с неизвестным значением):

X + kes ⟨кто/что: Ф⟩		X + as ⟨кто: АГ, кого/что: Ф⟩	
g$_{\circ}$el-kes	"испытывать головокружение"	g$_{\circ}$el-as	"вызывать головокружение"
k'el-kes	"замолчать"	k'el-as	"каузировать молчать"
koč-kes	"переселиться"	koč-as	"переселять"
laq'u-kes	"кончаться"	laq'-as	"кончать"
li-kes	"портиться"	li-as	"портить"
q'at'-kes	"истребляться"	q'at'-as	"истреблять"
x̄irix-kes	"шевелиться"	x̄irix̄-as	"шевелить"
Ralq'-kes	"вымирать"	Ralq'-as	"истреблять"

Непарные начинательные глаголы (X + kes ⟨что: Ф⟩):

x̄arx̄-kes "бороться", qazarazan-kes "становиться нетерпеливым; прийти в замешательство", qI'as-kes "уставать".

Непарные каузативные глаголы (X + as ⟨кто: АГ, что: Ф⟩):

daxa-as "открывать", šI-as "писать", liǩ'-as "высыпать", san-as "обращать внимание (кто, на кого)", tisdiq'-as "утверждать",

20. В современном арчинском языке сохранился только послелог.
21. Это наречие утрачено (ср. harak "впереди").

t'al-as "отправлять", xIaman-as "расхватывать", "раскупать", xIamlis-as "растаскивать", dur-as "расстилать", guri-as "пеленать".

Исходный корень может быть заимствован из аварского или лакского языков (с утратой его части речи):

bat-kes	"исчезать"	bat-as	"каузировать пропасть"
q'urid-kes	"горевать"	q'urid-as	"каузировать горевать"
c'un-kes	"защищаться"	c'un-as	"защищать"
xustar-kes	"спасаться"	xustar-as	"спасать"
pasat-kes	"портиться"	pasat-as	"портить"
xarž-kes	"истратиться"	xarž-as	"истратить" (деньги)

Непарные начинательные глаголы (X + kes ⟨что: Ф⟩) с заимствованной исходной основой:

Halixat-kes "стать недисциплинированным"[22], k'otan-kes "воспаляться", q'orol-kes "овдоветь", c'uka-kes "трусить"[23], Rupul-kes "вздремнуть".

Непарные каузативные глаголы (X + as ⟨кто: АГ, что: Ф⟩) с заимствованной исходной основой:

amānat-as "поручать заботиться", raxšanat as "насмехаться (над кем)", xurda-as "разменивать", tərsur as "поручать".

Примечание

Во всех упомянутых выше случаях глаголы kes и as сохраняли свою модель управления. Однако имеется несколько сложных глаголов, образованных при помощи глагола kes, в которых нарушается его модель управления: dāxi-kes "бить" ⟨кто: АГ, кого: Ф, чем: И⟩; dālzə-kes "соединять" ⟨кто: АГ, что: Ф⟩; diris-kes "кроить" ⟨кто: АГ, что: Ф⟩; č'ixə-kes "спрашивать" ⟨кто: АГ, что: Ф, у кого: К[$S_{конт-алл}$]⟩. Эти глаголы имеют агентивную валентность, нехарактерную для глагола kes.

Л.221.4. Неспрягаемая часть - субстантив

Сложные as' овые и kes' овые глаголы, у которых неспрягаемой частью является субстантив, отличаются от предыдущих типов. Они не имеют каузативного и начинательного значения. Эти глаголы возникли из фактитивно-глагольного словосочетания в результате слия-

22. Halixat (ав.) "быть недисциплинированным".
23. c'uka (ав.) "трус".

ния значений составляющих его компонентов. Степень идиоматичности этих словосочетаний может быть различной, поэтому в ряде случаев бывает затруднительно определить, представляет ли данное словосочетание единый глагол или свободное сочетание слов. Наиболее убедителен при решении этого вопроса синтаксический критерий: фактитивно-глагольное словосочетание является сложным глаголом, если а) оно имеет особую модель управления, не сводимую к модели управления спрягаемого глагола; или б) спрягаемый глагол не согласуется с субстантивом. На основании этого критерия не считаются сложными глаголами выражения: lo as "рожать ребенка", noǩ' as "строить дом", kummul as "готовить еду", zulu abas "сделать родник", pikru abas "мыслить" и т.д. В этих сочетаниях глагол as имеет общее значение "создавать", идиоматично переводящееся на русский язык.

Характерно, что по данной модели обычно не образуются коррелятивные глаголы, сложные с as и kes (исключение составляют пары ‘ejb as "винить" - ‘ejb kes "провиниться", kus abas "научить" - kus bekes "научиться").
Поэтому as'овые и kes'овые глаголы рассматриваются отдельно.

а) as'овые глаголы

Ряд сложных глаголов со спрягаемой частью as означает совместное действие (при них возможны субстантивы в эргативе и комитативе), т.е. они имеют в модели управления место ⟨кто: Ф[$S_{эрг}$] ‖ СОВМ ⟹ Ф[$S_{эрг}$], с кем: К[$S_{комит}$]⟩ (см. Д.233.1).

anx as "драться" ⟨кто, с кем⟩, barč'əla abas "играть в прятки" ⟨кто, с кем⟩, bas abas "спорить" ⟨кто, с кем⟩, du‘i abas "ругаться" ⟨кто, с кем⟩, ixtilat abas "шутить" ⟨кто, с кем⟩, ixImul as "играть" ⟨кто, с кем⟩, sin-abas "прелюбодействовать" ⟨кто, с кем⟩, dagawor as, q'ut'i as "договориться" ⟨кто, с кем, в чем: К[$V_{инф}$]⟩.

Некоторые глаголы указывают на действие, направленное к некоторому адресату (в модели управления обязательны агент в эргативе и адресат в дативе).

asar as "влиять" ⟨кто: АГ, на кого: АД⟩, dú‘i as "читать молитву" ⟨кто: АГ, кому: АД⟩, Hadurkul as "готовиться" ⟨кто: АГ, к чему: АД⟩, kumak abas "помогать" ⟨кто: АГ, кому: АД, в чем: К[$V_{инф}$]⟩, mišajatkul as "мешать" ⟨кто: АГ, кому: АД⟩, nasiHat as "читать нравоучение" ⟨кто: АГ, кому: АД⟩, raHmu abas "щадить" ⟨кто: АГ, кого: АД⟩, sunnat abas "делать обрезание"

⟨кто: АГ, кому: АД⟩, zagar abas "выражать соболезнование" ⟨кто: АГ, кому: АД⟩, zaral as "вредить" ⟨кто: АГ, кому: АД⟩.

Похожа на предыдущую такая группа сложных глаголов, у которых субстантив, выраженный дативом, является по смыслу фактитивом.

naq̇ as "окучивать" ⟨кто: АГ, что: Ф[S*дат*]⟩, qol as "подписывать" ⟨кто: АГ, что: Ф[S*дат*]⟩, raHim abas "запаивать" ⟨кто: АГ, что: Ф[S*дат*]⟩.

У глагола jaH abas "стараться" ⟨кто: АГ, что делать: Ф[V*инф*]⟩ фактитив выражается глаголом в инфинитиве.

Несколько сложных глаголов имеет комплетивную валентность.

burkan abas "заботиться" ⟨кто:АГ, о ком: К[S*ген*]⟩, sog as "ругать" ⟨кто: АГ, кого: К[S*супер-лат*]⟩.

Кроме того, выделяется несколько одноактантных сложных глаголов на основании неаддитивности их значения (этот актант считается фактитивом, хотя его выражает эргатив): dunil as "жить" ⟨кто: Ф[S*эрг*]⟩ (букв. "небо/земной шар делать"), xabkul as "торопиться" ⟨кто: Ф[S*эрг*]⟩ (xabkul отдельно не употребляется), x̌an as "плавать" ⟨кто: Ф[S*эрг*]⟩ (букв. "воду делать").

б) kes'овые глаголы

Сложных глаголов с kes, у которых исходной основой является субстантив, сравнительно немного. Это и понятно: глагол kes - одноактантный, и его валентность занята субстантивом, входящим в состав сложного глагола. Поэтому сложный глагол должен иметь такие валентности, которых у глагола kes нет. Эти валентности выражаются генитивом (исторически зависящим от субстантива), пространственными падежами с локализацией "супер", а также инфинитивом и послеложной конструкцией с xir.

Каждый глагол имеет свою специфическую модель управления.

kus bekes "научиться" ⟨кто:АД, чему: Ф[V*инф*]⟩, lur bekes "сглазить" ⟨кто: АД[S*ген*], кого: К[S*супер-эс*]⟩, q'imat bekes "стать почетным" ⟨кто: АД[S*ген*]⟩, talaH bekes "посчастливиться" ⟨кому: АД[S*ген*], что сделать: К[S*ген*]⟩, xer bekes "получить выгоду" ⟨кто: АД, от кого: К[S*супер-эл*]⟩, ʻejь kes "провиниться" ⟨кто: Ф[S*супер-эс*], в чем: К[S*ген*]⟩.

Примечание

Особый интерес представляют несколько сложных глаголов, образованных от субстантива, у которых прежняя связь между спрягаемым глаголом и субстантивом разрушается. А именно, исходная основа перестает восприниматься как субстантив. Тогда при сложном глаголе оказывается возможным наличие некоторого актанта в номинативе. В этом случае спрягаемый глагол в принципе может согласовываться как со своей неспрягаемой частью (сохраняя старое согласование), так и с новым фактитивом (новое согласование).

Первый тип согласования представлен в глаголе rig abas "отыскивать" ⟨кто: АГ, что: Ф⟩ (субстантив rig в современном арчинском языке отсутствует, но видно, что он относится к Ш классу). Согласование спрягаемой части идет по слову rig (Ш), а не по фактитиву в номинативе: ez jamut q'onq' rig-ba "Мне эту книгу достань". Фактитив q'onq' "книга (IУ)" не влияет на согласование глагола as.

Второй тип согласования представлен в глаголах: di kes "гнить" ⟨что: Ф⟩ (di "запах (IУ)"), x̄ele as "угощать" ⟨кто: АГ, кого: Ф⟩ (x̄ele "гости (I-П,мн)"), x̄urut kes "измельчиться", "искрошиться" ⟨что: Ф⟩ (x̄urut "сыворотка с остатками мелкого творога (IУ)"), x̄urut as "измельчить", "искрошить" ⟨кто: АГ, что: Ф⟩.

Л.222. Прочие сложные глаголы (кроме bos'овых)

Кроме сложных глаголов, образующихся при помощи глаголов bos, kes и as, имеется довольно большая группа глаголов с другими спрягаемыми частями. В качестве неспрягаемой части выступают слова тех же классов. Наиболее употребительны субстантивы, возможны также наречия, корни самостоятельно не употребляющиеся, финитные глаголы и, в единичных случаях, стативные глаголы.

В качестве спрягаемой части выступают i "быть", ač̌as "реализовывать функционирование", ex̌as "класть", atis "пускать", k̆os "давать", ex̄as "оставаться", qles "пойти", x̄as "вставать", ok̆mus "вынимать", caxas "кидать", ak̆us "видеть", exmus "слипаться", s̆ubus "брать" и др.

1. i "быть"

В отличие от всех прочих сложных глаголов, эти глаголы являются стативными (т.к. их спрягаемая часть есть стативный глагол).

ač̌'at'u i[24] "быть пустым" ⟨что: Ф⟩

24. От этого стативного глагола образуются начинательный глагол ač̌'at'u kes "становиться пустым" и каузатив ač̌'at'u as "опорожнять".

qIan i[25] "быть стельным" ⟨кто: Ф⟩ (qIan = ?)
č'agu i "быть живым" ⟨кто: Ф⟩
ikʒma i "собираться" ⟨кто: АД, что сделать: Ф[$V_{инф}$]⟩(ikʒma"в сердце (ин-эс)")
ikʒ it'u "нет желания" ⟨у кого: Ф[$S_{ген}$]⟩
x̌ul bi "мечтать" ⟨кто: АД[$S_{ген}$], что делать: Ф[$V_{инф}$]⟩(x̌ul "мечта")
'ejb i[26] "быть виновным" ⟨кто: Ф[$S_{супер-эс}$] , в чем: К[$S_{ген}$]⟩('ejb "вина")
c'or i "называться" ⟨кто: Ф[$S_{супер-лат}$], кем: К[$S_{ген}$]⟩ (c'or "имя")

2. ačas "реализовывать функционирование"[27]

oj ačas "слушать" ⟨кто: АГ, кого: К[$S_{супер-лат}$]⟩ (oj "ухо")
x̌ot ačas "обнимать" ⟨кто: АГ, кого: К[$S_{супер-эс}$]⟩ (x̌ot "объятие")
s̄a'at ačas "проводить время" ⟨кто: Ф[$S_{эрг}$]⟩ (s̄a'at "час")
'ummar abčas "жить" ⟨кто: Ф[$S_{эрг}$]⟩ ('ummar "жизнь")
dač' ačas "жалить" ⟨кто: АГ, что: Ф[$S_{дат}$]⟩ (dač' "жало")
landa ačas "строгать" ⟨кто: АГ, что: Ф[$S_{дат}$]⟩(landa "рубанок")
mač' ačas "латать" ⟨кто: АГ, что: Ф[$S_{дат}$]⟩(mač' "заплата")
xat abčas "царапать" ⟨кто: АГ, кого: Ф[$S_{дат}$]⟩(xat "царапина")
x̌an ačas "орошать" ⟨кто: АГ, что: Ф[$S_{дат}$]⟩(x̌an "вода")
pal ačas "гадать" ⟨кто: АГ, кому: АД⟩(pal "гадание")
ik̆ ačas "молотить" ⟨кто: АГ⟩(ik̆ "процесс молотьбы")
ikʒ ačas "захотеть" ⟨кто: АД[$S_{ген}$],что делать: Ф[$V_{инф}$]⟩ (ikʒ "сердце")
t'eI ačas "цвести" ⟨что: Ф[$S_{дат}$]⟩(t'eI "цветок")
k̆'ir ačas "повалить" ⟨кто: АГ, кого: Ф⟩ (k̆'ir "внизу"[28])
misallis ačas "приводить в пример" (misallis "пример (дат)") ⟨кто: АГ, кого: Ф, кому: АД⟩
pax-ačas "утихать (о ветре) ⟨что: Ф⟩ (pax = ?)

---

25. От этого глагола образуется начинательный глагол qIan kes "телиться".

26. От этого глагола образованы в действительности начинательный глагол 'ejb kes "провиниться" и каузатив 'ejb as "винить".

27. Примеры здесь и ниже сгруппированы по общности модели управления.

28. В современном языке это наречие утрачено.

3. ex̌as "класть"

k̆'arasan ex̌as "спорить" ⟨кто: Ф[$S_{эрг}$] ‖ СОВМ ⟹ Ф[$S_{эрг}$], с кем: К[$S_{комит}$]⟩ (k̆'arasan"спор")
mahra ebx̌as "сочетать браком" ⟨кто: АГ, кого: АД[$S_{ген}$]⟩ (mahra "брак")
ik̆' ex̌as "держать в страхе" ⟨кто: АГ, кого: АД⟩(ik̆' "страх")
ux ex̌as "жать" ⟨кто: АГ⟩ (ux "поле")
k̆'ili ex̌as "седлать" ⟨кто: АГ, кого: Ф[$S_{супер-эс}$]⟩ (k'ili "седло")
k̆'ir-ex̌as "валить" ⟨кто: АГ, кого: Ф⟩ (k̆'ir "внизу")
ixIsə-ex̌as "обмануть" ⟨кто: АГ, кого: Ф⟩ (ixIsə = ? ixI "шутка")
ixIlis-ex̌as "обмануть" ⟨кто: АГ, кого: Ф⟩ (ixIlis "шутка(дат)")
bej-ex̌as "начинать" ⟨кто: Ф, что делать: К[$V_{инф}$]⟩ (bej "очередь")

4. atis "пускать"

k'ob atis "раздеваться" ⟨кто: Ф[$S_{эрг}$]⟩ (k'ob "одежда")
"раздевать" ⟨кто: АГ,кого: Ф[$S_{ген}$]⟩
s̄abur abtis "чихать" ⟨кто: Ф[$S_{эрг}$]⟩ (s̄abur "чих")
č'iši atis "оплакивать" ⟨кто: Ф[$S_{эрг}$], кого: К[$S_{дат}$ + xir]⟩ (č'iši "голос")
qalaj atis "лудить" ⟨кто: АГ, что: Ф[$S_{дат}$]⟩(qalaj "олово")
xabar abtis "рассказывать" ⟨кто: АГ, кому: АД⟩ (xabar "рассказ")
xIamlis atis "расхватывать" ⟨кто: АГ, что: Ф⟩ (xIamlis = ?)
xir atis "тащить" ⟨кто: АГ, что: Ф (xir "сзади")
q'a-atis "сажать" ⟨кто: АГ, кого: Ф, куда: Л[$S_{эс}$]⟩ (q'a от: q'atu "внизу")

5. k̆os "давать"

k̆'inč'at'i k̆os "пригрозить" ⟨кто: АГ, кому: АД⟩ (k'inc'at'i "страх")
na'nat'i k̆os "делать выговор" ⟨кто: АГ, кому: АД⟩ (na'nat'i "выговор")
tarbija k̆os "воспитывать" ⟨кто: АГ, кого: АД⟩ (tarbija "воспитание")
'azab k̆os "мучить" ⟨кто: АГ, кого: АД⟩ ('azab "труд")
iznu bok̆os "разрешать" ⟨кто: АГ, кому: АД, что делать: Ф[$V_{инф}$]⟩ (iznu "разрешение")

ruxsa boǩos "разрешать" ‹кто: АГ, кому : АД›(ruxsa "разрешение")
mam boǩos "кормить грудью" ‹кто: АГ, кого: Ф[S*дат*]› (mam "грудь")

6. ēxas "оставаться"

č'agu ēxas "остаться в живых" ‹кто: Ф›(č'agu "живой")
kulušі ēxas "осиротеть" ‹кто: Ф› (kulušі "будучи сиротой")
dāz-ēxas "доставаться" ‹что: Ф, кому: АД› (dāz = ?)
imma ēxas "оставаться" ‹кто: Ф, где: Л[S*эс*]› (imma "там, где есть")
ik'ma ēxas "помнить" ‹кто: АД, что: Ф› (ik'ma "в сердце (ин-эс)")

7. qIes "пойти"

lur beqIes "взглянуть" ‹кто: АД[S*ген*], на что: К[S*супер-лат*]› (lur "глаз")
c'or qIes "прославиться" ‹кто: АД[S*ген*]› (c'or "имя")
Hallaš qIes "утомляться" ‹кто: Ф›(Hallaš "из состояния (ин-эл)"
bič'laš qIes "потерять сознание" ‹кто: Ф›(bič'laš "из силы (ин-эл)")
boxIo qIes "идти на охоту" ‹кто: Ф› (boxIo от: boxI "тур")

8. ǩas "вставать"

šam baǩas "разгневаться" ‹кто: Ф[S*ген*], на кого: К[S*супер-лат*]› (šam "гнев")
c'irin-ǩas "вспылить" ‹кто: Ф› (c'irin = ?)
jaťi-ǩas "вставать" ‹кто: Ф› (jaťi "над"[29])
cac ǩas "встать дыбом" (о волосах) ‹что: Ф› (cac "колючка")

9. aǩus "видеть"

buxIa aǩus "льстить" ‹кто: Ф, кому: АД›(buxIa "быть добрым")
mik'ir-aǩus "сниться" ‹что: Ф, кому: АД›(mik'ir "во сне")
mūšі aǩus "нравиться" ‹кто: Ф, кому: АД›(mūšі "красиво")
mut'ušі aǩus "завидовать" ‹кому: Ф, кто: АД› (mut'ušі "не-будучи красиво")

29. Это наречие в современном арчинском языке не сохранилось.

10. caxas "бросать, кидать"

di caxas "почувствовать запах" ‹кто: АД, чей: Ф[S*ген*]› (di "запах")
lur cabxas "взглянуть" ‹кто: АД[S*ген*], на что: К[S*супер-лат*]› (lur "глаз")
qʕank' cabxas "щелкать" ‹кто: АГ, по чему: Ф[S*дат*]› (qʕank' "щелчок")
ǩanna caxas "поддавать ногой" ‹кто: АГ, кого:Ф[S*дат*]›(ǩanna = ?)

11. šubus "брать"

ruxsa bušbus "отпрашиваться" ‹кто: АГ, у кого: К[S*супер-эл*]›(ruxsa "разрешение")
q'isas bušbus "мстить" ‹кто: АГ, кому: К[S*супер-эл*]› (q'isas "месть")
čula šubus "льстить" ‹кто: Ф, кому: АД› (čula "быть гладким")
jaš-šubus "торопиться" ‹кто: Ф, куда: Л[S*лок-лат*]›(jaš "изнутри")

12. oǩmus "вынимать"

hil oǩmus "отдохнуть" ‹кто: Ф[S*эрг*]› (hil "пар, дыхание")
iman oǩmus "вести себя нагло" ‹кто: Ф[S*эрг*]› (iman "человечность")
ikʕ oǩmus "жалеть" ‹кто: АД[S*ген*], кого:К[S*дат* + xir]›(ikʕ "сердце")

13. exmus "слипаться"

ǩ'inč'aš-exmus "бояться" ‹кто: Ф, кого: К[S*суб-эл*]› (от: ǩ'inč'ar "бояться")
t'ibiš-exmus "жалеть" ‹кого: Ф, кто: АД› (от: t'ibir "жалко")
ač'iš-exmus "болеть" ‹что: Ф› (от: ač'i "болезнь")
qI'araš-exmus "разозлиться" ‹кто: Ф, на кого: К[S*супер-лат*]› (qI'aras от: qI'arat'i "злость")

14. xos "находить"

harak xos "находить перед собой" ‹кто: АД, что: Ф› (harak "впереди")
deqI'u xos "встретить" ‹кто: АД, кого: Ф› (deqI'u "на дороге (ин-эс)")

15. aǩis "приходить"

ik'mak aǩis "вспоминать" ‹кто: АД, что: Ф› (ik'mak "в сердце"

(ин-лат)")
aqI'ullak aǩis "приходить в сознание" ⟨кто: Ф⟩(aqI'ullak "в ум")

16. ocis "останавливаться"

ikꝫ ocis "быть уверенным" ⟨кто: АД [$S_{ген}$], в чем: К[$S_{супер-эс}$]⟩ (ikꝫ "сердце")
t'al-ocis "провожать" ⟨кто: АГ, кого: Ф⟩ (t'al = ?)

17. sas "держать"

daǩan sas "упорствовать" ⟨кто: Ф[$S_{эрг}$]⟩ (daǩan= ?)
qI'on sas "ущемляться" ⟨что: Ф⟩ (qI'on "между").

18. Одиночные сложные глаголы

baIraj axas "купаться" ⟨кто: Ф⟩ (букв. "в озере лежать")
qIꝫe-q'ac'as "бежать галопом" ⟨кто: Ф⟩ (qIꝫe "два" , q'ac'as "подгонять что-либо к чему-либо")
jak-č'ubus "входить" ⟨кто: Ф, куда: Л[$S_{лок-лат}$]⟩ (букв. "внутрь входить")
jat-kammus "всплывать" ⟨что: Ф, где: Л [$S_{супер-эс}$]⟩ (букв. "вверху бросать")
c'ixdi x̄es "красть" ⟨кто: АГ, что: Ф⟩ (букв. "тайком брать с собой")
jak ak'as "загонять" ⟨кто: АГ, кого: Ф, куда: Л [$S_{лок-лат}$]⟩ (букв. "внутрь гнать")
jat̄(i) exas "поднимать" ⟨кто: АГ,что: Ф⟩ (букв."вверх+exas = ?)
xir eq'is "догонять" ⟨кто: Ф, кого: АД⟩ (букв. "сзади доходить")
x̌onnol dakras "жениться" ⟨кто: АГ⟩ (букв. "жену брать")
ik'mis ekas "вспоминать" ⟨кто: АД, что: Ф⟩ (букв. "к сердцу падать")
s̄ob daxis "кусаться" (о лошадях) ⟨кто: АГ, кого: Ф⟩ (букв. "рот бить")
oc' hubus "разводить огонь" ⟨кто: АГ⟩ (букв. "огонь дуть")
ikꝫ arhas "беспокоиться" ⟨кто: АД[$S_{ген}$], о ком: К[$S_{дат}$+xir]⟩ (букв. "сердце думать")
ikꝫ aqIas "сильно печалиться" ⟨кто: АД[$S_{ген}$]⟩ (букв. "сердце разбиваться")
ikꝫ uǩas "жалеть" ⟨кто: АД[$S_{ген}$], кого: К[$S_{дат}$ + xir]⟩ (букв. "сердце гореть")
ikꝫ q'uras "печалиться" ⟨кто: АД[$S_{ген}$]⟩ (букв. "сердце высыхать")
ikꝫ t'ank'-bos "пугаться"⟨кто: АД[$S_{ген}$]⟩(букв."сердце прыгать")

Л.23. Наречие

Морфологическая структура наречий представляет собой результат действия разнообразных словообразовательных средств. Исконных наречных корней весьма немного. Они выделяются в основном в пространственных наречиях. Причем эти наречия также не являются в своем большинстве чистыми корнями. Их производность доказывается 1) общностью начальных элементов с показателями локализации и некоторыми указательными местоимениями; 2)взаимной общностью конечных элементов.

Так, в наречиях ǩ'arak"внизу", harak "впереди", xarak "сзади" выделяется показатель латива {k}, у наречия xarak имеется эссивная форма xir,,а для наречий ǩ'arak и harak эссивные формы *ǩ'ir и *hir зафиксированы в словах: ǩ'ir-an "мусор", ǩ'ir ačas "валить" (букв. "вниз помещать"), hir-xiran "завещание" (то, что спереди и сзади"), hir-xir "друг за другом" (букв. "впереди-сзади").Наречию *ǩ'ir соответствует показатель локализации "суб": {ǩ'}. Все эти наречия обнаруживают общий элемент {Vr}, видимо,являющийся словообразовательным.

Таким образом, исходными корнями этих наречий можно считать {ǩ'}, {h} и {x} соответственно.

В наречиях qI'anák "между"[30], ténik "там", tī̄nik "там (далеко)", Ranák, Riník "там (выше говорящего"), kanák, kiník "там (ниже говорящего)" также выделяется показатель латива {k}и общий элемент [nV]. За вычетом этих форматов остающиеся части являются общими с указательными местоимениями: to-t "тот", Ro-do-t "тот (выше говорящего)", go-do-t "тот (ниже говорящего)".

Наречие ja-šul "внутри"(ср. ja-k "внутрь") соответствует указательному местоимению ja-t "этот" и, видимо, показателю локализации {a/aj}.

Обнаруживается общность наречий iši-k "здесь(рядом с говорящим)", imi-k "там (рядом со слушающим)" и указательными местоимениями ja-t "этот (рядом с говорящим)", jamu-t "этот (рядом со слушающим)". Также напрашивается мысль о корневом сходстве этих наречий с формами глагола i "быть": i-ši "будучи", i-ma "там",где есть".

Ряд наречий является окаменевшей падежной формой субстантива:

30. Это наречие не сохранилось, но представлено послелогом.

qimis "в полдень" (старый датив от: iq "день"), akommis "утром" (от: akon "свет"), akonnixu "утром" (комитатив от: akon "свет"), qI'otaqIli "на всю зиму" (эргатив от: qI'otaqI "зима", qi "днем" (старый эргатив от: iq "день"). Особенно распространена форма эссива: bakut "набок", "набекрень" (супер-эссив от: bako "бок"), ebq'it'ommit "на четвереньках" (супер-эс. от субстантивированного числительного ebq'it'u "четыре"), temmet "так" (супер-эссив от субстантивированного местоимения teb "они"), jella "так" (ин-эссив от субстантивированного местоимения jat<*jatla), xilik' "под мышкой" (суб-эссив от xol "рука"). В ряде случаев исконный субстантив не сохранился: qIit "летом" (супер-эссив), qI'ot "зимой" (супер-эссив), sot "осенью" (супер-эссив), xannat "весной" (супер-эссив), 'aksəlit "наоборот" (супер-эссив).

Некоторые наречия являются окаменевшими деепричастиями: axši "далеко" (дп. от: ax "быть далеким"), akuršI "въявь" (дп. от дуратива akur глагола akus "видеть"), sint'aw "нечаянно" (отр. дп. от: sini "знать"), mūši "хорошо" (дп. от: mu "быть красивым"), labxanši "много" (дп. от: labxan "(быть) много"), t'inna "мало" (дп. от: t'i "быть маленьким" ⇒ t'i+en+na).

Возможно образование наречий от союзных деепричастий: ac'en "досыта" (союзное дп. от: ac'as "насытиться"), axIt'umak "вдобавок" (местное дп.в лативе от: axIt'u "(быть) нужно (чтобы)". Изредка встречается редупликация: os-os "иногда" (os "один"), t'i-t'inna "понемногу" (t'inna "мало"), ra-raqlit "в разные стороны" (raq "сторона"), qI'ana-qI'anaš "изредка" (qI'anaš "из между"). Значение редупликации то же, что и у редуплицированных числительных (см. Т.154.2).

Зафиксированы случаи словосложения: jasqi "сегодня" (*jat+qi "этим+днем"), jašana "в этом году" (*jat+šanna "этом+в-году"), hanas "зачем" (*han+as "что чтобы-делать"), jat-k'ir "подряд,один над другим" (jat+*k'ir "наверху+внизу"), hir-xir "один за другим" (*hir+xir "спереди+сзади").

В ряде случаев произвести достоверный этимологический анализ наречия затруднительно, но можно высказать предположение о его сложном составе: xita "потом" (ср. xir "сзади", ta "когда" - показатель временного Сд), dunāla "много" (ср. dunil "небо"), iqlaw "каждый день", ejqan "целый день" (ср. iq "день"), hinc "теперь" (ср. *hi-r "спереди"). Неясно происхождение наречий basa "когда", daki "почему", dilaw "рано", ansaw "еще", nešen "сейчас", c'ixdi "тайком" и др.

Л.3. МАТЕРИАЛЫ К ТЕМАТИЧЕСКОМУ СЛОВАРЮ АРЧИНСКОГО ЯЗЫКА

Тематический словарь арчинского языка, фрагменты которого представлены в настоящем описании, ориентирован на следующие задачи: 1) отразить языковое восприятие „реального мира" арчинцев и воспроизвести элементы их своеобразной материальной и духовной культуры и общественной жизни, 2)показать семантические отношения между лексическими единицами арчинского языка. Анализ материала проводится в синхронном плане, при этом исконная лексика (по преимуществу именно она представлена в словаре) не отделяется от заимствованной.

Объектом рассмотрения в нашем словаре являются не отдельные лексические единицы, а лексические группы слов, их парадигматика (набор классификационных признаков в данной группе) и синтагматика (отношения между единицами одной или разных групп). Словарь включает лексические группы трех видов:

1. Слова объединяются в одну лексическую группу на основе различных экстралингвистических классификаций (ср."Домашние животные" "Дикие животные" - "Птицы" - "Земноводные и пресмыкающиеся" - "Насекомые"; "Верхняя одежда" - "Головные уборы" - "Обувь" - "Украшения" и т.п.). Слова этих групп отражают предметное членение "реального мира" или восприятие его свойств (см."Цветообозначение", "Представление о времени" и т.п.). Лексические группы этого типа исследуются в плане парадигматики.

2. Слова объединяются в одну лексическую группу на основе типового смыслового отношения (множество, звуковоспроизведение, способ передвижения, агрессивные действия и т.п.). Единицы этих групп мы называем лексическими коррелятами. Они выражают типовое смысловое отношение с единицами лексических групп первого типа. В основном отмечаются лишь такие лексические корреляты, которые являются в арчинском языке фразеологически связанными выражениями, т.е. указываются индивидуальные для данной лексической единицы способы выражения типового смыслового отношения (см.,например, "Типичное звуковоспроизведение" в тематических группах "Домашние животные" и "Дикие животные" и т.п.).

3. Лексические группы третьего типа представляют собой крайне упрощенный вариант словарной статьи толково-комбинаторного словаря. Вместо опорного слова в нашей „статье" чаще всего дается описательное название объекта „статьи" (см.„Обработка земли", „Помол зерна" и т.п.).

Отдельные лексические группы объединяются в более крупные множества – тематические группы,которые в свою очередь образуют три больших раздела словаря: „Естественная внешняя среда", „Человек", „Мир человека".

Ввиду того, что подобное исследование предпринимается для арчинского языка впервые, естественно, что оно не свободно от ряда существенных недостатков, которые относятся как к объему материала, так и к способу его представления и описания. Основное внимание в словаре уделено „миру предметов" и их свойств,в то время как „мир действий" (движение, обладание, механическое воздействие и т.п.) отодвинут на задний план и специально не рассматривается.

Л.31. Естественная внешняя среда

Раздел состоит из четырех частей: 1) животный мир, 2) растительный мир, 3) географические понятия и неживая природа, 4) „наивная физика" внешнего мира.

Л.311. Животный мир

В содержание этой части входит описание классификационных признаков, использующихся при номинации животных и их детенышей, перечень известных арчинцам представителей животного мира и рассмотрение относящихся к ним нескольких групп лексических коррелятов (типичных жилищ, типичных множеств, типичного звуковоспроизведения, типичных способов передвижения и типичных агрессивных действий).

Л.311.1. Классификационные признаки

В образовании названий животных участвуют следующие признаки: 1) признак вида, 2) признак пола, 3) признак возраста, 4) различные дополнительные признаки, указывающие на внешность животного, его функцию и др. В названиях разных животных реализуются разные наборы этих признаков.

Л.311.11. Признак вида

Признак вида реализуется в названиях всех животных: č'abu „мелкий рогатнй скот"[31], buc̄'i „крупный рогатнй скот"[32], boxI„тур" (дикое горное животное из семейства коз), boIǩ' „кабан" (дикая свинья), liqI' „орел", jaIt'i „змея", t'ant' „пчела" и др. Все названия диких животных, птиц, земноводных, пресмыкающихся и насекомых являются только видовыми названиями.

Видовые названия диких животных противопоставлены по мотивированности – немотивированности. В мотивированных названиях выражается либо характерный признак внешности (ǩ'eǩ'u „двухвостка" (букв.„изогнутая"), naIǩ'u „слепень" (букв.„голубой"), kʒet'-x̄ₒarši „паук" (букв.„клубок-червь"), либо характерное место обитания (x̄ₒaklin gatu „рысь" (букв.„лесная кошка"), x̄ₒaK̄en Heleku„фазан" (букв.„лесная курица"), либо характерное звуковоспроизведение или звукоподражание (giK̄u „кукушка", p'aIrp'əla „перепелка" и др.[33]).

Л.311.12. Признак пола

Домашние животные и boxI „тур" различаются по полу, образуя противопоставление мужской – женский: baIk' „баран" – č'an „овца", ans „бык" – xIon „корова", noIš „жеребец" – gₒaci „кобыла", gₒači „кобель" – guža „сука", bos „тур" (самец) – c'aj „коза" (самка тура), q'on „козел" – c'aj „коза", meǩle dogi „осел" ǩenne dogi „ослица", meǩle gatu "кот"-ǩenne gatu „кошка", meǩle Heleku „петух" – ǩenne Heleku "курица". Признак пола маркируется двумя способами: 1)разными лексемами (причем, названия некоторых особей мужского пола совпадают с видовым названием – см. табл. 1), 2) препозитивным прибавлением адъективов meǩle „мужской" и ǩenne „женский" к видовому названию животного. Вторым способом также маркируется пол детенышей некоторых животных, за исключением пола жеребенка, который маркируется адъективами noIšdut „жеребцовый" (мужск.пол) и gₒaciǩut „кобылий" (женск. пол). Уникальным способом маркируется пол у слова č'eren „баран или овца от двух до трех лет": особь мужского пола относится к Ш согласовательному классу, а особь женского пола – к IУ. Не маркирован пол в слове

31. Супплетивная форма мн.ч. от č'an „овца".

32. Супплетивная форма мн.ч. от xIon „корова".

33. Подробно об этом см. в разделе „Идеофоны" (Л.12).

uri-noIš „молодая лошадь" (лошадь от одного года до трех лет) (букв. „жеребенок-лошадь") и слове baq'ari „ягненок от одного года до двух лет". Особое место занимает слово ej-ṯub „матка" (мать животного). Названия животных по признаку пола представлены в табл. 1.[34]

Таблица 1

Названия животных по признаку пола

Видовые названия	Названия взрослых особей		Название детенышей	
	мужск.пол	женск.пол	мужск.пол	женск.пол
č'abu „мелкий рогатый скот"	baIk' „баран"	č'an „овца"	meǩle ǩ'al „барашек"	x̌enne ǩ'al „ярочка"
	q'on „козел"	c'aj „коза"	meǩleṯut motol „козленок"	x̌enneṯut motol „козочка"
buc̄'i „крупный рогатый скот"	ans „бык" buRa „бугай"	xIon „корова"	meǩleṯut bis „теленок"	x̌enneṯut bis „телка"
noIš „лошадь"	noIš „жеребец"	g$_o$aci „кобыла"	noIšdu uri „жеребенок"	g$_o$aciṯut uri „жеребенок"
dogi „осел"	meǩle dogi „осел"	x̌enne dogi „ослица"	meǩle k'eIrt „осленок"	x̌enne k'eIrt „осленок"
gatu „кошка"	meǩle gatu „кот"	x̌enne gatu „кошка"	gatulin lo „котенок"	
Heleku „куры"	meǩle Heleku „петух"	x̌enne Heleku „курица"	Helekulin lo „цыпленок"	
g$_o$ači „собака"	g$_o$ači „кобель"	guža „сука"	„щенок" k'onc'ol	
boxI „тур"	bos „тур"	c'aj „коза"	motol „козленок"	

Л.311.13. Признак возраста

По признаку возраста названия животных образуют двучленные, трехчленные и четырехчленные оппозиции.

34. В таблицу не включены названия молодых животных, у которых пол маркируется разными лексемами.

В двучленных оппозициях названия взрослых животных противопоставлены названиям детенышей: dogi „осел", – k'eIrt „осленок", g$_o$ači „собака" – k'onc'ol „щенок", gatu „кошка" – gatulin lo „котенок" [35], Heleku „курица" – Helekulin lo „цыпленок", boxI „тур" – bax̄Ian motol „козленок", jam „волк" – jamin k'onc'ol „волчонок", ojomči „заяц" – ojomčilin lo „зайчонок", boIǩ' „кабан" – baIǩ'an k'onc'ol „кабаненок", qIon „куропатка" – qIanan lo „птенец куропатки", x̄urk' „голубь" – x̄urk'an lo „птенец голубя". Приведенными примерами исчерпывается список двучленных оппозиций. Названия детенышей диких и мелких домашних животных выражаются словосочетаниями: генитив от видового названия взрослого животного + детеныш (для обозначения детенышей используется всего три лексемы: lo „детеныш", k'onc'ol „щенок", motol „козленок").

Трехчленные оппозиции образуются из противопоставления названий взрослых животных, названий детенышей от рождения до года и названий животных в возрасте от одного года до трех лет: xIon „корова" – biš „теленок от рождения до года" – xIorči „телка от года до трех лет" – xIili „бычок от года до трех лет", noIš „лошадь" – uri „жеребенок" – uri-noIš „лошадь от года до трех лет"; c'aj „коза" – motol „козленок" – čama „коза от года до трех лет", lep'ur q'on „козел от года до трех лет".

Самым дифференцированным является признак возраста у овец: различают взрослых овец, детенышей от рождения до года, молодых животных от одного до двух лет и от двух лет до трех: č'an „овца" – ǩ'al „ягненок от рождения до года" – baq'ari "ягненок от года до двух лет" – č'eren(III кл) „баран от двух до трех лет" – č'eren (IУ кл) „ярка от двух до трех лет".

Л.311.14. Дополнительные признаки

К дополнительным признакам, „формирующим" названия животных, относятся признаки, указывающие на внешность (mac'a č'an „овца с большим курдюком", oIt'i „баран/овца с короткими ушами", Rula „безрогий (-ая) козел/коза"), на использование животного (tula „охотничья собака"), на его место обитания (baHri „уличная собака"), на физиологическое функционирование (nas̄ab „овца, объягнившаяся на втором году", č'ere č'an „яловая овца"). Названий, в которых присутствуют дополнительные признаки, очень мало. Отметим,

35. Здесь и далее буквальные переводы опускаются.

что почти то же самые признаки образуют противопоставление видовых мотивированных названий животных видовым немотивированным.

Л.311.2. Типы лексических коррелятов, характеризующих домашних и диких животных

Лексические корреляты, характеризующие домашних и диких животных, могут быть либо взаимоисключающими, либо пересекающимися. К взаимоисключающим коррелятам относятся типичные жилища, к пересекающимся - типичные множества, типичное звуковоспроизведение, типичные агрессивные действия. Пересечение встречается на очень незначительном числе лексем; ср.: 1) ǩon „отара" - gₒaśden ǩon „свора собак" - jamurčen ǩon „стая волков", boIǩ'orčen ǩon „стадо кабанов"; bu-bos „мычать" - bu-bos „ворковать"; č'išiťu as „кудахтать" (о курице) - č'išiťu as „издавать звуки" (о куропатке); 3) eq̄'as „кусать" (собака) - eq̄'as „кусать" (блоха, вошь, клещ и др.). Для выражения типичного агрессивного действия диких животных характерен глагол kúmmus „есть" (см. Л.311.32).

Показательным является „поведение" заимствованных названий животных: они характеризуются только признаком вида и совсем не имеют лексических коррелятов, т.е. носители языка затрудняются указать для них типичные множества, типичное звуковоспроизведение и т.п.

Л.311.3. Домашние животные

Кроме индивидуальных названий для каждого вида животных, в арчинском языке есть несколько слов, обозначающих совокупность нескольких видов животных, к ним относятся: č'abu „мелкий рогатый скот" (овцы и козы), buc̄'i „крупный рогатый скот", buc̄'i-č'abu „крупный и мелкий рогатый скот". Кроме того, в двух словах, общих для всего класса домашних животных, имеются дополнительные признаки, указывающие на: 1) целевое назначение (ǩ̄aśan „скот, предназначенный для забоя" (букв. „то, что режут") и 2) физиологическое функционирование (ejťub „матка" (животное, имеющее детеныша и вскармливающее его).

Л.311.31. Названия домашних животных

Овцы. č'an „овца", baIk' „баран", ǩ'al „ягненок" (от рождения до года), meǩle ǩ'al „барашек" (ягненок мужск.пола от рождения до года), ǰenne ǩ'al „ярочка" (ягненок женск.пола от рождения до года), baq'ari „ягненок" (от одного года до двух лет", č'eren (Ш кл) „молодой баран" (баран от двух до трех лет), č'eren (IУ кл) „ярка" (овца от двух до трех лет), č'ere-č'an „яловая овца" (букв. „ярка-овца"), naśab „овца", объягнившаяся на втором году" (обычно овцы ягнятся на третьем году), mac'a č'an „овца с большим курдюком", oIt'i „баран/овца с короткими ушами".

Козы. c'aj „коза", q'on „козел", motol „козленок" (от рождения до года), meǩleťut motol „козленок мужского пола" (от рождения до года), ǰenneťut motol „козленок женского пола" (от рождения до года), čama „коза от одного года до трех лет", lep'ur q'on „козел от одного года до трех лет", Rula „безрогий козел/безрогая коза".

Коровы. xIon „корова", ans „бык", „вол", buRa „бугай" (бык-производитель), biś „теленок" (от рождения до одного года), meǩleťut biś „бычок" (мужского пола теленок), ǰenneťut biś „телочка" (женского пола теленок), xIorči „молодая корова" (от года до трех лет), xIili „молодой бык" (от года до трех лет).

Лошадь. noIś „лошадь" (видовое название), noIś „жеребец" (особь лошади мужского пола), gₒaci „кобыла" (особь лошади женского пола), uri „жеребенок" (от рождения до года), noIśdut uri „жеребенок мужского пола" (от рождения до года) (букв. „жеребцовый жеребенок"), gₒaciťut uri „жеребенок женского пола" (от рождения до года) (букв. „кобылий жеребенок"), uri-noIś „молодая еще не объезженная лошадь" (букв. „жеребенок-лошадь").

Осел и мул. dogi „осел" (видовое название), meǩle dogi „осел" (особь мужского пола), ǰenne dogi „ослица" (особь женского пола), k'eIrt „осленок", meǩle k'eIrt „осленок" мужского пола", ǰenne k'eIrt „осленок женского пола", q'urc'em "мул".

Собака. gₒači „собака" (видовое название), gₒači „кобель", guža „сука", k'onc'ol „щенок", baHri „уличная собака", tula „охотничья собака".

Кошка. gatu „кошка" (видовое название), ǰenne gatu „кошка" (особь женского пола), meǩle gatu „кот", gatulin lo „котенок" (букв. „кошки детеныш").

Домашние птицы. Heleku „куры" (видовое название, является именем в ед. числе, что невозможно отразить в русском переводе), meǩle Heleku „петух", ǰenne Heleku „курица", Helekulin lo „цыпленок"

(букв. „куриный детеныш"), uIrdek „утка", gurgur „индюшка", qaz „гусь".

Л.311.32. Лексические коррелаты

Список приведенных ниже лексических коррелатов является неполным – он может быть расширен за счет включения в него ряда лексических групп из разделов Л.331.3 („Животноводство") и Л.314.32 („Масти животных").

Типичные жилища. В названиях типичных жилищ домашних животных представлено два вида смысловых оппозиций: 1) помещения различаются по месту расположения (в жилом доме, на ферме, на пастбище, в кутанах), 2) помещения различаются по названию животных, которые в них содержатся (овцы, коровы, телки).

doχum „хлев" (помещение в доме для содержания домашних животных), č'aben doχum „овечий хлев на 2-м этаже дома", buc̄'ilin doχum „хлев для коров на 1-м этаже дома", qʕixi „загон для овец на пастбище", čili „загон для овец в кутанах", perma „ферма", lič'i „загон для телок на ферме", x̄ₒani „насест".

Типичные множества домашних животных противопоставляются по названиям животных; множества овец противопоставляются по величине: rut' „небольшое стадо овец" (часть отары), ǩon „отара", gₒaš-den ǩon „свора собак", Raṯəra „стадо коров", ilqi || irqi „табун".

Типичное звуковоспроизведение является индивидуальным для каждого животного: maI-bos „блеять" (овцы)[36], me'e-bos „блеять" (козы), bu-bos „мычать" (коровы), HiHi-bos „ржать" (лошадь), hoI'-bos „трубить" (осел), haImp-bos „лаять" (собака), Hubus „рычать" (собака), noIw-bos „мяукать" (кошка), č'išiṯu as „кудахтать" (оукв. „звуки делать") (курица), iI'uI-bos „кукарекать" (петух).

Типичные способы передвижения (+ некотоные характерные действия): qelt-bos „бежать рысью" (лошадь), qeltt'i „рысь" (бег лошади), qIʕe-q'ac'as „скакать галопом" (лошадь), goro-x̄ₒas „кататься на спине" (лошадь, осел), kʕač' dabxis „бить ногой" (лошадь).

Типичные агрессивные действия: aṯas „бодаться" (овцы, козы), q'ebus „бодать" (коровы), s̄ob daxis „кусаться" (букв. „ртом уда-

36. Здесь и далее в скобках даны русские названия животных, производящих данное действие.

рять") (лошадь), ǩanna caxas „лягаться" (лошадь, корова), eq̄'as „кусать" (собака), RIemRIi-bos „набрасываться" (агрессивное действие собаки, сопровождающееся несильными укусами и повреждением одежды), xat barčas „царапаться" (кошка).

Л.311.4. Дикие животные

Л.311.41. Названия диких животных

Млекопитающие: x̄ams „медведь", jam „волк", jamin k'onc'ol „волчонок" (букв. „волка щенок"), s̄ol „лиса", ojomči „заяц", ojomčilin lo „зайчонок" (букв. „детеныш зайца"), boxI „тур" (видовое название дикого горного животного из семейства коз), bos „тур" (самец тура – boxI), c'aj „коза" (самка тура), bax̄Ian motoi „козленок" (букв. „козленок тура"), boIǩ' „кабан", baIǩ'an k'onc'ol „кабаненок" (букв. „щенок кабана"), RaI-bac' „лев" (букв. „грива-волк" – из ав. RaI „грива" + bac' „волк"), x̄ₒaklin gatu „рысь" (букв. „лесная кошка"), žaq̄'al „шакал", lilmuč' „олень", žij-ran „газель", baIrs̄u „барсук", šibux̄al „куница", tunǩ' „ласка", noqI'on „мышь", caclin gatu „еж" (букв. „колючая кошка").

Птицы[37]: noc' „птица", noc'-xIimixI „птицы" (собират.), č'ip'əla „название певчей птички, liqI' „орел", qerRu „сокол", k'eIhu „ястреб-стервятник", qIipixIan „черный ворон", k'an „галка", p'aIrp'əla „перепелка", qʕert'i „журавль", k'urt'u-qIanč „сорока", giǩu „кукушка", x̄urk' „голубь", x̄urk'an lo „птенец голубя" (букв. „детеныш голубя"), isu „сова", x̄ₒaǩen Heleku „фазан" (букв. „лесная курица"), hudhud „удод". qIon „куропатка", qIanan lo „птенец куропатки" (букв. „детеныш куропатки"), mus̄al „улар" (горная индейка), žibəla „ласточка", q'eǩi-bošo „летучая мышь", šək'ak'i – название маленькой птички.

Пресмыкающиеся и земноводные: jaIt'i „змея", uInšəla „ящерица", xₒaršI „червь", milixIu „дождевой червь", žinžru „пиявка", x̄Ielmin dogi „улитка" (букв. „дождевой осел"), uIrbət'i „лягушка", q'alaq'i uIrbət'i „черепаха" (букв. „с крышкой лягушка", из ав. q'alaq'i „крышка" + uIrbət'i „лягушка"), xIabxIi „рыбы".

Насекомые: nac' „вошь", nat' „гнида", č'in „блоха", winisi „клоп", xₒinc || xₒinc' „овечий" клещ", hilku || hiluku „муха", k'ara „комар", t'ant' „пчела", 'alxul t'ant' „оса", naIǩ'u „сле-

37. Возможно, что в переводах названий некторых птиц допущены ошибки.

пень" (букв. „голубой"), aq'rab „скорпион", ǩ'eǩ'u „двухвостка" (букв. „изогнутая"), nibsu „моль", c'imic'əla „бабочка", apal-xac'i ‖ apar-xac'i „кузнечик", kab-xIon „жук", kʒ̥et'-xₒarši „паук" (букв. „клубок-червь"), zimzi ‖ zimzu „муравей", mac'at̄ur – назв ние весенних насекомых: зеленого цвета, очень маленьких и красивых (переносн. от mac'at̄ur „невеста").

Л.311.42. Лексические корреляты

Типичные жилища диких животных обозначаются очень небольшим числом слов; этот коррелят соотносится не с одним названием животного, а с группой названий; в типичных жилищах пчел противопоставляется естественное (сооруженное пчелами) и искусственное (сооруженное человеком) жилище:

nox „нора" (медведь, лиса, ласка), xal „гнездо" (птицы, мышь), xₒaršlin xal „паутина" (букв. „червя гнездо"), kulaj „дикий улей", t'ant'umčen gubčit̄u „улей" (букв. „корзина для пчел"), zimzit̄en qIₒeni „муравейник" (букв. „муравьев куча").

Типичные множества диких животных представлены атрибутивными словосочетаниями, атрибутивная часть которых является генитивом мн. числа от названия животного. Идея множества выражается тремя словами: xan „множество мелких животных", ǩon „множество крупных животных", qₒir „движущееся множество" (может быть, точнее „шевелящееся множество", т.е. движение происходит внутри самого множества):

noc'orčen xan „стая птиц", jamurčen ǩon „стая волков", box̄Iorčen ǩon „стадо туров", boIǩ'orčen ǩon „стадо кабанов" (воспринимается арчинцами как новообразование), t'ant'umčen qₒir „рой пчел", jaIt'it̄en qₒir „скопище змей".

Типичное звуковоспроизведение является индивидуальным, кроме звуковоспроизведения у насекомых: ziz-bos „жужжать" (муха, пчела, комар, оса), ǩix̌-bos „шипеть" (змея), bu-bos „ворковать" (голубь), šₒit'-bos „свистеть" (улар), č'išit̄u as „издавать звуки" (куропатка), „стрекотать" (кузнечик), gik̄u-bos „куковать" (кукушка), RIa-bos „каркать" (ворона), qIar-qIar-bos „стрекотать" (сорока).

Типичные способы передвижения: parx-bos „летать" (все птицы + летающие насекомые), t'ank'-bos „прыгать" (лягушка, блоха, кузнечик), heIršas „бегать" (ящерица, заяц), herqIas „ходить" (волк, медведь, лиса, свинья, мышь, двухвостка, змея, вошь, скорпион,

клещ, муравей, жук, клоп).

Типичные агрессивные действия. В эту лексическую группу наряду с названиями действий вводятся имена агентов и фактитивов:

esas "задрать" (убить и съесть, оставив только кости) (jam „волк" – č'abu „овцы", buč̄'i „коровы"), esas „душить" (s̄ol "лиса" – Helekut̄u „куры"), sas „воровать" (букв. „хватать", "брать") (s̄ol „лиса" – Helekut̄u „куры"), kúmmus „есть", „поедать" (boIǩ' „кабан", noc'-xIimixI „птицы", noqI'on „мышь" – ux „поле; nibsu „моль" – k'ob „одежда"), x̄es „уносить" (liqI' „орел" – ǩ'al „ягненок", Helekut̄u „куры"), pasat as „портить" (boIǩ' "кабан" – ux „поле"), k'ut'-bos „клевать" (noc'-xIimixI „птицы" – ux „поле), eq̄'as „кусать" (блоха, вошь, клещ, комар), dač' ačas „жалить" (пчела).

Л.312. Растительный мир

Арчинский пейзаж – это прежде всего горы, покрытые травой, с небольшими полосами поспевающих у их подножья хлебов, реки, камни. За хутором Хитаб вверх по течению реки растет ветла, которую арчинцы называют просто дерево – qₒat'i. Названия многих деревьев арчинцы знают лишь понаслышке и затрудняются отличить сосну -kal от ели – joq', тополь – šₒaIj от липы had. В арчинском языке нет специальных слов для обозначения кроны и ствола дерева. Зато совершенно иначе обстоит дело с травами – главным растительным покровом в окрестностях Арчи. Переоценить значение трав в жизни арчинцев трудно: травы служат кормом для скота, их широко используют в приготовлении пищи (см. Л.333. „Пища"), травами любят лакомиться взрослые и дети, травами лечат людей и животных, пахучие травы женщины носят в мешочке – debx̄Iu, прикрепленном к чухте, используя их как парфюмерное средство.

В названиях объектов растительного мира широко используются атрибутивные словосочетания, атрибутивная часть которых выражает различные функциональные признаки (типичное место произрастания, целевое назначение): qIₒennin t'eI „скалы цветок" (название цветка), niIšin mač „глухая крапива" (букв. „лошади крапива"), šaIben k'ač'i „подорожник" (букв. „для-раны лист") и др., – или цвет: č'uIbáIt̄ut t'eI „маргаритка" (букв. „белый цветок"), bex̄Ie čaq „конские бобы" (букв. „черный горох"). Еще одним способом называния объектов растительного мира является метафора: bac „ягоды рябины" (ср. bac „луна"), gₒacilin mam „малина" (букв. „кобылы сосок") и др.

Представленная здесь лексика является лишь фрагментом словаря растительного мира арчинцев.

Данная тематическая группа включает названия культурных и дикорастущих растений и состоит из четырех основных разделов: 1) травянистые растения, 2) деревья и кустарники, 3) плоды деревьев, кустарников и диких травянистых растений, 4) сельскохозяйственные и огородные культуры. Кроме того, в раздели включены слова, лексически связанные с растительным миром: названия частей растений, характерных мест их произрастания и т.п.

Л.312.1. Травянистые растения

Общие названия травы: hoti „трава", kʔaIhač „молодая весенняя трава", qI'arba „мелкая сухая старая трава", mac'a hoti „молодая травка" (букв. „новая трава"), mokol „засохшая старая трава", x̄ara „сухие стебли грубых травянистых растений";

t'em „травинка", „стебелек", „былинка", qI∘eni „куст" (характерный способ произрастания трав mokol и makʔ „чертополох"). Места произрастания: q'arq'i „луг", daxIi „ровное место на склоне горы, покрытое травой".

Съедобные травы: mač „крапива" (Urtica urens L.), s̄ap „черемша" (дикий чеснок), mušu „тмин" (Cavum carvi L.), sarba „мята" (Mentha piperita Huds), pikʔ – вид зонтичного растения[38], qI∘ib "бутень", x̄Iol – вид съедобной травы, hondol – вид съедобной травы, q'anc'alit erx̌i – вид съедобной травы, dogilin čix̌∘ „щавель" (Rumex acetosella).

Лечебные травы: šaIben k'ač'i „подорожник" (Plantago major L.) (букв. „для-раны лист"), siriqu – корень растения, которым лечат овец, jaman čop – название растения, используемого для лечения болезни jaman – рожи.

Сорные травы: č'ar „сорняк", makʔ „чертополох" (Carduus crispus L.), mečuč "полевой бодяк" (Cirsium arvense Scop), muk'a "осот".

Прочие травы: urk̄i „лопух", bisni „лопух", mese „метлица" (Apera spica venti P.B.), x̌eb-k'ač'i „клевер", bex̄Ie čaq „конские бобы" (букв. „черный горох"), niIšin mač „глухая крапива" (Lamium album L.) (букв. „лошади крапива"), qI'urəši – название травы, растущей у родников и рек.

Цветы: t'eI „цветок", t'unu „мать-и-мачеха" (Tussilago farfara L.), idagemun t'eI „фиалка" (Viola adorata L.) (букв. "ангела цветок"), c'urəla – название цветка (букв. „горлышко зурны"), č'uIbaIt̄ut t'eI „маргаритка" (букв. „белый цветок"), qI∘ennin t'eI – название цветка (букв. „скалы цветок");

t'eI ačas „цвести", "покрываться цветами", di caxas „пахнуть", kʔic' „букет".

38. Если растение не удалось определить в переводе значится: название..., вид...

Л.312.2. Деревья и кустарники

Названия деревьев и кустарников: q∘at'i „дерево", mokor „береза", had „липа", šə́aIj „тополь", joq' „ель", kal „сосна", cac „куст шиповника", qIereqI – название колючего кустарника", xuri „можжевельник", cac-qIereqI „колючие растения" (собират.).

Названия частей растений: xol „ветка", paq'ut „кора", mat'i „сучок", dič' „пень", k'ač'i „лист", marx̄u „корень".

Л.312.3. Плоды

axəran „фрукты", aIns̄ „яблоко", xIert „груша", axbəzan „абрикос", t'ummul „виноград", k'urk'uni „алыча", kukam „слива", ba'li „вишня", „черешня", ár̄qIut „орех", gerbec „айва", nar „гранат", čamasdak „финики", g∘acilin mam „малина" (Rubus idaeus L.) (букв. „кобылы сосок"), kal „земляника" (Fragaria vesca L.), osgon „брусника" (Vaccinium vitis idaea L.), ok „черника" (Vaccinium myrtillus L.), bac „ягоды рябины" (Sorbus aucuparia L.), hubəla „ягода шиповника" (Roza canina L.), zuq'al „кизил", x̌∘em – название съедобных ягод, x̄∘aken imc' – название съедобных ягод (букв. „лесной мед"), dogilin qʔiḱi „гриб";

qal – оболочка плода: кожица, кожура, скорлупа; boč'on „косточка", „семечко", t'ummullin qʔil „гроздь винограда".

Л.312.4. Сельскохозяйственные и огородные культуры[39]

qoqol „пшеница", niHa „овес", maxa „ячмень", čaq „горох", laqI'a čaq „фасоль" (букв. „пестрый горох"), sang „чечевица",

39. Названия всех огородных культур – заимствованные. Сами арчинцы огородничеством не занимаются, правда, они понемногу сажают картофель.

haIžela "кукуруза", ganga-boč'or "лен", baRdabus "подсолнух", sot-barči - "озимая пшеница" (букв."осенью посеянная");

oIroIs qI◦ib "картофель" (букв. "русский бутень"), qabaq"тыква", kalam "капуста", čuk'ult'an "свекла", qur "морковь", gučulab "огурец", pamidor "помидор";

muh "зернышко", lok "колос", x̌ob "стручок", haIžəlin qI'art'i "кукурузный початок", (букв."кукурузы скалка"), qI◦emi "куст картофеля").

Л.313. Географические понятия и неживая природа

Л.313.1. Географические понятия

Данная тематическая группа включает систему пространственных ориентиров, населенные пункты, пути передвижения по местности и переправы, элементы горного и равнинного ландшафта и водные объекты.

Л.313.11. Пространственные ориентиры

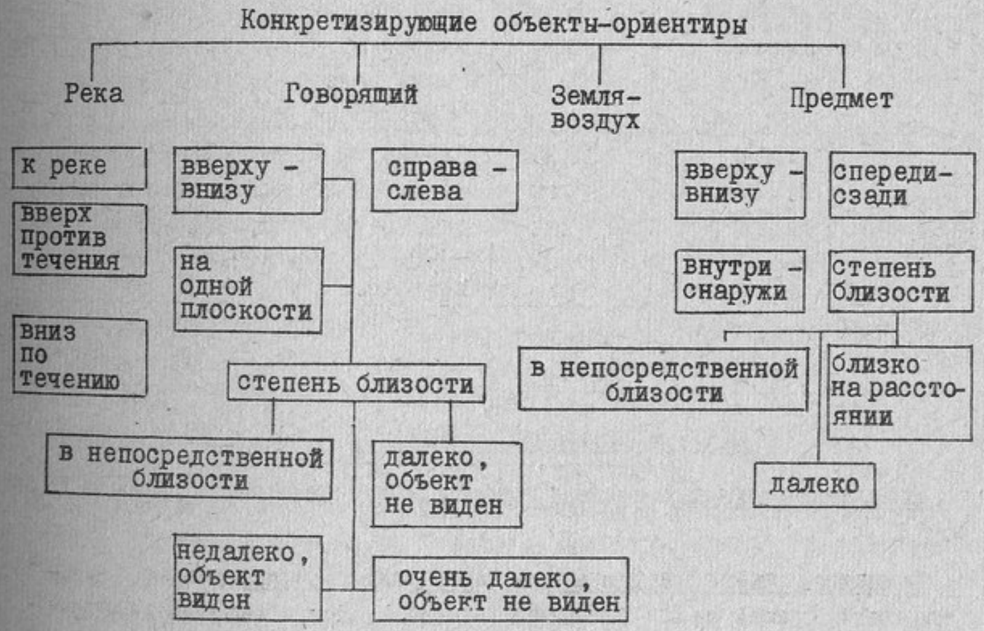
Пространственные ориентиры в арчинском языке указывают на расположение предметов в пространстве (ориентиры локализации) и на направление движения (двигательно-направительные ориентиры). Подавляющее большинство двигательно-направительных ориентиров образовано от ориентиров локализации и означает движение через указанное локализованное пространство (транс-латив), удаление от него (элатив) или приближение к нему (аллатив). Три двигательно-направительных ориентира значения локализации не имеют, но содержат в себе конкретизирующие ориентиры-объекты: šumaj "по течению реки (вниз)", duxaj "против течения реки (вверх)", qalak "к реке" (за водой).

Значение пространственных ориентиров зависит от значений входящих в них элементарных признаков, к ним относятся: 1) конкретизирующий ориентир-объект, 2) пространственное расположение объекта, 3) степень близости ориентируемого объекта к объекту-ориентиру. Конкретизирующими ориентирами-объектами могут быть говорящий, любой специально не выделяемый предмет материального мира, а также три объекта неживой природы: земля, небо, река (вода). При каждом конкретизирующем ориентире-объекте имеется свой набор признаков пространственного расположения: справа - слева, вверху - внизу - на одной плоскости (для говорящего), спереди - сзади, вверху - внизу, внутри - снаружи (для предметов), вверх - вниз

(для реки); земля и небо являются объектами с заданным пространственным значением. По степени близости ориентируемого объекта к говорящему выделяются четыре признака: 1) в непосредственной близости с говорящим (очень близко), 2) недалеко (ориентируемый объект виден, а если он одушевленный и "звуковоспроизводит", то его слышно), 3) далеко (ориентируемый объект не виден), 4) очень далеко (ориентируемый объект не виден). Степень близости к предмету имеет три градации: 1) в непосредственной близости с предметом, 2) близко (на некотором расстоянии от предмета), 3) далеко. Образование пространственных значений по составляющим их признакам представлено на схеме 1 (производные направительно-двигательные значения в схему не включены).

Схема 1

Элементарные составляющие признаки пространственных ориентиров



Пространственные ориентиры с предметом в качестве конкретизирующего объекта-ориентира: x̌◦ak "рядом", č'axut "близко","в соседстве", xarak "сзади", harak "спереди", qI'anak "внутри" č'elle ‖ č'olla "снаружи", jaťik "наверху", k̆'arak "внизу".

Прочие пространственные ориентиры: duxaj "против течения реки" (вверх), šumaj "по течению реки" (вниз), qalak "к реке"(за водой), x̄Iolo "вверху" (в небе, в воздухе), q'aťu "внизу" (на земле).

Таблица 2

Пространственные ориентиры
(конкретизирующий объект-ориентир - говорящий)

Пространственное расположение	Лексическая единица		Степень близости к говорящему
На одной плоскости с говорящим	išik	"здесь"	в непосредственной близости с говорящим
	emik ‖ imik	"там"	недалеко от говорящего, объект виден
	tīnik	"там"	далеко от говорящего, объект виден
	tenik	"там"	далеко от говорящего, объект не виден
Ниже говорящего	kinik	"там"	близко от него, объект виден
	kinīk	"там"	недалеко от него, объект виден
	kanak	"там"	далеко от него, объект не виден
	konōk	"там"	очень далеко от него, объект не виден
Выше говорящего	Rinik	"там"	близко от него, объект виден
	Rinīk	"там"	недалеко от него, объект виден
	Ranak	"там"	далеко от него, объект не виден
	Ronōk	"там"	очень далеко от него, объект не виден
	olrč'ušі	"направо"	
	qlokšі	"налево"	

Л.313.12. Населенные пункты и сооружения

Населенные пункты: šahru "город", xlor "селение"[40], duxur "хутор".

Территориальные единицы селения или хутора: maHla "магал" (квартал), duxaj maHla "верхний магал" (расположен выше по течению реки), šumaj maHla "нижний магал" (расположен ниже по течению реки), jaťəši maHla "верхний магал" (расположен в верхней части склона горы), ǩ'arakši maHla "нижний магал" (расположен в нижней части склона горы)[41], qʒat'i "улица", diǩ'in "двор", ǩoli "место перед домом", dori "годекан" (площадь, на которой взрослые мужчины собираются провести время и побеседовать).

Сооружения: noǩ' "дом", xejbarqala "крепость", ilja "развалины", c'ut "столбик из камней, сложенный чабанами на каком-либо высоком месте, для ориентации на местности".

40. По отношению к арчинскому типу поселения слово xlor означает совокупность хуторов (см. "Введение").

Л.313.13. Пути передвижения по местности, переправы

deql' "дорога", šahra "широкая дорога", "шоссе", largi "поворот дороги", jarxli "перевал", qlin "мост", k'ummur qlin "арочный мост" (букв."арка-мост"), t'ank'ála "переправа через реку" (камни, положенные в неглубоком месте реки таким образом, чтобы, перепрыгивая с одного камня на другой, можно было переправиться через реку - от глагола t'ank'-bos "прыгать").

Л.313.14. Горный и равнинный ландшафт

biqʒ "место", "местность", maǩ "место", "местность".

Горный ландшафт: mul "гора", x̄ₒa "каменистая часть горы, сверху и снизу окаймленная растительностью[42], x̄ₒan "северный склон", ǩoxur "южный склон", cer "гребень склона" (ср. с глаголом cara "быть покатым,наклонным"), qlun "выступающая часть в гребне склона" (ср. qlun "плечо"), moχ̄or "выпуклая часть склона между двумя впадинами" (ср. moχ̄or "грудинка", mixdi "на груди"), k'ilt'i "седловина", mullin olnt "вершина горы" (букв. "горы голова"), muč "вершина", "пик" (ср. muč "нос"), k'an "подножье" (ср. k'an "дно"), qʒil "выступ на склоне горы, получившийся в результате вырытого в склоне углубления", qlₒen "скала", xₒalli "ущелье", "расселина в горах", nox "пещера", daxli "горная лужайка" (ровное место на склоне горы, покрытое травой).

41. Деление селения или хутора на магалы по разным конкретизирующим ориентирам (по течению реки и по горе) является взаимоисключающим.

42. Обычно из этой части горы добывают плоские каменные плиты qₒan для настила потолка.

Ровная местность: q'akul "равнина", aran ‖ aran naq̥ "степная местность с жарким климатом", q'arq'i "луг", awlaq "степь","луг", čejlaR "равнина вдоль реки", dumpəra "холм", gundi "яма", xandaq' "ров".

Л.313.15. Водные объекты

Река: haItəra"река", s̄ob "берег", largi "излучина", bix̌₀ "глубокое место реки", š̥aIlt' "волна", haItəra x̌orxIurt̄ut biq̥ "место слияния двух рек" (букв."место с разжиженной рекой"), haItərčen iRIda "в середине реки";

č'axI-bos "течь", t'i kes "мелеть" (букв."маленькой становиться"), dōIz kes "становиться полноводной" (букв."большой становиться"), x̄as "выходить из берегов" (букв."вставать","подниматься"), tuq'-kes "мутнеть" (букв. "мутной становиться"), marc' kes "становиться чистой, прозрачной".

Прочие водные объекты: x̌at "море", baIri "водоем" (озеро,пруд, лужа), zulu "родник", quj "колодец", raq "канал", arx "канал,подводящий воду к мельнице", Howz "бассейн", x̌amc'a "болото".

Л.313.2. Явления и объекты природы

В этой группе представлены названия явлений и объектов природы, а также действия, характеризующие их типичное естественное функционирование, а иногда и действия, каузирующие это функционирование.

Л.313.21. Атмосферные осадки

x̄Iel "дождь" - exmus "идти", c'ec'i-bos "моросить"; liqI'ilin x̄Iel "ливень" (букв. "орлиный дождь") - exmus "идти", ecas "литься"; t'aIp'aIn "сильный продолжительный дождь" - ebcas"литься", čubxun "кратковременный не очень сильный дождь" - atis "идти"; raHmat "атмосферные осадки" (как правило, имеется в виду дождь) - abas "выпадать" (букв. "делаться")[43], q̥arbaǩ' "град" - abtis "выпадать", marx̄əla "снег" - abas "идти" (букв."делаться"), teret "дождь со снегом" - atis "идти", RI₀alqIi "туман" - ebx̌as"стлаться" (букв. "ложиться"), mak₀ "роса" - ebx̌as "выпадать" (букв."ложиться"), sel "иней" - ačas "покрываться" (инеем).

43. Употребляется в ограниченном числе контекстов: jas̄ana nāq'ukan raHmat abu "В-этом-году много дождей / атмосферных осадков выпало".

Атмосферные явления, сопровождающие атмосферные осадки: parəla "молния", - par-bos "сверкать", qut'i "гром" (букв. "грохотание")- dunil qubus "греметь" (букв. "небо грохотать"), x̄Iološ gert̄i "радуга" (букв. "сверху дуга").

Л.313.22. Состояния погоды

hawa "погода", Rilikul "тепло" - Rili "(быть)тепло", k'āk'akul "жара" - k'āk'a "(быть) жарко", ǩ'eIrkul "жара" - ǩ'eIr "(быть) жарко", buRkul "жара", "духота" - buR "(быть) жарко, душно", xIekul "холод" - xIe "(быть) холодно".

Состояние неба (противопоставление ясный - пасмурный): wak'bos "проясниться"(стать ясным, безоблачным), dix̌₀ "облако", "туча", dunil exmus "хмуриться" (т.е. когда небо затянулось облаками и скоро должен пойти дождь), oIč'mus "разъясниться", "светлеть"(т.е. после дождя небо продолжает оставаться затянутым облаками, но уже постепенно светлеет), daIšmus "стать пасмурным" (затянуться облаками, но это не значит, что пойдет дождь), datis "проясниться" (синева неба перемежается с облаками).

Л.313.23. Ветер

hawa "ветер", luqIe "ветерок с юга", RI₀alqIi "ветерок с севера", hura-xIan "сильный неприятный налетающий порывами ветер", buran "сильный ветер", x̄umuš"вьюга"; hubus "дуть", pax-ačas "утихать", buran abtis "дуть" (о сильном ветре - buran).

Л.313.24. Стихийные бедствия

meRIurRIal "наводнение", dunil xirix-kumul "землетрясение" (букв. "мира шевеление"), oc' "пожар" (букв."огонь"), barq bačmul "засуха".

Л.313.25. Почва, камни, вода

Почва: naq̥ "земля", hebe-naq̥ "глина желтоватого оттенка", oIboI "вязкая грязь", sarsi "песок" (с крупными зернами), qum "песок" (с мелкими зернами), gun "пыль".

Камни: č'ele "камень", xonx "очень большой камень", q₀an "большой плоский камень", hirx̄on "плоский толстый камень", č'imixI "мелкие камни", līc'i "мелкие осколки камня", goroxči "скатывающийся камень", RIara "скопление камней".

Вода: x̌an "вода", muǩ'aǩ' "ледяная (очень холодная) вода", qol "лед", nik'ərk'əla "тонкий слой воды надо льдом", hil "пар", k'ent' "капля", buIruInt' "фонтан" (сильная струя); ecas "литься", k'ent'-bos "капать", qes "замерзать" (превращаться в лед, покрываться льдом), q₀as "высыхать", "испаряться"; воздействие воды: lamx̌ "быть сырым" (пропитаться постепенно влагой), č'aIra-kes "промокнуть".

Л.313.26. Огонь и свет

Огонь: oc' "огонь" - ok̄as "гореть", "жечь", exmus "загораться", oc' hubus "разводить огонь" - axIas "потухать", exmus as "зажигать" axIas as "гасить", pirx-bos "вспыхивать", "воспламеняться", pilt'i "спичка", mač'a č'ele "кремень" (букв. "черный камень"), oc'əla "огниво";

huq' "дым", buIr-bos "дымить", q'it̄i "сажа", "копоть";

ǩ'uIraImči "горячие остатки от сгоревшего топлива" (дров или кизяка), diqI' "зола", uIruIn "древесные угли"[44].

Свет: ak̄on "свет", ak̄on caxas "рассветать".

Л.313.27. Небесные тела

dunil "небо", barq "солнце", berqen daxon "солнечный диск" (букв. "солнца зеркало"), berqen č'or "солнечный луч" (č'or - из аварск.), barq abtis "выглядывать (о солнце)", bac "луна", x̄Iološqian "звезда", Rat̄ərt̄en deqI' "Млечный путь" (букв. "стада дорога", wanəra "Большая Медведица" (букв. "верблюд"), x̌eb-boq'c'ot̄u "Пояс Ориона" (букв. "три расположенных в одном ряду на одинаковом расстоянии"), c'omo-k₀asəllu "группа звезд из созвездия Тельца" (букв. "желудок - сетка желудка"), barq basmul "солнечное затмение", bac basmul "лунное затмение".

Л.314. "Наивная физика" внешнего мира

Этот раздел состоит из трех частей: 1) представление о времени,

44. Эти угли используют лудильщики.

2) геометрические, физические и количественные представления, 3) цветообозначения.

Л.314.1. Представление о времени

Общие ограничительные временные понятия: zaman ‖ zamāna "время", "эпоха", s̄a'at "время", "час", hant̄i "некоторое количество времени", muhlat "мгновение" (очень короткий отрезок времени)[45], rigi "любой отрезок времени на протяжении суток", č'em "время" (не ограничительное понятие).

Единицы измерения времени: s̄an "год", bac "месяц", iq "день", s̄a'at "час".

Протекание времени и временных процессов: qIes "идти", kes "остановиться", "наступать", ōk'ur "медленно", dit̄aw "быстро", ejkan ‖ īqan "долго" (на протяжении дня, но не обязательно целый день), īqandiqna "целый день". Периодичность во времени: iqlaw "каждый день", ja-jat̄iq "постепенно", "с каждым днем", da'im "постоянно", os̄-os "иногда", nāgahši "редко", "изредка", q'ana'atši "редко", qI'ana-qI'anaš "редко", "изредка", x̌ax̌aši "редко"[46].

Названия времен года: qI'ot̄aqI "зима", x̌annaqI "весна", qIit̄aqI "лето", sot̄aqI "осень".

Названия отрезков суток: iq-iš "сутки" (букв. "день-ночь"), iq "день", iš "ночь", išarxmul "полночь"[47], xat̄aq'mi-č'em "время захода солнца", margə-č'em "сумерки", x₀at'am-č'em "время после сумерек до полуночи".

Соотнесенность действий и процессов со временем. На лексическом уровне для выражения этой категории используются, как правило, наречия. Соотнесенность со временем может выражать: 1) соотнесенность с настоящим моментом, не имеющим исчисления: hinc "теперь", nes̄en "сейчас", jas̄a "теперь"; 2) соотнесенность с неопределенным моментом в прошлом или будущем: horok "давно", horōkejt'u "давным-давно", basāni sint'u "когда-то" (букв. "когда не-знаю"), os iqna "однажды" (букв. "в один день"), basa-išaw "когда-нибудь"; 3) со-

45. Употребляется только в выражении: muhlat at̄it'aw zaba "Как можно скорее приходи" (букв. "Мгновения не-имея приходи").

46. Значение "часто" отсутствует.

47. Возможно из: iš "ночь" + arxmul (ист. масд. от глагола arxmus "рассыпаться").

отнесенность с конкретным отрезком времени (временем года, временем дня): qI'ot "зимой", x̌annat "весной", qIit "летом", sot "осенью", ak̄ommis "утром", qi "днем", qi kelkan "до полудня", qimis "в полдень", xat̄aq'mis ‖ xat̄aq'mi-č'emis "во время захода солнца", š̥ₒi "ночью"; 4) соотнесенность по сроку: x̌eši "поздно", xorōš "очень поздно", dit̄at'u "рано" (IУ кл., ср. dit̄aw – I кл., dit̄aru II кл., dit̄abu – Ш кл.), žₒen s̄a'allit "вовремя" (букв. "в свой час); 5) соотнесенность по числу дней или лет (см.табл.3).

Таблица 3

Соотнесенность во времени по числу дней и лет

	Настоящее	Прошедшее	Будущее
День	jasqi "сегодня" eqiša "сегодня" вечером"	s̄anRi "вчера" eqon "вчера вечером" harakdumma "позавчера" t'išərakdumma "два дня назад"	šut̄a "завтра" – os̄ut̄-iqna "послезавтра" xirt̄ut̄-iqna "через два дня"
Год	jas̄ana "в этом году"	šₒaIš "в прошлом году" šuIšannəmma "в позапрошлом году" t'išuIšannəma "два года назад"	tollət̄a "в будущем году" xirt̄ut s̄anna "через год" xirt̄a xirt̄ut s̄anna "через два года"

Л.314.2. Геометрические, физические и количественные представления

Л.314.21. Геометрические и физические понятия: lāxakul "длина", qʒakul "ширина", bēxekul "высота", minzir "расстояние", goIroI "шарообразная масса", raq "линия", "черта", mec̄'e "угол", s̄ob "край", "конец", iqIʒkul "вес", "тяжесть".

Л.314.22. Геометрические и физические признаки и характеристики[48]: lāxa "быть длинным" (об объемных предметах), aqa "быть длинным" (о плоских предметах, например, дороге – deqI'), haIrt̄a "быть широким" (об объемных предметах), qʒa "быть широким" (о плоских предметах[49]), k'ala "быть тонким: (т.е. иметь узкое поперечное сечение – об объемных предметах, qIʒaqI'ar "быть узким" (о плоских предметах), kūta "быть коротким" (о предметах с узким поперечным сечением и о росте), hūla "быть низким" (о предметах, имеющих форму прямоугольного параллелепипеда, у которого площадь основания больше площади его любой боковой поверхности), gukī "быть круглым", ǩ'eǩ' "быть кривым", bi "быть острым", q'a "быть ровным, плоским", cara "быть наклонным, покатым", iqIʒ "быть тяжелым", sala "быть легким, t'i "быть маленьким", muqIu "быть мелким", dōIz "быть большим", quqa "быть крупным", q'ac'as "располагать (ся) в последовательном порядке".

Л.314.23. Меры длины и веса: asmus 1) "мерить", 2) "взвешивать".

Меры длины: sažan "сажень", čʒim "пядь", (старинная мера длины, равная расстоянию между вытянутым большим пальцем и мизинцем), imk' "полметра" (старинная мера длины, равная расстоянию от локтя до конца кисти + перпендикулярно к ней положенная кисть другой руки + еще несколько (два или три) пальцев).

Меры веса: girwanka "фунт", misq'al "золотник", noIš "нош" (мера, равная 2 кг)[50], jarxul-noIš "половина нош" (мера, равная 1кг), k'adi "кади" (мера, равная 1,5 кг), s̄aH "сах" (мера, равная 2,5кг), dat'əla "датала" (мера, равная 2,5 кг), q'ili "кили" (мера, равная 12 кг)[51], baIš "баш" (мера, равная 6 кили, т.е. 72 кг).

Л.314.24. Количественные оценки: axI "хватать", "быть достаточ-

48. $V_{стан}$ и $V_{кауз}$ от перечисленных здесь стативных глаголов не приводятся.

49. Предметы одежды, в зависимости от ситуации, могут относиться то к классу объемных предметов, то к классу плоских – поэтому они могут сочетаться с обоими стативными глаголами.

50. Все числовые соответствия указаны приблизительно.

51. Эта мера веса служит также для измерения величины засеваемого поля: q'ili kammart̄ut ux edi "Поле было величиной с кили" (букв. "Кили брошенное поле было").

но", duzal "быть достаточным", axIejkun "в достаточном количестве", labxan "быть в большом количестве", dunālu "много" (по отношению к действиям и процессам), nāq'ukan "много" (по отношению к исчисляемым предметам), t'īnna "мало", os t'īnna "немного", anžaR "чуть-чуть", "совсем немного", bōnis "немного", os bōnis "немного", aIraIč "достаточно большой", salamat̄ut "достаточно большой", nuq'sannut "очень небольшой".

Л.314.25. Часть и целое: šoIrtallut "весь в целом", "целый", but'i "часть", "доля", but'i abas "длить на части" (букв. "часть делать"), parča "кусок", marši "кусок от длинного плоского предмета" (например, лоскут материи), jarxullut "половина".

Л.314.3. Цветообозначение и выражение значений "окрашиваться" и "красить"

Для обозначения понятия "цвет" в арчинском языке используется заимствованное из персидского языка слово rang. Названия конкретных цветов выражаются либо стативными глаголами, либо образованными от этих глаголов адъективами Ш-IУ классов, либо атрибутивными словосочетаниями с опорным словом rang. В плане лексической сочетаемости они образуют группу с широкой и группу с узкой лексической сочетаемостью (во второй группе это чаще всего сочетаемость с одним или двумя субстативами[52]. Названия некоторых основных цветов могут иметь дополнительные признаки: оттенок (maIh), тон (светлый - темный), интенсивность (бледный - интенсивный), - которые выражаются определенным способом (см.ниже). От стативных глаголов цветообозначения образуются глаголы становления со значением "окрашиваться в n-ный цвет".

Л.314.31. Названия цвета

jaIt'annut "красный", xaxat̄ut "желтый", jaIt'an-xaxat̄ut "оранжевый" (букв. "красно-желтый"), naIǰdut "голубой" (ср. naIk̆' "молоко"), č'angdut "синий", oIlowt̄ut "зеленый", č'uIbaIt̄ut "белый",

52. Лексическая сочетаемость со словами цветообозначения является очень конкретной: арчинцу легче определить цвет по цветовой шкале, чем привести пример на сочетание цвета с каким-либо субстативом (мне не удалось установить, например, с чем сочетается x̄₀ellut "серый", č'angdut "синий").

x̄₀ellut "серый", bex̄Iet̄ut "черный", diq̄I'in rang "серый (букв. "золы цвет"), šaqI'lin rang "фиолетовый" (букв. "чернил цвет"), dilik'lin rang "коричневый" (букв. "печени цвет"), pollin rang "коричневый" (букв. "пола цвет"), x̄urk'an hanq̄'aš rang "сиреневый" (букв. "голубя с-горла цвет"), imč̄'in rang "медовый" (букв. "меда цвет"), jax̌ut̄ub "светло-коричневый" (только о масти овец), jaIt'an-x̌amx̌ "румяный" (только о лице), č'eIj "светло-желтый" (только о волосах и о цвете хлебного поля), xaxaši-bex̄Iet̄ut "светло-карий" (букв. "желто-черный") (только о глазах), kabat̄ut "с белой отметиной" (на лбу), laqI'at̄ut "пестрый".

Л.314.32. Примеры на лексическую сочетаемость

Цвет глаз: bex̄Iet̄ib "черные", "карие", naIǰdib "голубые", xaxaši-bex̄Iet̄ib "светло-карие".

Цвет волос: bex̄Iet̄ib "черные", "каштановые", jaIt'annib "рыжие" (букв. "красные"), č'eIj "светло-желтые", "белокурые", imč̄'in rang it̄ib "медовые" (букв. "меда цвет имеющие"), č'uIbaIt̄ib "седые" (букв. "белые").

Масти лошадей: bex̄Iet̄ub "вороная" (букв. "черная"), č'uIbaIt̄ub "белая", naIǰdub "сивая" (букв. "голубая"), jaIt'annub "гнедая" (букв. "красная").

Масти коров: jaIt'annub "рыжая", "красная", bex̄Iet̄ub "черная", naIǰdub "серая" (букв. "голубая") (очень редко), jaIt'an-laqI'at̄ub "красно-белая" (букв. "красно-пестрая"), bex̄Ie-laqI'at̄ub "черно-белая" (букв. "черно-пестрая"), nodo kabat̄ub xIon "на-лбу с белой отметиной корова".

Масти овец: č'uIbaIt̄ub "белая", bex̄Ie-laqI'at̄ub "черно-белая" (букв. "черно-пестрая"), jax̌ut̄ub "светло-коричневая", jax̌u-laqI'at̄ub "светло-коричневая с белыми пятнами" (букв. "светло-коричнево-пестрая"), oInt jax̌ut̄ub "со светло-коричневой головой" (букв. "голова светло-коричневая"), jaIt'an-qI'annat̄ub "белая со светло-коричневыми пятнами вокруг глаз".

53. Цвет металлов в арчинском языке не обозначается, т.е. нет примеров на лексическую сочетаемость прилаг. цвета с названиями металлов.

Л.314.33. Дополнительные признаки основного цвета

Для выражения дополнительных признаков основного цвета используются адъективы: maIhdut = A (maIh "оттенок"), iqši дп.одн.(см. Т.122.121 от: iq "быть светлым", mač'aši дп.одн.от: mač'a "быть темным", q'ač'ši дп.одн. от: q'ač' "быть бледным" - и наречие lap "очень", а также сравнительная конструкция с bana "как". Дополнительные признаки сочетаются с ограниченным числом основных цветов: č'uIbaI-maIhdut "беловатый" (имеющий белый оттенок), lap č'uIbaIt̄ut "очень белый", marx̄əla bana č'uIbaIt̄ut "как снег белый"; jaIt'an-maIhdut "красноватый" (имеющий красный оттенок), iqši-jaIt'annut "светло-красный", mač'aši-jaIt'annut "темно-красный", q'ač'ši-jaIt'annut "бледно-красный", lap jaIt'annut "очень красный", bi bana jaIt'annut "как кровь красный"; xaxa-maIhdut "желтоватый" (имеющий желтый оттенок), iqši-xaxat̄ut "светло-желтый", mač'aši-xaxat̄ut "темно-желтый", q'ač'ši-xaxat̄ut "бледно-желтый", lap xaxat̄ut"очень желтый", barq bana xaxat̄ut "как солнце желтый", q'ač'ši jaIt'an-xaxat̄ut "бледно-оранжевый", naIǩ'-maIhdut "голубоватый (имеющий голубой оттенок), dunil bana naIǧdut "как небо голубой", oIlow-maIhdut "зеленоватый" (имеющий зеленый оттенок), iqši-oIlowt̄ut "светло-зеленый", mač'aši-oIlowt̄ut "темно-зеленый", q'ač'ši oIlowt̄ut "бледно-зеленый", lap oIlowt̄ut "очень зеленый", q'it̄i bana bex̄Iet̄ut "как сажа черный".

Л.314.34. Значение "окрашиваться"

Это значение выражается при помощи глагола становления kes (см. Л.221) от соответствующих стативных глаголов цветообозначения: č'uIbaI kes "становиться белым", jaIt'an kes "краснеть", "становиться красным", xaxa kes "желтеть", "становиться желтым", oIlow kes "зеленеть", "становиться зеленым, bex̄Ie kes "чернеть", "становиться черным".

Л.314.35. Значение "красить"

Это значение выражается двумя глаголами: x̌ubus "красить" и s̄ir obǩmus "красить масляной краской" (букв."масляную-краску класть"). Если необходимо уточнить, в какой именно цвет производится окрашивание, перед глаголом x̌ubus ставят деепричастие от соответствующего стативного глагола цветообозначения, а к именной части глагола s̄ir obǩmus прибавляется причастие со значением соответствующего цвета: ox̌ jaIt'anši x̌ubus "красить шерсть в красный цвет" (букв."шерсть будучи-красной красить") и др.; ustullis č'uIbaIt̄ub s̄ir obǩmus "стул белой масляной-краской красить" и др.

Для выражения значения "окрашивать в определенный цвет" используются также каузативы от стативных глаголов цветообозначения, употребление которых связано лишь с определенной конструкцией: rang ačuli, jamut ox̌ t'īnna jansaw xaxa a "Краситель посыпав, эту шерсть еще немного желтой сделай" (обязательной при каузативном глаголе xaxa as является часть rang ačuli). Каузативный глагол č'uIbaI as "делать белым" возможен также в предложении с обязательным агентом marx̄əla "снег": marx̄əlli īk'en č'uIbaI owli "снег все белым сделал", - а каузативный глагол naIǩ' as требует семантически обусловленного фактитива lur "глаз": zari towmun lur naIǩ' abu "Я ему на-глаз синяк поставил" (букв. "Я его глаз синим сделал").

Окрашивание производится с помощью красителя - rang и масляной краски - s̄ir. Инструментом для окрашивания масляной краской служит s̄ir borǩinnut (muk̄ul) "кисть" (букв. "краску кладущий (веник)").

Л.32. Человек

Эта часть словаря включает тематическую группу "Организм человека и животных" (рассматривать лексику, характеризующую организм человека и животных, в пределах одной тематической группы удобно, так как в ней есть пересекающиеся лексемы), а также названия людей по признаку возраста, пола, типу родственных отношений и характерным признакам частей тела и физиологических действий.

Л.321. Организм человека и животных

Вся лексика, относящаяся к организму человека и животных, делится на три группы, каждая из которых соотносится: 1) с человеком и животным одновременно, 2) только с человеком, 3) только с животными. Распределение лексики по группам зависит от отношений между означаемым и означающим, а также между самими означаемыми. В первой группе означаемое и означающее совпадают, например: s̄ob "рот" (человека и животного), lúr "глаз"(человека и животного) и др. Кроме того, соотнесенность первого типа может быть нейтральной и стилистически окрашенной. Стилистическая окрашенность (это как

правило грубый оскорбительный оттенок) возникает в том случае, если слово, относящееся к животным, переносится на человека, например: t'ent'i-bos "объесться" (о животном) – "обожраться"(о человеке), qIannub "беременная" (о животном) – qIannur "брюхатая" (о женщине). Отношение означаемых и означающих во 2-й и 3-й группе следующее: 1) во 2-й группе есть означаемое, которого нет в 3-й группе,и наоборот (например, qIun "плечо" (только у человека); č'imič' "копыто" (только у животных) и др.); 2) во 2-й и 3-й группе есть некоторое означаемое, но в одной из них оно не имеет означающего (например, maIm∂rči "лицо", но нет соответствующего ему "морда животного", poImp "колено" (человека), но нет "колено животного" и др.); 3) во 2-й и 3-й группе разные означаемые имеют общее означающее, например: ǩ'ol "лопатка" (у человека)– ǩ'ol "передняя нога животного" и др.; 4) во 2-й и 3-й группе одинаковые означаемые имеют разные означающие, например: q'uri-qI'aqI'i "голень" (человека) – k$_o$iri "голень" (животного), x̄uli-k'an "пах" (человека) – sirt̄i "пах" (животного) и др.

Характерной особенностью названий частей тела является наличие двух параллельных названий для одной и той же части тела: s̄on "спина" – qoq "спина", čerx "тело" – q'arq'ala "тело", lagi "живот" – xIurxIu "живот", xol "рука" – kul "рука"(кисть руки), q$_ǯ$an "ладонь" – jaxat "ладонь" (часть ладони, не считая пальцев), aq "нога" – mox̌ol "нога" (ступня).Параллелизм названий возник, видимо, на основе противопоставления функционально маркированных названий функционально не маркированным, – подтверждением этому могут служить конкретные контекстные реализации и переносные значения (см. табл. 4).

В настоящее время противопоставление функционально маркированных названий функционально не маркированным нарушено: некоторые функционально маркированные названия (q$_ǯ$an, mox̌ol) сохранились только в устойчивых сочетаниях (см. примеры в табл. 4), функционально не маркированные названия начали употребляться как функционально маркированные: aq "нога" – aq "ступня".

В арчинском языке, в отличие от других дагестанских языков, названия головы мужчины и головы женщины противопоставлены: kart'i-oInt,-причем название головы женщины совпадает с названием головы животного, и именно от него образуются переносные значения: oInt "главарь", mullin oInt "вершина горы".

Таблица 4

Параллельные названия частей тела человека

	Функционально маркированные	Функционально не маркированные
Спина	qaqa asas"нести на спине" qoq ačas "повернуться спиной" (ср.также qoq "поддержка", "опора").	is s̄on ač̄'arši "У-меня спина болит" • is s̄on gukorsi i "У-меня спина чешется"
Тело	dō̄Izub q'arq'ala "большое тело"	čerx abtis "хорошо себя чувствовать" • bis čerx bukukuršibi "У-меня тело чешется"
Живот	xIurxIu dō̄Izu "с большим животом"	is lagi ač̄'arši i "У-меня живот болит"
Рука	kul šubus "брать руку" (=здороваться), kura sas "держать в руке"	xolor lap̄us "размахивать руками" (ср. xol "ветка")
Ладонь	*q$_ǯ$an dabxis "дать пощечину" (букв. "ладонью ударить")	bis jaxat bač̄'arši bi "У-меня ладонь болит" bis jaxat bukukuršibi "У-меня ладонь чешется"
Нога	*mox̌ol bekes "протопать" (букв."ноги становиться")– о топоте ног, если "топочущего" не видно; *mox̌ol bit'aw "бесшумно" (подойти) (букв."ступни не-имея"). *mox̌ol orci "стремя" (букв. "ступню ставить")	

Л.321.1. Названия частей тела человека и животных

laga "часть тела" (общее название для любой части тела)

Голова: kart'i "голова мужчины", oInt"голова женщины","голова животного", bat-kart'i "темя" (букв. "рог-голова"), nodo "лоб", naqa "затылок", maIm∂rči "лицо", lur "глаз", lullin gowhar "зрачок", lullin dorki "веко"(букв. "глаза крышка"), lullin cal "рес-

ница", (букв. "глаза крыло"), darc'an "бровь" (у человека), muč "нос", "клюв", mučli-ǩan "ноздря" (букв."носа дыра"), exI "щека", "боковая часть морды животного", čarx "скула"[54], oj "ухо", zuǩ'ə-ra "мочка уха", ǩ'ir-g$_{o}$arči "подбородок" (букв. "внизу желобок"), s̄ob "рот", kʒet' "губа", sana "десна", sot "зуб", ganž "коренной зуб", mac "язык", dač "жало", qʒank'ərt̄u "залысины на лбу".

Шея и горло: oIč'-leǩi "шея" (букв."шея-кость")[55], hanq' "горло" (человека), q'aq'ara "глотка" (животного), gurqI'i "кадык", "птичий зоб" (ср. qurqI'-bos "глотать").

Тело: čerx "тело", q'arq'ala "тело " (человека)(употребляется для оценки тела - хорошее,здоровое,красивое тело), qʒač'i "плоть" (только в выражении marzdut qʒač'i), qIun "плечо", xatum "грудь" (человак), mam "женская грудь","сосок вымени", q$_{o}$al "вымя", lagi "живот" (в выражении is lagi ac̄'arši i "у-меня живот болит"), qirni "орюхо" (грубое) (по отношению к человеку), c'an "пупок", x̄uli-k'an "пах" (человека), sirt̄i "пах" (животного), s̄on "спина", qoq "спина" (человека), dič' "зад" (нижняя задняя половина туловища), "круп", dič'lin exI "ягодица" (букв. "зада щека"), dugali "anus", bak$_{o}$ "бок", ǩ'ol "лопатка".

Внутренние органы: ikʒ "сердце", dilik' "печень", tus̄i "пищевод", kummullin noǩ' "желудок",(букв. "пищи дом"); части желудка животных: c'omo "сычуг", k$_{o}$asəla "сетка", xIošon erx̄i "книжка"; xIurxIu, lagi "живот", g$_{o}$at "почка", žan "селезенка", xurt̄urt̄i "легкое", luxum "мочевой пузырь", babǩ' "кишка", paIrt'i "одна из кишок животного", iIntimmaj "головной мозг" (букв. "головы жир"), jaǩašan "вынутые из тела внутренности".

Конечности: aq-kul "конечности"(букв."нога-рука")(у человека).

Рука человека: xol "рука"(от плеча до кончиков пальцев), č'ot-xol "локоть", kul "кисть руки", *qʒan "ладонь", jaxat "часть ладони, не считая пальцев", x̄ik' "кулак", xat "горсть", gon "палец", beIk'ərt̄en gon "большой палец", xIilibxIu lamart̄ub gon"указательный палец" (букв. "xIilibxIu лижущий палец", где xIilibxIu - название каши), qI'onnub gon "средний палец" (ср. qI'ana "в середи-

54. Если в русском переводе соотнесенность с человеком и животным очевидна, то, как в данном примере (только у человека), она не отмечается.

55. oIč'в значении "шея" сохранилось только в локативном употреблении: oIč'aj "на шее".

не"), kaIpuIrt̄ub gon "безымянный палец" (букв. "нечистый палец"), t'it̄ub gon "мизинец"(букв. "маленький палец"), ǩ'ont'ol "ноготь", xiliǩ' mač' "подмышка" (букв. "под-рукой место").

Нога человека: aq 1) "нога", 2) "ступня", *mox̌ol "ступня", bat gonnor "кончики пальцев", šikʒ "пятка", c'ammul "щиколотка", q'uri-qI'aqI'i "голень", poImp "колено", poImplin k$_{o}$aršI "коленная чашечка", žara "бедро".

Конечности животных: bat "рог", oIč "хвост", q'ut̄ul "курдюк", cal "крыло", "перо", x̄eč "коготь птицы", ǩ'ol "передняя нога животного", aq "задняя нога животного", "нога птицы", k$_{o}$ač 1) "лапа", 2) "нога животного"(только в выражении k$_{o}$ač dabxis "бить ногой"), žara "бедро", kʒiri "голень", č'imič' "копыто".

Кости, сочленения: leǩi "кость", nibzur "ключица", č'aqʒ-leǩi "лопатка",(букв."лопата-кость"), bars̄on "ребро", s̄on-leǩi "позвоночник" (букв. "спина-кость"), mušur "спинной хребет", muš-leǩi "одна из костей конечностей", berq'əla "хрящ", daIzi "сустав", dam "сухожилие".

Половые органы: k'aca "penis" (у мальчика), qI'art'a "penis" (у мужчины и животных, кроме быка), c'an "половой орган быка", t'ut'u "vagina" (у девочки), qI'ut' "vagina" (у женщины и животных), ǩ'uIluxi "мошонка", ganga-bič'i "яичник", "семенник", lahan lo "матка"(у женщины), lorqI'i "матка" (у животных), x̌$_{o}$in "семя".

Л.321.2. Покровы и образования на теле

Покровы на теле человека: qal "кожа", muq'ur "кожа на руках и ногах, огрубевшая от грязкой работы", č'āIri "волос", q'amat̄u "женские волосы", q'amat̄en gaǩi "женская коса", xI$_{o}$alur "косы женщины-черта", q'am "чуб", moč'or "борода", s̄irs̄an "ус", óxər-t̄ummul "волосы на висках", peIh "волосы лобковой области",noqI'on "мышца", mej "жир", sanargi "жировое отложение в области живота".

Покровы на теле животных: q'onq' "шкура барана", ili "шкура крупного животного", siRri "шкура осла, лошади", k'enc' "козья шкура", č'āIri "волос", ox̌ "шерсть", ic' "козья шерсть", qum "пух", q'am "грива", cal "перо", mej "жир".

Образования на коже человека: kʒant' "родинка", "веснушка", "бельмо", šet'əra "бородавка", č'ureq' "перхоть", haInk̄ur "шишка", pil "волдырь", x̌erumk'ul "мозоль", xat "царапина", qutur"глубокая царапина", ǩ'oǩ'mul "морщина" (ист. масд. от глагола ǩ'oǩ'as "мор-

щиться"), damRIa "следы от оспы на лице", t'inx̌ "прыщ", obk̆nit̆ub "фурункул".

Образования на коже человека и животных: babxImul "опухоль", "нарыв" (масд. от глагола babxIas "опухать"), šaIbi "рана", x̌₀iri "рана", hinq' "струп".

Л.321.3. Кровеносная система

bi "кровь", bux "жила" (кровеносный сосуд), tenne "вена".

Л.321.4. Выделения из организма

amk' "пот", č'aIpi "глазной гной" (выделения, скопляющиеся в уголках глаз), nabq "слезы", nibqin goIroI "слезинка"(букв. "слез шарик"), tut'i "слюна"(ист.масд. от глагола tubus "плевать"),mull "сопли", qupun "козявка в носу", cor "моча", qip "кал" (человека, животных - кроме овец, птиц), purx "жидкий кал", k'urč' "овечий помет"[56], nač "жидкий кал новорожденного ягненка".

Л.321.5. Лексические корреляты

Приведенные ниже лексические корреляты выражают характерные физиологические действия и состояния, чувственное восприятие, механические действия, производимые частями тела, а также механическое воздействие на них.

Л.321.51. Физиологические действия и состояния[57]

haIh-bos "дышать", hil oḱmus "выдыхать" (букв. "пар вынимать"), haḱ'-bos "зевать", x̌orx̌mus "стать щекотно", eImmus "плакать", šink'-bos "всхлипывать", xIe-kes "мерзнуть", aš̄as "дрожать", qI'as-kes "уставать", bič'laš̄ qIes "потерять сознание" (букв."изсилы уйти");

axu-kes "спать", k'ur-bos "засыпать","дремать", Rupul-ke"вздремнуть", mik'ir "во сне", mik'iran "сновидение", nabk' "сон", mik'ir aḱus "сниться" (букв. "во-сне видеть"), oIč'mus "проснуться", eḱas "проснуться";

lammus "лизать" (о человеке), čas "лизать" (о животных) (о человеке - грубо), eq̄'as "кусать", c'ur-bos "сосать", mam buxas"сосать грудь", mam boḱos "кормить грудью" (букв. "грудь давать");

56. Измельченный и смешанный с землей овечий помет в хлеву или загоне называется ǎuIlu.

57. О физиологических действиях, связанных с пищей, см. "Пища" (Л.333.3).

xaqI'-bos "блевать", ax-bos "харкать", herqI'-bos "отрыгивать", uInš̌-bos "сморкаться", tubus "плевать", č'eInt'-bos "сплевывать через зубы", cok'as "мочиться", qip̄us "испражняться";

bax̄as "быть в течке" (Ш кл. от глагола x̄as "вставать"), t'ank'-bos "случаться" (букв. "прыгать"), eIhas "совокупляться", beIrhəla "совокупление", x̌₀in atis "осеменить"(букв. "семя пустить"), qIan i "быть беременной" (о животных) (о женщине - грубо), tormix̌u lo i "она беременна" (о женщине) (букв. "с-ней ребенок есть"), qIan kes "рожать" (о животных), lo as "рожать" (о женщине) (букв. "ребенка делать"), war "схватки при родах", qIan-ki "окот".

Л.321.52. Внешние признаки физического состояния

čuH "быть крупным" (о теле), bič' "сила", hac "быть слабым", č'uq'a "быть худым" (о человеке), č'eman "быть худым" (о животных), diIča "быть жирным, толстым", q'amart' "быть ловким, статным", laḱa "быть прихрамывающим", deq' "быть хромым", k'erk'i-bos "кудрявиться", č'ek̄ "быть лысым", q'ala"быть косым".

Л.321.53. Состояние здоровья

Здоровье: tahar "состояние здоровья", taw "состояние здоровья", "самочувствие", čerx̄in taw i "быть в хорошем состоянии здоровья" (букв."тела самочувствие иметь"), saR "быть здоровым", saqa"быть слабым" (по состоянию здоровья).

Болезнь: bec̄'ōt'uš̌i i "быть больным" (букв."не-могущим быть"), ac̄'ar "болеть" (по отношению к какому-нибудь одному органу), bec̄'ōt'uš̌i kes "заболеть" (букв. "не-могущим стать"), ac̄'is exmus "заболеть" (по отношению к какому-нибудь одному органу), g₀el-kes "испытывать головокружение", babx̄Ias "опухнуть", k'otan-kes "воспалиться", aInš̌aI-bos "чихать", š̄abur abtis "чихать", uHu-bos "кашлять", jaH abas "терпеть боль", ac̄'ilinnu "больной" (о животных).

Названия болезней: azar "болезнь", ac̄'i "болезнь", 'uzar"внутренняя травма"(повреждение внутри организма), dōIzut ac̄'i-название болезни, по описанию похожей на рак (букв."большая болезнь"), berqen ac̄'i "малярия" (букв. "солнечная болезнь"), tenne "ревматизм", waba' "холера", č'ot'oq' "оспа", piriz"паралич", ǩ'aImerč̌i "тиф", qI'ahba ac̄'i "сифилис" (букв."проститутки болезнь"), olHol "насморк", purxəla "понос", xaxat̄ut ac̄'i "желтуха" (букв. "желтая

болезнь", jaman "рожа", babk̆'určen qerq "заворот кишок" (букв. "кишок узел"), xIemin ac̄'i "простуда" (букв."от-холода болезнь"), gelex "ящур".

Лечение: mu as "лечить" (букв. "хорошим делать"), mu kes "выздоравливать", duru "лекарство", č'or"таблетка", tuxt'ur "врач", bindici "больница", t'ek̆'on "шприц" (букв. "иголка"), ukol abas "делать укол", t'ek̆'on dabxis "делать укол" (букв. "иглой ударять"), duru bok̆os "давать лекарство", duru bukmus "принимать лекарство" (букв. "есть лекарство").

Л.321.54. Чувственное восприятие

ak̄on "зрение": ak̄us "видеть", sak̄as "смотреть", lur cabxas "взглянуть" (букв. "глаз бросить"), lur beqIes "взглянуть" (букв. "глазу прийти"), lur eq'is "охватить взглядом", lur basas "наблюдать" (букв. "глаз держать"), bec "быть слепым", bec kes "ослепнуть", bec as "ослепить", x̄Ianaxl "помутнение зрения" (в результате усталости от продолжительной напряженной работы).

Слух: kos "слышать", oj-ačas "слушать", eInk "быть глухим", eInk kes "оглохнуть", eInk as "оглушить", aR "быть глуховатым".

Обоняние: s̄unt'-bos "нюхать", di caxas "почувствовать запах".

Л.321.6. Некоторые характерные механические действия и воздействия

pars-bos "моргать", xat abčas "царапать", lap̄us "махать", gon k'ič'-abas "указывать пальцем" (букв. "палец выставлять"), k̆anna caxas "наподдать" (давать коленкой под зад), aqur xummus "скрестить ноги", q'arš-bos "щелкать" (зубами);

xart'-bos "брить", qenc'-bos "стричь", ex̄as "причесывать", čuče-bos "умываться", x̆orox̆mus as "щекотать", guk̄e-bos "чесать".

Л.322. Названия людей

Л.322.1. Названия людей по возрасту и полу

Для номинации людей по возрасту и полу в арчинском языке используются три признака по полу и четыре признака по возрасту.

58. Здесь собрана лексика, характеризующая зрение, слух и обоние; о вкусе см. в разделе "Пища" (Л.333.4), тактильное восприятие специально нигде не отражено. Представленный материал далеко не полностью характеризует семантическое поле "зрение, слух, обоняние".

Таблица 5

Названия людей по возрасту и полу

Пол / Возраст	Названия людей: пол не маркирован	пол маркирован: мужской	пол маркирован: женский	Возрастные признаки
Возраст не маркирован	adam "человек" insan "человек"			xalat̄ut adam "старый человек"[59]
Детский	lo (УIIIкл) "ребенок" č'eIpa lo "ребенок люлечного возраста" (букв. "в люльке ребенок") kura lo "ребенок примерно 1,5лет" (букв. "в руке ребенок")	lo (Iкл) "мальчик" mek̆le lo "мальчик" wišdu "новорожденный мальчик"[60]	lo (IIкл) "девочка" x̆enne lo "девочка" dišdur "новорожденная девочка"[60]	t'i "быть маленьким" dōIz "быть большим"
Юношеский		lo (Iкл) "парень" žihil "юноша"	lo (IIкл) "девушка"	žihil "быть молодым"
Взрослый		bošor "мужчина" dada (дядя (в сочетании с именем обращение к взрослому мужчине)	x̆onnol "женщина" baba"тетя" (в сочетании с именем обращение к взрослой женщине)	dōIz "быть взрослым" žihil "быть молодым" xala "быть старым"
Старый		quže "старик"	qiri "старуха"	

59 Употребляется в ограниченном числе выражений, например: xalat̄ut adamlin Hurmat ba "Старого человека уважай".

60 Употребляется редко.

Признаки по полу: 1) пол не маркирован, 2) пол маркирован (мужской-женский), 3) пол маркирован особым способом (в арчинском языке есть три слова, обозначающих лиц мужского пола, но характеризующихся признаком "женский", и одно слово, обозначающее лицо женского пола, но характеризующееся признаком "мужской": ni "мужчина с женскими повадками", čukni "женоподобный мужчина" (бран.), absu || absulutin "мужчина, выполняющий женскую работу"[61], mekle-ejša "женщина с мужскими повадками"[62]. Признаки по возрасту: 1) возраст не маркирован, 2) незрелый по возрасту, 3) зрелый по возрасту, 4) старый.

Названия людей по полу и возрасту представлены в табл. 5[63]. Кроме названий людей, в таблице даны признаки (адъективы и стативные глаголы), характеризующие "меру возраста" в каждой возрастной группе.

В названиях людей по возрасту и полу наряду с исконной лексикой представлена также заимствованная лексика: adam "человек" (арабск.), insan "человек" (арабск.), žihil "юноша" (иранск.); quža "старик" (тюркск.), qiri "старуха" (тюркск.). Заимствованная лексика заполняет "пустые места" в собственно арчинской системе названий людей по возрасту и полу[64].

Имена, выражающие названия людей по возрасту и полу, – lo "ребенок", bošor "мужчина", x̌onnol "женщина", – сочетаются лексически с глаголами, выражающими возрастные отношения: t'i "быть моложе", dōlz "быть старше", dōlz kes "вырасти", "повзрослеть", xala kes "постареть", žihil kes "стать молодым", "помолодеть" (этот глагол употребляется только в переносном значении). Лексическая сочетаемость имен с глаголами представлена в табл. 6.

61. Происходит от имени собственного – absu || absulutin, реального человека, который жил в Арчи.

62. Образовано аналогично absu.

63. В таблицу не включены названия лиц, у которых пол маркирован особым способом.

64. Если рассматривать собственно арчинскую систему названий людей по возрасту и полу, то нельзя игнорировать не приведенные в нашей таблице супплетивные формы мн.числа: kele "мужчины" (ед. bosor), xom "женщины" (ед. x̌onnol), а также слово bok "народ", "люди".

Таблица 6

Сочетаемость имен lo, bošor, x̌onnol
с глаголами, выражающими возрастные отношения

Имя \ Глагол	t'i "быть моложе"	dōlz "быть старше"	dōlz kes "вырасти"	xala kes "постареть"	žihil kes "помолодеть"
lo "ребенок"	+	+	+	–	–
bošor "мужчина"	+	+	–	+	+
x̌onnol "женщина"	+	+	–	+	+

Л.322.2. Термины родственных отношений

В арчинском языке представлено четыре типа родственных отношений: 1) родственные отношения по прямой линии, 2) родственные отношения по боковой линии (т.е.по линии братьев и сестер),3)родственные отношения по линии брачной связи, 4) родственные отношения по линии вторичной брачной связи.

Сначала рассматриваются классификационные признаки родственных отношений, затем приводятся списки с перечислением терминов родства.

Л.322.21. Классификационные признаки

Общий признак каждого типа родственных отношений – различение родственников по полу: bošor "муж" – x̌onnol "жена", ušdu "брат" – došdur "сестра", lo (I кл) "сын" – lo (II кл)"дочь", waǩ'ad "тесть", "свекор" – jaǩ'ad "теща", "свекровь" и т.п. Различение по полу, как и в других лексических группах, где представлены названия людей, выражается тремя способами: 1) различными лексемами(buwa "мать" – dija "отец" и др.), 2) одной лексемой, оформленной соответствующими классными показателями (šekertu-w "двоюродный брат" – šekertu-r "двоюродная сестра" и т.п.), 3) только на уровне согласовательных классов (lo (I кл) "сын" – lo (II кл) "дочь" и др.). Таким образом, в терминах родства почти всегда представлена оппозиция мужской – женский. Исключение составляют слова jarxul-x̌onnol "невестка" и q'orol x̌onnol "вдова".

Вторым признаком, характеризующим каждый тип родственных отношений, является различение родственников по поколениям – выделя-

ется поколение предков (dozba "бабушка", dozja "дедушка"), поко - ление родителей (abaj "родители: buwa "мать", ejt̄ur "мать", dija "отец", abt̄u "отец") и соответствующих им родственников старшего поколения по боковой линии (baba "тетя", dada"дядя"), а также поколение потомков. Общими терминами для обозначения потомков являются заимствованные слова nasru "потомство" и awlad "потомство". Обозначения конкретных лиц из поколения потомков не обладают статусом терминов: для обозначения сына и дочери используется слово lo "ребенок", для обозначения внука и внучки - словосочетание lahan lo "ребенка ребенок", для обозначения племянника и племянницы - словосочетания uš̌mun lo "брата ребенок" и doš̌min lo "сестры ребенок". Статусом терминов не обладают также словосочетания, используемые для обозначения родственных отношений по линии вторичной брачной связи.

Родственные отношения по боковой линии характеризуются термином maču̇akul, который мы переводим на русский язык словом "родство",общими терминами для обозначения лиц с этим типом родственной связи являются слова maču̇at̄u (I кл)"родственник, maču̇at̄ur (II кл) "родственница", maču̇a-k'ollinnib(мн.ч.) "родственники"[65]. Все другие типы родственных отношений специальными терминами не обозначаются. Типичным объединением родственников по прямой линии, по линии вторичной брачной связи и двух представителей родства по линии брачной связи (boš̌or "муж", x̌onnol "жена") является xali "семья"[66].

Л.322.22. Названия родственников по прямой линии

dozba "бабушка", dozja "дедушка", abaj "родители", buwa-dija"родители" (букв. "мать-отец"), buwa "мать" (при обращении и с местоимениями "моя", "твоя"), ejt̄ur "мать" (с местоимением 3-го лица)[67], dija "отец" (аналогично buwa "мать"), abt̄u "отец" (аналогично ejt̄ur "мать"),lo (I кл) "сын", lo(II кл) "дочь", lahan lo(I кл) "внук" (букв. "ребенка (сына или дочери) сын"), lahan lo(II кл.) "внучка" (букв. "ребенка (сына или дочери) дочь"), uš̌du"брат", doš̌dur "сестра", doš̌aj "сестрица" (ласков. обращение к сестре). Условно в эту группу названий могут быть включены слова kulu lo "сирота" и jitim "сирота" (заимств.), у которых признак "отношения к родителям" маркирован особым образом (ср. толкование слова сирота - ребенок, который лишился одного или обоих родителей).

Л.322.23. Названия родственников по боковой линии

dada "дядя" (брат матери или отца)[68], baba "тетя", uš̌mun lo (I кл) "племянник" (букв. "брата сын"), doš̌min lo (I кл) "племянник" (букв. "сестры сын"), uš̌mun lo(II кл) "племянница" (букв. "брата дочь"), doš̌min lo (II кл.) "племянница" (букв. "сестры дочь"), š̌ekert̄u "двоюродный брат", š̌ekert̄ur "двоюродная сестра", iš̌ekert̄u "троюродный брат",iš̌ekert̄ur"троюродная сестра", ejš̌ekert̄u "четверокюродный брат", ejš̌ekert̄ur "четверокюродная сестра"[69].

Л.322.24. Названия родственников по брачной линии

boš̌or "муж", x̌onnol "жена", boš̌or-x̌onnol "супруги" (букв. "муж-жена"), aš̄ə-x̌onnol "супруги" (букв. "муж-жена", as "муж" - ср. asmus deqles "выходить замуж" (букв. "к-мужу идти"), wak̆'ad "тесть", "свекор", jak̆'ad "теща", "свекровь", nusdu "зять"(муж дочери по отношению к ее родителям)[70], nusdur "сноха" (жена сына по отношению к его родителям, , jarxul-x̌onnol "невестка" (букв. "равная жена"[71](жена одного брата по отношению к жене другого

---

65. Слова maču̇at̄u, maču̇at̄ur, maču̇a-k'ollinnib по отношению к лицам, связанным прямой родственной связью, употребляются только с ироническим оттенком.

66. Ср. xal "гнездо".

67. Ср. ряд примеров с корневым элементов ej-: ejt̄ub "матка"(т. е.животное женского пола,у которого есть детеныш), ejš̌ekert̄u "четверокюродный брат", ejna "в самом низу", ejnaxut "подшивка подола одежды из другой ткани". Видимо элемент ej- содержит в себе идею отчуждения.

68. В последующих названиях этого типа родственников расшифровка опускается,т.к.родственники по боковой линии со стороны матери и отца не различаются.

69. Наличие общекорневого согласного элемента -š̌- в названиях boš̌or, uš̌du, š̌ekert̄u, iš̌ekert̄u, ejš̌ekert̄u, видимо, указывает на маркированную родственную связь по мужской линии.

70. Толкование в скобках показывает, в каком именно значении употреблен русский перевод.

71. Возможно, что этот термин связан с тем временем,когда женатые братья жили одним хозяйством, и отражает правовое положение жен братьев в этом хозяйстве.

брата) [72].

Л.322.25. Названия родственников по линии вторичной брачной связи

biši buwa "мачеха" (букв. "чужая мать"), biši dija "отчим" (букв. "чужой отец"), ǩ'ir xuťu lo(I кл) "пасынок" (букв. "внизу найденный сын"), ǩ'ir doxoťur lo(II кл) "падчерица" (букв. "внизу найденная дочь"), lagi k'olmaťu ušdu "сводный брат" (букв. "с отдельным животом брат"), lagi k'olmaťur došdur "сводная сестра" (букв. "с отдельным животом сестра").

Л.322.3. Названия людей по характерному признаку частей тела и физиологических действий

oIntollok'i "большеголовый" [73] (прозвище), t'aHla "большеротый" (прозвище), gorda-xIon "пучеглазый" (человек с большими глазами навыкат), q'uli "слепой" 2) "косой","кривой", becu "слепой", eInǩu "глухой", Rula "тугоухий" (ср. Rula "безрогий козел"), kusa "куса" (человек с характерной редкой узкой бородой), čunaq' "колчерукий" (человек с искалеченными руками), qIoǩu "левша", deq̄'u "хромой", laglagi"длинноногий" (ср.ав. laq'laq' "аист"), buRun "карлик", "коротышка", gurel "детина" (человек с крупным неповоротливым телом), hiImp'i"плакса", qI'urəs̄i "водохлеб" (ср. qI'urəs̄i - название травы, растущей у родников и рек), mullež "сопляк", xIerxIeč "неряха" (ср. xIerxI "слизь"), mik'it'an "брюхастый" (человек с большим животом).

Л.322.4. Ограниченные неисчисляемые множества людей

xalq' "народ", boǩ "народ", wilijat "множество людей", ummat "множество людей", xIorejt'u "все жители селения", toxum "тохум" (род), ahlu "все люди одного тохума", aIri "отряд вооруженных людей", qI'uqI'i "группа людей", mižlis "компания", millat "нация".

72. Аналогично словам kulu lo и jitim "сирота", условно отнесенным к названиям родственников по прямой линии, в данную группу может быть включено слово q'orol x̌onnol "вдова".

73. Здесь и далее имя в сочетатании с адъективом опускается: большеголовый человек - большеголовый и т.п.

Л.33. М и р ч е л о в е к а

Л.331. Хозяйство и промыслы

Тематическая группа "Хозяйство и промыслы" состоит из пяти разделов: 1) земледелие (от обработки почвы до помола зерна), 2) заготовка сена,3) животноводство,4) домашние промыслы,5) охота и рыбная ловля. Наиболее полно представлена лексика в первом разделе, менее полно - во втором; терминология, связанная с домашними промыслами (обработка шкур, шерсти, ткачество), представлена крайне фрагментарно, а роль охоты и рыбной ловли в жизни арчинцев в настоящее время настолько мала, что их отнесение к промыслам является лишь условным (охотятся арчинцы редко, а рыбной ловлей чаще всего занимаются дети) [74].

Л.331.1. Земледелие [75]

naq: "земля", poro "быть плодородной", ux "поле" (пахотная земля, нива), g.ani "межевой камень".

1.Обработка земли: poro as "удобрять" (букв. "плодородной делать"), x̌.it ačas"удобрять навозом", diqI' ačas "удобрять золой", jāxIas "копать", "рыть", (ux) hej-bos "пахать" (букв. "гей говорить"), raq "борозда", raq ačas "провести борозду"; инструменты для обработки земли: bel "лопата", pulungi"кирка", "киркообразная мотыга",ganasi "деревянная соха с железным лемехом", x̌annat "лемех", kutan "плуг".

2. Сев и уход за посевами: x̌.in "семена для посева", acas "сеять", marqI: "росток", "всходы", marqI: obǩmus"всходить" (букв. "ростком становиться"), naq:as"окучивать" (букв. "землю делать"), č'ar as "полоть" (букв. "сорняк делать"), x̌an ačas "орошать".

74. Кроме перечисленных промыслов арчинцы также занимаются резьбой по дереву (в нашем материале лексика этого раздела не представлена).

75.Названия сельскохозяйственных культур см. в тематической группе "Растительный мир" (Л.312.4).

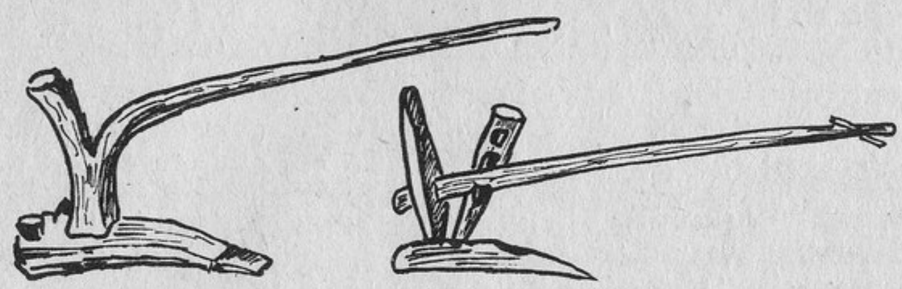


Рис. 1. Арчинская деревянная соха ganasi

3. Уборка урожая: oq'is "созревать", k'ej-bos"перезревать", tixil "урожай", tixil as "собирать урожай" (букв. "делать урожай"), dunālu tixil as "собирать хороший урожай" (букв. "много урожай делать"), labxanši tixil as "собирать большой урожай" (букв. то же,что предыд.), t'īnna tixil as "собирать маленький урожай" (букв. "мало урожай делать"), ux eǩas"жать" (букв. "поле класть"), alrum "серп";ūum "стебель и колос созревшего хлеба"; q.ab "сноп", galnt'i 1)"крестец" (четыре прислоненных друг к другу снопа, накрытые сверху пятым - для защиты от дождя и ветра), 2)"скирда"(все крестцы с одного участка, сложенные вместе), haman galnt'i "лакская скирда" (т.е. сложенная лакским способом - отличным от арчинского), q.ab ebt'mus "вязать сноп", galnt'i abas 1)"ставить крестец", 2) "складывать скирду", t'ili "тили" (перевязь для связывания снопов и крестцов, сплетенная из трех пучков колосьев).

Рис. 2 Серп для жатвы alrum

4. Обмолот хлеба: iǩ "хлеб, приготовленный для молотьбы", c'i "гумно", "ток", kupar "поверхность гумна"[76], liīi 1)"вождение быка с молотильной доской по гумну, которое совершает один человек", 2) "время, в течение которого один человек гоняет быка с молотильной доской по гумну".

76.Место,отведенное для молотьбы,обрабатывают особым способом: посыпают навозом, смешанным с соломой, затем заливают эту смесь водой и укатывают катками; когда обработанная таким образом поверхность высохнет, получается kupar.

Действия: iǩ arxmus "раскладывать" (букв."рассыпать (на гумне) приготовленный для молотьбы хлеб", iǩ ačas "молотить"[77], iǩ xirix-as "переворачивать молотящийся хлеб" (букв. "шевелить"), jāhas "веять"[78], šan ātas "молотить" (букв. "бить колосья с оставшимися в них зернами" (выколачивая зерна)[79], nax. at'as "отделять мякину" (от зерна и необмолоченного хлеба).

Инструменты: ǩol "вилы"(arxmus, xirix-as), ǩorom "молотильная доска" (iǩ ačas), č'aq; "лопата" (jā-has), dali "палка" (šan ātas), mu-ǩul "веник" (nax. at'as).

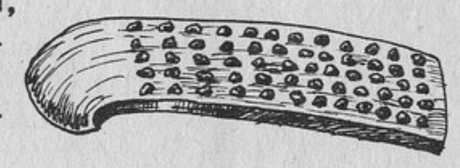


Рис. 3. Молотильная доска ǩorom

Названия соломы на разных этапах обмолота: balbu "солома" (отделенные от колосьев и измятые молотильными досками стебли), šan "колосья, из которых вымолочены еще не все зерна", nax. "мякина", gowhar "очень мелкая мякина".

Очистка зерна на гумне: buq'"зерно", buq' kammus "веять зерно" (букв. "зерно кидать"), buq' marc' abas "чистить зерно", k'at'i "деревянная лопата", č'aq; "деревянная лопата" (buq' kammus), čači "деревянное корыто", (buq' marc' abas)[80], c'axa "палас" (лок. buq' kammus), lax "отходы после очистки зерна", harašdut "отходы после очистки зерна".

5. Помол зерна: buq'"зерно", dexīas "молоть", dexI. "жернов", kura dexI. "жернов ручной мельницы", (букв. "в-руке жернов"), duxīat "мельница" (букв. "на жернове"), toklin duxīat "электрическая мельница" (от русск. tok "электричество"),kura dexI.mul "ручная мельница" (мн.ч. от: kura dexI.), arx "канал ,подводящий воду к мельнице", q'omo"желоб, по которому вода течет к вертушке" , dali borci "вертушка", g.arči "желобок, по которому зерно стекает

77.Первый этап в процессе молотьбы, когда разложенный хлеб мнут, прогоняя по нему быков с молотильными досками.

78.Второй этап в процессе молотьбы, на котором обработанный молотильными досками хлеб разделяется на две части: зерно, смешанное с соломой, и зерно, оставшееся в колосьях.

79.Третий этап в процессе молотьбы.

80.Зерно очищают не в деревянном корыте čači, а с помощью корыта (инструментальное, а не локативное значение).

к жерновам", gubčit̄u "бункер для ссыпания зерна" (букв. "корзина"); dux̄Ian hallu "мельник" (букв. "мельницы хозяин"), sakat "плата мукой за пользование мельницей".

Л.331.2. Заготовка сена

hoti "трава", č'il "сено", сенокосные угодья: q'arq'i "луг", max "часть луга, выделенная для косьбы одной женщине"; действия: RIaž-bos "косить", č'inik̥ daxis "косить косой" (букв. "косой бить"), q'uras as "сушить", g₀aq̄'as "собирать"; инструменты: aIrum "серп" (RIaž-bos), č'inik̥ "коса"[81], x̌oIn "косовище", hoti g₀arči "грабли" (букв. "траву собирающие"); переноска и хранение сена: xal "большая связка сена"[82], k'ot "корзина" для переноски сена", gaInt'i "стог сена", k'ox̌an "сарай для хранения сена".

Рис. 4.

aIrum - серп для косьбы

Л.331.3. Животноводство

а) Содержание коров: aIlah "выгон" (место выпаса коров), dox̌um "хлев", buč̄'ilin dox̌um "хлев для коров на 1-м этаже дома" (букв. "для-коров хлев"), perma "ферма", lič'i "загон для телок на ферме", Rat̄ərxur qIes "пасти коров", Rat̄ərannu "пастух", acas "доить", č'eInt-bos "цедить" (доить понемногу), dijarka "доярка".

б) Овцеводство[83]

Места выпаса: mocor "горное летнее пастбище" (расположено на верхних и нижних ярусах альпийских лугов), jok'i "летнее пастбище" (расположено недалеко от селения, на нем пасут овец при перегоне на mocor), max̌i "зимнее пастбище" (с помещениями для овец), sob

81. Косами арчинцы не пользуются.

82. Такая связка сена, предназначенная для переноски на спине, может весить от 60 до 100 килограммов.

83. Названия овец см. в группе "Животный мир" (Л.311.31), мастей овец - в группе "Цветообозначение" (Л.314.32).

"зимнее пастбище" (расположено близко от селения - сейчас такими пастбищами не пользуются), q'arq'aj "кутаны" (букв. "на-лугу" (лок. от: q'arq'i "луг")) (зимнее пастбище для овец в равнинной части Дагестана), da'i "даги" (участок в кутанах, отведенный для выпаса одной отары).

Места содержания: dox̌um "хлев", č'aben dox̌um "овечий хлев на 2-м этаже дома", q̥ixi "загон для овец на пастбище", čili "загон для овец в кутанах", aIt̄əra "загон для дойки овец на летнем пастбище" (место, огражденное камнями).

Содержание и использование овец: xaxurkul as "пасти овец", eIč as "клеймить" (букв. "отметину делать")[84], q'enc'-bos "стричь", ak'as "гнать", acas "доить", dere-bos "отгонять" (ягнят от овец перед дойкой), lib atis "подгонять ягнят к овцам после дойки", aIt̄əra abk'as "гнать овец на дойку" (букв. "гнать в-загон для дойки"), aIt̄əra "процесс дойки овец", q'uši "конусообразная корзина из прутьев для очистки молока после дойки", pušk'a "бочка для слива молока", Howz "яма для сыра".

Должности чабанов: ux̌du "чабан", baq'art̄ennu "чабан, пасущий ягнят" (А (ген.мн. от: baq'ari "ягненок от года до двух лет")), baIk'určennu "чабан, пасущий баранов" (А (ген.мн. baIk' "баран")), č'irčinnu "чабан, пасущий двухлетних овец" (А (ген.мн. č'eren "овца или баран от 2 до 3 лет")), čuqulinnu "чабан, пасущий овцематок", udaman "старший чабан".

"Жилище" чабанов: quč "стоянка чабанов"; čitir "палатка", pač "укрытие от ненастья в виде маленького сложенного из камней домика".

в) Использование других животных в хозяйстве[85]

ans "бык": unsurčet ux hej-bos "на-быках поле пахать", ans ebt'mus "запрягать быка" (букв. "быка привязывать"); детали упряжи: oǩ' "ярмо" - oǩ' ex̌as "надевать ярмо" (букв. "ярмо класть"),

84. Овец клеймят, вырезая им ножом кусочек уха (клеймят только личных овец).

85. Сравнительно большое число лексических отношений характеризует только быка и лошадь, для остальных домашних животных можно в основном назвать их типичные полезные действия: c'un as "охранять" (g₀ači "собака"), noqI'on basas "ловить мышей" (gatu "кошка"), genuk abas "нести яйца" (Heleku "курица").

muk'a "кожаная петля, которой ярмо прикрепляется к сохе" – muk'a abčas "прикреплять ярмо к сохе", t'em "затычка ярма" – t'em ak̆as "вставлять затычку", balahin "оглобля, которой ярмо прикрепляется к молотильной доске".

noIš "лошадь": niIšit jat̄-oq'is "ездить на лошади" (букв. "на-лошадь сверху-садиться"), kus abut'ut̄ub noIš "необъезженная лошадь", kus abas "объезжать", k̆'ili-mataH "снаряжение"(для лошади) (букв. "седло-вещи"): k̆'ili "седло" – k̆'ili ex̆as "седлать" (букв. "седло класть"), q̥al "подпруга" – q̥al ačas "надевать подпругу", k'eIpeIl "потник" – k'eIpeIl ebx̆as "надевать потник" (букв. "потник класть"), iIčik̆'an "подхвостник"(букв. "то, что под хвостом")- iIčik̆'an ačas "надевать подхвостник", dux̆ur "уздечка" – dux̆ur ačas "надевать уздечку", dux̆ur k̆ummus "натянуть уздечку", s̄ebek arči "удила", mox̆ol orci "стремя" – mox̆ol orcila aq ex̆as "вдеть (букв. "положить") ногу в стремя", k'an "подкова" – k'an dabxis "подковать" (букв. "подкову вбить"), marx̆ "кнут", max̆a "прут" – beIrš̄as abas "погонять" (букв. "бежать заставлять").

Л.331.4. Домашние промыслы (обработка шкур, шерсти, ткачество)[86]

Обработка шкур. Исходный материал: q'onq' "баранья шкура", ili "шкура крупного животного", k'enc' "козья шкура"; инструменты: x̄ent'e "каменный скребок для выделки шкуры", dabxəla "инструмент в виде спортивной гранаты для размягчения шкуры";действия: aIrakmul "дубление", aIrakmul ex̆as "дубить", x̄ent'e abčas "скоблить", āqI'as "мять"; конечный продукт: dabaR "дубленая кожа", q'ex̆ "овчина".

Обработка шерсти. Исходный материал: ox̆ "овечья шерсть", ic' "козья шерсть"; инструменты: daqImul "приспособление для расчесывания шерсти"(мн.ч. от daqI "гребень"), tung taInk'ula "веретено", tung "ось веретена", taInk'ula "головка веретена", k'urx̄Ie "чашечка, в которой вращают веретено"; действия: ox̆ gulurši-bos "теребить шерсть", ox̆ dāxis "чесать шерсть", qenz-bos "прясть"; конечный продукт: oq "пряжа", k̆'ana "пряжа"; q'enter "очес", k₀ar "нитка", k̥et' "клубок ниток".

86. Об изготовлении одежды см. "Одежда" (Л.334.6).

Ткачество. Исходный материал: k₀ar "нитки"; инструменты: marzi-k'olor "ткацкий станок", marzdu "вертикальные (или продольные) части рамы ткацкого станка", k'ol "горизонтальная (или поперечная) часть рамы ткацкого станка", daqI "деревянный гребень с ручкой для уплотнения ниток в процессе ткания": действия: at'as "ткать"; конечный продукт: at'mul "кусок сотканного материала", c'axa "палас" tus̄əra "туссара"[87], tus̄əraqI "хурджин".

Рис. 5. daqI – деревянный гребень

Л.331.5. Охота и ловля рыбы

Охота: box̄Io qIes "пойти на охоту" (букв. "на-тура пойти"), box̄Iot̄u "охотник", ak'as"преследовать" (букв. "гнать"), x̄on "капкан", "ловушка", x̄on ex̆as "ставить (букв. "класть") капкан, ловушку".

Ловля рыбы: xIabxIi "рыба", basas "ловить", milixIu "червяк для насадки", t'ek̆'on "крючок для насадки" (букв. "игла"), k₀ar "леска"(букв. "нитка"), tol "сетка для ловли рыбы".

Рис. 6. tus̄əra – дорожная сумка

Л.332. Жилище

Тематическая группа "Жилище" состоит из трех разделов: 1)строительство жилища, 2) устройство жилища, 3) внутреннее убранство жилища и предметы домашнего обихода.

Л.332.1. Строительство жилища

1. Строительные материалы: q'ul-c'aHan "строительный материал" (букв. "доска-бревно"), darc' "столб", x̄at "длинное толстое бревно"[88], k₀em "длинное не очень толстое бревно",[88] šaIt̄i "длинное

87.Специфическая женская дорожная сумка из полосатой сотканной шерстяной материи, которую носят на спине.

88.Названия этих бревен расположены в определенной последовательности,которая определяется соотношением их диаметров и длины: самый большой диаметр имеет x̄at, самый маленький – šaIt̄i , по длине k₀em и šaIt̄i примерно равны, а длина x̄at обязательно превышает длину k₀em и šaIt̄i. Указанные соотношения имеют существенное значение при возведении перекрытий (см. сноску 90).

тонкое бревно", č'ele "камень", hirx̄on "толстый плоский камень", q₀an "плоская каменная плита толщиной в 2-3 см", šall "земляной раствор для скрепления камней", naqə "земля".

Обработка строительных материалов из дерева. Действия: x̄ux̄u-bos "пилить", babc'as "тесать", at'as "рубить", инструменты: x̄₀ix̄ət'i-k'i "ножовка", gardabil "пила" (с двумя ручками), landa "рубанок", tabərzan "топор".

Строительные инструменты: bel "лопата", pulungi "кирка", taraz "балансир" (прибор для измерения углов кладки), mala "мастерок" (лопаточка для нанесения раствора), 'ank' "подставка для каменщика в виде стола, позволяющая ему класть стену на высоте, превышающей его рост"[89], gix̄ur "каток для укатки крыши".

2. Сооружение опор и перекрытий:

а) названия опор и перекрытий: jax₀ "фундамент", č'er "стена" (название стены в процессе строительства - пока над ней не возведена крыша и она не обмазана), biqI'ni "опора двух нижних этажей в виде каменного столба или каменной арки", k'ummur "арка", darc' "деревянный опорный столб"[90], x̄at "балка-матица" (кладется вдоль потолка)[90], k₀em "балка" (кладется поперек потолка), , šalt̄i "балка" (кладется поперек потолка)[90];

б) действия, связанные с возведением опор и перекрытий: jax₀ obk̆mus "рыть фундамент" (букв. "фундамент / вынимать"), č'er abas "класть стену" (букв. "стену делать"), darc' ocis "ставить опорный столб", darc' daxis "вбивать опорный столб", eĕas "класть",

89. Такая подставка представляет собой положенный на высокие опоры настил из saltitu, на которые по краям для прочности кладут большие камни.

90. Арчинская комната nok̆' имеет, как правило, вытянутую форму. При сооружении перекрытий в такой комнате используют две системы: 1) возводят опорный столб - darc' (если длина комнаты достаточно велика), на него кладут по длине потолка проходящую через центр балку-матицу - xat и перпендикулярно к ней, т.е. поперек потолка, укладывают šaltitu, , 2) при втором способе опорный столб не возводят, балку-матицу не кладут, пользуются только поперечным перекрытием с помощью k₀em.

3. Возведение потолка (x̄at-mok̆'or (букв. "бревно-береза") и крыши (harq):

а) детали потолка и крыши: q₀am "каменная плита для настила потолка", hirx̄ommul "каменный карниз, скрепляющий края крыши" (мн.ч. от hirx̄on "толстый плоский камень"), q'omo "деревянный желоб для стока воды с крыши";

б) действия, связанные с возведением потолка и крыши[91]: q₀an ačas "стелить потолок" (букв. "класть каменную плиту"), harq eĕas "возводить крышу" (букв. "крышу класть"), naqə ačas "засыпать крышу землей" (букв. "землю насыпать"), naqə c'ummus "трамбовать землю", gix̄ur abčas "укатывать крышу" (букв. "каток катать"), hirx̄on q'ac'as "делать карниз" (букв. "укладывать большие плоские камни в один ряд друг за другом"), q'omo ebĕas "укреплять желоб" (букв. "желоб класть"), q'omo baq'c'as "укреплять желоб" (если желоба укрепляются на двух параллельных краях крыши).

4. Оформление оконных и дверных проемов:

а) названия проемов и их частей: dak̆' "дверь", harakut "окно", cet "вертикальный или горизонтальный брус дверной или оконной рамы" (частные значения: 1) косяк (верхний горизонтальный брус дверной рамы), 2) порог (нижний горизонтальный брус дверной рамы), cetq'ul (мн.ч. от cet) "дверная или оконная рама"), kul "ручка двери" (ср. kul "рука"), pirčin "петля для навешивания окна или двери", harakutlin kabk "оконное стекло";

б) вставка окон и дверей: harakut /dak̆' eĕas "вставить дверь/окно" (букв. "класть дверь/окно"), harakut/dak̆' atis "вставлять дверь/окно" (букв. "пускать дверь/окно").

5. Отделочные работы: axas "штукатурить", č'eIn "стена выстроенного и оштукатуренного изнутри дома", malmərči "поверхность стены" (как правило, внутри дома).

Л.332.2. Устройство жилища

k'an "этаж", k̆'irt̄ut k'an "нижний этаж", jat̄ut k'an "верхний

91. Крыша арчинского дома - земляная и возводится она следующим образом: на перекрытие из балок укладывают плоские каменные плиты q₀an, на них насыпают слой земли, трамбуют его и затем укатывают каменным катком gikur.

этаж", qIošol "лестница", larzal "галерея", buc̄'ilin dox̌um "хлев для коров" (на 1-м этаже дома), č'aben dox̌um "хлев для овец" (на 2-м этаже дома), noǩ' "комната", buxar "камин", hit̄i "дымоход", kummet "очаг" (место для приготовления пищи);

noqI'on "засов", x̌erumk'ul "замок", nak'əna "ключ", k'ič' "запор для двери с накладывающимися друг на друга петлями" (букв. "петля"), s̄itir "крючок для запирания двери", k'il "деревянная вертушка для запирания двери";

azbar "двор", diǩ'in "двор", duwraz "ворота", Hāžaxana "туалет", č'er "каменная стена, окружающая двор".

Л.332.3.Внутреннее убранство жилища

1. Предметы домашней обстановки: s̄uku "широкие деревянные нары"[92], qȯahart̄um "деревянная кровать местного изготовления", karawat "металлическая кровать фабричного производства", k'int'um "деревянный сундук для хранения муки", exərtum "большой деревянный сундук для хранения муки и мяса", pet̄uq' "железный сундук для хранения вещей", hel "шкаф", k'ala-roq' "полка для посуды", daxon "зеркало", c'axa "палас", diwin "ковер", bat'i "маленький коврик", čarax "светильник", "лампа", č'eIp "люлька", š̌eInt "низкая табуретка на трех ножках с сидением треугольной формы", ustul "стул", ustul "стол", qurši "ящик стола";

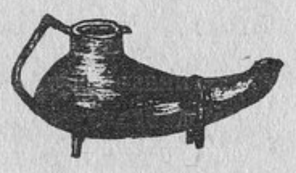


Рис. 7. čarax - светильник

č'eIp "люлька"[93], č'eIpin gerti "верхняя дужка на спинке люльки" (букв. "люльки дуга"), dogi "нижняя дужка на спинке люльки", č'eIpin aq "ножка люльки (aq "нога"), č'eIpin bak₀ "боковая сторона люльки" (букв. "люльки бок"), kuči "трубка для отвода мочи", x̄I₀et'i "простынка с дырочкой для трубки, отводящей мочу", poIrčet erx̌i "подушка, положенная на колени ребенка", warti "одеяло для укрывания ног", qȯalur "свивальники для люльки", kaRəra "украшение на люльке", gerk̄i-bos "качать люльку", jat̄ikan-arči "накидка, которой накрывают люльку" (в виде куска материи).

92. s̄uku находятся в жилой комнате дома, как правило, они покрыты паласом - c'axa, их используют для сна, отдыха и совершения трапез.

93. Арчинская люлька - небольшая по размеру, ребенок находится в ней примерно до полутора лет. Часто женщины, отправляясь на полевые работы, берут с собой люльку, укрепляют ее на спине.

Рис. 8. Украшение kaRəra

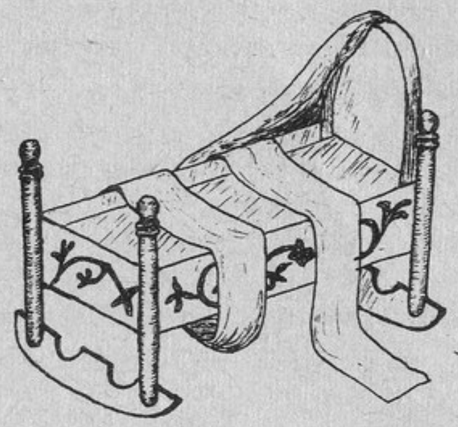


Рис. 9. č'elp - люлька

2. Предметы домашнего обихода: mas "постель", "матрас", ǩ'arak-arči "тюфяк" (букв. "внизу кладомое"), jurRan "одеяло", adijal "одеяло", ǩ'illiǩ'-berx̌i "подушка" (букв. "под-голову кладомое"), ǩ'iliǩ'-berx̌ilin qat "наволочка" (букв. "подушки чехол"), ǩ'iliǩ'an "то, что кладут под голову" (любой предмет, положенный под голову); действия с постельными принадлежностями: mas abčas "стелить постель", mas g₀abq̄'as "убирать постель" (букв. "собирать постель"), mas xIoroI abas "менять постель", jurRan abčas "накрываться одеялом", adijal guri-as "завертывать в одеяло"; качества постели: qIannat̄ub mas "мягкая постель", t'anRdub mas "жесткая постель";

k'alaroq "полка для посуды": ra' 1) "посуда"[94], 2) "посудина", baqar ra' "балхарская посуда", gel-k'oč'o "посуда" (букв. "кружка-миска"), lači-barti "ступка для чеснока", orxI-arči "большая деревянная солонка", č'aqȯmul arči "поставец для ложек", čakar-arči "сахарница".

Кувшины и бочки: č'ut 1) "большой медный кувшин для воды", 2) "глиняный большой кувшин для сбивания масла", dad "большой глиняный

94. Названия предметов посуды, которая используется для еды и приготовления пищи см. в разделе "Пища" (Л.333.)

кувшин для хранения продуктов", jari "балхарский кувшин для хранения молочных продуктов", gumgum "кумган" (маленький кувшин с носиком - используется для умывания), c'en "бочка", pušk'a "бочка", kₒixt'i "бочка".

Мешки, корзины и т.п.: karasam "большой мешок", s̄uprá "сумка", "матерчатый мешочек", ǩ'uṯali "мешок", k'ok'or "мешочек из кожи", s̄ob "горловина мешка", biǯ'ni "нижний угол мешка", kot' "большая корзина", guṯibči "корзина", č'it "маленькая корзина", t'eχ̄i "бурдюк", quti "коробочка", "шкатулка", "табакерка", biqᵢ "чехол для мелких предметов", sarRaz "большой таз для купания и стирки".

Уход за домом: muǩul "веник", eǩ'as "подметать".

Топливо: qIere "хворост", bat'an "хворост", čᵢat'i "кизяк", čirpi "хворост", q'uren "сухие тонкие ветки", makₒ "лучина", c'aHan "дрова", k'uc'i "полено", nabt "керосин".

Л.333. Пища

Тематическая группа "Пища" состоит из пяти разделов: 1) названия продуктов питания, пищевых блюд и способы обработки продуктов питания, 2) приготовление пищи, 3) употребление пищи, 4) вкусовое восприятие, 5) корм для животных.

Л.331.1. Продукты питания, пищевые блюда, способы обработки продуктов питания

aǩ' "мясо", maǯ'aṯommin aǩ' "говядина", kaIpuIrṯut aǩ' "мясо сдохшего животного" (букв. "нечистое мясо").

1. Части мясной туши: χ̄amχ̄i "свежая баранья туша", jarxuliq'mul "половина бараньей туши", bakₒ "часть освежеванной бараньей туши" (букв."бок"), moχ̄or "грудинка", kusum "вырезка", qI'argəla "большая кость в мясе", q'uṯul "курдюк"[95], q'uṯullin aǩ' "курдючный жир" (букв. "курдючное мясо").

2. Виды сырого и обработанного мяса: mac'a aǩ' "свежее мясо" (букв. "новое мясо"), isdut aǩ' "сушеное старое мясо", čixin "сушеная баранина", qujurma "мясо",пожаренное в казане", č'uq'aṯut aǩ' "постное мясо", ǯelleṯut aǩ' "жирное мясо".

95. Кусочками курдюка угощают женщин, пришедших поздравить роженицу (раньше это угощение полагалось только при рождении мальчика).

3. Изделия из мяса: kₒasəla "колбаса из сетки желудка",paIrt'i "колбаса из слепой кишки", c'omo "колбаса из сычуга", gurǩimmaj "колбаса из толстых кишок"[96].

4. Обработка мяса: at'as "рубить", ars̄as "резать на куски", aǩ'-art'i "топорик для рубки мяса", ǩ'ir-erǩi "колода для рубки мяса" (букв. "вниз положенное"), k'os "нож".

naIǩ' "молоко"

1. Виды молочных продуктов: harq 1) "сливки", 2) "сметана", tere-naIǩ' "простокваша", meI "сыворотка", χ̄urut "сыворотка с остатками творога", noso "творог из снятого молока", murtəla "брынза", magaš "брынза из сыворотки", pic' "молозиво", noIč'oI "кушанье из молозива", q'anc'a"уксус из сыворотки".

2. Процессы, свойственные молочным продуктам: q'ič'i-kes "прокисать" (молоко прокисает, но еще не превратилось в простоквашу), taras "превращаться в простоквашу" (будучи кислым, сделаться густым), c'ekᵢ-kes "прогоркнуть" (букв. "горьким стать"), q'anc'-bos "прокиснуть" (только meI "сыворотка")[97].

3. Обработка молока: naIǩ' eχ̄as "процеживать молоко" (букв. "молоко класть"), naIǩ' oǩmus "снимать сливки,сепарировать" (букв. "молоко вынимать"); baǩ закваска для сыра из желудка молочного ягненка".

4. Посуда для молока: hanarut "фляга", gaǩi "бидон", bulun "стеклянная банка", jari "разновидность балхарского кувшина".

inx "масло", goIroIlin inx "сливочное масло"(букв. "в виде шара масло"), c'oṯut inx "топленое масло", č'ut dabxis "сбивать масло" (букв. "кувшин ударять"), č'ut "кувшин", poIrčeǩ' erǩi "подушечка, которую кладут под колени во время сбивания масла" (букв. "под-колени положенное"), kepeIl"подушечка, которую кладут под кувшин для сбивания масла", inχ̄in xIurxIu "сушеный коровий желудок для хранения масла" (букв. "для масла желудок").

genuk "яйцо", qal "скорлупа", kuku "яичница", busbus "варить", kuku abas "делать яичницу".

96. В качестве названия для колбас использованы названия внутренних органов животных, которые служат оболочкой для начинки колбас.

97. Ср. q'anc'a "уксус из сыворотки".

buq' "зерно", sesas "жарить зерно", buq' laqI'a as "жарить зерно" (букв. "зерно пестрым делать"), k$_o$am "противень для поджаривания зерна".

k'un "мука", bok' "солод", dac'on "толокно" (мука из жареных зерен), c'ummus "просеивать", c'om "сито", c'ennen "отходы от просеивания муки", x$_o$ati "кушанье из толокна", dac'on x̄ik' "ком толокна".

qulurquš "пшеничная крупа" (раздробленные зерна пшеницы), qaqu "пшено", birinž "рис", čultuk "неочищенный рис", pəlow "плов", pəlow abas "готовить плов" (букв. "плов делать").

Тесто: xIexImul "опара", x̄imir "закваска для брожения теста" (готовится из смеси браги с мукой); а) изготовление и обработка: xIexImus "бродить", xIexImul eχ̌as "поставить тесто" (оставить тесто для брожения), šuImmus "месить", gergi-bos "раскатывать"; б) инструменты: qI'art'i "скалка", k'uršə-qIan "доска на ножках для раскатывания теста", čaxt'i "лопаточка для разрезания теста"; в) изделия из теста (полуфабрикаты): haInk̄ur "кусочки тонко раскатанного и порезанного в форме ромбиков и треугольников теста", qI'abaqI' "кусочки теста, полученные от разрезания тонких колбасок из теста", qonk' "кусочки теста, полученные от разрезания больших колбасок теста", s̄urHila "кусочки теста, сложенные таким образом, чтобы в них мог скапливаться бульон, в котором они варятся"[98].

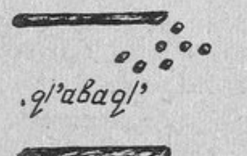
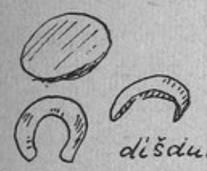


Рис. 10. Разновидности хинкала

x̄$_o$alli "хлеб": panq' "большая тонкая лепешка", buq're x̄$_o$alli "пресный хлеб из пшеничной муки, в виде тонких лепешек" (печется на сухой раскаленной сковороде), dexI$_o$ "каравай", gurgəla "хлеб в форме колбаски", k'urk'uni "хлеб в виде калача", gidu "круглый хлеб с отверстием в центре" (печется в качестве гостинца для мальчиков), dišdur "круглый хлеб, хлеб в виде рожка или подковы" (печется в качестве гостинца для девочек), imc̄'i x̄$_o$alli "блины" (готовятся из xIexImul).

98. haInk̄ur, qI'abaqI', qonk' , s̄urHila - это изделия из теста, которые известны в русском переводе под общим названием хинкал; хинкалом также называют блюда, приготовленные с этими изделиями.



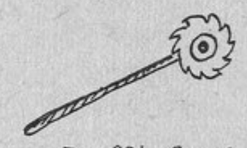


Рис. 11. Разновидности хлеба Рис. 11-а

Чуреки[99]: bik'in x̄$_o$alli "чурек с начинкой из bok' - солода", qI$_o$ubin x̄$_o$alli "чурек с начинкой из oIroIs qI$_o$ib - картофеля", s̄epin x̄$_o$alli "чурек с начинкой из s̄ap - черемши", x̌oIllin x̄$_o$alli "чурек с начинкой из душистой травы x̌oIl", mačaten x̄$_o$alli "чурек с начинкой из mač-крапивы", nosor x̄$_o$alli "чурек с начинкой из творога", ebq'ni x̄$_o$alli "чурек из кукурузной муки"; x̄$_o$alli barti "инструмент для обрезания краев чуреков" (см. рис. 11-а).

Выпечка хлеба: kor "глиняная печь для выпечки хлеба", q$_o$an "сковорода или каменная плита для выпечки хлеба", x̄$_o$alli dabxis "печь хлеб в kor -глиняной печи" (букв. "хлеб бить"), čaras "печь хлеб на сковороде" (букв. "жарить"), pirx-bos "подгореть", maq̄'ar "корка".

diq' "суп", tenne "слой жира на поверхности бульона", x̄ut'i "жидкие блюда", čəib ‖ č'ubin diq' "мясной суп с зернами пшеницы, фасолью, горохом и жареным луком", haInk̄urtu "суп из haInk̄ur с чесночной подливой и творогом" (по желанию заправляется молоком), dac'onnin haInk̄urtu "суп из haInk̄ur со старым салом и уксусом" (haInk̄ur готовятся из dac'on - муки из жареных зерен), qI'abaqI'určen diq' "суп из qI'abaqI'ur, старого сала, творога и перца", s̄epin diq' "постный суп из листьев черемши - s̄ap с добавлением кусочков теста и творога или молока", mačaten diq' ‖ mačatiq' "суп из крапивы".

x̄it'məsan "каша", bik'it diq' "каша из солода", bok' arči "каша из истолченных лепешек, сделанных из солода", xIilibxIi xIilibxIu "каша из dac'on - муки из жареных зерен", hoIlok'əla "каша

99. Чуреки - большие пироги с начинкой, широко распространенные в Дагестане.

из dac'on на бузе", gamgi "каша из солода на воде или на сыворотке", goIroIrčі "ритуальная сладкая каша из dac'on и солода"[100].

ic'kul "сладости": čakar "сахар", guruč'an "конфета", nuIt'uIh "халва из орехов или абрикосовых зернышек", baquq "халва из масла, муки и сахара", gatun c'ix "урбеч" (размолотые семена льна, смешанные с топленым маслом и медом или сахаром), imc' "мед".

Приправы к пище: orxIi "соль", inx "масло", maj "жир", "нутряное сало", millin x̄ₒalli "плита говяжьего или бараньего сала", laxa "масло, смешанное с dac'on - мукой из жареных зерен" (приправа к каше bok' arčі), pil "общее название лука и чеснока", lačі-pil "чеснок", lačі-pillin oInt "головка чеснока", k'onc'ol "долька чеснока", jaIt'an-pil "лук", q'alija "поджаренный лук", isdi-hoti "перец", s̄irka "уксус", q'anc'a "уксус из сыворотки - meI'", s̄ap "черемша", mušu "тмин", sarba "мята", q'anc'alit erx̌i "пахучая трава для начинки колбасы", x̌oIl "пахучая трава для начинки хлеба", zuk̆'ərt̆u "курага".

Напитки: x̄alaj "буза" (хмельной напиток из солода), čakallin x̄alaj "сахарная буза", buq'arin x̄alaj "буза из муки", andargi "напиток из солода, dac'on с добавлением чего-либо кислого" (например, кураги - zuk̆'art̆u), čaj "чай", čixil ‖ čixir "вино", araqI'i "водка", č'ač'a "чача" (виноградная водка), c'at'i "спиртные напитки", šuša "бутылка".

Разновидности жевательной смолы: pic' "смола": wač'lin pic', šax̄u-pic', qir-pic'.

Л.333.2. Приготовление пищи

1. Действия: kummul as "готовить пищу" (букв. "еду делать"), s̄ubus "варить", "вариться", haIrš-bos "кипеть", "кипятить", čaras "жарить", č'arq'as as "жарить" (порезанное на мелкие куски), orxIi ačas "солить".

2. Места для приготовления пищи: kummet "очаг" (место в комнате перед камином, отведенное для приготовления пищи), kor "глиняная печь для выпечки хлеба", pirimus "примус", mišinka "керосинка", buxari "камин", nibzur "треножник для установки кастрюль и котлов

100. Эту кашу дают новобрачным в доме родителей невесты, а также женщине после рождения ребенка.

над огнем" (используется для приготовления пищи в камине).

3. Посуда для приготовления пищи: k'unk'um "кастрюля", čag "чугунный котел", qazam "казан", kₒam "противень", qₒan "сковорода", čejdan "чайник.

4. Посуда для подачи пищи: langar "поднос", mužmu' "большой медный поднос", k'ok' "длинное глубокое деревянное блюдо", x̄umčak'ok' "длинное деревянное блюдо", k'ix̄Ii "вилка с длинной ручкой для вынимания мяса из котла", haInk̆urt̆ək'i "ложка с дырочками для вынимания хинкала из котла", xIit (III кл) "половник".

haInk̆urt̆ək'i - ложка k'ix̄Ii - вилка

Рис. 12

Л.333.3. Употребление пищи

1. Захотеть есть/пить: iq̄I'a "быть голодным", iq̄I'a kes "проголодаться" (букв. "стать голодным"), lah-bos "захотеть съесть что-либо", išdah "аппетит", muq̄'a "быть жаждущим", "испытывать жажду", muq̄'a-kes "захотеть пить".

2. Есть/пить: kummús "есть", našar as "подзакусить", āc'en kummús "есть досыта", kúmmus "жрать" (грубое выраж.), t'ent'i-bos "обожраться" (грубое выраж.), x̄ubus "есть (суп)" (букв. "пить"), x̄ax̄u-bos "есть" (только блюдо из dac'on - xₒat'i, см. выше), č'aImmus "жевать", oq̄I'as "глотать", gurqI'-bos "глотать не разжевывая", č'ow-bos "чавкать";

c'abus "пить", x̄ubus "пить" (делая перерыв между глотками), huqi "глоток", huqi bac'as "набирать глоток" (букв. "глоток наполнять"), c'abus as "поить" (спиртными напитками), qana-kes "опьянеть", qana as "напоить" (букв. "сделать пьяным").

3. Посуда для еды и питья: waIrt'i "тарелка", k'oč̌'o "миска", pošqIap "блюдце", gel "кружка", harc'i "глиняная кружка", guruška "кружка", č'aqi "ложка", xIit (IV кл) "деревянная ложка для супа", his "вилка", kis "вилка", x̌ol "вилка", t'em "деревянная вилка"[101].

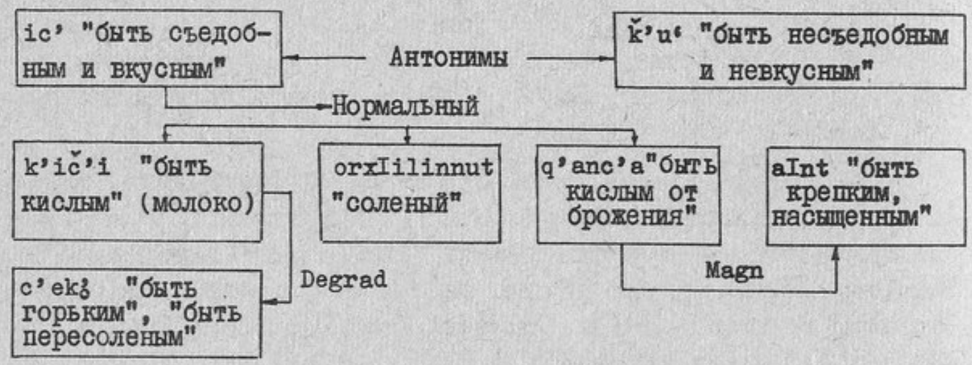
101. Все эти вилки для арчинца друг от друга не отличаются.

Л.333.4. Вкусовое восприятие

Для выражения вкусового восприятия в арчинском языке используется очень небольшой набор слов. Воспринимаемые на вкус объекты прежде всего оцениваются по критерию съедобный – несъедобный: ic' "быть съедобным, нормальным во вкусовом отношении, приятным во вкусовом отношении, вкусным"- ǩ'u' "быть несъедобным, неприятным во вкусовом отношении, горьким" (свойством ǩ'u' обладают oIxIi "соль", duru "лекарство). Различаются следующие нормальные вкусовые свойства: k'ič'i "быть кислым" (только о молоке), q'anc'a "быть кислым" (в результате брожения – только о молочной сыворотке – meI), orxIilinnut "соленый". У вкусового свойства q'anc'a выражается высокая степень качества (Magn): aInt "быть крепким, насыщенным". Разрушение нормального вкусового качества (Degrad) выражается словом c'ekʒ "быть прогорклым", "быть пересоленым" с ограниченной лексической сочетаемостью (см. схему 2).

Схема 2

Вкусовое восприятие



Л.333.5. Корм для животных

1. Названия корма: naxₒ "солома", moǩol "старая засохшая трава", č'il "сено", č'ar "сорняк", hoti "трава", silos "силос", maxa "ячмень", buq' "зерно", čor "пойло для собак", eǩ'əqIan "пойло для коровы" (из теплой воды и муки вместе с пищевыми отбросами), qIun "порция корма на одну кормежку".

2. Значение "кормить": ac̀as "давать" (qIun "порция корма на одну кормежку", buq' "зерно", maxa "ячмень"), eǩ̀as "ставить" (eǩ'əqIan "пойло для коровы"), ecas "поить" (букв. "наливать")(čor "пойло для собак").

3. Значение "есть": kúmmus "есть"(qIun "порция корма на одну кормежку", naxₒ "солома", hoti "трава", silos "силос", maxa "ячмень", čar "сорняк", moǩol "старая сухая трава", č'il "сено"), c'abus "пить" (eǩ'əqIan "пойло для коровы"), čas "есть"(букв. "лизать") (čor "пойло для собак"), k'ut'-bos "клевать"(buq' "зерно"), art'mus "глодать" (leǩi "кость").

4. "Посуда": t'ono "кормушка для скота", budra "ведро".

Л.334. Одежда

В тематическую группу "Одежда" включены названия мужской и женской одежды и ее деталей, названия мужской и женской обуви, головных уборов и украшений. Кроме того, перечислены основные характерные действия с одеждой (глаголы со значением "надевать" и "снимать") с указанием на их конкретную сочетаемость с видами одежды, а также материалы, действия и инструменты, связанные с изготовлением одежды и уходом за ней.

Несмотря на то, что мужская одежда отличается от женской, по названию они в большинстве случаев не противопоставлены: xIošon – это одновременно мужская рубашка и женское платье, qI'ot'ol – мужской ремень и весьма специфический женский пояс и др. По-разному называются лишь мужские и женские головные уборы и только женскими являются все украшения.

Л.334.1. Виды мужской и женской одежды

k'ob "одежда", xIošon "мужская рубашка", "женское платье", buzma "праздничное женское платье из бархата, шелка или атласа", čuqaj "черкеска" (праздничная мужская одежда), "женское полупальто" (праздничная женская одежда), guǯgat "бешмет" (стеганый полукафтан), 'aba "накидка из сукна", warti "бурка", parṯuq' "шуба-накидка без рукавов с большим отложным воротником", haman parṯuq' "шуба-на-

102. Многие заимствованные вместе с реалиями названия одежды здесь не приводятся (см. о них в Л.11).

кидка с ложными рукавами и небольшим отложным воротником" (букв. "лакская шуба"), raIhu "шуба-накидка с длинными ложными рукавами", pult'u "пальто", paIt̄əla "мужские брюки", "длинные женские шаровары", jat̄ikan "верхняя одежда" (букв. "то, что сверху")[103], k'ir-k'ob "белье (букв."внизу-одежда"), k'ir-paIt̄əla "кальсоны" (букв. "внизу-брюки"), libas "одеяние" (устар. пренебрежит. -han libas! "Что за одеяние!"), k̥at'i "перчатка".

Л.334.2. Детали одежды

oIč'i "воротник", xalac'i "рукав", noc' "ластовица" (клин, который вставляется в верхнюю часть рукава подмышкой), qazam "верхняя передняя часть женского платья", kung "подол", zuq'e"подшивка одежды из той же материи, что и одежда", ejnaxut erx̄i "подшивка одежды из другой материи", žip "карман", taka "нагрудный карман", kus "пуговица"(на пиджаке или пальто), č'or "пуговица"(на рубашке или платье), bek' "маленькая шаровидная пуговица", k'ič' "петля", x̄arx̄ala "крючок";

qI'aqI'i "штанина", qI'et' "гашник" (верхняя кромка штанов), qI'ot'ol "гашник" (шнур,продернутый через верхнюю кромку штанов), paIt̄əl-k'an "ластовица штанов" (клин, вшитый в штаны в месте соединения штанин)(букв. "штанов-дно"), rang "одна из полосок цветной материи, украшающей внизу женские шаровары, qI'ot'ol "мужской ремень", "пояс на женском платье" (представляет собой длинный и довольно широкий кусок материи, который завязывается спереди особым узлом), xin "пряжка ремня".

Л.334.3. Головные уборы

1. Мужские головные уборы:oIntor"шапка из овчины мехом внутрь", tura "шапка" (ушанка, кепка и т.п.), q'am "козырек", s̄ur-tura"каракулевая папаха".

2. Женские головные уборы: palti 1)"старинный женский головной убор", 2) "чепчик" (полоска материи с тесемками на концах - надевают на голову новорожденного ребенка);

č'uxt'u "чухта" (женский головной убор с прикрепленным сзади мешочком для кос), č'uxt'ulin oIč "мешочек для кос" (букв. "чухты

103.Локативный признак, характеризующий это имя, является переменно-функциональным,т.е. jat̄ikan - это не вообще любая верхняя одежда, а та, которую надевают, чтобы не было холодно.

хвост"), x̥̌ix̌i "украшение на чухте, состоящее из нескольких рядов цепочек", surma "одно звено в цепочке",surmat̄u "цепочка из x̥̌ix̌i, расположенная по краю чухты", daxəza‖ daxəzi "цепочка, которой чухта прикрепляется к надетому на нее платку - k'az,mac "пряжка на чухте";

k'az "женский платок"(представляет собой длинный широкий кусок материи, концы которой сшиты, - надевается особым способом), gat' "платок", "шаль", č̥al "кисти (шали)", "бахрома", čalaRaj "тонкий шелковый платок".

Л.334.4. Обувь

aqəlt̄ekan "обувь", aqədan "войлочный сапог с острым загнутым носком", masHi "чувяк" (мягкий кожаный сапог без каблука), mučᵘ "чувяк" (без голенища), gurušᵘ "калоша", čakma "сапог", širbit "ботинок", "туфля", q'es "чарык"(обувь без голенища из цельного куска кожи со швом спереди и сзади), ellen q'esur "чарыки" (букв. "кожаные чарыки" - из: ген. от: ili "шкура коровы" + мн.ч. от: q'es "чарык") (повседневная мужская и женская обувь), tumejden q'esur "женская обувь из мягкой кожи на грубой подошве".

Рис.13. aqədan - войлочные сапоги

Атрибуты и детали обуви: imk̆'əla 1)"носок", 2) "чулок", muč "носок обуви",qI'aqI'i "голенище", k'an "подошва", šik̥ "каблук", dulaqur"обмотки" (носят поверх сапог),jakan "подстилка из соломы для чарыков" (букв. "то, что внутри"), qanc'a "крючок, надеваемый на обувь для ходьбы в гололед".

Л.334.5. Украшения[104]

k̥eniši "браслет", baRəža "кольцо", oc' "камень для кольца" (букв. "огонь"), oc' it̄ub baRəža "кольцо с камнем" (букв. "огонь имеющее кольцо"), t'uj "серьга"[105], pexIIe "серьга в виде тонкого кольца", haIt'ena "медальон", hejkala "нагрудное женское украше-

---

104.Об украшениях на чухте см. Л.334.3.1.

105. Серьги арчинки, как правило, прикрепляют к цепочке чухты и гораздо реже носят в ушах. Точнее было бы называть t'uj "серьга в виде подвески".

ние из монет" (большие и маленькие монеты - alp̄alsi в этом украшении соединяются в ряды, ряды нанизываются один на другой столько раз, чтобы они почти полностью закрывали qazam (верхнюю переднюю часть женского платья), по бокам и снизу hejkəla обрамляется серебряной цепочкой - x̌ₒix̌i), sot̆or "бусы" (мн.ч. от sot "бусинка"), maxaklin xan "ожерелье из сушеной гвоздики" (букв. "из гвоздики бусы"), debx̄lu "небольшой мешочек с душистой травой" (подвешивается к чухте и спускается на грудь, - является украшением и парфюмерным средством), paxč̆a "женская сумочка из ткани с украшениями" (используется для хранения ниток, иголок, ключей, денег и т.п.), kamal "пояс из серебра и ткани" (серебряной является передняя часть пояса, она состоит из двух цельных серебряных пластин ювелирной работы; из материи делается задняя часть пояса), arsin qI'ot'ol (чаще про мужск. пояс), sot̆orč̆en xan "бусы".

Рис. 14. Разновидности hejkala

Л.334.6. Лексические корреляты

1. Характерные действия с одеждой[106]: asas "надевать" (рубашку, платье, черкеску, бешмет, накидку из сукна, шубу, бурку), eǎas "надевать" (букв. "класть") (мужские головные уборы), et'mus "надевать" (букв. "завязывать") (мужской ремень, женский пояс, чухту, косынку), ač̆as "надевать" (платки - k'az и gat'), aǩas "надевать" (браслет, кольцо, перчатки), ubǩas "надевать" (брюки, обувь), q'ac'-bos "наряжаться" (надевать новую или праздничную одежду), ax̄a-as "снимать" (мужские головные уборы, кольцо, браслет), gaxIas "снимать" (женские головные уборы, кольцо, браслет), atis "снимать" (одежду и обувь).

2. Материалы для изготовления одежды и обуви: q'umaš̆ "ткань", "материал", saq'lat "сукно", s̄uRur "грубое сукно", warti "войлок", katan "льняное полотно", č̆'imič̆'u "толстый холст", lilušu "ситец", mač̆' "бязь", kupi "байка", muxmur 1) "вельвет", 2) "бархат", daraj "старинный шелковый материал типа тафты", hindaR "легкая тонкая ткань", zarbab "парча", 'at'ras 1) "шелк", 2) "атлас", tumaj "сафьян", taxta "смушка", q'eǎ "необработанная овчина", q'onq' "шкура", ili "шкура коровы", ǩ'erumk'ul "каракулевая шкурка".

3. Изготовление одежды и обуви: diris-kes "кроить" - jat̆ərsi "ножницы", dubǎas "шить", teǩ'on "иголка", kₒar "нитка", kₒar abǩas "вдевать нитку", goInt'ərа "наперсток", č̆arx "катушка", dubǎmul "шов", zuq'e "подшивка", ejnaxut erǎi "подшивка из другой материи", or "стежки нитками поверх шва", aqədan ač̆as "шить обувь", - rab "шило", x̄ummus "вязать", - č̆un "вязальная спица".

4. Состояние и содержание одежды и обуви: bej-kes "износиться", "стать старой", xₒis "износиться" (выйти из употребления) (букв. "умереть"), ǩ'oǩ'as "мяться", oč̄'as "стирать", oIč̆'mus "отстираться", mač̆' ač̆as "залатать", mač̆' "заплатка", kₒar abǩas "зашивать" (букв. "нитку вдевать"), mu as "чинить" (букв. "хорошим делать"), utu oǩmus "гладить", utu "утюг".

106. В скобках после перевода соответствующего глагола приводятся фактитивы в русском переводе, которыми управляет данный глагол.

Л.335. Социальные проявления человека

Из социальных проявлений человека для представления в словаре выбраны некоторые обряды (обряды, связанные с хозяйственной деятельностью, свадебный, похоронный и поминальный обряды), досуг, а также эмоциональные отношения и состояния и агрессивные действия.

Л.335.1. Обряды

1. Обряды, связанные с хозяйственной деятельностью[107]: q'eliši oqImul - праздник отгона овец на летние пастбища (букв. "на-Кели хождение" (Кели - название местности в окрестностях Арчи), 'egi bumul - праздник, посвященный улучшению пород скота (букв. "'egi говорение"), ans bet'mul - весенний праздник пахоты (букв. "быка запрягание"), x̄Ielmin dogi - обряд вызывания дождя (букв. "дождевой осел" - этим же сочетанием слов называют улитку[108]).

107. Подробнее об этих обрядах см.: Г. А. Сергеева "Арчинцы". М., "Наука", 1967, стр. 45-46, 50-51.

108. Обряд называется так же, как и персонаж этого обряда. Сейчас в роли x̄Ielmin dogi, как правило, выступает мальчик, одетый в

2. Свадебный цикл. Свадебный цикл арчинцев состоит из нескольких этапов: на первом этапе происходят сватовство и сговор, на втором - официальное заключение брака, на третьем - играют свадьбу. Официальное заключение брака обычно совершается в день свадьбы. Действия, каузирующие свадебный цикл, выражаются глаголами: dunil as "женить" (букв. "жизнь-делать"), x̌onnol dakras "жениться" (букв. "жену брать"), asmus deqIes "выходить замуж" (букв. "к-мужу идти"), x̌onnolšši kes "выходить замуж" (букв. "женой становиться");

а) сватовство и сговор: x̌onnol doq'i bumul "сватовство" (букв. "жену дай говорение"), dōIz aras "оказать почет" (букв. "большой делать") (считается, что если девушку приходят сватать, то ей оказывают почет), halkul "халкул" (обряд заключения свадебного договора, он состоит из угощения родственников жениха и невесты, а также вручения подарков невесте);

б) оформление брака: purman busbus "брать у невесты разрешение на заключение mahra - брака по шариату", mahra ebx̌as "заключить брак по шариату", zaks abas "регистрировать брак (в загсе) " (букв. "загс делать");

в) участники свадебного процесса: mac'aṯu "жених", mac'aṯur "невеста"; q'onnu "дружка жениха", q'onnur "дружка невесты", dōIzu q'onnu "главный дружка жениха" (букв. "большой ..."), dōIzur q'onnu "главная дружка невесты" (букв. "большая..."), šah "тамада на свадебном пиру", t'uxt'ur "врач" (человек, который в шутку снимает пробу с пищи на свадебном пиру), sudija "судья" (человек, который придумывает наказание "провинившемуся" на свадебном пиру);

специальной свадебной одеждой является только покрывало невесты - pardaw;

г) свадебные действия: mac'aṯur dakras "брать невесту" (уводить невесту из дома родителей), balk'on abčas "протягивать веревку" (устраивать засаду на пути невесты с целью получить за нее выкуп), diwin abčas "расстилать ковер" (перед невестой, входящей в дом родителей жениха, расстилают ковер), čəkar abčas "осыпать сладостями" (сахаром осыпают невесту, входящую в дом родителей жениха),

конусообразный сплетенный из травы балахон. Обряд состоит из следующих действий: хождение по селению, сопровождаемое шумом и обливанием водой, восхождение на гору, чтение на горе мусульманских молитв с просьбой послать дождь. Совершение обряда заканчивается трапезой на горе. Участие иноверцев в обряде даже в качестве наблюдателей крайне нежелательно.

x̄ₒalli abk'as "разламывать хлеб" (хлеб разламывает на коленях невесты мать жениха), arsi kammus "одаривать деньгами" (букв. "кидать деньги"), x̄ₒalli xaṗus "приходить в дом жениха за угощением" (букв. "хлеб похищать"), k'oč'o xaṗus "похищать чашку" (в день пира у жениха кто-либо из родственников жениха должен украсть чашку с маслом, которое едят гости)[109].

3. Смерть, похороны, поминки:

а) смерть: kʒimk'mul "смерть (I кл)", kʒis "умирать" (I кл), hirxiran "предсмертные слова", "завещание", "советы умирающего", jasan "отходная молитва", zagar "соболезнование", zagar abas "выражать соболезнование";

б) похороны: leḵi "труп", zanazi "труп", č'iši "плач по умершему", č'iši abtis "оплакивать" (букв, "голос пускать")[110], leḵi čučə-bos "обмывать труп"[111], soro "саван", soro ebx̌as "заворачивать в саван" (букв. "класть саван"), qIošol "носилки для покойника", leḵi ex̌as "хоронить" (букв. "труп класть")[112], ʒar "могила", ʒarum "кладбище", mosol "надгробный камень", doR "флажок на надгробном камне", maxla "древко флажка", mosol ocis "ставить надгробный камень"; tirq'in ecas "совершать тиркин" (обряд над могилой только что похороненного человека, в который входит: 1) произнесение речи о жизни и делах покойного, 2) обращение к богу с просьбой простить покойному его грехи, 3) поливание могилы водой);

в) траурная одежда: damRIi "траур", "траурная одежда", beẋIeṯib k'ob "черная одежда" (на женщине в знак траура), parṯuq'" шуба", pult'u "пальто" (теплую одежду надевают на себя как траурную и мужчины и женщины), c'uxtu oḵmus "снимать чухту" (обряд, при котором с женщины, если у нее умер муж, снимают чухту с украшениями

109. Здесь перечислены не все возможные свадебные обычаи, а только те, которые имеют место в первый день свадьбы: в 1972 году в хут. Хилих мы видели, как на свадьбе устраивались смотрины приданого. Подробнее о свадебных обычаях см.: Г. А. Сергеева. Арчинцы, стр. 148-153.

110. Оплакивание умершего совершается женщинами.

111. Мужской труп обмывают мужчины, женский - женщины.

112. Если умерла беременная женщина, в могилу вместе с ней кладут ножницы - jaṯərsi и еще два предмета (каких, установить не удалось).

и заменяют ее простой чухтой из черной материи без всяких украшений);

г) поминки: xejrat "поминки", q'ulhu "кулху" (ежедневное трехкратное чтение молитв по покойному в течение трех дней), q'ulhu abas "устраивать чтение молитв - q'ulhu, x̄al-maǯ' "специальное сооружение на кладбище в виде навеса, в котором в течение семи дней читают молитвы об умершем (букв."плохое место"); q'ulhu"кулху" (поминки, которые устраивают для живого человека, чтобы обеспечить его запасами пищи в загробном мире) (обряд, который теперь исполняется исключительно редко и только старыми людьми), q'ulhu kammus "устаривать кулху"(букв. "кулху бросать").

Л.335.2. Досуг

1. Элементы народного умения и творчества (действия, названия действий и их участников, инструменты):

а) фольклор: xabar "рассказ", "история", xabar abtis "рассказнвать" (букв. "рассказ пускать"), bumul "предание" (ист.масд. от глагола bos "сказать"), kuci "загадка", kuci abǯas "загадывать загадку", žuhab "песня", "стихотворение", lagum "песня", "стихотворение", xabus "петь", maxIu "сказка";

б) типичные сказочные персонажи: lilexIu "название сказочной птицы", iždaha "аждаха" (змей,чудовище, крокодил), qart "ведьма", ilbis "бес", šijt'an "черт";

в) танцы: qet'i "танец" (ист.масд. от глагола qebus "танцевать"), qes-barti"танцы", aquš qet'i "акушинский танец", cili qet'i "азербайджанский танец", čargu "лакский танец", guružuk "лезгинка" (от русс. "кружок"), hiču "танец мужчины на одном месте", qebus "танцевать";

г) музыка: zaInnaw "зурна", c'urəla "горлышко зурны", t'ump'ur "тамбур", parx "барабан", parx dabxis "бить в барабан", moxol "бубен";

д) спорт: x̄arx-kumul "спортивная борьба", x̄arx-kes "бороть - ся", qIart "подножка" (прием в спортивной борьбе), pohlon "канатоходец", dali "шест канатоходца" (букв. "длинная палка").

2. Детские игры: ixImul "игра", ixImul as "играть", jisik'u "кукла" (ав.), k'emek'əla "маленькая юла", ganža "большая деревянная юла" (эту юлу вращают на льду), ganža buk'mus as"пускать юлу"

(букв."юлу вращать,кружить делать"); qurš̌əla "каток", "ледяная горка"; qurš̌əla eb̄as "кататься на катке" (букв. "каток класть"); č'əle "камень" (на камнях катаются по катку); barč'əla "прятки", barč'əla abas "играть в прятки", aǯ'as "прятаться", irkus "искать", kunč'ul-k̄aHan "игра в чижика", k'unč'ul "чижик" (маленькая заостренная палочка), k̄aHan "лапта" (букв."палка")(палка, которой ударяют по k'unč'ul); mušut kamallu "игра в альчики" (muš "альчик" - хорошо отполированная плоская баранья косточка,kamal образов.от kammus"бросать") (игра заключается в том, чтобы сбить и набрать как можно больше альчиков), Hasan-dala - название детской игры,заключающейся в угадывании того,кто бил палкой по ноге, Hele-leki "подвесные качели", Hele-leki abas "качаться на качелях", urRut'ičan "качели из бревен",urRut'ičan abas "качаться на качелях", dump "мяч", dump kammus "бросать мяч", š̌ₒit'əla "свистулька", "свисток", č'irq'əla "трещотка".

Рис. 15

Л.335.3. Эмоциональные отношения и состояния[113]

В данную тематическую группу включены глаголы, выражающие эмоциональные отношения и состояния, а также имена с тем же значением и в некоторых случаях - имена типичных агентов при данных глаголах и каузативные глаголы со значением "вызывать эмоциональное состояние". Во многих составных глаголах со значением чувства в качестве именной части активно используется слово ik̄ "сердце".

1. Любовь: k̄'an "любить", "хотеть", k̄'ankul "любовь", k̄'annu "влюбленный", ik'mi šubus "полюбить" (букв. "сердце взять"), mūši akus "нравиться" (букв. "красиво видеть").

2. Ненависть: bex̄Ie kes "ненавидеть" (букв. "черным становиться"), bex̄Iekul "ненависть", k̄'ant'ukul "неприязнь" (масд. от глагола k̄'an kes "любить" + отр. t'u), žaHda "неприязнь" (из ав.).

3. Радость: x̄ₒara "радоваться", x̄ₒarakul "радость", x̄ₒarakmul "радостное известие", č'uIh-kes "гордиться", č'uIhkul "гордость",

113. При составлении этой тематической группы были использованы данные из статьи Л.Н.Иорданской "Попытка лексикографического толкования группы русских слов со значением чувства". - В сб.: Машинный перевод и прикладная лингвистика, вып.13. М., 1970.

ikʒ dōIzu "гордый" (букв. "с большим сердцем"), Haz Hazi "удовольствие", riIziI-kes "быть удовлетворенным".

4. Огорчение, обида:

t'ibirkul "жалость", t'ibir "жалеть"[114], Нер "жаль", "жалко" (человека), ikʒ uk̄as "жалеть" (человека) (букв. "сердце пойти"), t'ibis exmus "жалеть" (человека, животное), ikʒ xir kes "жалеть" (о том, что что-то отдал) (букв. "сердце сзади становиться"), iχuk "раскаиваться" (жалеть о том, что сделал);

maHrumkul, paš̄mankul "печаль", paš̄man "быть печальным", paš̄man kes "печалиться", ikʒ q'uras "печалиться" (букв."сердце сохнуть") (среднее по силе чувство печали), ikʒ aqI'as "сильно печалиться" (букв. "сердце разбиться") (самое сильное чувство печали);

burk̄an "горе", q'uridkul "горе", burk̄an abas "горевать", q'urid kes "горевать", bala "несчастье", "беда";

inžitkul "мучение", "страдание", inžit kes "мучиться", "истомиться", "истерзаться", ‘azab ǩos "мучить" (букв. "муку давать");

q'urid as "обижать" (букв."горе делать"), axIas "обижаться"[115], mut'uši kos "обижаться" (букв. "нехорошо слышать")[115], ikʒ li as "портить настроение" (букв. "сердце портить").

5. Гнев: qI'arat'i "злость"[116], qI'aras exmus "разозлиться", ikʒ sas "злиться" (букв. "сердце держать")[116], x̄Ion "быть злым"[116], s̄am "гнев", s̄am baχ̄as "разгневаться" (букв. "желчь подняться"), s̄am baqI'as abas "подавить гнев" (букв. "желчь вернуться заставить"), c'irin x̄as "вспылить", maIrš̄ "завидовать", ikʒ daxis "приедаться", "опротиветь" (букв. "сердце бить").

6. Страх: iǩ' "страх", cuk'a "трус", waχ̄na "трус" (отрицательная характеристика мужского достоинства), ǩ'inč'ar "бояться", ǩ'inč'as exmus "бояться" (начинательное значение), ikʒ t'ank'-bos

114. Приводимые здесь глаголы отличаются лексической сочетаемостью: они требуют фактитивов определенного семантического класса.

115. Видимо, в этих глаголах представлены разные причинные компоненты; mut'uši kos - обижаться (неправильно поняв смысл сказанного), axIas -обижаться (и долго держать обиду, не разговаривать).

116. x̄Ion - означает постоянное характерное чувство, qI'arat'i - сильное и непродолжительное, ikʒ sas - временное, сильное и затаенное.

"испугаться", "сильно бояться" (букв. "сердце прыгать"), eqI.mus "внезапно испугаться" (испуг от внезапного резкого неожиданного изменения обстановки), x̄i-kes "растеряться", "разбежаться в испуге" (чувство страха, которое вызывает панику), ǩ'inč'as as "пугать", ǩ'inč'at'i ǩos "пригрозить" (букв. "страх дать"), iǩ' eχ̄as "держать в страхе" (букв."страх положить"), x̄i-as "испугать; ikʒ arhas "беспокоиться" (букв. "сердце думать"), lazat obǩmus "беспокоиться" (букв. "покой вынимать").

7. Вера: wix "верить", wix kes "поверить", ixIse-kes "напрасно поверить", šak "сомневаться".

8. Удивление: tamaša "удивление", tamaša abas "удивляться", muHat̄al "быть изумленным", muHat̄al kes "изумляться", muHat̄al as "изумлять".

9. Совесть: lummus "совесть", libxI "стыд", "смущение", libxI "стесняться", libxI kes "постесняться", libxI as "смущать", libxI i "иметь стыд", Hija "стыд", "совесть".

Л.335.4. Агрессивные действия человека

1. Военные понятия и действия: anx 1) "война", 2) "сражение", anx i "воевать" (быть в состоянии войны), anx as "сражаться" (букв. "сражение делать"), armi "армия", askar "армия", aIri "большой отряд вооруженных людей", jaraR ačas "вооружаться", hužum "активное наступательное военное действие" (атака, нападение, штурм), jat̄ik t'ank'-bos "нападать" (букв. "сверху прыгать"), deqI' basas "осаждать", "устраивать засаду" (букв. "дорогу держать"), c'un-as "защищать", c'un-kes "защищаться", Ralq'-as "разгромить", asir as "брать в плен" (ав.), kurak šubus "барть в плен", "подчинять", "оккупировать" (букв. "в-руки брать"), xes "побеждать", xexmul "победа", oq̄I'as "проиграть", q'ac'as "мириться", q'uc'mul "мир"; dušman "враг", "противник".

2. Оружие и действия с оружием: jaraR-mataH "вооружение"(букв. "оружие-вещи"), jaraR "оружие", kaIršI "сабля", x̄eč "штык", Ranžar "кинжал", Ranžar̄en χob "ножны" (букв. "кинжала чехол"), oIroIdaj "орудие", "пушка", tapančI "пистолет", tumank "ружье", qundaR "приклад ружья", čaqma "затвор ружья", lulla"ствол ружья или орудия", ansaw "порох", sačma "дробь", gulla "пуля";

tumank kammus "стрелять" (букв. "ружье бросать"), č'aIp'-qIap'-bos "перестреливаться", eIč eχ̄as "целиться", "брать на прицел"

(букв. "цель положить"), šaIbaIn kes "получать ранение" (букв. "раненым становиться").

3. Прочие агрессивные действия:

а) названия действий и типичных агентов: pitnu "бунт", "мятеж", anx "драка", q'isas "месть", du'i-da'ba "ссора", qI'anakan "интриги ради натравливания людей друг на друга", c'ixdi-x̄ummul "воровство", c'ohor "вор", qačaR "разбойник", du'i "ругань" (выражение агрессивного отношения посредством брани), sog "брань" (совокупность всех ругательств), na'nat'i "проклятие";

б) реализация агрессивного отношения: anx as "драться" (букв. "драку делать"), q'isas bušbus "мстить" (букв. "месть брать"), qI'anakan ačas "разбивать союз, дружбу", xap̄us "похищать"[117], c'ixdi x̄es "украсть" (букв. "тайком унести"), c'ixdi x̄₀as "воровать" (заниматься воровством), exas "красть", acas "обобрать", du'i abas "ругаться" (устраивать словесный поединок, сопровождаемый ругательствами), sog as "изругать" (букв. "брань сделать"), na'anat'i ǩos "проклинать" (букв. "проклятие делать"), Hat-bos "отчитать" (поругать за ошибку или проступок), q'ec'-bos "приставать" (дразнить детей, показывая им свое превосходство), 'elec̆' as "насиловать" (букв. "некрасиво делать").

117. Сочетается всего с тремя именами: x̌onnol "женщина", x̄₀alli "хлеб", k'oč'o "миска" (два последних сочетания относятся к обрядовым свадебным действиям).

Часть вторая. Ф.

С.В.Кодзасов

ФОНЕТИКА АРЧИНСКОГО ЯЗЫКА

1. Фонетика арчинского языка до сих пор не была объектом специального и всестороннего изучения; для авторов существующих исследований этого языка (Дирр 1908, Микаилов 1967, Кахадзе 1973) фонетика была лишь одним из разделов полного описания и, естественно, занимала в нем скромное место.

В книге А.Дирра фонетическая часть сводилась к простому перечню основных звукотипов; к существенным просчетам относится пропуск фарингализации и долготы гласных и ошибки с аффрикатами. В записях А.Дирра много и других неточностей, поэтому краткое описание системы арчинского консонантизма у Н.С.Трубецкого (см. Трубецкой 1931), основанное на материалах А.Дирра, не лишено недостатков: в инвентарь фонем ошибочно включено сильное c̄, пропущена латеральная аффриката ǩ, неверную фонематическую интерпретацию получил глухой непридыхательный [t], долгие сонанты неправомерно признаны фонемами.

Значительным шагом вперед было описание арчинской фонетики в книге К.Ш.Микаилова. Автор впервые систематически рассмотрел вокализм и ударение, консонантные подсистемы и основные фонетические процессы. Фонематические квалификации К.Ш.Микаилова в основном верны, тонко подмечены некоторые специфические особенности арчинских звуков. К недостаткам описания относятся: ошибочное включение в число фонем сильных c̄ и č̄, пропуск долгих гласных, интерпретация чередования сильных и слабых шумных как усиления (вместо ослабления).

Важное значение имели также работы О.И.Кахадзе; автор особенно много сделал для уточнения подсистемы латеральных фонем и выявления фонетической специфики арчинских латералов. Вместе с тем

с некоторыми интерпретациями, содержащимися в диссертации О.И.Кахадзе, трудно согласиться. Сюда относится исключение из числа фонем современного арчинского языка $\bar{c}'$ и $\bar{q}'$ при допущении $\bar{q}$, утверждения о нефонематичности долготы гласных, о возможности начальных стечений согласных и проч.

В перечисленных исследованиях арчинской фонетики ввиду их краткости и "подсобности" (они служат как бы введением в центральные - грамматические - разделы описаний) слабо освещены (или совсем опущены) такие вопросы синтагматической фонетики, как структура фонетического слова и слога, распределение основных гласных, распределение фарингализованных звуков, распределение сильных согласных и др. Совершенно не затрагивались особенности фонематической структуры корневых и аффиксальных морф. Отсутствовали какие-либо экспериментальные наблюдения над арчинской речью и фоностатистические данные.

2. Данная работа представляет собой попытку систематического синхронного описания всех сторон арчинской фонетики: парадигматики, синтагматики и чередований, фонематической структуры морф. Эта попытка, кроме вскрытия закономерностей, остававшихся вне поля зрения предыдущих исследователей, привела к пересмотру ряда сложившихся представлений. Укажем здесь важнейшие из нововведений:

1) в число фонем включаются долгие гласные;

2) фарингализация трактуется как просодический признак;

3) не признается наличия корреляции по силе в неабруптивных аффрикатах;

4) глухой непридыхательный [t] рассматривается как вариант фонемы /d/;

5) некоторые законы распределения фонем и соответствующие чередования (ослабление сильных, редукция заударных гласных и др.) описываются в терминах позиций внутри несегментных составляющих: слога, фонетического слова (оно не равно морфологическому) и синтагмы;

6) как предударные, так и заударные редуцированные не "проясняются" в полные фонемы.

Кроме адекватного отражения фактов арчинского языка, целью автора было представить эти факты в рамках определенной описательной модели; нестандартность этой модели делает необходимым соответствующее теоретическое введение (Ф.11. Форма описания). Появление второй части введения (Ф.12. О некоторых фонетических трактовках) связано с тем, что при изучении арчинской фонетики автор

обнаружил необходимость уточнения некоторых принятых в дагестановедении интерпретаций звуков и звуковых процессов.

Интересные для описания фонетической системы экспериментальные результаты, полученные автором, отражены в тексте изложения; менее существенные экспериментальные наблюдения, а также фоностатистические данные приведены в приложениях (Ф.5).

3. К ограничениям данного исследования в первую очередь относится игнорирование различий в говорах жителей отдельных арчинских хуторов и в речи представителей старшего и младшего поколения. Описание в значительной степени ориентировано на идиолект нашего главного информанта Д.Самедова, представителя младшего поколения арчинцев, выходца из Хитаба. Вместе с тем наши наблюдения над речью других арчинцев в полевых условиях (в Арчи, Хитабе и Хилихе) и по магнитным записям не обнаружили сколько-нибудь существенных отклонений этого (принятого нами за норму) идиолекта от речи других арчинцев.

Из других ограничений следует отметить неисследованность интонационной структуры арчинской речи. Узкий характер носили экспериментально-фонетическое и фоностатическое исследования.

Работа во многом бы выиграла, если бы она опиралась на солидное историческое исследование; такое исследование помогло бы понять многие непоследовательности и противоречия современного состояния. Краткие исторические комментарии, попутно вставленные в наше изложение, явно недостаточны.

4. Арчинская фонетика исследовалась нами в тесном сотрудничестве с коллегой и другом А.Е.Кибриком, многие важные описательные решения были приняты после длительных совместных обсуждений.

Пользуемся случаем выразить искреннюю благодарность нашему коллеге по дагестанским исследованиям Д.Самедову, без помощи которого данная работа не могла бы осуществиться.

Ф.1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОПИСАНИЯ

Ф.11. ФОРМА ОПИСАНИЯ

Ф.111. Общая схема описания

Задачей лингвистического описания мы считаем эксплицитное представление скрытых знаний носителя языка о том, как устроены правильные высказывания и как они производятся. Высказывание рассматривается как совокупность сосуществующих характеристик разных Уровней[1]; каждая из этих характеристик имеет определенную внутреннюю организацию и определенные связи с характеристиками других Уровней.

Описание языка распадается на компоненты - по числу Уровней, внутри каждого компонента описывается устройство характеристик данного Уровня и правила построения таких характеристик[2]. В част-

---

1. За отдельный Уровень представления высказывания принимается такая его характеристика, которую образуют единицы одной природы: семантические, грамматические (синтаксические и морфологические), фонетические. Разные формы представления фонетической характеристики (собственно фонетическая, фонематическая, морфонематическая - см. ниже) рассматриваются нами не как отдельные Уровни (в одном ряду с грамматическим и семантическим), а как формы одного (фонетического) Уровня. В отличие от термина "Уровень" (с заглавной буквы), слово "уровень" (со строчной буквы) употребляется не строго, обычно для обозначения разных репрезентаций внутри Уровня.

2. Регулярные межуровневые корреляции и соответствующие динамические правила (в частности, семантико-фонетические и грамматико-фонетические) могут быть описаны как в том, так и в другом компоненте соответствующей пары. В описании, ориентированном на синтез (от смысла - к звучанию), в большинстве случаев естественнее их описывать в более "поверхностном" компоненте.

ности, фонетический компонент описывает устройство фонетических оболочек правильных высказываний[3] и правила синтеза этих оболочек.

Структура фонетических оболочек рассматривается в двух аспектах: парадигматическом и синтагматическом. Фонетическая парадигматика арчинского языка (фонетические различительные признаки и фонемы, системная организация фонемного инвентаря, контекстные варианты фонем) описывается в Ф.2, фонетическая синтагматика (взаимные связи фонематических единиц и их связи с единицами других уровней) - в Ф.3.

Динамические правила, задающие контекстные преобразования стандартных оболочек словарных единиц при синтезе, по нашему мнению, предопределены соответствующими статическими законами фонемного распределения, поэтому динамические правила описываются в том же разделе Ф.3. Отдельно (в Ф.4) описываются закономерности фонематического устройства морф.

Изложение сопровождается краткими историческими комментариями, позволяющими понять причины нерегулярности и "немотивированности" некоторых синхронных явлений. Эти экскурсы основаны преимущественно на внутренней реконструкции фактов самого арчинского языка, материал других дагестанских языков привлекался в малой степени.

Ниже рассматриваются некоторые понятия и допущения, лежащие в основе используемой модели фонетического описания.

Ф.112. Формы представления фонетической характеристики предложения

Ф.112.1. Собственно фонетическое представление

В современной нелингвистической фонетике[4] проводится различие между характеристиками высказывания на входе и выходе физиолого-акустической системы речеобразования. На вход этой системы из лингвистического синтезирующего устройства поступает линейная последовательность "звукотипов", каждый из которых представляет собой совокупность фонетических категорий (лингвистических признаков). Внутри речепроизводящего механизма эти категории представ-

---

3. В данном описании рассматриваются только минимальные высказывания арчинского языка - предложения.

4. См. Фант 1967, Эман и др. 1967, Чистович, Кожевников 1969.

лены двигательными инструкциями, соответствующими целевым положениям артикуляторов, внутри механизма восприятия - слуховыми эталонами, соответствующими акустическим коррелятам целевых положений артикуляторов[5].

При производстве речи исходная матрица артикуляционных инструкций преобразуется правилами временной организации (коартикуляции и проч.), а целевые значения подвергаются периферическим модификациям. В результате на выходе наблюдается наложение признаков соседних звукотипов ("переслаивание"), почти непрерывная перестройка артикуляций и соответствующей акустической картины, разброс значений для стационарных участков звуков, восходящих к одному звукотипу.

Эту наблюдаемую фонетическую характеристику мы будем называть "реализационной" (в отличие от исходной "категориальной" , или "звукотипной"). Соответственно, будут различаться категориальные варианты фонем и их реализационные варианты[6].

2. В лингвистическом описании следует отражать лишь те фонетические элементы, которые обусловлены системой конкретного языка (т.е. звукотипы); варианты, обусловленные внеязыковыми эффектами реализации, не должны в нем рассматриваться (см. Ладефогед 1967, Кибрик, Кодзасов 1970). Запись высказывания в терминах звукотипов и есть его "собственно фонетическое представление"[7].

Состояние знаний о механизме речеобразования во многих случаях не позволяет понять, с какого рода звуковым эффектом сталкивается исследователь - универсально-реализационным или конкретно-языко-

---

5. Лингвистическому признаку может соответствовать комплекс двигательных инструкций и комплекс эталонных слуховых значений. Например, признаку "абруптивный" соответствует скоординированная деятельность мышц, осуществляющих смыкание, подъем и размыкание гортани, а также напряженную ротовую артикуляцию, завершаемую резким отступом.

6. Это разграничение было предугадано П.С.Кузнецовым (см. Кузнецов 1959).

7. Предлагаемая трактовка собственно фонетического уровня является экспликацией того интуитивного понимания, которое отражено в имеющихся описаниях. В большинстве из них мы находим интуитивную ориентацию на звукотипы, хотя авторы и не различали эксплицитно категориальные варианты фонем от реализационных.

вым. Естественно в таких случаях опираться на типологические сведения: в качестве категориальных следует рассматривать все те признаки, которые могут быть смыслоразличительными, а также любой несмыслоразличительный признак, который отличает звуки некоторого языка от звуков других языков (при сходстве контекстов). Именно на такой основе построена, в частности, наша классификация ларингальных звукотипов (см. Ф.121).

3. Иного рода трудность при описании фонетики конкретного языка обусловлена объективной неопределенностью в ряде случаев границы между категориальными и реализационными звуковыми вариантами, что отражает переходное состояние некоторых фонетических явлений.

Действие физиолого-акустического механизма может вести к существенным отклонениям реализационных фонетических значений от целевых значений категориального фонетического уровня[8], что фиксируется обратной сенсомоторной и слуховой связью. Такое рассогласование устраняется двумя альтернативными способами: 1) задержкой действия некоторых разрушительных тенденций реализации за счет компенсаторных механизмов (прежде всего, за счет более медленной и тщательной речи), 2) перестройкой категориальной программы в направлении приближения ее к типичным реализациям: выбирается такое новое категориальное описание, которое более простым образом соотносится с реализацией, чем старое[9]. Естественно, что нередко имеет место переходное состояние: некоторые отрезки речи допускают двойную категориальную интерпретацию - старую и новую (характерный пример - "слитные" согласные).

Особый класс составляют случаи, когда имеются "стилевые" варианты произношения. Типичны здесь трудности с интерпретацией редуцированного, который нередко "проясняется" говорящим до полного гласного в замедленной речи и может поэтому рассматриваться либо как автоматическая реализация категориальных полных гласных в условиях дефицита времени в быстрой речи, либо как реализация категориального редуцированного. Близкий случай - выпадение редуцированного, которое может интерпретироваться либо как чисто реализационный процесс, связанный с темпом речи, либо как систем-

---

8. Такие "разрушительные" тенденции особенно сильны в быстрой и небрежной речи.

9. Таков, по-видимому, один из основных механизмов фонетических изменений.

фонетический процесс. Обычно такие случаи описываются на основе разграничения нормализованного (полного) и ненормализованного (разговорного) стилей, второй стиль отражает возникновение новых фонетических явлений внутри старой системы (см. Кодзасов 1972).

Далеко не всегда нормализация должна основываться на замедленном тщательном произношении - здесь возможны случаи "гипернормализации" (неестественного "прояснения" редуцированных, восстановления по аналогии синкопированных звуков, замены "неосновного" варианта "основным" и т.п.). При наличии такого рода вариантов решение о норме, принимаемой за основу описания, должно базироваться на учете всех фактов системы [10].

Ф.112.2. Фонематическое представление

1. Данное описание основано на традиционном структурном понимании фонемы как совокупности различительных признаков звука. Если принимать во внимание лишь звукотипы, то число аллофонов для любой фонемы невелико. В большинстве описаний выделяется "основной" вариант фонемы, а прочие рассматриваются как производные от него. Мы следуем этой традиции, т.к. она, по-видимому, адекватно отражает реальные особенности фонетических обобщений, осуществляемых человеком: множество звуков объединяется через эталон, из которого они могут быть выведены на основе контекстных правил. Возведение звука к некоторому эталону производится в том случае, когда он ощущается как результат естественной контекстной модификации этого эталона. Естественность же модификаций определяется, очевидно, их близостью универсальным реализационным правилам, отражающим врожденные свойства речедвигательной системы. Отсюда следует, что объединению через эталон подлежат лишь те категориальные варианты, которые близки к реализационным по характеру контекстного расхождения [11]. Типично ощущение общности таких звукотипов у неискушенных носителей языка и представление их основным вариантом при изолированном произношении.

---

10. Так, из системных соображений мы выносим за пределы нормы в арчинском, с одной стороны, синкопу предударных гласных, дающую нехарактерные начальные стечения согласных, и, с другой стороны, "прояснение" редуцированных, дающее неестественные чередования гласных.

11. Носитель языка, конечно, не ощущает границы между реализационными вариантами и близкими к ним категориальными, которые

Иная ситуация возникает в тех случаях, когда очевидной функциональной близости звуков (дополнительное распределение в морфах одних и тех же морфем) противоречит утверждение носителей языка об их различии (таково, например, положение с русскими "и" и "ы", немецкими ich-Laut и ach-Laut и др.). Реакция говорящих, очевидно, является показателем выхода за пределы того порога фонетической близости, на который ориентируется человек при обобщении через эталон. Из этого не обязательно следует, что объединение в одну фонему указанных пар звуков является лишь описательным приемом, не отражающим их реального психологического единства. Реакцию говорящих можно считать отражением особого аллофонического устройства фонем в подобных случаях: фонема ассоциирована в памяти не с одним, а с двумя или более фонетическими эталонами (основными вариантами), при которых имеются пометы об их контекстном употреблении [12]. Однако допустимо, на наш взгляд, и иное описание таких случаев, если только оно не слишком усложняет фонематическую систему в целом: в частности, арчинское ǯ, которое дополнительно распределено с ǩ', мы рассматриваем как отдельную (хотя и периферийную) фонему.

2. Независимо от аллофонического типа фонемы в фонематической записи отражаются лишь смыслоразличительные звуковые признаки. Если при матричной записи это не вызывает трудностей, то при гораздо более употребительной буквенной записи их возникает немало, т.к. общепринятый транскрипционный знак может выражать признак, нерелевантный для данного сегмента. Так, звонкость-глухость кратких непридыхательных взрывных нерелевантна в арчинском (см. Ф.22), однако общепринятые буквы для обозначения взрывных фонем, не содержащих этих признаков, отсутствуют. Вводить особые буквы крайне неудобно, поэтому фонема обычно записывается буквой, соответствующей ее основному варианту: этой традиции следуем и мы (в частности, для указанных арчинских взрывных используются буквы "b, d, g").

лингвист может отделить на основе типологических знаний. Поэтому нельзя считать, что через эталон объединяются лишь реализационные варианты (для них таким эталоном является звукотип).

12. Итак, мы предполагаем смешанный способ объединения звуков в фонему - через эталон и через множество эталонов. Сходный механизм предполагается и для объединения оболочек текстовых морф в стандартную словарную репрезентацию морфемы (см. Ф.112.3).

В нашей фонематической записи не используются "архифонемы", с помощью которых отражается позиционная нейтрализация смыслоразличительных признаков; соответствующие закономерности удобнее выражать в тексте описания, а не в самой записи.

В фонематической записи в принципе отражаются все функционально значимые фонетические элементы высказываний: кроме сегментных и супрасегментных различительных признаков, также и границы несегментных составляющих (слогов, фонетических слов, синтагм и фраз), скоррелированные с грамматическими границами и имеющие делимитативную функцию.

3. Синтагматические взаимозависимости между фонетическими элементами не соотнесены с функциональной ролью этих элементов: иногда значение различительного признака может зависеть от значения неразличительного. Так, в русском языке несмыслоразличительная мягкость звука [č,] предопределяет фонематическое качество последующего предударного гласного, в арчинском - недистинктивная геминированность интервокальных аффрикат ([Vc=cV] и др.) влияет на долготу предшествующего гласного. В подобных случаях при описании синтагматических закономерностей в фонематическую запись могут вноситься и недистинктивные фонетические элементы.

Выделение фонематического уровня может приводить к расщеплению одной фонетической закономерности на две - для различительных и неразличительных признаков. Так, в русском озвончение непарных глухих приходится описывать отдельно от озвончения парных, в арчинском ассимиляция n в сочетаниях с губными (n → m) описывается отдельно от ассимиляций в сочетаниях с язычными (n → n̪,ɲ,ŋ,N) (в первом случае результат ассимиляции - другая фонема, во втором - фонемные варианты). Нам представляется, что это не доказывает неадекватности фонематического уровня[13], а является одним из проявлений внутренней противоречивости звуковой системы: с одной стороны, она подчинена задаче смыслоразличения, с другой - имеет свои внутренние свойства, независимые от этой задачи.

Ф.112.3. Морфонематическое представление

Морфонематическая запись высказывания - исходная (при синтезе) форма его фонетической характеристики, получаемая после соположения извлеченных из словаря "представляющих" морф (см. Еськова и

13. На этом настаивают представители "порождающей" фонологии - см. Халле 1962, Халле, Хомский 1968.

др. 1971). Представляющая морфа есть результат обобщения наблюдаемых морф данной морфемы: к одной представляющей относятся морфы, которые могут быть выведены из нее на основе регулярных правил. При отсутствии регулярности морфема представлена в словаре двумя или более морфами, при них должны содержаться пометы о контексте употребления[14]. При синтезе фонетической характеристики высказывания из словаря извлекается либо единственная представляющая морфа, либо та из альтернативных, которая соответствует данному контексту.

В некоторых из современных лингвистических описаний допускается значительный отрыв морфонемных ("глубинных") форм от фонематических ("поверхностных") - они могут соотноситься на основе длинной цепочки правил, меняющих фонемный состав и устраняющих грамматическую разложимость слова. Хотя некоторые такие деривации используются и в настоящем описании[15], следует признать их условность: они скорее отражают историческое становление форм, чем реальную психологическую процедуру их синтеза. В общем случае мы исходим из близости словарных единиц к текстовым: любая наблюдаемая форма, которая выводится из более простых словарных сложным образом (особенно с затемнением внутренней грамматической структуры), может быть помещена в словарь в готовом виде даже при условии ее регулярности[16].

Как описательную условность следует рассматривать также использование в представляющих морфах особых "морфонологических" помет, позволяющих "регулярно" описывать их особое поведение в

14. Так арчинская морфема интеррогатива представлена в словаре морфами {ra} (после гласных) и {a} (после согласных), морфема со значением нахождения в сплошной среде (локализация "интер") представлена морфами {qI} (в конце слова) и {qIa} (не в конце слова).

15. Например, форма /dǝ+xčá+s/ "рвать (II)" выводится из {d+xǝšá+s̄} (→ dǝ+xǝšá+s → dǝ+xšá+s → /dǝ+xčá+s/), форма /kʰúm+mu++s/ "есть" - из {kₒen+bó+s̄} (→ kₒem+bó+s → kₒem+mó+s → kₒǝm+mó+s → kʰum+mó+s → /kʰum+mú+s/).

16. В таких случаях, по-видимому, редко соблюдается полная регулярность. Так, во втором из приведенных выше примеров (с /kʰum-mús/) необычно ударение на суффиксальной части глагола - это результат метатонии, связанной с утратой грамматической разложимости после ассимиляции на стыке (см. Ф.312.212).

определенных грамматических формах[17]. Формы, выводимые при участии таких элементов, для носителя языка, конечно, являются готовыми.

Ф.113. Особенности описания фонетической синтагматики и чередований

1. Термин "синтагматика" употребляется нами расширительно - имеются в виду не только законы сочетаний единиц данного Уровня, но и регулярные межуровневые зависимости[18]. Мы исходим из допущения, что все характеристики высказывания сосуществуют в сознании говорящего и соотнесены в соответствии со знаковым членением. На таком сосуществовании основано взаимовлияние характеристик разных Уровней, которое приводит к возникновению мотивированных межуровневых корреляций. Описывая структурные закономерности одного Уровня, мы можем обращаться к релевантным элементам других Уровней; формально это может выражаться в переносе релевантных элементов других Уровней в запись данного.

Вот почему в Ф.3 описываются не только законы совместной встречаемости фонетических единиц, но и зависимости распределения фонетических характеристик от грамматических и семантических. Мы не проводим в нашем изложении специального отграничения внутрифонетических закономерностей от закономерностей грамматико-фонетических и семантико-фонетических, т.к. внутриуровневые и межуровневые связи фонетических характеристик в арчинском языке (как и в любом другом) тесно переплетены.

Описать дистрибутивные закономерности - значит задать совокупность взаимно дополнительных разрешающих и запрещающих правил. Множество разрешающих правил определяет правильные фонетические структуры данного языка (при учете значимых для фонетики характеристик других Уровней), множество запрещающих правил определяет недопустимые комбинации фонетических характеристик с другими фонетическими либо с грамматическими или семантическими. Для сокращения изложения не всегда описываются оба дополнительных закона (разрешающий и запрещающий), т.к. один следует из другого.

17. Так, помета$_{\mu}$ при глагольной основе позволяет выводить формы на -ur (вместо -ar); помета $A_{синк}$ (альтернация синкопы) указывает на усечение конечного корневого гласного существительного в формах на -ƫu.

18. Нерегулярные межуровневые связи зафиксированы в словаре.

В арчинском выделяется три типа синтагматических закономерностей: первые характеризуют структуру несегментных фонетических составляющих, вторые - дистрибуцию сегментов с теми или иными признаками, третьи - распределение просодического признака фарингализации.

2. Важной особенностью нашего описания является тесная связь статического и динамического аспектов. Всякое чередование рассматривается как результат действия статических запретов, как бы выполняющих роль фильтров: если после извлечения из словаря представляющих морф и их соположения обнаружилось недопустимое сочетание фонетических характеристик друг с другом или с характеристиками других Уровней, то оно заменяется допустимым по некоторому правилу. Поэтому дистрибутивные законы и соответствующие чередовательные правила описываются вместе.

Правила чередований пронумерованы в соответствии с порядком изложения и могут быть легко извлечены из описания для использования в чисто динамической синтезирующей модели. Следует подчеркнуть, что, хотя порядок изложения и нумерация чередований частично отражают естественную иерархию фонетических законов и реально складывающийся порядок правил (так, удобно сначала описывать несегментные составляющие, т.к. правила, учитывающие слоговую границу, не могут продействовать, пока не произведено слогоделение), тем не менее форма правил никак не связана с порядком их применения. В принципе правила заранее не упорядочены[19], и их нумерация имеет лишь вспомогательный характер.

Ф.114. Транскрипция и орфография

1. Система транскрипционных знаков в данном описании отличается от использованной в наших работах 1970 и 1972 гг.: она приближена к традиционной кавказоведческой транскрипции на латинской основе. Сохранившиеся отличия в основных знаках касаются букв для латералов (здесь используются буквы для велярных с гачеком - ǩ, x̌, ɣ̌), для увулярного звонкого (R вместо ɣ) и для эмфатических ларингалов (ʿ вместо ω и H вместо ḥ)[20]. Отличия в диакритиках ка-

19. Такой подход в корне отличается от принятого в "порождающей" фонологии.

20. При обсуждении некоторых сравнительно-исторических вопро-

саются обозначения абруптивных (правая верхняя запятая вместо нижней точки – t', c') и сильных (верхняя черточка вместо знака ˠ – t̄, s̄, š̄)[21]. Кроме того, значок лабиализации помещается справа снизу, а не сверху – k_o', x_o. Фарингализация обозначается вертикальной чертой, как это принято в русской транскрипции для дагестанских языков – aI, qI.

Для различения уровней фонетической записи используются известные скобочные обозначения: [ ] для собственно фонетического уровня, / / для фонематического и { } для морфонематического.

Границы морф обозначаются знаком +, внутренняя граница морфологических слов в составе фонетического – дефисом, граница фонетического слова – пробелом, граница синтагмы – знаком |, граница фразы – ||, слоговая граница – знаком =. Знаки +, =, |, || сохраняются в записи лишь тогда, когда они релевантны для изложения, в прочих случаях они для сокращения опускаются.

2. Для представления образцов арчинской речи в нефонетических разделах описания используется фонематическая запись, подвергнутая некоторым изменениям, приближающим ее к морфонематической. Эти изменения призваны облегчить читателю восприятие грамматической структуры слов, которая затемняется из-за обилия морфных вариантов одних и тех же морфем и слияния морф[22]. Соглашения, определяющие отличия орфографической записи от фонематической, перечислены в Ф.54.

Ф.12. О НЕКОТОРЫХ ФОНЕТИЧЕСКИХ ТРАКТОВКАХ

Ф.121. К классификации поствелярных артикуляций

Поствелярная область речевого тракта разделяется на две зоны:

сов используются необщепринятые знаки для задних нелабиализованных гласных – ʉ, ɵ (перечеркнутые буквы соответствующих лабиализованных).

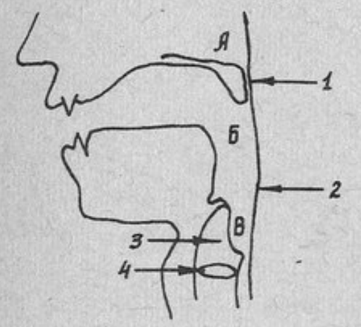
21. По техническим причинам при наличии гачека черточка ставится под ним.

22. "Чистая" морфонематическая запись, будучи удобной для грамматического анализа, во многих случаях очень далека от реального произношения и требует знания многочисленных правил "чтения". Кроме того, она представляет наблюдаемый материал в неявном, реконструированном виде, тогда как не все предлагаемые авторами

фарингальную и ларингальную. Описания дагестанских звуков, артикулируемых в этих зонах, страдают неединообразием и непоследовательностями (это касается как локализации, так и других признаков). В данном параграфе представлена попытка уточнения артикуляционной классификации и упорядочения терминологической номенклатуры для этих звуков.

а) Фарингальные артикуляции

1. Фаринкс (глотка) – протяженный отдел речеобразующего аппарата, членящийся на три части: носоглотка, ротоглотка (зев), гортанноглотка (см. рис. 1).



А – носоглотка,
Б – ротоглотка,
В – гортанноглотка;

1 – верхнефарингальная артикуляционная зона,
2 – нижнефарингальная артикуляционная зона,
3 – надсвязочный проход,
4 – межсвязочный проход (глоттис)

Рис. 1

В фаринксе выделяется две артикуляционных зоны: верхняя – на уровне границы носоглотки и ротоглотки, т.е. в области, где увула прилегает к задней стенке глотки при произнесении неназализованных звуков, нижняя – на уровне границы ротоглотки и гортанноглотки, т.е. на уровне корня языка. В существующих описаниях кавказских языков термин "фарингальный" употребляется непоследовательно для обозначения как верхнефарингальных, так и нижнефарингальных артикуляций, причем к нижнефарингальным звукам часто ошибочно причисляются и так называемые "эмфатические" ларингалы.

Наиболее точно отражали бы локализацию рассматриваемых звуков термины "верхнефарингальный" и "нижнефарингальный" (для дополнительного признака тогда бы использовался термин "нижняя фарингализация"). Однако эти термины очень громоздки; гораздо более удобными представляются однозначные названия "увулярный" для зву-

---

деривации бесспорны.

ков первого рода и просто "фарингальный" (соответственно – "фарингализованный") для артикуляций второго рода, именно такие названия используются во многих дагестановедческих сочинениях. Отметим, что термин "увулярный" указывает лишь место фарингального сужения, а сама увула при производстве увулярных совершенно пассивна[23].

2. Увулярные шумные образуют обычную подсистему, содержащую смычные и фрикативные. В некоторых описаниях фрикативные относят к велярному ряду, иногда помещая к тому же эмфатические ларингалы на их место. Однако принадлежность x и R к увулярному ряду с полной очевидностью подтверждается историческими и синхронными чередованиями ($\widetilde{q} \rightarrow$ R, q' → R, q → x). Несколько более переднее положение языка в случае фрикативных объясняется тем, что артикуляция увулярных осуществляется смещением языка не в вертикальной плоскости, как это имеет место в случае небных звуков, а преимущественно в горизонтальной плоскости; фрикативные, естественно, артикулируются не так глубоко, как смычные.

Особенностью увулярного ряда является неопределенность его смычных в отношении признака взрывной-аффриката. Аффрикаты, в отличие от взрывных, характеризуются большей площадью смыкания и наличием фрикативного отступа, связанного с инерцией размыкания широкой смычки. Увулярные смычные в дагестанских языках в большинстве случаев выступают как аффрикаты. Исключением могут являться абруптивный и сильный, характеризуемые напряженной артикуляцией: они имеют более "точечное" смыкание и более быстрое (нефрикатизованное) размыкание.

3. Фарингальные фрикативные[24], по-видимому, являются уникальной особенностью агульских диалектов, в то же время дополнительный признак фарингализации (см. Ф.122) широко распространен в дагестанских языках, и, в частности, очень богато представлен в арчинском.

Фарингализация часто сочетается с увулярными артикуляциями, причем ввиду их близости происходит тесное артикуляторное взаимодействие, дающее реализации, категориальная переинтерпретация

23. На рентгенограммах видно, что при произнесении смычных этого ряда задняя часть языка прижимает увулу к задней стенке глотки (см. Гаприндашвили 1965, Делаттр 1971).

24. В более аналитичной терминологии – нижнефарингальные (ср. термин А.А.Магометова "глубоко-фарингальные" (см. Магометов 1970).

которых весьма вероятна.

Фарингализация может сочетаться с разными типами ларингалов – простыми и эмфатическими. Имеется определенная близость артикуляций фарингализации (сужение нижней глотки) и эмфатизация (сужение гортани), однако, как мы увидим, это независимые фонетические категории.

б) Ларингальные артикуляции

До сих пор отсутствует адекватная и полная классификация ларингальных согласных. Это верно как для дагестанских, так и для универсальных фонетических описаний. Предлагаемая классификация основана на данных дагестанских и некоторых других языков, факты которых автор сам наблюдал[25].

Подсистема ларингалов имеет специфическую организацию. Два артикуляторных параметра отвечают за образование всех согласных – 1) положение голосовых связок: они могут быть в нейтральном положении, т.е. сведены, сомкнуты (сильно или слабо) и разведены (полностью или частично)[26], 2) положение хрящей гортани, образующих надсвязочный проход: они могут быть в нейтральном положении, т.е. разведены, умеренно сведены и сильно сведены. В табл.1 представлены возможные комбинации ларингальных признаков и знаки для соответствующих звуков.

Таблица 1

Классификация ларингальных звуков

Состояние надсвязочного прохода \ Положение голосовых связок	Сведены	Сомкнуты	Разведены
Раскрыт		ʔ (ʾ)	h (ɦ)
Умеренно сужен	ʿ	ʢ (ʕ)	ħ (ɦ)
Сильно сужен	ʕ	ʢ	H

25. Из дагестанских сюда относятся: арчинский, хиналугский, диалекты агульского, табасаранского, лакского, цахурского, рутульского, лезгинского, даргинского; из прочих – арабский и алюторский (один из камчатских).

26. Те же состояния связок характеризуют ларингальные признаки шумных других рядов.

Кратко охарактеризуем все клетки таблицы. В первой строке представлены простые ларингалы[27]: ʔ - "твердый" приступ (сильное смыкание связок), ʾ - "мягкий" приступ (слабое смыкание); h - глухое придыхание (полное разведение связок), ɦ - звонкое придыхание (частичное разведение).

ʔ и ʾ, h и ɦ, по-видимому, не бывают противопоставлены (всегда являются фонемными вариантами). Распределение этих вариантов в арчинском (см. Ф.22) типично для многих (но не всех) дагестанских языков.

2-ю и 3-ю клетку второй строки заполняют звуки, которые удобно называть "эмфатизованными" ларингалами: их основные артикуляции совпадают с артикуляциями звуков 1-й строки, но на них накладывается дополнительный признак эмфатизации (умеренного сужения надсвязочного прохода).

ʔˁ и ʾˁ - эмфатизованные гортанные смычки, ḥ и ɦ̣ эмфатизованные придыхания. ʔˁ и ʾˁ, ḥ и ɦ̣ выступают обычно как фонемные варианты, причем характерно, что их распределение внутри языка соответствует распределению вариантов простых ларингалов.

ˁ - эмфатический глайд, не имеющий соответствия в простых ларингалах, он довольно близок к звуку ʾˁ и может с ним варьироваться. Положение эмфатического глайда относительно эмфатизации аналогично положению палатального глайда относительно палатализации, лабиального глайда относительно лабиализации, велярного глайда относительно веляризации.

Третью строку заполняют собственно эмфатические шумные ларингалы, у этих звуков основная артикуляция - сужение надсвязочного межхрящевого прохода, а связочная артикуляция - дополнительная (как у шумных других рядов). ʕ - звонкий фрикативный (степень шумности может быть больше или меньше, менее шумный близок к ɦ̣), ḤḤ - глухой фрикативный, ʢ - сочетание сильного сужения надсвязочного прохода с твердым приступом (встречено лишь в агульских диалектах)[28].

Эмфатизованные и собственно эмфатические ларингалы в большинстве случаев удобно объединить общим названием "эмфатические ларингалы"[29], т.к. их различие, по-видимому, крайне редко используется для смыслоразличения[30]. В то же время мы имеем здесь дело не с автоматическими вариантами чисто реализационного характера: разные фонетические системы характеризуются разными эмфатическими ларингалами или разным распределением вариантов соответствующих фонем. Так, арчинский использует звуки 2-й и 3-й строк, тогда как даргинский (с. Чираг) - только второй.

Поскольку внутри одного языка противопоставлены обычно лишь два эмфатических ларингала, в фонематической записи удобно использовать всегда два постоянных транскрипционных знака, давая их фонетическую расшифровку в описании. В данной работе используются знаки ˁ и ḤḤ, наиболее удобные в типографском отношении (они соответствуют знакам ʕ и ɦ̣ в МФА, ω и ḥ, в транскрипции грузинских языковедов и диграфам гI и хI в транскрипции на русской основе).

Как видно из предыдущего изложения, подсистема ларингальных звуков принципиально отличается от подсистем звуков других рядов и должна, по нашему мнению, рассматриваться отдельно от подсистем других рядов.

Ф.122. О фарингализации

1. Артикуляционные описания дагестанской фарингализации (Бокарев 1959, Джейранишвили 1959, Гаприндашвили 1965) можно обобщить и несколько переинтерпретировать следующим образом. Главная двигательная инструкция при фарингализации - напряжение сфинктерных мышц нижней части глотки и корня языка. Оно приводит к отвердению и сжатию стенок глотки и смещению назад корня языка. Получающееся сужение глоточного прохода локализовано, таким образом, на уровне корня языка.

Побочными эффектами этой основной артикуляции являются: 1) незначительное сужение гортани, приводящее к понижению тона голоса, 2) смещение тела языка, приводящее к заметным

---

27. Первая клетка, естественно, не заполнена: никакого ларингального согласного такое сочетание артикуляций не дает.

28. Потенциально возможен также эмфатический смычный, однако в нашей практике он не встретился.

29. Термин "эмфатический" для обозначения звуков, производимых с сужением надсвязочного прохода, представляется удачным: он хорошо отражает ощущение особого артикуляторного усилия, сопутствующее сжатию хрящей гортани.

30. Нам известен единственный случай такого противопоставления; оно представлено парой ʔ - ʕ (агульский язык, с.Тпиг); характерно, что противопоставленные звуки отличаются одновременно и связочной и надсвязочной артикуляцией.

изменениям язычной артикуляции фарингализованного звука[31]. Общим местом в большинстве работ является указание на палатализующее (умлаутизирующее) влияние этого смещения на язычную артикуляцию. Однако наблюдения над произношением фарингализованных в разных языках обнаруживают заметные различия в характере язычного смещения. В частности, побочную язычную артикуляцию в арчинском языке скорее следует определить как веляризующую (см. Ф.23). В цахурском, рутульском, лакском, даргинском языках фарингализация как бы нейтральна относительно палатализации-веляризации: имеются разные комбинации смещения языка, вызванного фарингализацией, с собственной язычной артикуляцией тех или иных звуков. Если в случае апикальных и свистящих фарингализация может приводить к некоторой палатализации[32] (цахурский), то палатализации других согласных обычно не наблюдается. Что касается гласных, то фарингализованные гласные этих языков довольно далеки от умлаутизированных.

В то же время в табасаранском языке гласные в фарингализованных слогах сильно умлаутированы (aI очень близко к ä, uI - к ü), характерна также нейтрализация противопоставления фарингализованных и простых увулярных в слогах с гласными переднего ряда. Менее заметное палатализующее влияние оказывает фарингализация в лакском и даргинском языках.

Отмеченные различия касались лишь побочной язычной артикуляции, но не основного артикуляционного механизма фарингализации, общего, по-видимому, для всех дагестанских языков. Различия эти не мешают отчетливо воспринимать на слух фарингализованные во всех языках, что указывает на наличие единого акустического признака фарингализации, отражающего общее для всех языков нижнефарингальное сужение.

2. Необходимо специально остановиться на отличии фарингализации от того фонетического признака, который Н.С.Трубецкой называет "эмфатической палатализацией". Ведущим артикуляционным движением при производстве эмфатически палатализованных звуков является сильное сжатие и подъем гортани (см. Трубецкой 1931, 1960), по-видимому, оно сопровождается побочным сужением нижнефарингального прохода. Акустическим эффектом этой артикуляции является палатализация согласных и умлаутизация гласных, а также характерное

31. Смещение языка при произнесении фарингализованных гласных в даргинском хорошо описано в Гаприндашвили 1965.

32. Точнее, по-видимому, было бы говорить о сдвиге основной артикуляции из зубной зоны в альвеопалатальную.

хриплое качество голоса. Из дагестанских языков эмфатическая палатализация представлена, по-видимому, лишь в агульском, из других языков Кавказа - в нахских.

Эмфатическая палатализация и фарингализация не сочетаются внутри одного языка - они как бы дополнительно распределены по языкам и поэтому в существующих описаниях отождествляются. В ряде случаев очевидно их единое происхождение (ср. слова с эмфатически палатализованными увулярными агульского языка и фарингализованными увулярными прочих дагестанских языков). Однако фонетическая природа этих признаков и их место в системах конкретных языков явно различны. По отдельным языкам наблюдаются как бы разные стадии перехода одного признака в другой: если в агульском представлена эмфатическая палатализация, то в табасаранском - фарингализация с сильной палатальной окраской, в даргинском и лакском - фарингализация со слабой палатальной окраской, а в арчинском, рутульском и цахурском - нейтральная или даже веляризующая фарингализация.

Известный параллелизм обнаруживается и в распределении по языкам разных эмфатических ларингалов. Так, в агульских диалектах они характеризуются сильным сжатием гортани и палатализованностью, в табасаранском, лакском и рутульском они представлены (умеренно) эмфатизованными и одновременно фарингализованными звуками, в даргинском встречаются эмфатизованные ларингалы как в сочетании с фарингализацией, так и без нее. Во всех перечисленных языках невозможны простые ларингалы в фарингализованных слогах. Иное положение в арчинском и цахурском языках, где фарингализация совершенно отделена от эмфатизации, а в фарингализованных слогах выступают простые ларингалы.

Отметим, наконец, отличие фарингализации от той дополнительной артикуляции в арабском языке, которую тоже иногда называют "фарингализацией"[33], или "эмфатизацией". Здесь происходит смешение названий для дополнительных артикуляций, относящихся к разным областям фаринкса; дагестанские фарингализованные характеризуются сужением в нижней части глотки, тогда как арабские - сужением в верхней части (на уровне увулы)[34]. Верхнюю фарингализацию удобно называть "увуляризацией"[35].

33. См., например, Якобсон и др. 1960.

34. По нашим наблюдениям, в иракском диалекте верхнефарингальное сужение может сопровождаться сжатием гортани, для такой артикуляции термин Н.С.Трубецкого "эмфатическая веляризация" (см. Трубецкой 1960) является совершенно адекватным.

35. Такая номенклатура принята, например, в Халле, Хомский 1968.

3. Фонетически фарингализация нередко распространяется на несколько сегментов. Возможности сочетания фарингализации с теми или иными звуками и закономерности распределения фарингализованных звуков в слове заметно отличаются по языкам, что находит отражение в раалличиях фонематических интерпретаций этого признака. Так, в описаниях табасаранского (1965), агульского (1970) и кубачинского (1963) языков А.А.Магометов относит фарингализацию к согласным, в описаниях других языков, в том числе арчинского, фарингализация обычно относится к гласным[36]. Общей чертой всех описаний является сегментная интерпретация фарингализации.

В данной работе принята трактовка фарингализации как просодического признака, это позволяет наиболее адекватным образом описать ее функционирование в арчинском (см. Ф.23). Возможно, что и для некоторых других дагестанских языков такое решение позволило бы преодолеть описательные трудности, связанные с этим признаком.

Ф.123. О ларингальных признаках шумных

1. Классификация шумных в дагестанских языках (в том числе и в арчинском) представляет известные трудности в связи с наложением трех видов фонетических корреляций: звонкий - глухой, непридыхательный - придыхательный - абруптивный, сильный - слабый. Поскольку некоторые значения этих трех признаков связаны (придыхательность предполагает глухость, ненапряженность и непридыхательность - звонкость и т.д.), возможными оказываются разные системы признаковых определений. Так, можно встретить следующие варианты описания коррелятивных четверок взрывных (d-t^h-$\underline{t}$-t' и т.п.) : звонкий - придыхательный - непридыхательный - абруптивный, звонкий - глухой несильный - сильный - абруптивный, звонкий - придыхательный - сильный - абруптивный, звонкий - глухой придыхательный - глухой прерупти вный - глухой абруптивный и т.д.[37].

Современные описания работы голосовых связок основаны на модели, предполагающей автоматический характер их колебаний: двига-

36. См. Бокарев 1969, Микаилов 1967, Ибрагимов 1968 и др. О фонематических трактовках фарингализации см. Ибрагимов 1974.

37. См., напр., Языки народов СССР, т.4. Разнобой в номенклатуре усугубляется наличием синонимичных названий для абруптивных (смычно-гортанные и т.д.) и сильных (интенсивные, напряженные и т.д.).

тельные команды управляют положением и натяжением связок, а колебания связок сами возникают при наличии подходящего по величине потока воздуха между ними[38]. Итак, звонкость-глухость звука зависит от двух главных факторов: от состояния связок (сведены, сомкнуты или разведены они, напряжены они или нет) и от величины потока воздуха между связками (она тем выше, чем больше разница подсвязочного и надсвязочного давлений). Рассмотрим с точки зрения этой модели особенности дагестанских шумных. Начнем со смычных.

2. Сведенное положение голосовых связок[39] характерно для всех типов звонких звуков: гласных, сонорных и шумных. Однако озвончение в этом положении происходит не всегда: оно может предотвращаться из-за недостаточного потока воздуха через голосовую щель, либо из-за чрезмерной напряженности связок. Именно такие условия возникают при произнесении сильных (типа $\underline{t}$,$\underline{p}$,$\underline{c}$ и т.п.). Величина потока воздуха падает из-за наличия напряженной ротовой преграды (проходящий через голосовую щель воздух нагнетается во рту и разница подсвязочного и надсвязочного давлений быстро уменьшается); возникновению колебаний, по-видимому, препятствует и повышенная напряженность самих связок при произношении сильных[40].

Близость ларингальной артикуляции таких пар звуков, как d - $\underline{t}$, b - $\underline{p}$, $\jmath$ - $\underline{c}$, несомненна: при ослаблении сильные переходят в соответствующие звонкие ($\underline{t}$ → d, $\underline{p}$ → b, $\underline{c}$ → $\jmath$ → z и т.п.)[41], при усилении звонкие дают глухие сильные (d → $\underline{t}$, b → $\underline{p}$ и т.п.);

38. См. Халле, Хомский 1968, Халле, Стивенс 1971, Ладефогед 1971 и литературу, указанную в Кодзасов 1968. Модели, предлагаемые в указанных работах, в ряде отношений различны, однако для данного изложения эти различия несущественны.

39. Сведение связок характеризует нейтральную позицию речевых органов (речевую позу); такое положение связки принимают перед началом говорения (см. указ. в предыдущей сноске соч.).

40. Недавними исследованиями установлено, что русские глухие также произносятся со сведенными голосовыми связками, однако для русского языка предполагается иная причина оглушения (см. Венцов 1969).

41. Здесь и ниже мы имеем в виду как синхронные, так и исторические процессы, типичные для дагестанских языков. Следует учесть, что одна и та же сильная фонема может быть представлена непридыхательным звуком перед гласным и придыхательным звуком перед согласным и в конце слова, в последнем случае при ослаблении она дает придыхательный.

характерно, что носители дагестанских языков нередко трактуют сильные как двойные звонкие (см. Ибрагимов 1968). Парадоксальность ситуации с сильными звуками типа $\underline{\tilde{t}}, \underline{\tilde{p}}, \underline{\tilde{c}}$ (связки в положении, типичном для озвончения, но не колеблются) является причиной их весьма разнородных описаний (часто используется специальный термин "прерупти́вный"). Нам, однако, представляется, что указанные слабые и сильные смычные с точки зрения ларингального качества должны быть охарактеризованы одним и тем же различительным признаком, т.к. различие их по звонкости-глухости является автоматическим следствием различия по силе. С точки зрения акустической, как слабые, так и сильные смычные этого типа имеют одинаковый (немаркированный) отступ, что отличает их от придыхательных и абруптивных.

Полное разведение связок приводит их в состояние, при котором озвончение невозможно вне зависимости от наличия или отсутствия артикуляторного напряжения[42]. Акустически состояние разведения связок проявляется в наличии придыхательного отступа.

Еще один тип ларингальной артикуляции, характерный для дагестанских смычных,- сведение и плотное смыкание связок. Смыкание гортани позволяет использовать ее как поршень, поднятие которого сдавливает воздух во рту. Колебания связок при этом невозможны. Размыкание ротовой преграды сопровождается несколько задержанным размыканием гортанной смычки. Акустический эффект первого размыкания - резкий (абруптивный) шумовой отступ, гортанное размыкание не столь заметно.

Дезабруптивизация заключается в устранении смыкания и подъема гортани, при этом сохраняется сведение связок, поэтому при дезабруптивизации слабых происходит переход в соответствующие звонкие ($t' \rightarrow d$, $c' \rightarrow z$ ($\rightarrow \dot{z}$) и т.п.), а при дезабруптивизации сильных- в соответствующие глухие ($\tilde{c}' \rightarrow \tilde{c}$, $\check{\tilde{c}}' \rightarrow \check{\tilde{c}}$ и т.п.).

3. Суммируем наше краткое описание ларингальных артикуляций и соответствующих акустических признаков дагестанских смычных в таблице 2.

Из таблицы видно, что рассматриваемая фонетическая корреляция артикуляционно основана на различии в положении связок, а в слуховом отношении - на различии в характере отступа. Поэтому предлагается такая номенклатура: согласные с немаркированным отступом

42. Озвончение возможно при частичном разведении связок: так производятся звонкие придыхательные, встречающиеся в индийских языках (см. Ладефогед 1971).

Таблица 2

Ларингальные признаки дагестанских смычных

Звуки (примеры)	d z $\tilde{t}$ $\tilde{c}$	t^h c^h $\tilde{c}^h$	t' c' $\tilde{c}'$
Ларингальная артикуляция	Сведенные связки	Разведенные связки	Сомкнутые связки
Акустическая характеристика выдержки	Глухость (сильные) Звонкость (слабые)	Глухость	Глухость
Акустическая характеристика отступа	Немаркированный отступ	Придыхательный отступ	Резкий (абруптивный) отступ

называем "непридыхательными" (опуская характеристику "неабруптивные"), прочие - по маркированному отступу:"придыхательные" и "абруптивные"[43]. Артикуляционные ярлыки явно были бы неудобны.

Звонкость выдержки в большинстве случаев может играть лишь побочную роль, указывая на слабость непридыхательного. Характерно, что в языках, где сильные взрывные противопоставлены слабым лишь в интервокальном положении (арчинский), либо вообще не противопоставлены (рутульский), звонкие взрывные варьируются с глухими, что подчеркивает нерелевантность этого признака для взрывных. Однако в лезгинском языке, где сильные непридыхательные дали слабые глухие непридыхательные[44], противопоставление звонких и глухих непридыхательных дистинктивно. Лезгинские четверки типа d-t-t^h-t' описываются признаками: непридыхательный звонкий - непридыхательный глухой - придыхательный - абруптивный.

4. Внутренние фонетические свойства фрикативных противоречат противопоставлению их по характеру отступа. Во-первых, нетипичен абруптивный член этого противопоставления. Во-вторых, наличие или отсутствие придыхательного отступа не может быть основой слухового противопоставления фрикативных звуков задних рядов (латераль-

43. Такая система описания удобна для троичных ларингальных признаков, для двоичного противопоставления могут использоваться другие признаки (см., в частности, описание арчинских аффрикат в Ф.22).

44. Ослабление напряжения, по-видимому, коснулось лишь ротовой артикуляции; напряженность голосовых связок сохранилась, этим объясняется глухость рефлексов бывших сильных.

ных, велярных, увулярных) ввиду практического слияния шума придыхания с шумом фрикации этих звуков.

Итак, слуховое противопоставление фрикативных не может быть ориентировано на акустический характер отступа (лишь в случае сибилянтов наличие-отсутствие придыхания хорошо слышно). Оно явно ориентировано на различие в акустическом характере выдержки - глухой при разведенных связках и при сведенных связках в случае сильных, звонкой при сведенных связках в случае слабых[45]. Характерно, что сильные фрикативные никогда не ощущаются дагестанцами как удвоенные звонкие и обычно не переходят в звонкие. Следовательно, ведущим ларингальным признаком для фрикативных оказывается различие по глухости - звонкости. Заметим, что и в других языках мира смычные гораздо чаще противопоставлены по характеру отступа, чем фрикативные.

Ф.124. Об употреблении терминов "сильный" и "геминированный"

Динамический, а не количественный характер известного дагестанского противопоставления уже давно показан Трубецким (см. Трубецкой 1926). В данном описании мы пользуемся его терминами "сильный"-"слабый" из работы 1931 г.; термины "тяжелый" - "легкий", предложенные в "Основах фонологии", явно менее удачны. Указанные термины представляются также более удобными, чем синонимичные пары "усиленный" - "неусиленный", "интенсивный" - "неинтенсивный", "напряженный" - "ненапряженный". В транскрипции сильные отмечаются черточкой над буквой.

В употреблении термина "геминированный" мы также в основном следуем за Трубецким: геминатами называются звуки, приступ и отступ которых относятся к разным слогам. Сильные фонемы могут быть реализованы как сильными геминированными звуками (-$\overline{\text{s=s}}$-, -$\overline{\text{k=k}}$-)[46], так и сильными негеминированными звуками (=$\bar{\text{s}}$-, =$\bar{\text{k}}$-, -$\bar{\text{s}}$=, -$\bar{\text{k}}$=). Геминированными звуками могут быть представлены и слабые фонемы (в арч. аффрикаты: -c=c-, -q=q- и др. - и глайды: -j=j-, -w=w-).

Существует два типа сильных аффрикат: с напряженной смычной частью и с напряженной фрикативной частью. Первый тип характерен

45. Возможно, что ларингальная артикуляция сильных фрикативных несколько отличается от артикуляции звонких.

46. Напомним, что = есть знак слогораздела.

для языков, где имеются также и сильные взрывные: лезгинских, лакского, даргинского. В этих языках абруптивные аффрикаты, как правило, не бывают сильными - арчинский в этом отношении является исключением. Неабруптивные сильные аффрикаты в качестве основных вариантов имеют непридыхательные звуки, придыхательные варианты выступают лишь в конце слога. Сильносмычные аффрикаты могут быть реализованы геминированными и негеминированными звуками (=$\bar{\text{c}}$-, -$\overline{\text{c=c}}$-, -$\bar{\text{c}}^{\text{h}}$=).

Второй тип (сильнофрикативные аффрикаты) встречается лишь в языках аваро-андийской группы, где нет сильных взрывных, и представлен абруптивными и придыхательными фонемами. Эти аффрикаты геминатами не бывают.

Ф.125. О нейтрализации противопоставления по лабиализованности

Согласно универсальным законам коартикуляции, лабиальная артикуляция гласного накладывается на предшествующий согласный, так что на уровне фонетической реализации согласный в этой позиции лабиализован. В языках, где нет противопоставления согласных по лабиализации, их реализационная лабиализованность перед u не переосмысляется как категориальная и функционально не проявляется. Иное дело в дагестанских языках, где такая корреляция имеется: согласные, парные по признаку лабиализованности, в положении перед u функционируют (и нередко ощущаются носителями языка) как лабиализованные - при выпадении u предшествующий согласный сохраняет лабиализацию (арч. /márxu/ "корень" - /márx$_{\text{o}}$du/ "корни", /'áxu-k^{h}ès/ "спать" - /'áx$_{\text{o}}$-èt̄i/ "спал" и т.п.). Итак, в положении перед u происходит нейтрализация указанного противопоставления, причем в позиции нейтрализации выступают лабиализованные члены корреляции.

В фонетической и фонематической записи мы обычно не отмечаем лабиализованность согласных перед u, однако в случаях, когда это помогает понять суть обсуждаемых фонетических процессов, она показана в скобках.

При прибавлении к лабиализованному согласному гласного u он оказывается в позиции нейтрализации (арч. /bak$^{\text{h}}_{\text{o}}$/ "бок" - /bák̄$_{(\text{o})}$ur/ "бока", /č'iník$^{\text{ʒ}}_{\text{o}}$/ "коса" - /činík$^{\text{ʒ}}_{(\text{o})}$ur/ "косы"). Обычно говорят в таких случаях о "делабиализации" (см., в частности, Микаилов

1967, стр.38), однако это не вполне отражает суть дела: согласный сохраняет лабиализацию, но не может быть противопоставлен нелабиализованному.

Нейтрализация противопоставления по лабиализованности перед u происходит только в том случае, когда согласный имеет w-образную дополнительную артикуляцию (она совпадает с лабиальной составляющей гласного). Нейтрализации нет, когда согласный имеет v-образную артикуляцию ("дентолабиализованные" табасаранского языка) или ρ-образную дополнительную артикуляцию (лакские сибилянты в словах $c_{\rho}'u$ "соль", $\check{c}_{\rho}u$ "лошадь").

Нейтрализация противопоставления по лабиализованности происходит и перед o, однако характер нейтрализации (лабиализация или делабиализация) зависит от характера вокалической системы, определяющего фонетическое качество этого звука (о положении в арчинском см. в Ф.333).

Ф.2. ПАРАДИГМАТИКА

Ф.21. ВОКАЛИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

Ф.211. Гласные фонемы и их признаковое описание

Ф.211.1. Основные гласные

Систему основных гласных арчинского языка образуют пять "полных" фонем: /i/, /e/, /a/, /o/, /u/ и редуцированный /ə/. Эти фонемы описываются различительными признаками ряда (передний - непередний), подъема (верхний - средний - нижний) и лабиализованности (лабиализованный - нелабиализованный) (см. табл.3). Дадим артикуляционную характеристику основных вариантов этих фонем.

Таблица 3

Гласные фонемы арчинского языка

	Передние		Непередние			
			нелабиализованные		лабиализованные	
	краткие	долгие	краткие	долгие	краткие	долгие
Верхние	i	$\bar{i}$			u	$\bar{u}$
Средние	e	$\bar{e}$	ə		o	$\bar{o}$
Нижние			a	$\bar{a}$		

Арчинские передние гласные (/i/, /e/) имеют несколько более заднюю локализацию, чем передние в других лезгинских языках и, коартикулируя с предшествующими согласными, не палатализуют их, либо палатализуют умеренно. Непередние нелабиализованные (/a/, /ə/) локализуются в центральном ряду. Непередние лабиализованные (/u/, /o/) занимают задний неглубокий ряд (в отличие от глубоких задних в других лезгинских языках), при коартикуляции с предшествующими согласными они не придают им оттенка веляризованности.

Средние гласные (/e/, /o/) в основном виде произносятся без сдвига в сторону сужения или расширения. Нижний гласный /a/ представлен нормальным широким звуком (в отличие от суженного (средне-нижнего) звука соседнего лакского языка).

Степень лабиализации у узкого /u/ значительно больше, чем у среднего /o/. Отсюда и степень лабиализованности согласных перед /u/ существенно выше, чем перед /o/, что ведет к различиям в функционировании и в фонематической трактовке этих согласных (см. Ф.333).

В целом арчинский вокализм представлен типичной треугольной системой, причем характерна его "централизация" (сдвиг переднего и заднего рядов к центральному, использование в качестве нейтрального сегмента редуцированного гласного центрального ряда).

Все основные гласные широко употребительны в исконных словах, их статистика представлена в Ф.52, ограничения на распределение описаны в Ф.3.

Ф.211.2. Долгие и краткие гласные

Все полные гласные вступают в противопоставление по долготе (/i/ - /ī/, /e/ - /ē/, /a/ - /ā/, /o/ - /ō/, /u/ - /ū/), редуцированный /ə/ долгого коррелята не имеет.

Долгие гласные не являются напряженными и по качеству не отличаются от соответствующих кратких, если не считать незначительной дифтонгизации в конце в некоторых случаях ([ē̯], [ī̯], [ō̯], [ū̯]).

Долгие гласные превышают краткие по длительности приблизительно в 1,5 раза (цифровые данные представлены в Ф.51).

Долгота гласных в большинстве случаев выступает как экспрессивный признак, однако есть немало слов, в которых она не имеет такой мотивированности (см. Ф.214, Ф.322).

Ф.212. Примеры на гласные фонемы

В качестве примеров использованы изолированно произнесенные слова (в основном исконные). Гласные представлены в разных позициях: в начале (после '), в конце и середине слова, под ударением и в безударном положении, в фарингализованных и нефарингализованных слогах[47].

/i/: /'imc'/ "мед", /č'in/ "блоха" /ǩ'ilí/ "седло", /'úrǩi/ "лопух", /híImp'i/ "плакса";

/ī/: /'ǩ'en/ "все", /t'ǩnna/ "мало", /lǩ'i/ "осколок камня";

/e/: /'ébi/ "сюда", /génuk^h/ "яйцо", /k'ént'er/ "капает", /'eIč/ "знак", /č'eIn/ "стена";

/ē/: /bēxuēut^h/ "высокий"[48], /'ówēnnut^h/ "все сделанное", /hēIt'u/ "не-придет";

/a/: /'aq/ "стопа ноги", /bat^h/ "рог", /hawá/ "воздух", /xíta/ "потом", /baIš/ "мера зерна (12 кг)", /'aIns/ "яблоко";

/ā/: /lāxəēut^h/ "длинный", /jāhas/ "веять", /'ák^{h}dāt'u/ "не уйдет", /bāIbus/ "разговаривать";

/o/: /'oj/ "ухо", /k^{h}ot'/ "большая корзина", /ákon/ "свет", /'oIč/ "хвост", /gəróI/ "шарик";

/ō/: /bōnis/ "немного", /'ōk'ur/ "медленно", /'éq'ōt'u/ "не укусит", /dōIzut^h/ "большой";

/u/: /'ux/ "поле", /'urí/ "жеребенок", /k^{h}ul/ "кисть руки", /duǩúr/ "уздечка", /gát^{h}u/ "кошка", /'úIrbət'i/ "лягушка";

/ū/: /mūši/ "хорошо", /xūt'u/ "не встанет (I кл)", /'urūInu/ "и уголь";

/ə/: /'əjóm/ "уши", /bəšór/ "мужчина", /'óc'əla/ "огниво", /'əInt^{h}ór/ "головы (женские)", /həIlótut^h/ "жидкий".

---

47. В данном описании фарингализация рассматривается как супрасегментный признак (см.Ф.232.1). Знак фарингализации после гласного (I) символизирует "центр" целого комплекса фарингализованных звуков. Мы не рассматриваем отдельно фарингализованных и нефарингализованных гласных фонем, как не рассматриваются в качестве отдельных сегментных фонем ударные и безударные гласные.

48. В большинстве примеров фонетического раздела адъективы и глаголы представлены в форме IУ класса, что не отражается в переводах; если встречается форма иного класса, то это отмечено в переводе в скобках.

Ф.213. Фонетическое варьирование гласных

В данном параграфе рассматривается фонетическое варьирование гласных, обусловленное их сегментным окружением и темпом речи. Влияние супрасегментных признаков ударения и фарингализации на качество гласных описывается в Ф.23.

Ф.213.1. Особенности коартикуляции с согласными и ассимилятивное влияние соседних звуков

1. В арчинском языке гласные коартикулируют с начальнослоговыми согласными и не коартикулируют с согласными конца слога или последующего слога[49]. Коартикуляция подчиняется универсальным закономерностям, наблюдаемым и в других языках[50]: уже в начале слога артикуляторные органы достигают положения, свойственного гласному, в той степени, в какой это положение совместимо с артикуляцией согласного. Незначительная степень разнонаправленности артикуляций при совмещении преодолевается аккомодацией. Коартикуляция затрудняется в том случае, когда согласный содержит "вокалический" артикуляционный компонент – собственную палатализованность, лабиализованность, веляризованность; в этом случае потенциальное место для вокалической артикуляции уже как бы занято (частично или полностью). Такого рода вокалическая составляющая согласного оказывает заметное ассимилятивное влияние на качество соседнего гласного. Обилие согласных в арчинском дает разнообразие типов артикуляторного взаимодействия.

Артикуляции гласных наиболее свободно, без каких-либо смещений сочетаются с консонантными артикуляциями простых ларингалов: [ʰha], [ʷhu] и т.д.; [ˤa], [ˤu] и т.д.[51]

В случае эмфатических ларингалов сжатие гортани сопровождается

49. Этим арчинский отличается от некоторых других лезгинских языков (см. Ф.214).

50. См. Чистович и др. 1965, Эман 1966.

51. Вокалическую артикуляцию, накладываемую на консонантную, мы обозначаем маленькой буквой слева вверху. Ниже объясняется, зачем мы рассматриваем здесь столь мелкие фонетические явления, носящие реализационный характер.

и некоторым смещением назад корня языка, т.е. побочной фарингализацией вокалической артикуляции, накладываемой на согласный: [ᵃˡна], [ᵃˡˤа] и т.п. Однако фарингализация здесь незначительна, она не распространяется на стационарную часть гласного, хотя ее влияние на переходную часть заметно на слух.

Вокалические артикуляции относительно хорошо сохраняются и при совмещении их с апикальными, велярными и лабиальными артикуляциями согласных: [ᵘda], [ⁱdi], [ᵘdu] и т.п.; [ᵃga], [ⁱgi], [ᵘgu] и т.п.; [ᵃba], [ⁱbi], [ᵘbu] и т.п. Если полные гласные не испытывают заметного влияния губных согласных, то редуцированные при совмещении с ними приближаются к u – [ᵘbə].

Шипящие и латеральные согласные имеют умеренную палатальную (i – образную) окраску, поэтому при коартикуляции с ними непередние гласные "умлаутизируются": [ᵃ̈šа], [ᵘ̈šu], [ᵒ̈šo], [ᵃ̈x̌a], [ᵘ̈x̌u], [ᵒ̈x̌o] и т.п. Умлаутизирован и переходный участок гласного; стационарная часть полного гласного умлаутизации не подвергается; в случае редуцированного палатализующее влияние распространяется на значительную часть гласного, приближая его к e – [š̃ᵉə], [x̌ᵉə] и т.п.[52]

Увулярные согласные, напротив, "веляризуют" передние гласные, которые с ними коартикулируют: [ᵗxi], [ᵊxe] и т.п. Сдвигу подвергается и переходная часть гласного; в случае редуцированного меняется значительный участок звука, приближаясь к o: [xᵒə] и т.п.

Лабиализованные согласные имеют яркую вокалическую (u-образную) окраску, которая оказывает сильное влияние на последующие гласные. Особенно сильно лабиализуется ə, что делает его близким к u – в предударном слоге наблюдается соответствующее фонематическое чередование (см. Ф.321.2).

Наконец, наименьшие возможности коартикуляции с гласными имеют j и w, которые представляют собой как бы утрированные i и u, не совместимые с другими гласными. Эти звуки оказывают сильное ассимилирующее влияние на соседние гласные.

2. Выше было рассмотрено взаимодействие гласных с предшествующими согласными, в частности, изменение начального участка гласного под влиянием согласного. Для арчинского характерно также активное воздействие начально-слоговой вокалической артикуляции на

52. Окраска начальной части редуцированного под влиянием предшествующего согласного обозначается сверху слева.

предшествующий гласный ($\overset{\frown}{V^{\vee}}CV$). На полных гласных это влияние отражается лишь на конечном переходном участке, не затрагивая выдержки звука. В силу краткости редуцированного на нем это влияние сказывается сильнее: значительная часть звука может окрашиваться последующей вокалической артикуляцией (обозначим такого рода звуки $\underline{ə}^{a}$, $\underline{ə}^{i}$, $\underline{ə}^{ɨ}$ и т.п.). Оно проявляется особенно ярко, когда согласный не оказывает никакого воздействия на одновременную вокалическую артикуляцию (простые ларингалы) или когда согласный обладает ярко выраженной "собственной" вокалической составляющей (лабиализованные согласные, $\underline{w}$, $\underline{j}$).

3. Описанные выше явления носят универсально-фонетический характер и могли бы не рассматриваться в конкретном описании. Однако для арчинского их рассмотрение позволяет объяснить сложную ситуацию с огласовкой безударных слогов, особенно предударного. Предударный редуцированный всегда испытывает сильное воздействие вокалической артикуляции начала следующего слога, а также (в ряде случаев) воздействие предшествующего согласного. Это создает целую гамму оттенков редуцированных: [$\check{x}^{e}ə^{o}$nnól,] "женщина", [$m^{u}ə^{o}$-xór] "грудь", [$R^{e}ə^{i}$l,í] "быть теплым"; [$sə^{ɨ}$Rrí] "шкура лошади или осла", [$b^{u}ə^{ö}$šór] "мужчина", [$\bar{s}ə^{e}$bé] "рот (эрг)" и т.д. В медленной речи предударные редуцированные нередко "проясняются" до ближайших полных; это "прояснение" следует ассимилятивным огласовкам, причем влияние сзади доминирует: [moxór] или [muxór], [bošór], [$\bar{s}$ebé] и т.п. Мы считаем такое произношение гипернормализованным и сохраняем редуцированные в фонематической записи (см.Ф.321.2).

Ф.213.2. Падение редуцированных в беглой речи

Падение редуцированных в неконечных заударных слогах стало во многих случаях регулярным процессом, независимым от темпа речи (см. Ф.321.33). В беглой речи наблюдается также падение редуцированных (и узких) гласных предударного слога в позиции между шумным и сонорным: [ž(ə)rá] "бедро", [k^{h}(ə)rás] "вести", [č(ə)rás] "жарить", [b(u)wá] "мать", [d(i)já] "отец" и т.п.[53] Такие формы мы считаем ненормализованными ("разговорными"), т.к. они противоречат законам слоговой структуры и характерны лишь для беглого стиля.

53. О.И.Кахадзе приводит также форму [nc'a] "птица (эрг)" (см. Кахадзе 1973).

Сходным образом как реализационный эффект быстрой речи (либо как факультативный процесс разговорной речи) следует рассматривать утрату конечных редуцированных на стыках (в том числе на стыке внутри фонетического слова перед согласным): [$\check{x}$at^{h} bák̄ur(ə) dṓIzub] "Море видел ли большое?", [xom du'í-bȁrš(ə)-bì] "Женщины ругаются", [p^{h}áIt̄əl,(ə)-bùbk̆as] "Брюки надевать".

В целом падение редуцированных в арчинской беглой речи распространено гораздо меньше, чем в русской,[54] это связано, очевидно, с гораздо более строгими ограничениями на консонантные сочетания.

Ф.213.3. Назализация

Сочетание гласного с назальным согласным в позиции перед $\underline{w}$ реализуется как назализованный гласный. Этот процесс происходит как внутри слова, так и на стыке слов: /'éImwar/ "плачет" ['éIwar], /jow hán-wȁršə-wì/ "Что он говорит?" [jow hȁ-wȁršə-wì], /'úšmun wáIrt'i "тарелка брата" ['úšmũ wáIrt'i], /dóšmin wárt^{h}i/ "войлок сестры" [dóšmĩ wárt^{h}i].

Описанный процесс не происходит перед другими согласными. Столь специфическая по контексту назализация, как мы предполагаем, имеет историческое объяснение: она является реликтом более общего явления - реализации сочетания /Vn/ как [$\tilde{V}$] в конце слога, которое, по-видимому, было свойственно протоарчинскому (как оно свойственно диалектам лезгинского, андийским и цезским языкам). Утрата этого явления осуществлялась путем развития перед согласными гоморганного назального: *$\tilde{V}p^{h}$ ⟶ Vmp^{h}, *$\tilde{V}t^{h}$ ⟶ Vnt^{h}, *$\tilde{V}k^{h}$ ⟶ $Vŋk^{h}$, *$\tilde{V}q$ ⟶ VNq и т.п. Перед $\underline{w}$ гоморганный назальный типологически неестественен, поэтому сохранилась старая назализация.

Назальные согласные оказывают назализующее влияние на предшествующие гласные того же слога. Рядом с губными и переднеязычными такая назализация не выходит за пределы переходных участков гласных, однако перед $\underline{ŋ}$ и $\underline{N}$ она может распространяться на весь гласный: /t^{h}ung/ "веретено" [t^{h}ũŋg], /'anx/ "драка" ['ãNx].

54. См. Кодзасов 1972.

Ф.214. Историко-типологический комментарий

1. Арчинская вокалическая система принципиально отличается от систем прочих лезгинских языков. В арчинском выступает типичная треугольная, "центрально ориентированная" система: а относится к центральному ряду, звуком того же ряда (ə) представлен нейтральный[55], задние не являются глубокими и не оказывают веляризующего влияния на согласные, передние умеренно палатализуют. Для всех других лезгинских языков типичны четырехугольные системы, характеризующиеся "периферийной ориентацией": гласные центрального ряда отсутствуют, в качестве нейтральных используются узкие, нередко задние являются глубокими и веляризуют согласные, тогда как передние сильно палатализуют. Периферийность гласных, усиливающая такие их качества как палатализованность и лабиализованность, сказывается не только на предшествующих, но и на последующих согласных: возможна внутрислоговая прогрессивная палатализация (табас., хиналугск.[56]), типична прогрессивная лабиализация.

Характерные особенности системы лезгинского типа в арчинском отсутствуют, по типу вокализма он ныне ближе к аваро-андийским языкам. Однако ряд фактов арчинской фонетики может быть объяснен лишь на основе реконструкции типичной четырехугольной системы.

Наиболее показательны здесь чередования гласных. Чередование а ~ е в формах номинатива и эргатива (/s̄apʰ/-/s̄épʰi/ "черемша",

---

55. Следует различать термины "редуцированный" и "нейтральный". Первый термин относится к определенному звуку центрального ряда - ə, второй термин указывает на функцию звука: в нейтральные могут переходить гласные в безударном положении, нейтральные могут использоваться в качестве "прокладок" для разбиения недопустимых сочетаний согласных. Для разных вокалических систем типичны разные нейтральные: для треугольных - редуцированный ə, для четырехугольных - узкие гласные i, u, ʉ, ǖ (в обеих системах наличие нейтральных не обязательно - оно связано с типом ритмической организации слова).

56. Наше утверждение в книге 1972 г. о развитии хиналугской системы под влиянием азербайджанской следует признать ошибочным - это влияние скорее поддерживало исконную систему, чем ее меняло.

/nat' - nét'əri/ "гнида", /naqʒ̥/-/néqʒ̥i/ "земля", /baIk'/-/béIk'əri/ "баран", /naIk̆'/-/néIk̆'i/ "молоко" и др.), очевидно, отражает позиционные рефлексы старого *ǟ: е перед слогом с i (əri < iri), а - в прочих случаях. Верность этого предположения подтверждается фактами других лезгинских языков, где в соответствующих словах обычно представлен гласный переднего ряда: "гнида" - лезг. net', таб. nit', аг. net', рут. nǟt', net', цах. nat', "молоко" - лезг. nekʰ, таб. nik̄, аг. nek̄, рут. nǟkʰ, nekʰ, цах. n,akʰ и др.

Показателен также переход заударных средних в узкие (о → u, е → i - см. Ф.321.31, Ф.321.43), такой процесс характерен для четырехугольных систем с сильным динамическим ударением (лезгинск., хиналугск.). Параллельный переход а → i обильно представлен в редупликациях / q'árq'i/ "луг", /sársi/ "песок" и др.); очевидно, за этим процессом стоит старый процесс а → ʉ, а i явилось результатом сдвига вперед старого безударного *ʉ[57].

Сохранились также следы исторических прогрессивных ассимиляций, нынешней системе не свойственных. Для палатализации имеется один такой случай - чередование j~h в формах /c'aj/ "коза",- /c'áh+ur/ "козы". Здесь j явно возник в результате прогрессивной внутрислоговой ассимиляции исконного h после гласного переднего ряда (ср. лезг.,таб., аг. c'eh, рут. c'ih). Параллельный случай перехода h в w отражен в паре /lo/ "ребенок" - /lahá/ "ребенок (эрг)". Первая форма, очевидно, есть результат прогрессивной лабиализации: *loh → *low → /lo/. Сохранились и другие следы прогрессивной лабиализации в арчинском, см. Ф.313.22.

Несомненно, что нынешняя треугольная система развилась из четырехугольной, близкой к общелезгинской. В то же время точный состав этой системы[58] и ход ее развития не могут быть восстановлены без тщательного сравнительного анализа, который выходит за рамки настоящей работы.

---

56. Наше утверждение в книге 1972 г. о развитии хиналугской системы под влиянием азербайджанской следует признать ошибочным - это влияние скорее поддерживало исконную систему, чем ее меняло.

57. Общелезгинский ударный *ʉ в арчинском дал о: /xol/ "рука" (ср. лезг., таб., аг. xil, рут. xʉl, цах. xʉl), /məxor/ "грудь" (ср. лезг. xur, xʉr, таб. аг. muxur, рут. mʉxʉr) и др.

58. Полная система содержала бы в переднем ряду i, е, ǟ, ǖ, ȫ,

2. Долгота гласных в большинстве случаев выполняет символическую функцию - она подчеркивает значение качественной и количественной оценки в прилагательных и наречиях: /mū́ši/ "хорошо", /'ī́zut^h/ "вкусный", /bḗxu/ "высок", /'ī́k'en/ "все", /nā́q'uk^{h}an/ "много" /t'ī́nna/ "мало" и т.д.; сопровождает усилительные частицы -ēn-, -u: /'ówēnnut^h/ "все сделанное", /'ī́nnut^h/ "все имеющиеся" (<{í + ēn + t̄ut̄}),/sṓlu nṓc'u "лиса и птица" и т.п.; отражает значение удаленности": /t^{h}ḗna/ "там (далеко)", /horṓk^h/ "давным-давно", /k^{h}ənī́ši/ "там (внизу)", /ǩ'ərā́ši/ "вниз" и т.д.; выступает в звательных формах: /Hámzōt^h/, /p^{h}at^{h}ímōt^h/ и т.п. (см. Ф.322).

Символическое удлинение гласных в такого рода формах является частым окказиональным явлением в любом языке; оно может закрепляться в качестве постоянного признака в том случае, когда в языке уже имеется признак долготы иного происхождения. Именно так, по-видимому, обстояло дело в арчинском.

Второй большой класс случаев с долгими гласными представлен глагольными формами на -V̄rši и -V̄t'u: /'ánx̄ - ǎ̄rši/ "сражается", /gúk̄ōrši/ "чешется" и т.п., /'ák^{h}dāt'u/ "не уйдет", /x̌̄únnēt'u/ "не убежит" и т.п. Как представляется, в формах на -V̄rši долгота развилась как компенсация за ослабление второго динамического ударения внутри фонетического слова[59] (либо за его полную утрату). Что касается форм на -V̄t'u, то долгота гласных здесь, возможно, компенсирует выпавший суффикс потенциалиса -qi (см. Т.122.31).

Если вычесть все предсказуемые и регулярные случаи, остается довольно мало слов с долгими гласными: /'ā́c'as/ "насытиться", /'ā́t^{h}as/ "дробить", /'ā́qI'as/ "мять", /jā́xIas/ "копать", /jā́has/ "веять (зерно)", /bā́Ibus/ "разговаривать", /x̌$_o$ā́k'as/ "бродя, искать", /sā́sə'-às/"обжигать", /'ā́č'ət'u/ "пустой", /č'ā́Irət̄ut^h/ "мокрый", /x̌$_o$ā́nət̄ut^h/ "похожий", /dā́x̌ə-k^{h}ès/ "бить", /lī́c'i/"осколок камня при тесании", /dā́Izi/ "граница". Видимо, в этих словах (или хотя бы в части из них) долгота гласных восходит к более древнему состоянию, чем в ранее рассмотренных случаях, и является по отношению к ним первичной. Происхождение этой долготы на

а в заднем - ы̄, ə̄, ā и ū, ō. Не исключено, что чередования u~i o~e в арчинских местоименных элементах отражают позиционное расхождение старых *ū и *ō, однако они могут восходить и к общелезгинскому состоянию. Еще труднее вопрос о наличии в протоарчинском фонемы ə̄.

59. О структуре фонетического слова см. Ф.312.

собственно арчинском материале проследить не удается. В некоторых случаях она, вероятно, является результатом слияния гласных двух соседних слогов[60] в результате падения разделяющих их глайдов. Так, весьма вероятно, что слово/lī́c'i/ восходит к форме *lī́-'ā́c'+i (ср. /lī́-às/ "портить", "тратить", /(b)ábc'as/ "тесать"). Сходную историю могли иметь глаголы на jā-. В то же время вряд ли можно предполагать такое развитие для слова /dā́Izi/, которому в большинстве дагестанских языков соответствует dazu.

Ф.22. КОНСОНАНТНАЯ СИСТЕМА

Арчинский консонантизм отличается замечательным богатством: система фонем достигает 70 единиц (в основном за счет шумных), при этом имеется значительное число аллофонических вариантов. Далеко не все шумные фонемы употребительны и исконны (см. Ф.222): некоторые из них (преимущественно лабиализованные) встречаются в единичных корнях (d_o, t^h_o, z_o, $š_o$, $x̌_o$, $ǩ_o$, R_o, $č'$) или даже в единичных словоформах (s_o, $s̄_o$, c_o), другие типичны для заимствований (', H), третьи являются малоупотребительными новообразованиями ($p̄$, $γ̌$). Мы не выносим такие фонемы за скобки основного изложения в качестве периферийных, т.к. они не являются внутренне чуждыми рассматриваемой системе, но реализуют ее потенциальные возможности[61]. Полный инвентарь согласных (независимо от их употребительности и исконности) приведен в таблицах 4-А и 4-Б.

Ф.221. Консонантные различительные признаки

Отнесение согласного к одному из двух главных классов (шумный-сонорный) трудностей не вызывает: очевидные фонетические качества фонем хорошо скоррелированы с их функциональными свойствами. Исключением является лишь фонема /b/, которая, будучи шумной по своим фонетическим характеристикам, обнаруживает некоторые дистрибутивные особенности, свойственные сонорным (см. Ф.225). Подсистемы шумных и сонорных существенно различаются по своей признаковой организации и рассматриваются отдельно.

---

60. Слияние гласных внутри слога не дает долгого (см.Ф.313,22б).

61. В большинстве случаев мы имеем дело с заполнением "пустых" клеток, образовавшихся в результате исторических процессов (см.

Таблица 4-А.

Шумные согласные фонемы

		Губные	Апикальные	Передне-сибилянтные	Задне-сибилянтные	Латеральные	Велярные	Увулярные	Эмфатические ларингалы	Простые ларингалы
Смычные	Нелаб.	b $\bar{p}$ p^h p'	d $\bar{t}$ t^h t'	c c' $\bar{c}$'	č č' $\bar{č}$'	ǩ ǩ'	g $\bar{k}$ k^h k'	q q' $\bar{q}$'	ʿ	'
	Лаб.		d_o t_o^h	c_o c_o'	$č_o$ $č_o'$	$ǩ_o$ $ǩ_o'$	g_o $\bar{k}_o$ k_o^h k_o'	q_o q_o'		
Фрикативные	Нелаб.			z s $\bar{s}$	ž š $\bar{š}$	γ x $\bar{x}$		R x $\bar{x}$	H	h
	Лаб.			z_o s_o $\bar{s}_o$	$ž_o$ $š_o$ $\bar{š}_o$	$\check{x}_o$ $\bar{\check{x}}_o$		R_o x_o $\bar{x}_o$		

Таблица 4-Б. Сонорные согласные фонемы

	Губные	Апикальные	Палатальные
Назальные	m	n	
Неназальные	w	l r	j

Ф.221.1. Признаки шумных

а) Ряды и способы образования

По признаку локального ряда арчинские шумные делятся на следующие классы: губные, апикальные, переднесибилянтные (свистящие), заднесибилянтные (шипящие), латеральные, велярные, увулярные, эмфатические ларингалы, простые ларингалы.

По способу образования шумные делятся на смычные (взрывные и аффрикаты) и фрикативные.

Подобно многим другим дагестанским языкам, арчинский обнаруживает корреляцию рядов и способов образования: губные, апикальные и велярные представлены взрывными, тогда как передние и задние сибилянты, латералы и увулярные - аффрикатами и фрикативными (ларингальные ряды стоят особняком). За этим скрывается, очевидно, естественная связь характера артикуляторной преграды с характером шума, который производится при ее преодолении: фрикация возникает тем проще, чем больше площадь сужения или смыкания: "аффрикатно-фрикативные" ряды в отличие от "взрывных" рядов как раз и характеризуются относительно большей площадью артикуляторной преграды[62].

Рассмотрим подробнее локализацию и характер сужения звуков разных рядов. Губной ряд представлен обычными губно-губными взрывными[63], апикальный ряд - зубными взрывными с малой площадью смыкания. Артикуляторая преграда при образовании передних сибилянтов локализована в зубно-альвеолярной области, при образовании задних сибилянтов - в альвео-палатальной области. Шипящие поэтому имеют заметный оттенок палатализованности, однако ее степень меньше, чем у русских š, и ž.

При образовании латеральных шумных кончик языка пассивно опущен к нижним зубам, тогда как тело языка прилегает к небу, образуя широкую преграду, охватывающую как велярный, так и палаталь-

Ф.225). Однако некоторые фонемы ($\check{x}_o$, $\check{k}_o$) могли быть редкими и в протоарчинском.

62. Естественные связи рядов и способов образования могут нарушаться под действием других тенденций. Напряженность артикуляции приводит к более "точечному" смыканию и более быстрому (нефрикатизованному) размыканию, поэтому сильные непридыхательные фонемы обнаруживают тенденцию быть взрывными (особенно это заметно на увулярных).

63. В заимствованиях из русского f заменяется на p^h (/p^hérma/ "ферма", /k^hanp^hét^h/ "конфета"), а v - на b или w (/budrá/

ный районы. Фрикативный шум возникает в результате трения воздуха о стенки узкого прохода, образуемого правым[64] краем задней и средней части языка, небом (на уровне велярной и превелярной областей) и коренными зубами. При производстве аффрикат первоначальное полное перекрытие речевого тракта устраняется смещением боковой части языка вниз (и отчасти к центру), при произношении абруптивных аффрикат нередко наблюдается вибрация задней части правого края языка.

Губная артикуляция при произношении латералов также несимметрична: правый край и центр губного прохода открыты, тогда как левый край сужен (форма рта - ◡).

По артикуляции и слуховому качеству арчинские латералы близки к палатализованным велярным[65](арчинцы воспринимают русский мягкий ĺ, как латеральный спирант), поэтому для их обозначения использованы буквы велярных звуков.

Велярный ряд представлен обычными по небной артикуляции взрывными, увулярный ряд - обычными верхнефарингальными аффрикатами и фрикативными. Увула при произнесении этих фонем пассивна; ее вибрация, часто наблюдаемая при производстве сильных фрикативных и абруптивных аффрикат, является автоматическим эффектом реализации. Эмфатические и простые ларингалы подробно рассматриваются в Ф.222.5.

б) Ларингальные признаки

1. В з р ы в н ы е имеют троичное противопоставление по типу ларингального отступа (см.Ф.123): непридыхательный - придыхательный - абруптивный. Непридыхательные произносятся при сведенных голосовых связках, следующие за ними гласные начинаются сразу после размыкания ротовой преграды, т.к. перестройки ларингальной артикуляции не требуется. Слабые непридыхательные (/b/, /d/, /g/) в основных вариантах реализуются звонкими звуками, однако имеются и глухие варианты (см. Ф.224.1); сильные непридыхательные (/p̄/, /t̄/, /k̄/) всегда реализуются глухо.

Придыхательные (/p^h/,/t^h/,/k^h/) произносятся при разведенных го-

"ведро", /g̊oráwat^h/ "кровать").

64. Не исключено, что некоторые арчинцы произносят левосторонние латералы.

65. Ср.Кахадзе 1958.По нашим наблюдениям, отличие латералов андийских языков (чамалинского, тиндинского) от арчинских латералов заключается в том, что в их производстве активное участие принимает не только тело языка, но и его передняя часть.

лосовых связках; после размыкания ротовой смычки происходит задержка связок в этом положении, дающая ясно выраженный период придыхания[66]. Озвончения придыхательных в нормальной по темпу речи не наблюдается.

Абруптивные (/p'/,/t'/,/k'/) произносятся при сомкнутых связках; закрытая гортань, поднимаясь, нагнетает воздух во рту. Размыкание ротовой преграды сопровождается резким шумом[67], далее происходит размыкание гортанной смычки. Следует отметить, что гортанный взрыв обычно слаб: когда за абруптивным следует гласный, он проявляется в легкой ларингализации начала гласного[68]. Основной слуховой эффект "абруптивности" создает не гортанный взрыв, а резкий шум размыкания ротовой преграды. В быстрой речи абруптивный отступ слабее, звуки на слух приближаются к русским глухим;этим объясняется огласовка некоторых заимствований: /t'as/ "таз", /zák'un/ "закон", /zap'ás/ "запас" и др[69].

2. А ф ф р и к а т ы имеют двоичное противопоставление: неабруптивный - абруптивный. Неабруптивные (/c/,/č/, /ǩ/, /q/) по ларингальной артикуляции близки к придыхательным взрывным, однако полного совпадения нет. Основная артикуляция звука также производится при разведенных связках, однако отсутствует активный придыхательный отступ: перед гласными связки не задерживаются в состоянии разведения после завершения ротовой артикуляции, но сразу

66. Шумовой участок в конце /p^h/ и /t^h/ имеет длительность порядка 20 мсек, в конце /k^h/ - около 50 мсек (по осциллограммам). Различие вызвано тем, что значительную часть этого отрезка после велярных занимает шум взрыва.

67. Его длительность - порядка 30 мсек.

68. Эта реализация близка к "мягкому" варианту фонемной гортанной смычки (см. Ф.224.3б).

69. Русские глухие взрывные не всегда передаются абруптивными. После сонорных и губных им часто соответствуют сильные непридыхательные: /banǩá/ "банка", /mejǩá/ "майка", /šabǩá/ "шашка" и др.; перед r в начале слова они заменяются обычно слабыми непридыхательными: /burúžin/ "пружина", /gurúšga/ "кружка" и др.; в конце слога они заменяются придыхательными: /k'ár^{h}li/ "капли", /bəráznik^h/ "праздник" и др. Этим разным интерпретациям соответствуют, очевидно, несущитные для русского отличия в характере отступа в разных позициях, которые для арчинца имеют различительное значение.

начинают переводиться в положение озвончения, поэтому придыхательная часть незначительна. Она совершенно поглощается предшествующим фрикативным шумом в случае латеральных и увулярных.

Абруптивные аффрикаты (/c'/, /č'/, /ǩ'/,/q'/ характеризуются напряженной, резкой фрикативной частью. Именно это отличает их от неабруптивных, фрикативная часть которых гораздо слабее.

3. Фрикативные противопоставлены по глухости - звонкости, т.е. акустическому качеству выдержки; характер отступа роли не играет. Слабые глухие (/s/, /š/, /x̌/, /x/), подобно неабруптивным аффрикатам, не имеют периода активного придыхания: краткий придыхательный элемент после завершения выдержки звука имеет характер реализационного переходного участка (в случае латеральных и увулярных он слит с фрикацией).

Сильные глухие (/s̄/,/š̄/,/x̌̄/,/x̄/) и звонкие (/z/, /ž/, /ǯ/, /R/), по-видимому, довольно близки по ларингальной артикуляции, однако по акустическому качеству выдержки они оказываются в разных классах.

в) Противопоставление по силе

Сильные фонемы характеризуются интенсивностью (напряженностью) артикуляции. Интенсивность произношения ведет к естественному удлинению выдержки звука, поэтому сильные отличаются от слабых большей длительностью[70]. Сильные взрывные и аффрикаты выступают лишь на слоговом стыке, т.е. всегда являются геминатами: /=lá$\overline{p=p}$us=/[71] "бросить", /='ábt=tu=/ "отец", /='éq'=q'as/ "кусать и т.п., сильные фрикативные могут выступать как геминаты и как негеминированные звуки: /='á$\overline{s=s}$as/ "дрожать" и /=s̄ar=/ "могила", /='á$\overline{x=x}$as/ "обмазать" и /=x̄al=/ "ноша" и т.п. Следует подчеркнуть, что сопоположение двух одинаковых слабых звуков не дает сильного (/jab báRəža dǒIzub-bì/ "это кольцо - большое", /nǒx-xò/ "пещера нашлась", /k'ós-sàs/ "нож трогать" и т.п.), т.к. геминированность звука сама по себе не делает его напряженным[72]. Сходным образом,

---

70. Сильные взрывные длиннее слабых приблизительно в 2 раза, разница длительностей фрикативных ≈1,5 раза. Сильные абруптивные аффрикаты отличаются от слабых напряженностью и длительностью как смычной, так и фрикативной части (см. Ф.51).

71. Здесь слоговая граница (=) разделяет приступ и отступ геминаты, черта сверху указывает на их принадлежность сильной фонеме (см. Ф.124).

72. Геминация неабруптивных аффрикат и глайдов в интервокальном положении (см. Ф.224.2) не сопровождается их усилением - они остаются ненапряженными.

протянутый ненапряженный фрикативный не воспринимается арчинцем как сильный. Таким образом, именно напряженность, а не геминированность или долгота составляет основу отличия сильных от слабых.

Слабые фонемы характеризуются вялой, ненапряженной артикуляцией. Фонетическая организация противопоставления по силе такова, что слабые не равны тем нейтральным, которые представлены в языках, не знающих этой корреляции. Так, арчинские слабые фрикативные произносятся более вяло, воздушно, чем русские. Русские фрикативные по напряженности оказываются даже ближе к арчинским сильным, что отражается в ряде заимствований: /s̄ud/ "суд", /š̄íp^{h}er/ "шифер", /šək'álat^{j}/ "шоколад" и др. Менее активная артикуляция, чем в русском, наблюдается и при произношении слабых смычных. Итак, фонетически маркированными относительно нейтрального состояния оказываются как сильные, так и слабые члены оппозиции.

г) Противопоставление по лабиализованности

Лабиализованные фонемы имеют дополнительную губную артикуляцию, накладываемую на основную язычную. Характер огубления не зависит от локального ряда - во всех случаях это w-образная артикуляция. Лабиализованные в передних рядах (апикальном и свистящем) представлены единичными случаями, лабиализованных ларингалов нет.

Ф.221.2. Признаки сонорных

По способу образования сонорные делятся на назальные и неназальные. Первые как бы соответствуют шумным взрывным (полная преграда в ротовой области), вторые - шумным спирантам (сужение в ротовой области).

Локальные ряды сонорных - губной, апикальный, палатальный. Локализация назальных /m/ и /n/ ничем не отличается от локализации соответствующих взрывных, локализация неназальных иная. Губной /w/ представлен вытянутым вперед губно-губным глайдовым звуком. Палатальный /j/ - обычный глайд.

Апикальный ряд для неназальных распадается на два подряда: латеральный и вибрантный. Сонорный латерал /l/ производится совсем не там, где шумные латералы - это обычный зубной звук. Характерно что вибрант /r/ (он близок к русскому) ассимилируется рядом с /l/, но не переходит в /l/ перед шумными латералами.

Ф.222. Консонантные подсистемы

Ф.222.1. Взрывные

Нелабиализованные взрывные представлены единообразными четверками (слабый непридыхательный, сильный непридыхательный, придыхательный, абруптивный) во всех рядах: /b/, /p̄/, /pʰ/, /p'/; /d/, /t̄/, /tʰ/, /t'/; /g/, /k̄/, /kʰ/, /k'/. Все взрывные апикального и велярного рядов широко употребительны, из губных часто встречаются /pʰ/ и особенно /b/. Фонема /p'/ выступает в ограниченном числе слов (в основном звукоподражательных): /p'á-bòs/ "целовать", /'óp'-bòs/ "отрыгивать", /p'áIrp'əla/ "перепелка" и т.п. Фонема /p̄/ встречается лишь в нескольких словах и является новообразованием[73], во всех случаях (кроме заимствования /'aIp̄áIsi/ "20-коп.монета") она восходит к сочетанию губных: /láp̄us/ "бросить" < *láp'-bòs (ср. /ləp'ár/ "бросает"), /qíp̄us/ "испражняться" < *qípʰ-bòs (ср./qipʰ/ "кал"), /x̌íp̄u/ "три (III кл)" < *x̌íb+əb+u (ср. /x̌íbəru/ "три (II кл)" и др.[74]

Ф.222.2. Аффрикаты

Свистящий, шипящий и увулярный ряды имеют тройки нелабиализованных аффрикат (неабруптивный, слабый абруптивный, сильный абруптивный): /c/, /c'/, /c̄'/; /č/, /č'/, /č̄'/; /q/, /q'/, /q̄'/. Неабруптивные и слабые абруптивные широко распространены, сильные абруптивные выступают лишь в интервокальном положении и встречаются гораздо реже. Фонема /c̄'/ засвидетельствована в единственном слове /'əIráIc̄'ukʰunnutʰ/ "довольно большой"; усиление здесь, по-видимому, носит экспрессивный характер[75] (ср. /məc'át̄utʰ/ "новый" - /məc̄'áši/ "снова, еще раз").

Латеральный ряд представлен парой фонем - /ǩ/ и /ǩ'/. В интервокальном положении /ǩ'/ реализуется геминированным звуком, однако он не противопоставлен соответствующему негеминированному. Сходным образом, в интервокальном положении геминируются все неабруптивные аффрикаты (см. Ф.224); ввиду отсутствия смыслоразличительной значимости эта геминация в фонематической записи не отражается[76].

Ф.222.3. Фрикативные

Нелабиализованные фрикативные представлены единообразными тройками (звонкий - слабый глухой - сильный глухой) во всех рядах: /z/, /s/, /s̄/; /ž/, /š/, /š̄/; /ǯ/, /x̌/, /x̌̄/; /R/, /x/, /x̄/. Все звонкие встречаются реже глухих; латеральный /ǯ/ выступает лишь как реализация морфофонематического /ǩ'/ перед /d/ (см. Микаилов 1967): /nəǯdór/ "дома" (<{noǩ' + dór})[77], /ǩ'éǯdutʰ/ "кривой" (<{ǩ'éǩ' + t̄u + t̄}), /náIǯdutʰ/ "голубой" (<{naIǩ' + t̄u+t̄}). Несмотря на очевидную вторичность звонкого латерала, мы склонны включать его в состав фонем ввиду значительной фонетической удаленности от /ǩ'/, к которому он восходит и с которым дополнительно распределен (с фонемой /x̌/ объединение невозможно ввиду наличия контраста - /'úx̌du/ "пастух" и др.).

Ф.222.4. Лабиализованные фонемы

Лабиализованные выступают во всех язычных рядах, однако чем более передним является ряд, тем менее типична для него лабиализация. В увулярном и велярном рядах имеется почти полный комплект лабиализованных (/qₒ/, /qːₒ/, /Rₒ/, /xₒ/, /x̄ₒ/; /gₒ/, /k̄ₒ/, /kʰₒ/, /kːₒ/) нехватает только /q̄ːₒ/, однако и нелабиализованный /q̄'/ довольно редок. Все лабиализованные этих рядов, кроме /Rₒ/, представлены значительным числом исконных корней.

Для латерального и задне-сибилянтного рядов лабиализация менее характерна. Фонемы /šₒ/, /x̌ₒ/, /ǩₒ/ выступают в единичных корнях, прочие лабиализованные (/čₒ/, /čːₒ/, /šₒ/, /žₒ/; /ǩːₒ/) встречаются в небольшом числе корней (от 2 до 5) (см. Ф.223). Исключением является лишь фонема /x̌ₒ/, выступающая во многих корнях.

В апикальном и передне-сибилянтном рядах лабиализованные представлены единичными корнями (/tʰₒ/, /dₒ/, /cːₒ/, /zₒ/) или даже единичными глагольными формами I класса (/cₒ/, /sₒ/, /s̄ₒ/) (см. Ф.223).

---

73. Исконное *p̄ перешло в /b/ (см. Ф.225).

74. В синхронном описании мы условно выводим фонематические формы с /p̄/ из морфофонематических форм с сочетаниями: {láp'-bus}, {qípʰ-bus}, {x̌ib+əb+u} (см. Ф.332). Эти идеализированные формы, конечно, могут быть заменены "готовыми" словарными формами с {p̄}.

75. Историческое *č̄' дало /č/ и /č'/ (см. Ф.225).

76. Однако она отмечается при наличии в записи слоговых границ (см. Ф.313). Геминированность непарных аффрикат отражает их историческую силу (см. Ф.225), она сохраняет влияние на признак долготы гласного (см. Ф.322).

77. Можно также считать, что на морфонематическом уровне (т.е.в

Ф.222.5. Ларингалы

Простые и эмфатические ларингалы представлены типичными парами: /ʾ/, /h/; /ʿ/, /H/. Фонема /ʾ/ основным вариантом (в начале слога) имеет "мягкий" приступ - [ʾ], соответствующая эмфатическая фонема /ʿ/ в начале слога реализована тем же "мягким" приступом, на который накладывается эмфатизация - [ˁ] (см. Ф.121). Также и конечнослоговые варианты этих фонем обнаруживают фонетический параллелизм (см.Ф.224.3). Иное соотношение наблюдается между /h/ и /H/:/H/ реализовано не эмфатизованным простым ларингалом ([ḥ]), но собственно эмфатическим [ʜ].

Арчинцы не ощущают мягкий приступ в начале слова ввиду его фонетической слабости и автоматичности (он обязательно вставляется перед гласным для прикрытия слога). В "представляющих" морфах словаря начальный /ʾ/ опускается, однако его наличие в фонематической записи (/ʾári/ "работа", /ʾáIrum/ "серп" и т.п.) признается из системных соображений: оно позволяет говорить о правильной фонематической структуре слога и объясняет отсутствие слогового переразложения на стыке слов (см.Ф.313)[78]. Субъективное представление носителей языка нельзя здесь принять за основу решения: арчинцы не ощущают также и внутрисловных начальнослоговых /ʾ/, морфонематический статус которых очевиден (напр., /baʾár/ "целует" - ср. /báʾ-bòs/ "целовать", /wabáʾu/ "и холера" - ср. /wabáʾ/ "холера" и т.п.).

Фонема /ʾ/ не в начале корня встречается в небольшом числе звукоподражаний и заимствований, /h/ выступает во многих корнях. Эмфатические ларингалы по большей части характерны для заимствований: /Haмán/ "баня", /Húkʰmu/ "решение", /ruH/ "душа", /ʿadátʰ/ "обычай", /ʿúmmar/ "жизнь" и т.п. Однако в словах на -Han и в некоторых экспрессивных словах /H/, возможно, исконно: /cʾaHán/ "древесина", /kʒaHán/ "палка", /kʾílkʾuHan/ "игра в чижика", /Húbus/ "рычать", /Húčʾ-bòs/ "лениться". Труднее говорить об исконном /ʿ/ (может быть, /ʿank'/ "подставка для каменщика").

словаре) выступает "готовая" форма {nəǯdór}, т.к. в этом слове не только сильно изменен исходный вид корневой морфы, но и представлен уникальный суффикс множественного числа.

78. В данном случае /ʾ/ является как бы "служебной" фонемой, ее роль можно сравнить с ролью служебных слов: не обладая "полнозначностью" (смыслоразличительностью), она тем не менее является необходимым элементом фонематической структуры.

Ф.222.6. Сонорные

Сонорные образуют типичную дагестанскую систему: два назальных (/m/, /n/), два плавных (/l/, /r/), два полугласных (/w/, /j/). Следует отметить палатализованность основного варианта /l/([l,]), этим качеством латеральный сонант совпадает с латеральными шумными, отличаясь от них апикальной локализацией. Характерной особенностью /w/ и /j/ в исконных словах является их геминация в интервокальном положении (см. Ф.224.2); в фонематической записи это отражается лишь тогда, когда в ней отмечаются слоговые границы.

Звуки [j] и [w] дополнительно распределены с [i] и [u]: сонорные выступают в финали и инициали слога, а гласные - в качестве вокалического ядра. Однако рассмотрение [j] и [w] как неслоговых вариантов гласных фонем явно не оправдано: такое решение дает совершенно нетипичную для арчинского слоговую структуру - /=ʾa=ba=i=/ "родители" вместо /=ʾa=baj=/, /=di=i=a=/ "отец" вместо /=di=ja=/, /=bu=u=a=/ "мать" вместо /=bu=wa=/ и т.п. Еще искусственнее была бы трактовка [i] и [u] как вокализованных вариантов фонем /j/ и /w/.

В арчинских словах нередко встречаются геминированные /ll/, /mm/, /nn/. В большинстве случаев они выступают на морфных стыках (часто как результат ассимиляции): /s̄ál+li/ "могила(эрг)" (<{s̄ar+li}), /bəxíl+lu/ "скупой(I кл)" (<{bəxíl+ƫu+w}), /dám+mus/ "лопнуть" (<{dám+bus}), /mú+ƫu+m+mu/ "красивый (III кл, эрг)" (<{mú+ƫu+ʰ+mu}), /s̄ón+ni/ "спина(эрг)" (<{s̄ón+li}), /bišín+nu/ "чужой(I кл)" (<{bišín+ƫu+w}) и т.п. Однако в некоторых случаях имеются геминаты и не на стыках: /x̄ₒálli/ "хлеб", /x̌ₒálli/ "ущелье", /čʾellé/ "на улице", /jélla/ "так", /kʾelléjtʾu/ "целиком", /ʾámmo/ "но", /tʰémmet/ "так", /qIənnór/ "мосты", "куропатки", /gənnór/ "пальцы", /qunné/ "пыль(эрг)", /x̌ənné/ "вода(эрг)" и проч. Они восходят, очевидно, либо к старым стыкам, либо к старым внутрикорневым сочетаниям согласных.

Вслед за К.Микаиловым мы во всех случаях принимаем бифонемную трактовку геминированных сонантов. Принятие однофонемной интерпретации усложняет описание как в фонологическом, так и в морфологическом аспектах (увеличение инвентаря фонем, устранение разложимости многих словоформ на морфы), не будучи оправдано в типологическом отношении.

Все сонорные, кроме /w/, представлены в большом числе корней. Корней с /w/ мало, однако частотность этой фонемы высока за счет показателя I класса.

Ф.223. Примеры на согласные фонемы

В качестве примеров использованы в основном исконные слова. Согласные в них даны в разных позициях - в начале, середине и конце слова, в нефарингализованных и фарингализованных слогах.

а) Взрывные

/b/: /bos/ "говорить", /žíbəla/ "ласточка", /s̄ob/ "рот", /nabq/ "слезы", /báIri/ "водоем", /líbxI-kʰès/ "стыдиться";

/pʰ/: /pʰanq'/ "тонкая лепешка", /kʰupʰár/"слой навоза на крыше", /qipʰ/ "кал", /pʰáIrt'i/ "слепая кишка"; /k'əIpʰéIl/ "потник";

/p'/: /p'á-bòs/ "целовать", /lép'ur-q'òn/ "козел 1-2 лет", /'óp'-bòs/ "отрыгивать", /p'áIrp'əla/ "перепелка";

/p̄/: /lap̄us/ "бросить", /xíp̄u/ "три (III)", /'aIp̄áIsi/ "20-копеечная монета";

/d/: /dab/ "шило", /nədó/ "лоб", /'abád/"всегда", /'úšdu/ "брат", /dóIzutʰ/"большой";

/dₒ/: /dₒar-dₒar/ "звук ударов частых капель по крыше", /dₒar-qₒar bóna xír-àtʰis/ "волочить с шумом";

/tʰ/: /tʰol/ "сетка для ловли рыбы", /mətʰól/ "козленок", /čutʰ/ "пара", /xIertʰ/ "груша";

/tʰₒ/: /tʰₒas/ "вянуть";

/t'/: /t'em/ "травинка", /qI'ət'ól/ "пояс", /kʰot'/ "корзина", /t'ant'/ "пчела", /t'eI/ "цветок";

/t̄/: /q'ət̄í/ "сажа", /'át̄as/ "бодаться", /'ábt̄u/ "отец";

/g/: /gon/ "палец", /dəgó/ "козел", /tʰung/ "веретено", /gáInži/ "коренной зуб", /'əIngáI-bós/ "плакать";

/gₒ/: /gₒáci/ "кобыла", /gₒas/ "согнуться", /c'égₒdutʰ/ "кислый";

/kʰ/: /kʰukʰú/ "яичница", /s̄ukʰú/ "деревянные пары", /lokʰ/ "колос", /héjkʰəla/ "нагрудное женское украшение", /kʰáIrši/ "сабля";

/kʰₒ/: /kʰₒam/ "жаровня", /kʰₒic'/ "клок шерсти", /makʰₒ/ "лучина";

/k'/: /k'ob/ "одежда", /'ák'as/ "заставлять", /x̄ik'/ "кулак", /qonk'/ "хинкал", /k'óIpʰi/ "кипа", /báIk'on/ "веревка";

/kᵟ/: /kᵟant'/ "родинка", /makᵟ/ "колючая трава", /č'iníkᵟi/ "коса (эрг)", /kᵟaIh/ "лохмотья";

/k̄/: /muk̄úl/ "веник", /sárk̄as/ "смотреть (II)", /háInk̄ur/ "волдырь";

/k̄ₒ/: /'ák̄ₒa/ "увидь", /'írk̄ₒa/ "ищи".

б) Аффрикаты

/c/: /cac/ "колючка", /cal/ "крыло", /məcór/ "пастбище", /mac/ "язык", /hinc/ "сейчас";

/cₒ/: /cₒas/ "хвалить (I)";

/c'/: /c'om/ "сито", /q'əc'ás/ "мириться", /'ic'/ "козья шерсть", /'imc'/ "мед";

/cᵟ/: /cᵟémc̄'in/ "просеивает";

/c̄'/: /'óc̄'as/ "стирать", /néc̄'əri/ "вошь (эрг)", /márc̄'-às/ "чистить";

/č/: /čəmá/ "коза от 1 до 2 лет", /'ácas/ "убить", /mač/ "крапива", /'oIč/ "хвост", /'óIrčas/ "остывать";

/čₒ/: /čₒal/ "тесьма", /čₒát'i/ "князь";

/č'/: /č'utʰ/ "кувшин", /k'əč'ó/ "чашка", /kʰₒač'/ "лапа", /č'áIri/ "волос", /náIbč'-bòs/ "блестеть";

/čᵟ/: /čᵟélč'ə-bòs/ "грызть", /čᵟárq'-bòs/ "трескаться";

/č̄'/: /'əIráIč̄'ukʰunnutʰ/ "довольно большой";

/ǩ/: /ǩan/ "дыра", /'éǩas/ "будить", /'iǩ/ "солома", /báIǩmus/ "давить";

/ǩᵟ/: /ǩₒíjt'u/ "семьдесят";

/ǩ'/: /ǩ'al/ "ягненок (до 1 года)"; /məǩ'ór/ "береза", /noǩ'/ "дом", /tʰunǩ'/ "крыса", /ǩ'eIr/ "быть жарким";

/ǩᵟ/: /ǩᵟas/ "зарезать", /pʰiǩᵟ/"зонтичное растение";

/q/: /qáqu/ "пшено", /nəqá/"затылок", /'aq/ "нога", /barq/ "солнце", /qIon/[79] "куропатка", /daqI/ "гребень";

/qₒ/: /qₒab/ "сноп", /qₒékʰmus/ "снимать шкуру", /qIₒib/ "бутень";

/q'/: /q'onq'/ "книга", /q'árq'i/ "луг", /'éq'is/ "быть", /buq'/ "ячмень", /qI'as/ "делить", /nəqI'ón/ "мышь";

/qᵟ/: /qᵟal/ "подпруга", /néqᵟi/ "земля (эрг)", /biqᵟ/ "место", /qIᵟét'u/ "два", /marqIᵟ/ "росток";

/q̄'/: /'éq̄'as/ "кусать", /'óq̄I'as/ "утонуть", /dəq̄I'í/ "зола (эрг)".

в) Фрикативные

/z/: /zon/ "я", /k'az/ "женский платок", /zímzu/ "муравей", /qénz-bòs/ "прясть";

---

79. Помета I при увулярном указывает на то, что он является "центром" области фарингализованных звуков (см. Ф.232.1).

/z$_{o}$/: /z$_{o}$árR-bòs/ "звенеть";
/s/: /sol/ "лиса", /məsól/ "надгробный камень", /k^{h}us/ "пуговица", /ans/ "бык";
/s$_{o}$/: /s$_{o}$as/ "поймать (I)";
/$\bar{s}$/: /$\bar{s}$am/ "желчь"; /$\bar{s}$ír$\bar{s}$an/ "ус", /'á$\bar{s}$as/ "дрожать";
/$\bar{s}_{o}$/: /$\bar{s}_{o}$as/ "трогать (I)";
/ž/: /žínžru/ "пиявка", /RIáž-bòs/ "косить", /Rənžár/ "кинжал", /háIžəla/ "кукуруза";
/ž$_{o}$/: /ž$_{o}$en/ "вы", /ž$_{o}$ál-bòs/ "ерзать";
/š/: /šutá/"завтра", /šušá/ "бутылка", /biš/ "теленок", /šəIš-ní/ "сугроб", /'aInš/ "яблоко";
/š$_{o}$/: /š$_{o}$aIš/ "в прошлом году";
/š̄/: /šik̄/ "пятка", /č'íši/ "голос", /šáIbi/ "рана", /šeInt^{h}/ "табурет";
/š$_{o}$/: /š$_{o}$aIlt'/ "волна", /š$_{o}$aIj/ "тополь";
/ɣ/: /nəɣdór/ "дома", /náIɣdut^{h}/ "синий", /k'éɣdut^{h}/ "кривой";
/x̌/: /x̌ob/ "ножны", /dóx̌um/ "хлев", /'ox̌/ "шерсть", /t'inx̌/ "прыщ", /x̌oIn/ "косовица";
/x̌$_{o}$/: /x̌$_{o}$álli/"большое ущелье", /dix̌$_{o}$/ "туча";
/$\bar{x}$/: /$\bar{x}$am/ "вода", /mə$\bar{x}$á/ "прут", /'é$\bar{x}$as/ "класть", /$\bar{x}$áImə$\bar{t}$u/ "богатый (I)";
/$\bar{x}_{o}$/: /$\bar{x}_{o}$ak^{h}/ "близко", /$\bar{x}_{o}$íri/ "шрам", /di$\bar{x}_{o}$íli/ "туча(эрг)";

/R/: /Rá$\bar{t}$ərə/ "стадо коров", /səRrí/ "шкура крупнокопытного", /RIémRIə-bòs/ "огрызаться", /RIərá/ "куча камней";
/R$_{o}$/: /RI$_{o}$álqIi/ "туман", /'iR$_{o}$dut^{h}/ "тяжелый";
/x/: /xal/ "нора", /dáxon/ "зеркало", /nox/ "пещера", /xIábxIi/ "рыба", /xIerxI/ "слюна";
/x$_{o}$/: /x$_{o}$árši/"червь", /néx$_{o}$i/ "солома (эрг)", /nax$_{o}$/ "солома", /xI$_{o}$álur/ "косы женщины-черта", /dexI$_{o}$/ "жернов";
/$\bar{x}$/: /$\bar{x}$ams/ "медведь", /du$\bar{x}$úr/ "аул", /$\bar{x}$Iel/ "дождь", /bə$\bar{x}$Ió/ "на охоте";
/$\bar{x}_{o}$/: /$\bar{x}_{o}$ak^{h}/ "лес", /$\bar{x}_{o}$éllut^{h}/ "серый", /$\bar{x}$I$_{o}$ét'i/ "пеленка".

г) Ларингалы

/'/: /'á$\bar{k}$on/ "свет", /ba'ár/ "целует", /bá'-bòs/ "целовать", /'álri/ "армия", /'íI'uI-bòs/ "кукарекать", /hóI'-bòs/ "кричать (об осле)";
/h/: /hót^{h}i/ "трава", /lahán-lò/ "внучка", /nágah/ "если", /bár-has/ "няньчить", /háIh-bòs/ "дышать", /ráIhu/ "кожух";
/ʿ/: /ʿank'/ "подставка для каменщика", /baʿáj/ "баран", /raʿ/ "посуда", /k̄'uʿdut^{h}/ "горький";
/H/: /HəHí-bòs/ "ржать", /Húbus/ "рычать", /c'aHán/ "древесина", /$\bar{s}$aH/ "мерка (2,5 кг)", /čúHdut^{h}/ "густой".

д) Сонорные

/m/: /maj/ "жир", /č'imíxI/ "щебень", /jam/ "волк", /'amk'/ "пот", /máImərči/ "лицо", /híImp'i/ "плакса";
/ n/: /noc'/ "птица", /sənáʲ/ "десна", /$\bar{s}$on/ "спина", /x̄ənnól/ "женщина", /hanq'/ "горло", /naIk̄'/ "молоко";
/l/: /lap^{h}/"очень", /k̄'ilí/ "седло", /mul/ "гора", /x̄$_{o}$álli/ "хлеб", /qélt^{h}-bòs/ "бежать рысью", /šaIl/ "грязь";
/r/: /rač/ "наковальня", /dóri/ "годекан", /lur/ "глаз", /burk^{h}/ "молот", /máIrš-k^{h}ès/ "завидовать";
/w/: /wárt^{h}i/ "войлок", /t^{h}ow/ "этот (I)", /'éwt̄i/ "стал(I)", /wáIrt'i/ "тарелка";
/j/: /jak^{h}/ "внутри", /béj-èx̄as/ "начинать", /c'aj/ "коза", /x̄$_{o}$é-jwu/ "пять(I кл)", /jáIt'i/ "змея".

Ф.224. Фонетическое варьирование согласных

Здесь описываются неосновные фонетические варианты фонем, обусловленные их сегментным окружением и позицией в слоге. Влияние супрасегментного признака фарингализации на качества согласных описывается в Ф.232.2. Рассматриваются лишь категориальные варианты (они хорошо различимы на слух), некоторые реализационные варианты, выявленные при экспериментальном исследовании, отмечаются в Ф.51.

Ф.224.1. Варьирование ларингальных признаков

1. Слабые непридыхательные /b/, /d/, /g/, представленные звонкими в основном варианте произношения, как правило, оглушаются рядом с глухими фрикативными и придыхательными взрывными: /'ós-b̲òs/ "во-первых" [p][80], /'áxb̲əzan/ "абрикос" [p], /líb̲xI-k^{h}ès/ "стыдиться"[p], /'ób̲x̌ni/ "выгнал"[p]; /bésd̲u/ "слепой"(I кл) [t], /xásd̲ut^{h}/ "особенный"[t], /'úšd̲u/ "брат"[t], /'áxd̲ut^{h}/ "далеко"[t].

80. Для экономии места в данном параграфе иногда приводится фонетическая запись лишь обсуждаемых фонемных вариантов.

кий"[t], /lék^{h}du/ "кости"[t]; /misgínnu/ "бедный(I кл)"[k] и т.п.

Звуки [p], [t], [k] в ряде случаев неадекватно проинтерпретированы в имеющихся описаниях арчинского - они отнесены либо к глухим придыхательным фонемам (Микаилов - /bést^{h}u/ "слепой", /íq-t^{h}ut^{h}/ "светлый", /g$_{o}$ást^{h}u/ "кобылы", /misk^{h}innu/ "бедный"), либо к сильным непридыхательным (Микаилов - /uštu/ "брат". /g$_{o}$áštu/ "собаки", Кахадзе - /bestu/ "слепой", /g$_{o}$aštu/ "собаки")[81]. Такие интерпретации основаны на признаке глухости, который в данном случае нерелевантен.

2. Специфический вариант фонемы /t^{h}/ наблюдается в позиции перед /'/ (такая комбинация возможна лишь на стыке фонетических слов, обычно это сочетание прилагательного или местоимения в форме 4-го класса с существительным). Упреждающее сведение голосовых связок в обычной речи "съедает" придыхание. Получающийся звук, однако, не тождественен [t] (глухому варианту фонемы /d/, т.к. сохраняется артикуляторное различие в стационарной части: на [t] связки сведены, а на лишенном придыхания варианте фонемы /t^{h}/ (мы будем обозначать его [t$^{(h)}$]) они разведены. Эти звуки практически неотличимы на слух, однако артикуляторная разница ощущается носителями языка, проясняющими [t$^{(h)}$] в [t^{h}] в замедленной речи. Характерно, что /k^{h}/, имеющее более сильную придыхательную часть, сходного варианта не имеет. Примеры на [t$^{(h)}$] : /c'ótut^{h}'inx/ "топленое масло", /mútut^{h}'iq/ "хороший день", /jat^{h} 'órxIi/ "эта соль", /zaHmátut^{h} 'ári/ "трудная работа" и т.п.

Ф.224.2. Геминация аффрикат и полугласных

1. Неабруптивные аффрикаты геминируются (не становясь при этом сильными (напряженными) в интервокальном положении: /g$_{o}$áci/[82] "кобыла"[=g$_{o}$ác=ci=], /gáči / "собака" [=g$_{o}$áč=či=], /məcór/ "пастбище"[=məc=cór=], /'əIčór/ "хвосты" [='əč=čór=],/'éčas/ "будить" [='eč=čas=], /'iči/ "солома (эрг)" [='ič=čí=], /'áqur/ "ноги" [='áq=qur=], /'áqIas/ "ломать"[='áqI=qIas=] и т.п.

---

81. Транскрипция первоисточников здесь изменена без нарушения фонематических интерпретаций авторов.

82. Об обозначении непарных по силе геминат в тех случаях, когда в фонематической записи присутствуют слоговые границы, см. в Ф.313.

Геминация интервокальных неабруптивных аффрикат отражает их историческую силу. Падение слабых неабруптивных аффрикат (см. Ф.225) привело к распаду прежней корреляции и к ослаблению исторических сильных. Однако различие открытых и закрытых слогов сохраняется ввиду строгой слоговой структуры арчинского языка, и утрата напряженности аффрикат не сопровождается утратой ими геминированности в интервокальном положении. В прочих позициях неабруптивные аффрикаты представлены обычными слабыми звуками.

Выбор в качестве основных фонетических вариантов негеминированных звуков основывается на двух соображениях: во-первых, естественно за основной вариант принимать немаркированный звук, во-вторых, сами арчинцы не ощущают "удвоенности" аффрикат.

Кроме неабруптивных аффрикат, геминатой в интервокальном положении реализуется и латеральный абруптив /ǩ'/, также восходящий к сильной фонеме, утратившей слабую пару (см. Ф.225): /náIǩ'u/ "слепень"[=náIǩ'=ǩ'u=], /'éǩ'as/"подметать"[='éǩ'=ǩ'as=] и т.п.

В позиции после сонорных перед гласными геминации слабых аффрикат чаще не происходит, хотя геминированное произношение также возможно: /'árcar/ "доит" [='ár =car=] или [='árc=car=], /'óIrčur/ "остывает" [='óIr=čur=] или [='óIrč=čur=], /báIrǩin/ "давит" [=báIr=ǩin=] или [=báIrǩ=ǩin=], /'árqIut^{h}/"орех" [='ár=qIut^{h}=] или [='arqI=qIut^{h}=], /'érǩ'ur/ "подметает" [='ér=ǩ'ur=] или [='érǩ'=ǩ'ur=]. Тенденция к утрате исторической геминированности в данном случае объясняется тем, что закрытость слога сохраняется и без удвоения аффрикаты.

Геминация интервокальных аффрикат в ряде случаев отмечается в существующих записях арчинской речи, и геминированные аффрикаты включаются в число фонем (Микаилов: /c̄/ - /moc̄or/ "горное летнее пастбище" и др., /č/ - /čači/ "корыто для очистки пшеницы" и др.; Кахадзе: /q̄/ - /arq̄ut^{h}/ орех" и др.). Однако ясно, что геминированные и негеминированные аффрикаты не противопоставлены и для носителей языка представляют одни и те же психологические объекты. В настоящее время геминация - это просто способ произношения интервокальных неабруптивных аффрикат. Характерно, что это явление наблюдается и в совсем недавних заимствованиях: [=mi=líc=ci=] "милиция", [=nač=čán=nik^{h}=] "начальник" и т.п.

2. Если геминация интервокальных аффрикат тем или иным способом фиксировалась исследователями арчинского, то геминация полу-

гласных /j/ и /w/ до сих пор не была отмечена. Между тем процессы здесь сходны: /'əjóm/ "уши" [='əj=jóm=], /hejár/ "пашет" [=hej=jár=], /c'éju/ "и коза" [=c'éj=ju=] и др., /noIwáIr/ "мяукает" [=noIw=wáIr=], /'ówēnnutʰ/ "все сделанное" [='ów=wēn=nutʰ=], /tʰówu/ "и он" [=tʰów=wu=] и др. В отличие от аффрикат, /j/ и /w/ не геминируются в недавних заимствованиях: [nojā́bir] "ноябрь", [gəráwatʰ] "кровать", [wilíjatʰ] "сообщество людей", [žawáb] "ответ" и т.п. Это указывает на то, что удвоение полугласных имеет исторический характер, однако неясно, какие прежние фонетические свойства оно отражает.

3. Геминация аффрикат и полугласных особенно ясно проявляется перед усилительной частицей -u̲, которая удлиняет гласный предшествующего слога, если он открыт: /bḗk'u/ "и пуговица", /kʰ̥ā́č'u/ "и лапа", /x̌ṓbu/ "и ножны" и т.п. Геминация закрывает слог и предотвращает удлинение гласного: /'óǩu/ "и пряжа" [='óǩ=ǩu=], /múču/ "и вершина" [=múč=ču=], /'óju/ "и ухо" [='ój=ju=].

Ф.224.3. Варианты отдельных фонем

а) Варианты фонемы /n/

В положении перед язычными и губными согласными происходит ассимиляция /n/ по ряду. Перед неапикальными язычными выступают гоморганные фонетические варианты, перед губными (кроме /w/ - см. Ф.213.3) /n/ переходит в /m/, т.е. происходит фонематическое чередование. Здесь мы сталкиваемся с характерным примером расщепления в описании единого процесса ассимиляции на два - фонетическое варьирование и чередование фонем.

Неосновные варианты /n/ таковы: альвеопалатальное [n̥] - /ǩ'án̲ši/ "хочу", /birín̲ž/ "рис"; палатальное [ɲ] - /nen̲ ját̄utʰ Runíkʰ éxdi/ "мы на верхний Гуниб поднялись"; велярное [ŋ] - /háIn̲k̄ur/ "шишка", /t'án̲k'-bòs/ "прыгать"; увулярное [N] - /xon̲x/ "большой камень", /s̄án̲Ri/ "вчера".

б) Варианты ларингалов

"Мягкий" приступ, которым реализуется фонема /'/ в начале слога, нередко ослабляется до такой степени, что предстает как едва заметная на слух ларингализация начальной части гласного. Сходный эмфатизованный вариант имеет и фонема /'/. В конце слога обе фонемы представлены твердым приступом [ʔ] и [ʔ̞] соответственно: [=baʔ=bòs=] "целовать" (ср. [=ba='ár=] "целует"), [=wa=báʔ=] "холера" (ср. [=wa=bā́='u=] "и холера"), [=raʔ̞=] "посуда" (ср. [=rā́='u=] "и посуда"), [=ǩ'uʔ=] "горек" (ср. [=ǩ'ū́='u=] "и горек").

Фонема /h/ реализуется звонким вариантом [ɦ] в интервокальном положении и рядом с сонантами: [laɦá] "ребенок" (эрг)", [c'oɦór] "вор", [bárɦas] "нянчить", [šaɦrú] "город". Фонема /H/ параллельного звонкого варианта не имеет [83].

в) Вариант /b/

Фонема /b/ в интервокальном положении в беглой речи иногда реализуется с ослаблением смычки - как губно-губной спирант [β]: [hiβát̄utʰ] "хороший", [lóβur] "дети", [č'áβu] "мелкий скот". Такое произношение скоррелировано, возможно, с двойственным дистрибутивным поведением фонемы /b/.

г) Варианты полугласных

В конце слога /j/ и /w/ реализуются вокализованными вариантами, сливающимися с предыдущими гласными с образованием фонетических дифтонгов: [mai̯] "жир", [béi̯t̄utʰ] "старый", ['oi̯] "ухо", [tʰou̯] "этот (I кл)", ['ánsau̯] "порох", ['eu̯kʰas] "упасть (I)" и т.п.

Особый палатализованный вариант фонемы /w/ наблюдается в формах /'éwt̄i/ "стал (I кл)" ['éu̯,t̄i] [84] и /'éwdi/ "был (I)" ['éu̯,di] [85]. Видимо, он объясним воздействием соседних гласных переднего ряда. Очень близкий звук получается при симметричном процессе лабиализации /j/, он отмечен в форме /x̌̄ₒéjwu/ "пять (I)" [x̌̄ₒéi̯ₒwu].

Фонетические дифтонги с [i̯] и [u̯] фонематически описываются как сочетания гласных с /j/ и /w/. Иное решение приводило бы к значительному увеличению инвентаря гласных фонем, будучи неоправданным также с точки зрения морфологической структуры слова (например, /'óu̯+k'as/ "гнать (I)" вместо /'ó+w+k'as/) и с точки зрения морфонологической структуры корней (/mai̯/ "жир" (структура CV) вместо /maj/ (структура CVC) - см. Ф.4).

---

83. В языках, где в качестве основного варианта /H/ выступает [ħ], такое озвончение ([ɦ]) наблюдается (например, в даргинском (с.Чираг).

84. У О.И.Кахадзе такое произношение отражено в записи /dax̌-ej-t̄i/ "побил" вместо /dax̌-ewt̄i/.

85. В беглой речи наблюдается лабиализация /e/ перед /w/ внутри слога, дающая звук [ö] - ['ö́u̯,di], ['ö́u̯,t̄i].

Ф.224.4. Слияние гоморганных

Сочетания гоморганных взрывных, а также гоморганных взрывных и аффрикат произносятся как "слитные" звуки с долгим затвором, причем их ларингальное качество определяется вторым звуком. Если такие сочетания дают [p̄] и [t̄] внутри морфологического слова, то такие звуки, естественно, трактуются как долгие фонемы (/lápus/ "бросить", /k^h_oátut^h/ "нужный" и т.п.), а правило слияния как фонематическое (см. Ф.332). Во всех прочих случаях процесс слияния рассматривается как фонетический. Примеры: [p̄'][86] < /bp'/ - /jeb p'áp'rusmul/ "эти папиросы", [p̄^{h}]</bp^h/ - /jab p^{h}arx/ "этот барабан", [p̄^{h}]</p^{h}p^h/ - /šarp^h p^{h}ərx̄áršə-bì/ "мыльный пузырь летит", [t̄^{h}] < /t^{h}t^h/ - /ra'ít^{h}t^{h}il/"рабы", [t̄'] < /t^{h}t'/- /qelt^{h}t'i/ "бег рысью", [t̄'] < /dt'/ < /dət'/ -/édət'u/"не был", [t̄'] < /t't'/ - /š$_o$ít't'i/ "свист", [k̄^{h}] < /k^{h}k^h/ - /'éInk^h-k^{h}ès/ "глохнуть", [č̄'] < /t^{h}č'/ - /jámut^h č'at^h/ "это слово", [k̄'] < /ǩ'ǩ'/ - /ez naIǩ' ǩ'an/"я молока хочу" и т.п.

Ф.224.5. Внесистемные звуки

В речи арчинцев встречаются два кликса - зубной и латеральный. Оба они употребляются в качестве "негативных" междометий - для выражения отрицания, несогласия, запрета и т.п. (многократный зубной кликс - также для выражения восхищения). Характерно очень частое использование этих звуковых символов в живой диалоговой речи.

Ф.225. Исторический комментарий

Среди языков лезгинской группы арчинский выделяется богатством консонантной системы - она сохранила характерные черты общелезгинского состояния, утраченные в других языках: латеральный ряд шумных и противопоставление абруптивных аффрикат по силе. Эти черты, восходящие к общедагестанскому языку-основе, сохранились также в соседних аваро-андийских языках[87].

86. В данном случае черточка над буквой обозначает долгую смычку, а не силу (напряженность) звука.

87. Возможно, что совпадение здесь не случайно и сохранению этих архаизмов в арчинском способствовало влияние аварского. Напомним, что и вокалическая система арчинского ближе к аваро-андийскому типу, чем к лезгинскому (см. Ф.214).

Многие особенности современной консонантной системы (как парадигматические, так и синтагматические) могут быть объяснены на основе восстановления истории ее развития из некоторого гипотетического протоарчинского состояния, близкого к общелезгинскому. Предлагаемый ниже краткий комментарий основан на внутренней реконструкции фактов самого арчинского языка и на ограниченном сопоставлении с другими языками[88].

1. Нынешняя система взрывных в отношении инвентаря хорошо отражает прежнее состояние: придыхательные и абруптивные не подверглись изменениям, из старых непридыхательных исчезло лишь *p̄. Примеры на придыхательные: *p^h - /p^{h}il/ "лук"[89], /č'eIp^h/ "колыбель" (ср. дарг. (с. Чираг) č'aIp^{h}a, лак. č'ap^{h}a "корзина", ав. č'ep^h); *t^h - /t^{h}úbus/ "плюнуть"[89], /'át^{h}is/ "отпустить"[89], *k^h- /k^{h}ul/ "кисть руки" (ср. ав. k^h_oer, хин. k^{h}ul), /k^h_oic'/ "букет, пучок" (ср. таб. k^{h}unc', ав. k^h_oac'i). Примеры на абруптивные: *p'- /p'á-bòs/ "целовать" (ср.лезг. p'ah "поцелуй"), /p'áIrp'əla/ "перепелка" (ср. лезг. p'arla "птенец перепелки или куропатки")[90]; *t' - /t'ant'/ "пчела"[89], /nat'/ "гнида" (ср.таб. nit', лезг. net', цах. nat'); *k' - /k'áč'i/"лист" (ср. таб. k'až, цах. k'ač'a "стручок"), /k^h_oet'/ "губа"[89].

Слабые непридыхательные взрывные *b и *d в протоарчинском могли выступать лишь в начале слова. В других позициях они отсутствовали: *b имело в качестве коррелята сонорный *v, а *d - сонорный *r. Видимо, *b и *v были изначально дополнительно распределены; позднее функциональная близость привела к их фонетическому слиянию: *v перешло в /b/, сохранив при этом сочетательные свойства сонанта (оно встречается перед конечнослоговыми шумными, см.Ф.331). Ввиду отсутствия начального *r, *d и *r также оказались дополнительно распределенными, однако их слияния в одну фонему в арчинском не произошло. До сих пор старое распределение в значительной степени сохранилось: в исконных словах отсутствует начальное /r/ и конечное /d/. Что касается /g/, то оно встречается как в начале слова, так и в конце (правда, только после /n/ - /t^{h}ung/ "веретено", /k^{h}ung/ "подол"). Не ясно, выступал ли в

88. Использовались также работы: Бокарев 1961, Гудава 1964, Микаилов 1968, ЛДЯ 1971, Хайдаков 1973 и особенно Гигинейшвили 1968,1970,1971,1973.

89. См. Гигинейшвили 1970.

90. Слова с /p'/ единичны и периферийны (звукоподражания), од-

конечной позиции взрывной звук или раньше на его месте был также сонант (типа ɣ).

Сильные непридыхательные *p̄, *t̄, *k̄ в прошлом могли выступать в любой позиции. Фонема *p̄ утратилась, видимо, на ранней стадии самостоятельного развития арчинского, перейдя в /b/ во всех случаях. Фонемы *t̄ и *k̄ в конце слога (т.е. перед паузой и перед согласным) стали реализовываться сильными придыхательными звуками. Далее последовало сокращение сильных в тех позициях, где они были представлены негеминированными звуками. В начале слога (т.е. в начале слова и после шумных) сильные дали слабые непридыхательные (*t̄ → /d/, *k̄ → /g/), в конце слога - слабые придыхательные (*t̄ʰ → /tʰ/, *k̄ʰ → /kʰ/) (ср. Ф.332).

Приведем примеры, иллюстрирующие описанные процессы: *b - /bac/ "луна" (ср. таб. vaz, аг. waz, рут., цах. vaz, лезг. warz)[91], *v - /s̄ob/ "рот"(ср. аг. s̄iw, лезг. siw); *p̄ - /dab/ "шило" (ср. таб. rib, аг. rub, рут.,цах. rab, лезг. rib - riper (мн.ч.)), /bel/ "лопата" (ср. таб. bel, аг. ber, рут. bär, лезг. per)[92], *d - /daǩ'/ "дверь" (ср. таб. raǩ, аг. rakʰ, рут. rakʰ, цах. aǩa, лезг. rakʰ), /deq'I/ "дорога" ({deq̄'I}), (ср.таб., аг. raq̄I, рут. raqI, цах. jaqI, лезг. reqʰ; *t̄ - /dáli/ "палка" (ср. рут., цах dal, лезг. tar "дерево"), /diχ̌ₒ/ "облако" (ср. таб., аг. dif, лезг. cif), /χ̌ₒitʰ/ "навоз" - /χ̌ₒɯtí/ (эрг.) (ср. аг. furd, рут., цах. xid, лезг. fid - fitedi (эрг))[93], *k̄ - /mukúl/ "веник" (ср. таб.

нако, по нашему мнению, в них отражено старое *p'.

91. Во всех самурских языках *b и *v совпали в сонанте, а не во взрывном; сходным образом подверглось сонантизации и начальное *d.

92. Сильные непридыхательные в таб., аг., рут. и цах. языках перешли в слабые, которые обычно реализуются звонкими (в рутульском нередко оглушаются). В лезгинском в конце слова они также дали слабые звонкие, но в начале и середине слова - слабые глухие непридыхательные.

93. Не вполне ясно происхождение тех арчинских /t̄/, которым в других лезгинских языках соответствует /l/: /sotʰ/ "зуб" (из {sot̄} - ср. /sət̄ór/ "зубы") (ср. таб. silib, аг. sileb, цах. sili), /č'otʰ/ (< {č'ot̄}) "ремешок" (ср. аг., таб., лезг. č'ul, рут. č'il, цах. č'uva < *č'ula), /č'atʰ/ (< {č'at̄}) "слово"(ср. рут. č'äl, аг. č'al), /sot̄-aqI/ "осень" (ср. таб. šʰul, аг. cʰul, цах. cʰuvul, лезг. zul), /-t̄/ "показатель нахождения на ч.-л." (ср.-l в лезг., таб., аг.).

murgul, аг. mugul, рут. mugul, лезг. kul), /bakʰ/"бок" - /baǩur/ (мн.ч.) (ср. рут. beg, лезг. pagₒ - pakₒar (мн.ч.)).

Надежного сопоставления на *g найти не удалось, однако такие арчинские слова как /gérgə-bòs/ "катать тесто" (ср. gérǩə-bòs/ "качаться") /gúgō-bòs/"скатиться" (ср. gúǩə-bòs "чесать"), по-видимому, можно рассматривать как свидетельство его исторического наличия.

2. Подсистема аффрикат претерпела существенные изменения. Совершенно исчезли старые придыхательные аффрикаты: сильные и слабые совпали в слабых, которые затем подверглись спирантизации (см. Гигинейшвили 1971). Лучше других сохранились слабые абруптивные аффрикаты, среди них только *č̌' перешло в /k'/, прочие почти во всех позициях остались без изменений[94] (см. Гигинейшвили 1973). Гораздо хуже отражает прежнее состояние подсистема сильных абруптивных аффрикат (см. Гигинейшвили 1973). Кроме фонематической нейтрализации латерального из-за потери слабой пары, были утрачены также исконные сильные *č̌'[95] и *ǩ'[96], так что сохранились лишь /c̄'/ и /q̄'/. В настоящее время эти фонемы выступают лишь в интервокальном положении и после сонорных перед гласными, в начале и конце слога они ослабляются (см. Ф.332). По-видимому, еще недавно сильные /c̄'/ и /q̄'/ могли выступать в начале слова, об этом свидетельствуют записи А.Дирра и К.Микаилова, однако наш основной информант Дж.Самедов такое произношение отрицает (ср.также записи О.Кахадзе и С.Хайдакова)[97].

Наиболее естественно было бы постулировать здесь сильную непридыхательную аффрикату переднего латерального ряда - *ǯ̄: *ǯ̄ → /t̄/ в арчинском, *ǯ̄ → ď → ǐ → l в прочих языках (также и аварoандийских). Вопрос этот требует дальнейшего исследования.

94. Как слабые, так и сильные абруптивные подверглись деабруптивизации перед t̄, получившиеся звонкие аффрикаты дали звонкие спиранты (см. Ф.331.32).

95. Б.Гигинейшвили в качестве примера на /č̌'/ приводит корень {oIrč̌'u} "правый", в котором в действительности представлено слабое /č̌'/.

96. Графонему *ǩ' допускаем условно (ср.Микаилов 1968). Также дальнейшего подтверждения на основе сравнительного анализа требует наличие сильной придыхательной велярной аффрикаты и велярного фрикативного.

97. Возможно, что начальные /c̄'/ и /q̄'/ сохранились в речи некоторых представителей старшего поколения.

Ряд неясностей остается с непридыхательными аффрикатами. Несомненным представляется наличие в протоарчинском лишь сильных фонем *c̄, *č̄, *ǩ̄, *q̄[98], которые перешли в нынешние слабые придыхательные (фонематически – неабруптивные) /c/, /č/, /ǩ/, /q/, сохранив геминированность в интервокальном положении. Примеры: *c̄ – /cac/ "колючка" (ср. таб., аг., рут. zaz, цах. zazā, лезг. caz – cacar (мн.ч.), ав. zaz)[99], /cor/ "моча" (ср. таб. ẑur, аг., рут. zur, цах. zej, лезг. c̣ar); *č̄ – /čərás/ "жарить" (ср. таб. uržub, ав. bežize) (?); *ǩ̄ – /ǩəróm/ "молотильная доска" (ср. таб. ɣar, рут. niɣre, аг. jeri, ав. lal t'amize "молотить")[100], *q̄ – /qú+t'i/ "гром" (ср. лезг. quqrum, ав. RaRadi, хин. toq̄ud), /qIun/ "плечо" (ср. таб., аг., рут., RIun, лезг. qIun), /daqI/ "гребень" (ср. таб. аг., рут. raRI, цах. aRIā, лезг. reR-reqer (мн.ч.)).

Также к сильным непридыхательным аффрикатам восходят, очевидно, и те неабруптивные аффрикаты современного арчинского, которым в аваро-андийских языках соответствуют сильные абруптивы, а в хиналугском – слабые абруптивы: /mac/ "язык", /mač/ "крапива", /ǩos/ "дать", /barq/ "солнце" и т.п. (см. Гигинейшвили 1973). Вызывает сомнение возведение этих фонем к неабруптивным аффрикатам общедагестанского уровня (см. Бокарев 1961, Микаилов 1968, Гигинейшвили 1973). Более вероятным представляется обратное направление развития: общедагестанские сильные абруптивы в ряде случаев перешли в протоарчинские сильные непридыхательные (условия этого перехода не вполне ясны).

Трудно ответить на вопрос, имелись ли в протоарчинском слабые непридыхательные (звонкие) аффрикаты *ʒ, *ǯ, *ǧ, *ɢ, которые делали бы подсистему аффрикат совершенно симметричной. В качестве

98. На общедагестанском уровне эти фонемы возводятся обычно к звонким аффрикатам.

99. Лезгинский отражает сильные непридыхательные аффрикаты в начале слога слабыми непридыхательными, в конце слога – звонкими фрикативными (ср. с рефлексами сильных взрывных). Прочие самурские дают обычно звонкие спиранты (через стадию слабых (звонких) непридыхательных аффрикат).

100. Подчеркнута общая корневая часть слов. Агульское j – естественный рефлекс смягченного ɣ. Аварское l в начале корня – результат вокализации латерального спиранта, конечное l – результат ассимилятивного изменения r.

предположительных рефлексов таких аффрикат могли бы рассматриваться, очевидно, лишь звонкие фрикативные современного языка. Скудость материала заставляет осторожно относиться к такой реконструкции.

3. Фрикативные сохранили старое противопоставление слабых и сильных глухих (см. Гигинейшвили 1973), оно нейтрализуется лишь в конце слога (см. Ф.332). Звонкие фрикативные в исконных корнях встречаются редко: /zon/ "я", /žu-/ "сам(I)", /Rə-/"вверху" и др. Вряд ли они восходят к таким же старым фонемам, скорее они произошли из тех или иных аффрикат.

4. Старая лабиализация хорошо сохранилась на согласных задних рядов – латеральных, велярных, увулярных. Например, *ḳʰ – /ḳʰic'/ "букет" (см.выше), *ḳ̌ – /bakʰ̣/ "бок" (см. выше), *q̣̄ – /naq̣̄/ "земля" (ср. рут. naq̣̄, цах. n,aq̣̄[101], аг. neq̣̄), *x̣̌ – /x̣̌itʰ/ "навоз" (см. выше) и т.д. Шипящие потеряли лабиализацию в конце слова: /'iš/ "ночь" (ср. /ṣ̌i/ "ночью"), /'eIč/ "знак" (ср. /'éIč̣on/ "точильный брусок"). Свистящие утратили лабиализацию во всех позициях, однако она отражается для ряда корней лабиализацией соседних гласных в суффиксе существительного -on (вместо -an) и показателе настоящего времени -ur (вместо -ar) (см. Ф.333): /bábc'as/ "строгать" – /'ábc'on/ "стружки" – /bábc'ur/ "строгает", /bárs̄on/ "ребро", /'árs̄as/ "резать на куски" – /'árs̄ur/, /'ésas/ "задрать животное" – /'érsur/. Апикальным и в протоарчинском лабиализация не была, очевидно, свойственна.

В связи с падением безударного начального u появилась вторичная лабиализация в глагольных формах I класса и в некоторых других случаях (/tʰ̣̄as/ "вянуть", /c̣as/ "хвалить", /čʲ̄ijt'u/ "девяносто" и т.д.) (см. Ф.321.2). Появились также единичные лабиализованные /ḍ/ и /ẓ/ в аварских заимствованиях.

5. Из ларингалов в исконной лексике обильнее всего представлено /h/, наличие соответствующей арчинской прафонемы представляется весьма вероятным. Неавтоматическая гортанная смычка выступает лишь в звукоподражаниях (/'áI'-bòs/ "звать", /bá'-bòs/ "целовать", /hóI'-bòs/ "кричать (об осле)"), здесь также, по-видимому, отражено старое состояние. Возможно, что гортанная смычка была представлена ранее и в таких обычных корнях как /'ilí/ "шкура" (ср. таб., аг. le', лезг. li'), /bi/ "кровь" (ср. дарг. (кайт.) be'e, аг. i', хин. p'i).

101. Палатализация n – след *ä (ср. арч. /néq̣̄i/ "земля(эрг)").

Труднее говорить о наличии в протоарчинском эмфатических ларингалов. Выше указывались возможные исконные слова с /H/, однако для них не удается найти соответствий в других языках. Еще сложнее вопрос о наличии *ʿ.

6. Сонорные сохранили, очевидно, прежний инвентарь. Плохо этимологизируются /j/ и /w/ (если не считать показателя I класса), назальные и плавные имеют много ясных соответствий. Примеры на плавные и назальные: *l̲ - /liq'I/ "орел" (ср. таб. luq'I, рут. liq'I, лезг. läq'I), /xol/ "рука" (ср. таб., аг., лезг. xil, рут., цах. xɨl); *r̲ - /c'or/ "имя" (ср. таб. c̊ur, аг. t̄ur, рут. dur, цах. do, лезг. t₀ar), /'ikʒ̥/ "сердце" (ср. таб. juk', аг. irkʒ̥, рут., цах. jik', лезг. rik'); *m̲[102] - /máxIu/ "сказка"[103], /maj/ "жир" (ср. аг. maw, рут. цах., лезг. ma'); *n̲[103] - /naIk̆'/ "молоко" (ср. таб. nik̄, аг. nek̄, рут. näkʰ, цах. n,akʰ, лезг. nekʰ), /k'on/ "дно"[104].

Ф.23. СУПРАСЕГМЕНТНЫЕ ПРИЗНАКИ

Ф.231. Фонетические корреляты ударения

Арчинское ударение без труда отождествляется русскими, что свидетельствует о том, что способ ритмической организации арчинского слова близок к русскому[105], т.е. в арчинском также имеет место "динамическое" ударение. Артикуляционные корреляты

102. Примера на конечное *m̲ найти не удалось; /m/ в /s̄am/ "желчь" восходит, видимо, к старому сочетанию *mb (ср. таб. sib, аг. seb, рут. sǟb).

103. См. Гигинейшвили 1973.

104. В корнях, имеющих удвоенное /n/ в интервокальном положении, оно, вероятно, восходит к историческим сочетаниям с зубными: /x̌̄an/ "вода" - /x̌̄ənné/ (эрг) (ср. таб. šid, аг. x́ed, рут. x́äd, цах. x́,an, лезг. jad), /č'in/ "блоха" - /č'inní/ (эрг) (ср. таб. č'ud, аг. č'id, цах. č'in, лезг. č'utʰ) и др.

105. Далеко не во всех дагестанских языках дело обстоит подобным образом, в частности, в цахурском языке просодическая структура слова явно отлична от русской.

ударения такого типа до сих пор не вполне ясны[106], однако традиционные указания на различия в степени артикуляционного усилия (мышечной напряженности), характеризующие ударные и безударные слоги, представляются справедливыми. Этим артикуляционным различиям в акустическом сигнале соответствуют различия в интенсивности, длительности и спектре ударных и безударных звуков[106]; наиболее простыми для наблюдения являются отношения по длительности.

Проведенное нами экспериментальное исследование обнаружило для арчинского языка значительное превышение длительностью ударного гласного длительности безударного (см. Ф.51), что соответствует результатам, полученным для русского[107].

Арчинский существенно отличается от русского тем, что имеет независимое от просодики, сегментное противопоставление гласных по длительности. Однако смешения противопоставлений ударных-безударных и долгих-кратких гласных не происходит, т.к. различия в длительности между краткими безударными и краткими ударными, с одной стороны, и краткими и долгими ударными, с другой, довольно велики. Интересно отметить, что русские ударные гласные открытого слога оказываются для арчинцев более близкими ударным долгим, чем ударным кратким, что отражается в огласовке недавних заимствований: /dikʰábir/ "декабрь", /'istʰórija/ "история", /lózung/ "лозунг", /nómer/ "номер", /záwuč/ "завуч" и т.п.

Смешение сегментного и просодического противопоставления по длительности предотвращается также особенностями относительного распределения ударения и сегментных качеств гласных. Ударение в арчинском может падать только на 1-й и 2-й слоги (см. Ф.312.211), причем предударный слог не бывает долгим и обычно редуцируется. Если же ударение падает на 2-й слог, а следующий гласный является долгим (/'ák̄ot'u/ "не увидит" и т.п.), то все равно относительно большáя длительность гласного 1-го слога и отсутствие его редукции мешают переосмыслению ритмической схемы слова (т.е. переносу ударения на 2-й (долгий) гласный). Вместе с тем не исключено, что длительность заударных гласных в некоторых случаях является отражением прежнего побочного ударения в аналитических конструкциях.

Заметим, что при восприятии ударения в ряде случаев существенным показателем может служить наличие тонового перелома; в арчин-

106. См. Кодзасов, Отряшенков 1968.

107. См. Златоустова 1962.

ском языке, как и в русском, все тоновые сдвиги, связанные с мелодикой фразы, приходятся на ударные гласные.

Ф.232. Фарингализация

Ф.232.1. Распределение фарингализованных звуков и фонематическое описание фарингализации

Фарингализация в арчинском языке выступает как супрасегментный фонетический признак - она охватывает слог или последовательность слогов. Фарингализация является при этом градуальным признаком - ее степень зависит от контекстных условий. Наблюдаемые в речи переходы в степени фарингализованности слогов и звуков являются непрерывными и можно было бы попытаться отмечать в фонетической записи большое число градаций фарингализации. Однако неясно, насколько подобная фиксация отражала бы категориальные фонетические различия, а не эффекты артикуляторной реализации (см. Ф.112.1). В данном описании выделяется четыре фонетических значения признака фарингализации: сильная фарингализованность (знак I^1), умеренная фарингализованность (I^2), слабая фарингализованность (I^3) и отсутствие фарингализованности.

В фонематической записи фарингализованность отмечается лишь при сегментах, образующих "центры" областей фарингализации; степень фарингализованности прочих сегментов слова определяется фонетическими правилами. Ниже подробно рассматривается распределение фарингализованных звуков в слоге и слове и обосновываются решения о "центрах" фарингализации. Выделяется два класса случаев распределения, которые целесообразно рассмотреть отдельно, - когда в слове отсутствует фарингализованный увулярный и когда такого типа звук имеется.

а) Случаи без фарингализованных увулярных

1. В этих случаях наблюдается довольно равномерное распределение фарингализации внутри слога. Гласный и начальный согласный имеют одинаковую степень фарингализации, конечнослоговой согласный обычно фарингализован слабее[108]: [bI^{1}aI^{1}ǎɻI^2]"мера зерна"[109],

108. В прмерах на стр. 251 первый (или единственный) слог сильно фарингализован, а второй фарингализован умеренно или слабо.

109. Знак ˛ в фонетической записи указывает на депалатализованный характер согласного в фарингализованном слоге (см. Ф.232.2).

[bI^{1}oI^{1}ǩ'I^2] "свинья", [ǎ˛oI^{1}aI^{1}ǎɻI^2]"в прошлом году", [č˛'I^{1}eI^{1}p^{h}I^2] "колыбель", ['I^{1}áI^{1}rI^{2}uI^{2}mI^3]"серп", [ǎɻI^{1}áI^{1}bI^{3}iI^3]"рана" и т.п. Эта закономерность не касается зубных (апикальных и свистящих) согласных, которые не способны фарингализоваться: t'eI^1 "цветок", ['I^{1}aI^{1}nǎɻI^2] "яблоко",[mI^{1}uI^{1}ɻ˛] "сопля" и др. Когда слог открывается зубным согласным, конечнослоговой согласный имеет ту же степень фарингализации, что и гласный: [noI^{1}š˛I^1]"лошадь"; [naI^{1}ǩ'I^1] "молоко" и др.

Более сильная (в общем случае) фарингализация начальнослогового согласного указывает на тенденцию к совмещению слогового "центра тяжести" фарингализации с вокалическим ядром, которое активно коартикулирует с предшествующим согласным (см. Ф.213). На это же указывает характер звукоподражаний и идеофонов с фарингализацией (см. Л.154) - они явно ориентированы на качество гласного: [mI^{1}áI^1-bɔ̀ɜ] "блеять (об овцах)", ['I^{1}əI^{1}ŋI^{2}gI^{1}áI^1-bɔ̀ɜ] "плакать", ['I^{1}oI^1,I^{1}óI^1]"крикливый человек" и т.п. Наконец, наличие слогов, где фарингализовано лишь вокалическое ядро ([dō̃I^{1}z] "большой(кратк.)",[t'eI^1]"цветок" и др.) также свидетельствует в пользу того, что "центром" фарингализации в слоге в описанных случаях следует считать его вокалическое ядро.Поэтому фарингализованность слога естественно сокращенно обозначать знаком после гласного, опуская знаки после согласных: [baI^{1}š˛],[boI^{1}ǩ'], ['áI^{1}ruI^{2}m] и т.д.

Интересно отметить, что сами арчинцы по-разному субъективно оценивают сегментную принадлежность слоговой фарингализации (для них это вопрос о том, какие звуки являются "нечистыми" или "твердыми"). Чаще всего ощущается особое качество всех фарингализованных звуков слога, нередко особое качество приписывается начальному согласному ("первая буква нечистая, а от нее и другие становятся нечистыми"), реже указывается ведущая роль "нечистого" гласного.

2. Распределение сильно, умеренно и слабо фарингализованных и нефарингализованных слогов в слове в большой степени определяется его ритмикой, причем господствует тенденция к совмещению сильной фарингализации слога с его ударностью. Если первый слог слова ударен и фарингализован, то фарингализация имеет высокую степень. Второй (заударный) слог при этом фарингализован умеренно или слабо. Слабая фарингализация наблюдается в тех случаях, когда он начинается с зубного: [jáI^{1}t'aI^{3}n] "красный", [háI^{1}t^{h}əI^{3}ra] "река",

[pʰáI¹t̄əI³l̥a] "брюки", [dɔ́I¹zuI³tʰ] "большой" и т.п.[110] Послеударный слог, как правило, имеет слабую фарингализацию и в том случае, когда он содержит гласный i: [š̆ɛ́aI¹biI³]"рана", [č̥ʼá̄I¹riI³] "волос", [báI¹kʼiI³] "куча", [ʼóI¹č̥ʼiI³] "воротник" и т.п.[111] В прочих случаях обычна умеренная фарингализация послеударного слога: [kʼéI¹huI²] "ястреб", [báI¹kʼoI²n] "веревка", [báI¹rš̥uI²] "барсук", [ʼáI¹ruI²m] "серп", [x̌áI¹maI²] "богат" и т.д. При экспрессивном произношении возможна и сильная фарингализация этого слога; напротив, в небрежном произношении она ослабляется. Степень фарингализации послеударного слога имеет тенденцию быть более высокой в том случае, когда в ударном слоге есть только апикальный согласный: [náI¹k̆ʼuI²] или [náI¹k̆ʼuI¹] "слепень", [tʼéI¹č̥ʼuI²] или [tʼéI¹č̥ʼuI¹] "свинец".

Фарингализация второго заударного и последующих слогов отсутствует.

Распространение фарингализации на послеударный слог происходит и при наличии морфной границы: [báI¹kʼ+uI²r]"бараны", [č̥ʼéI¹pʰ+uI²] "и колыбель", [tʼéI¹+wuI²]"и цветок", [bá̄I¹+buI²s] "разговаривать", [ʼé̄I¹+waI²r] "плачет". Наблюдается также распространение фарингализации через границу морфологического слова (внутри фонетического слова)в случае, когда конечный согласный первого слова отходит к последующему слогу: [č̥ʼúI¹ɦ-èI²wt̄i]"гордился (I)" (слоговое членение [=č̥ʼúI¹=ɦèI²wt̄=ti=]) [máI¹rš̆ɛ-èI²wt̄i] "позавидовал (I)" ([=máI¹rš̆ɛ=š̆ɛ èI²wt̄=ti=]). Однако если слоговая граница совпадает с границей морфологического слова, распространения фарингализации не наблюдается:[máI¹-bòs]"блеять (об овцах)", [tʼéI¹-ʼùt̄as] "цветок сорвать". Фарингализация также скорее не переходит на аффикс, начинающийся с согласного, если корень кончается также на согласный ([č̥ʼéI¹pʰ+mul] "колыбели", [pʰóI¹r+če+tʰ] "на коленях", [báI¹k̆+mus] "давить", однако здесь возможны колебания по информантам и в разных стилях речи.

В фонематической записи слов с ударением на 1-м слоге представляется естественным, следуя традиции записи супрасегментных признаков, обозначать лишь просодическую "вершину", т.е. вокалический центр сильно фарингализованного (ударного) слога:

110. Сочетание двух зубных совсем предотвращает фарингализацию заударного: [š̆ɛ́I¹ntʰum] "стулья".

111. Слабая фарингализация может пропадать в беглой речи.

/ʼáI¹rum/[112] "серп" или, опуская ставший избыточным цифровой индекс, /ʼáIrum/, /báIršu/ "барсук", /č̥ʼá̄Iri/ "волос", /dɔ́Izutʰ/ "большой", /boIk̆ʼ/ "свинья", /tʼeI/ "цветок" и т.д.

3. Если ударение падает на 2-й слог, сильная фарингализация обычно (но не всегда - см.ниже) охватывает как 1-й, так и 2-й слог: [ʼəI¹ŋgáI¹-bòs] "плакать", [č̥ʼuI¹báI¹t̄utʰ] "белый", [bəI¹rkʰáI¹l̥l̥a] "приветствие", [nəI¹č̥ʼóI¹] "кушанье из молозива", [ʼəI¹róI¹s]"русский", [ʼəI¹nš̥áI¹-bòs] "чихать" и др. Немало таких случаев представлено производными формами, в которых произошел переход ударения с корня на суффикс: [həI¹mpʰ+áI¹r]"лает", [bəI¹k̆ʼ+áI¹] "свинья (эрг)", [nəI¹š̥+óI¹r] "лошади" и т.п. Фарингализация послеударного слога в словах с ударением на 2-м слоге подчиняется тем же закономерностям, что и в словах с начальным ударением, однако чаще наблюдается ее факультативное отсутствие.

В фонематической записи представляется целесообразным сохранить обозначение обоих центров сильной фарингализации: /ʼəIngáI-bòs/, /č̥ʼuIbáI/, /nəIč̥ʼóI/, /ʼəIróIs/, /həImpʰáIr/, /nəIšóIr/ и т.п.

Не всегда в словах с ударением на 2-м слоге сильно фарингализованы оба слога: в ряде случаев (в зависимости от морфологической структуры, сегментного состава и этимологии - см. Ф.34) один из двух первых слогов слабо фарингализован: [bəI³š̥éI¹s] "побежать (Ш)", [bəI³š̆ɛ́I¹mš̆ɛiI³n]"месить (Ш)", [həI¹l̥óI³] "быть жидким", [ʼaI¹láI³h]"выгон", [č̥ʼəI¹nnéI³] "сжал", [muI³tʼúI¹h] "покорный" и др. В этих случаях в фонематической записи, естественно, отмечается лишь один центр фарингализации: /bəšéIs/, /həIló/, /mutʼúIh/ и т.д.

4. Наша фонематическая запись фарингализации (для случаев без фарингализованных увулярных) близка к той, которая используется во многих описаниях дагестанских языков; в частности, от арчинских записей К.Микаилова она отличается лишь обозначением 2-го центра фарингализации. Однако за внешним транскрипционным подобием скрываются существенные различия в понимании этого признака. Знак I после гласного для нас является символом центра целой области фарингализованных звуков, а не символом особого качества лишь данного гласного. Знак I сходен по функции со знаком ударения /, который также символизирует не столько особое сегментное качество отмеченного им гласного, сколько определенную ритмичес-

112. Ср. подробную фонетическую запись этого слова - [ʼI¹áI¹rI²-uI²mI³]и его сокращенную фонетическую запись - [ʼáI¹ruI²m].

кую схему (т.е. определенную организацию слогов слова по просодическим признакам).

Следует подчеркнуть, что тенденция к совмещению центра сильной фарингализации с ритмической вершиной слова свидетельствует о подобии артикуляционных механизмов фарингализации и ударения. В обоих случаях имеются своего рода "контуры напряженности" (в первом случае - сфинкторов нижней глотки, во втором - дыхательных мышц и ротовых артикуляторов), их максимумы стремятся совпасть.

б) Случаи с фарингализованными увулярными

Распределение фарингализации в слоге и слове при наличии увулярного согласного подчиняется особым законам. Центр слоговой фарингализации приходится на увулярный, причем он всегда сильно фарингализован. Вокалическое ядро слога и начальный согласный фарингализуются в таких случаях умеренно, конечный согласный фарингализуется слабо (зубные не фарингализуются)[113]: [xI^{1}oI^{2}rI^3]"селение",[bI^{2}oI^{2}xI^1]"горный козел",[xI^{1}áI^{2}bI^{3}xI^{1}iI^2]"рыба",[deI^{2}xI$_o$^{1}] "жернов", [RI^{1}áI^{2}žI^3-bòs] "косить". Восприятие носителей языка в данном случае однозначно: ощущается особое качество увулярного согласного, тогда как особое качество других звуков слога отрицается.

Распространение фарингализации на соседний слог происходит лишь при условии контакта фарингализованного увулярного с гласным этого слога: [bI^{2}uI^{2}xI^{1}áI^2] "добрый",[bI^{2}əI^{2}x̄I^{1}éI^1]"черный",[dəI^2-qI^{1}éI^{2}s] "идти (П кл)", но [qI^{1}óI^{2}k̄u] "левша", [xI^{1}óI^{2}rI^{3}č'i] "телка".

Распределение фарингализации в слове не зависит от его ритмики - тенденция к совмещению сильной фарингализации слога с ударностью не обнаруживается: [qI^{1}əI^{2}š$_ę$ól$_ę$][114] "лестница",[xI^{1}əI^{2}š$_ę$ón] "рубашка", [xI^{1}əI^{2}róm] "селения", [RI^{1}əI^{2}rá] "скопление камней"; [mI^{2}áI^{2}xI^{1}uI^2]"сказка",[x̌I^{2}óI^{2}xI^{1}aI^{2}s]"раствориться", [l̥áI^{2}x̄I^{1}əI^2-t'i] "тревога".

Все это свидетельствует о том, что при наличии увулярных характер фарингализации заметно отличается от описанных ранее слу-

113. Характерно отсутствие депалатализации l в таком слоге: [l,iI^{2}q'I^1]"орел",[x̄I^{1}eI^{2}l$_ę$]"дождь". Ср. депалатализацию при отсутствии увулярного:[šI$_ę$^{1}aI^{1}l$_ę$] "земляной раствор" и т.п. (см. Ф.232.2б).

114. Отмеченная здесь депалатализация š носит характер аккомодации с предшествующим гласным - фарингализация š отсутствует.

чаев: фарингализация гораздо менее просодична, она в большей степени характеризует сегментное свойство увулярных, чем свойство слога и ритмизованной последовательности слогов. Дополнительным свидетельством этого является наличие морф -qI^1, -qI^{1}iš,-qI^{1}di(см. Т.114)[x̌ənné+qI^1] "в воде",[néq̥i+qI^1] "в земле",[ǩəléme+qI^{1}iš] "из мужчин", ['árǎət̄e+qI^{1}di] "по-арчински"[115].

Однако вряд ли можно считать, что фарингализованность увулярных является чисто сегментным признаком - ее распространение на соседние звуки не укладывается в рамки чисто аккомодационного процесса. Скорее следует говорить о переходном состоянии между просодическим и сегментным статусом фарингализации в случаях с увулярными. В фонематической записи в этих случаях мы сохраняем знак I на увулярных согласных, что адекватно отражает фиксацию на них пика слоговой фарингализации: /boxI/ (ср.[bI^{2}oI^{2}xI^1]), /xIábxIi/ (ср. [xI^{1}áI^{2}bI^{3}xI^{1}iI^2]), /qIəšól/(ср. [qI^{1}əI^{2}š$_ę$ól,]), /buxIá/(ср. [bI^{2}uI^{2}xI^{1}áI^2]) и т.д.

При описании фарингализации естественно разделить два типа дистрибутивных закономерностей. Одни закономерности носят характер правил фонетической реализации - они определяют распределение значений признака фарингализации (I^1, I^2, I^3 или отсутствие) относительно центров сильной фарингализации; эти закономерности подробно рассмотрены в предыдущем изложении[116]. Другие закономерности носят характер фонематических правил - они определяют распределение центров сильной фарингализации в основе; эти закономерности формулируются в разделе Ф.34; там же рассмотрен вопрос о словарной записи фарингализации и представлены динамические правила, описывающие возникновение вторичных центров сильной фарингализации в слове при переходе от морфонематической к фонематической записи.

Ф.232.2. Фонетические особенности фарингализованных звуков

Выше подробно рассматривался главный артикуляторный коррелят фарингализации, общий для разных дагестанских языков - сужение

115. В этих формах гласный перед qI^1 не фарингализуется, а лишь подвергается незначительной аккомодации (см. Ф.34).

116. Следует отметить, что представленные закономерности описывают главные тенденции распределения фарингализации, однако в живом произношении многое зависит от темпа и экспрессивности речи; наблюдаются различия и в индивидуальной степени фарингализа-

нижней части глоточного прохода за счет напряжения сфинкторных мышц стенок глотки и корня языка (см. Ф.122). Мы указывали также на различный характер побочных артикуляторных эффектов фарингализации на язычную артикуляцию в разных языках. Обсудим здесь подробнее влияние фарингализации на артикуляцию и слуховое качество арчинских гласных и согласных.

а) Гласные

Поскольку язык играет важную роль при артикуляции всех гласных, его побочное смещение при фарингализации заметно сказывается на их качестве. Общее направление смещения - назад и вниз для тела языка, назад и вверх - для передней части языка. Сдвиг языка отчетливо ощущается информантами, для [aI] он хорошо виден при раскрытии рта.

Смещение языка дает разные акустические результаты для передних и задних гласных. Передние гласные на слух приближаются к центральным: [ɨI] ([hI^{1}íI^{1}mI^{2}p'I^{3}iI^3] "плакса", [díI^{1}č̥ I^{2}əI^{2}t̄ut^h] "толстый") - k [ɨI], [eI] ([p^{h}I^{1}eI^{1}hI^2] "лобковый волос", ['I^{1}eI^{1}č̥ I^2]"шрам") - k [əI][117] Кончик языка, который находится внизу около зубов при произнесении обычных [i] и [e], оказывается вверху, в области твердого неба, в случае [iI] и [eI].

Сходное положение занимает передняя часть языка и при произнесении непередних гласных: [aI]([bI^{1}áI^{1}k'I^{2}oI^{2}n] "веревка", ['I^{1}áI^{1}rI^{3}iI^3] "армия"), [oI] ([p^{h}I^{1}oI^{1}mI^{2}p^{h}I^2] "колено", ['I^{1}oI^{1}čI^2] "хвост"), [uI] ([bI^{1}úI^{1}rI^2 - bòs] "дымить", ['I^{1}úI^{1}nš̥ I^{2}əI^{2}l,a] "ящерица"); за счет близости кончика языка к твердому небу эти гласные приобретают на слух незначительный оттенок умлаутизации. Однако такая "умлаутизация" с точки зрения артикуляторной имеет мало общего с обычной умлаутизацией (палатализацией), которая состоит в приближении к твердому небу тела языка, а не его кончика. По положению же тела языка арчинская фарингализация оказывает депалатализующее влияние, что проявляется в сдвиге назад передних гласных и отвердении l и шипящих.

На слух фарингализованные гласные производят впечатление смешанных, тусклых ("нечистых"), что отражается в их использовании в звукоподражательных и экспрессивных словах: /'éImmus/ "плакать", /háImp^h-bòs/ "лаять", /náIw-bòs/"мяукать", /t'úIr-t'úIr bóna záInnaw xábus/"некрасиво играть на зурне" (букв. "t'uIr-t'uIr говоря, на зурне играть") и т.п.

117. Буквой "ə" обозначаем гласный центрального ряда типа русского в словах "шест", "цех".

Фарингализация имеет также побочное влияние на ларингальную артикуляцию гласных. Оно заключается в явном понижении тона, иногда доходящем до изменения характера фонации (появление отдельных тоновых толчков на сонограммах). Объясняется это, очевидно, изменением перепада давлений в глоттисе (ср. понижение тона на звонких смычных - см. Кодзасов 1968). Можно, наконец, отметить некоторое удлинение фарингализованных гласных по сравнению с обычными краткими, что отражает большее двигательное усилие при их произнесении[118].

б) Согласные

Без заметных изменений основной артикуляции признак фарингализации присоединяют губные ([mI^{1}áI^{1}mI^{2}əI^{2}rI^{3}či] "лицо", [bI^{1}áI^{1}rI^{3}iI^3] "водоем" и т.д.), латеральные [x̌I^{1}áI^{1}mI^{2}əI^{2}t̄ut^h] "богатый", [náI^{1}ǩ'I^{2}uI^2] "слепень" и т.д.) и велярные ([gI^{1}áI^{1}nž̥ I^{3}iI^3]"коренной зуб", [k^{h}I^{1}áI^{1}rI^{2}š̥ I^{3}iI^3] "сабля" и т.д.). Простые ларингалы также присоединяют фарингализацию без изменения основной артикуляции - [hI^{1}óI^1'I^2-bòs] "кричать (об осле)", [hI^{1}áI^{1}t^{h}əI^{3}ra] "река" и т.д. Этим арчинский отличается от некоторых других дагестанских языков, которые в фарингализованных слогах допускают лишь эмфатизованные ларингалы (лакский, даргинский, рутульский)[119].

Шипящие, которые в арчинском умеренно палатализованы, при фарингализации депалатализуются из-за смещения языка назад, не приобретая, однако, той яркой велярной окраски, которую имеют русские твердые: [š̥ I^{1}eI^{1}s] "побежать", [noI^{1}š̥ I^1]"лошадь", ['I^{1}óI^{1}č̥'I^{3}iI^3] "воротник" и т.п. Также и /l/, хотя и не подвергается само фарингализации, теряет палатализованность в соседстве с сильно фарингализованным гласным: [mI^{1}uI^{1}l̥] "сопля", [š̥ I^{1}aI^{1}l̥]"земляной раствор", ['I^{1}əI^{1}l̥óI^{3}wt̄ut^h] "зеленый (но [l,iI^{2}q'I^1] "орел", [xI^{1}eI^{2}l̥] "дождь").

Очень показательна та фонологическая переинтерпретация, которую в арчинском языке получает арабское слово 'aɫɫah(это единственное

118. Не исключено, что в таких словах, как /dóIzut^h/ "большой", /díIčət̄ut^h/ "толстый", /dáIdaIw/ "тучный человек", /báIk'i/ "куча" фарингализация символизирует идею массивности, выделенности. ассоциируемую с артикуляторным усилием.

119. В арчинском эмфатические ларингалы в фарингализованных слогах не встречаются.

в арабском слово с "эмфатическим", т.е. веляризованным ł): твердость ł была переосмыслена как результат влияния предыдущего фарингализованного гласного и появилось произношение [ʼI¹aI¹l̥l̥áh][120]. Отсюда же возникла фарингализация и в арчинском приветствии /bəIrkʰáIlla/ (<*barkʰa aɫɫah "слава аллаху").

Как справедливо отмечал К.Микаилов, [r] при фарингализации сдвигается в направлении ретрофлексного глайда типа английского [ɹ] ([ʼaI¹áI¹rI³iI³] "войско", [ʼI¹əI¹rI¹óI¹s] "русский" и т.п.). Интересно отметить, что в некоторых диалектах американского английского отмечается фарингализация при произнесении "ретрофлексного нейтрального" [ə~] ("dear" [diə~I] и т.д.).

Зубные звуки не присоединяют фарингализации, это является, очевидно, свидетельством трудности осуществления нижнефарингального сужения при таком переднем положении языка. Незначительное смещение кончика языка назад в соседстве с сильно фарингализованными согласными носит характер аккомодации.

В особом положении находятся увулярные фарингализованные - [bI²oI²xI¹] "горный козел", [qI¹oI²n] "куропатка", [qʼI¹oI²n] "между", [qI¹əI²š̥ól,] "лестница" и т.д. При их произношении совмещаются две близких артикуляции - верхнефарингальная и нижнефарингальная. По-видимому, при этом происходит их слияние в единую цельную артикуляцию, образуется как бы особый дополнительный локальный ряд[121]. Именно этим и объясняется необычное распределение фарингализации в словах с увулярными.

Ф.232.3. Об источниках фарингализации

Арчинские фарингализованные увулярные, несомненно, восходят к общелезгинскому уровню - они имеют много очевидных параллелей в других языках: /deqIʼ/ "дорога" (ср.таб.,аг.,рут. raqI, цах. jaqI), /qIun/ "плечо" (ср.таб.,аг., рут. RIun), /xIon/ "корова" (ср.таб.аг. xIuni), /qIon/ "куропатка" (ср. таб., аг., рут. RIud, цах. RIon), /liqIʼ/ "орел" (ср.таб. luqIʼ, аг. liqIʼ, рут. lɨqIʼ), /diqIʼ/ "зола" (ср.таб., аг. ruqI, рут. rɨqI, цах. jɨqI) и т.д.

---

120. Такое произношение наблюдается в речи молодых арчинцев. В речи представителей старшего поколения твердость l обычно не сопровождается фарингализацией предшествующих звуков.

121. Ср. наблюдаемый во многих языках переход палатализованных велярных в звуки палатального ряда.

Труднее найти подтверждение древности фарингализации в словах без увулярных, однако и здесь даже при беглом просмотре удается выявить ряд очевидных соответствий: /baIš/ "сто" (ср.рут.,цах. vaIš, уд. baIč), /báIri/ "водоем" (ср. лакск. baIr, рут. ʼuIr), /ʼáIrum/ "серп" (ср.цах. aIrab), /čʼeIpʰ/ "колыбель" (ср.дарг. (с.Чираг) čʼaIpʰa), /čʼā́Iri/ "волос" (ср.цах. čʼaIr).

В то же время далеко не всегда мы имеем дело с исконной фарингализацией. Кроме заимствований из лакского (/ʼaIp̄áIsi/ "монета в 20 коп.", /ʼaIrčáI/ "хромой", /tʼaIpʼáIn/ "потоп" и др.), можно отметить новую фарингализацию на месте эмфатических ларингалов в заимствованиях: /mutʼúIh/ "быть покорным" (ср. ав. mutʼiʻ). /nutʼúIh/ "халва" (ср.ав. natʼuH)[122]. Вероятно, некоторые из экспрессивных слов с фарингализацией (см. выше) являются собственно арчинскими новообразованиями.

---

122. Возможно, что в некоторых случаях фарингализация возникла при утрате древних эмфатических ларингалов: /ʼaInš/ "яблоко" (ср. дарг. (ак.) ʻinc , аг. Hač), /ʼaIri/ "войско" (ср.дарг.(ак.) Hureba), /meI/ "сыворотка" (ср.аг. meH, дарг.(ак.) meH).

Ф.3. СИНТАГМАТИКА И ЧЕРЕДОВАНИЯ

Ф.31. НЕСЕГМЕНТНЫЕ ФОНЕТИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ

Ф.311. Фонетическая синтагма[123]

Ф.311.1. Границы фонетической синтагмы

1. Фонетическая синтагма – предельная область действия фонетических закономерностей, касающихся сегментных признаков и неинтонационных супрасегментных. Синтагменная граница во всех языках предотвращает какое бы то ни было взаимодействие сегментов, которые ею разделяются.

Синтагменные границы нередко выражаются паузами; этим, вероятно, вызываются специфические фонетические явления, сопутствующие им во многих языках. В арчинском конечная граница синтагмы исключает редукцию гласного предшествующего слога (см. Ф.321.31). Наличие паузы не обязательно, ее отсутствие не приводит к снятию связанных с синтагменной границей фонетических закономерностей (эта граница как бы продолжает символизировать потенциальную паузу).

2. Фонетическая синтагма в обычной разговорной или повествовательной речи часто совпадает с грамматическим простым предложением. Например, предложение № 6 из текста 32 имеет такое синтагменное членение: /‖ 'ámmokʰi jámutʰ 'íqna nen x̌éšət'ow 'édət'u | jémmetʰmə nen jáṯutʰ Runíkʰ éxdət'u | xírṯutʰ 'íqnə 'éxmus-bòlə qI'éjdi ‖[124]/ "Но в этот день мы лишь поздно прибыли, поэтому мы на

123. Мы опускаем рассмотрение фонетической фразы и ее границ, т.к. фразовые границы нужны лишь при описании интонации, которую мы не анализируем. К тому же границы фонетической фразы совпадают с границами грамматического предложения, и их введение при фонетическом синтезе описывается тривиальным образом.

124. Напомним, что знаки фразовых и синтагменных границ в боль-

Верхний Гуниб не поднялись; на следующий день подняться думая, остались". Однако если в простом предложении содержатся сильно распространенные составляющие, они могут выделяться в отдельную фонетическую синтагму. Например, предложение № 1 из того же текста делится на две синтагмы: /‖ 'izáṯur 'úIč'-bəIšòIr dix̌íṯur x̌ó-bòsdutʰ s̄ánna | zon c'úrə wíc'-bòsdub kʰəlásla 'órǩənšə 'éwdi ‖/ "В тысяча девятьсот шестьдесят пятом году я в Цурибе в десятом классе учился".

В выразительной речи, когда говорящий стремится подчеркнуть многие смысловые элементы предложения, разбиение на синтагмы может быть очень дробным: /‖ xíṯə kʰámmu tʰəpʰánči | 'ébk'as | 'ábu | tʰeb ‖ / "Потом выстрелил пистолет, упасть заставил их".

3. Сформулировать строгие правила, вводящие границы фонетических синтагм при синтезе, не легко[125]. Хотя членение на фонетические синтагмы имеет собственно фонетическую мотивировку (необходимость квантования речи на относительно короткие дыхательные и интонационные группы), оно тесно скоррелировано с семантико-синтаксической структурой высказываний[126]: лишь те составляющие предложения, которые характеризуются относительной смысловой и синтаксической самостоятельностью, могут выделяться в фонетические синтагмы[127]. Реальный процесс членения фразы, очевидно, заключается в поиске таких относительно самостоятельных семантико-синтаксических составляющих, протяженность которых хорошо соответствует оптимальной величине фонетической синтагмы. Чтобы сформулировать строгие правила расстановки границ фонетических синтагм, требуется тонкое понимание корреляций семантико-синтаксической и фонетической характеристик высказывания, чего не достигнуто пока и для хорошо изученных "больших" языков. Поэтому мы воздерживаемся пока от выработки общих правил синтагменного членения для арчинского.

шинстве случаев опускаются для сокращения записи.

125. Это верно не только для арчинского, но и для других языков. Сходные трудности возникают в связи с границами фонетических слов – см. Ф.312.1.

126. О необходимости фонетического квантования речи, соотнесенного с семантико-синтаксическим членением см. Чистович и др. 1965.

127. Очевидно, такие группы слов обладают также наибольшей свобо-

Ф.311.2. Мелодические завершители синтагм

Хотя мы не занимались арчинской интонацией специально, все же можно сделать некоторые замечания об основных типах мелодических завершителей синтагм при отсутствии эмфатического выделения (они близки к русским).

Утвердительное предложение завершается падением тона на гласном последнего ударного слога, заударные слоги произносятся на низком тоне:

/‖ ez jámut^h č'at^h síni ‖/ "Я это слово знаю"

Вопросительное предложение ("общий" вопрос) завершается подъемом тона на последнем ударном слоге с последующим падением тона на заударных:

/‖ was jámut^h č'at^h sínəra‖/ "Ты это слово знаешь?"

Неконечные синтагмы завершаются подъемом тона на последнем ударном слоге с сохранением высокого тона на заударных слогах[128]:

/‖ xIərέ 'íɬə xíɬa | 'os lo 'érdə Rənák^h ‖ /
"В Арчибе были когда ведь, одна девушка была там"

Ф.312. Фонетическое слово

Ф.312.1. Грамматический состав фонетического слова

1. Фонетическое слово в арчинском языке, как и в большинстве языков мира, является основным элементом ритмической организации высказывания - ритмика фразы задается последовательностью словесных ритмических рисунков, в которой произведено дополнительное выделение синтагменных и фразовых акцентов. Фонетическое слово одновременно является предельной областью, внутри которой осуществляется слогоделение: к одному слогу не могут относиться фонемы, принадлежащие разным фонетическим словам, но могут относиться фонемы, принадлежащие разным грамматическим словам внутри фонетического.

2. В качестве фонетического слова чаще всего выступает простое грамматическое слово; например, предложение /‖ 'ez 'árš^{ə}ɬeqIdə

дой перестановок внутри предложения, т.е. имеются и внутрисинтаксические параллели фонетического членения.

128. В конце таких синтагм после гласных иногда наблюдается гортанная смычка.

bálbus sínt'u ‖/ "Я по-арчински говорить не умею" - состоит из четырех фонетических слов такого типа.

Фонетическое слово может быть также представлено грамматическим сложным словом (такое слово имеет обычно, кроме главного, еще и побочное ударение): /č'áqᵢ-lèɬi/ "лопатка" (букв. "ложка-кость"), /č'uIbáI-gènuk^h/ "белок яйца" (букв. "белое яйцо"), /k^{h}ulú-lò/ "сирота" (букв. "сиротский ребенок"), /'íš-iq/ "сутки" (букв. "ночь-день") и т.п.

Нередко фонетическое слово представлено грамматическим словосочетанием. Так, в одно фонетическое слово объединяются субстантивы и односложные послелоги: /bəšórmut^h-jàt^h/ "на мужчине", /lahás-x̌$_o$àk^h/ "около ребенка", /t^{h}órməs-xìr/ "позади нее". Как правило, подобному же объединению подвергаются основной и вспомогательный глаголы в аналитических конструкциях: /béqIəšə-bì/ "идет (Ш)" /p^{h}ərx̄árš-ì/ "летит (IУ)" (со слогоделением - /=p^{h}ərx̄=xár=š-ì=/, /ǩ'ánš-ewdi/ "любила (I)" (со слогоделением /=ǩ'án=š-èw=di=/) и т.п.

Одним фонетическим словом представлены также "сложные" глаголы и производные от них (см. Л.218, Л.221). Сюда прежде всего относятся зафиксированные в словаре идиомы типа: /t'ál-às/ "посылать" (/t'ál-àbuli/ "послали"), /láq'u-k^{h}ès/ "кончаться" (/láqᵢ-èɬi/ "кончился", со слогоделением - /=lá=qᵢ-èɬ=ti=/), /q'urás-às/ "сушить", /dóIzə-k^{h}ès/ "увеличиваться" (/dóIz-èɬi/ "увеличился"), /ánx̄-às/ "сражаться", /qIᵢé-bəq'c'às/ "бежать галопом", /áǩ'-àrt'i/ "топорик для мяса" (от /áǩ'-àt'as/ "мясо рубить"), /hót^{h}ə-g$_o$àrq̄'i/ "грабли" (от /hót^{h}ə-g$_o$àq̄'as/ "траву собирать") и т.п. По фонетической структуре от словарных идиом ничем не отличаются окказиональные сочетания глаголов с предшествующими словами: /c'aHánn-às/ "дрова заготовлять", /x̄$_o$áll-àbas/ "хлеб делать", /'ówt'uɬuɬ-òwli/ "не делаемое сделали", /t'íɬub-èbdi/ "маленькая была"[129]. Примеры в предложениях: /t^{h}ow hán-ărš-ì/ "Он что делает?" /t^{h}ow nóǩ'-ārš-ì/ "Он дом строит (букв. делает)", /ez hárq-òǩa/ "Мне сметану дай", /wit^h šuméjt'u šán-èɬəli/ "Тебе сколько лет?" /jármət^h zərbábɬen xIəšón-èbdi/ "На ней парчовое платье было", /Runí 'os x̄$_o$án-ì/ "В Гунибе один склон есть".

В определенных случаях такого слияния не наблюдается: /t^{h}ówmut^h

129. Эти же примеры со слогоделением: /=c'a=Hán=n-às=/, /=x̄$_o$ál=l-à=bas=/, /='ów=t'uɬ=tuɬ=t-òw=li=/, /=t'íɬ=tu=b-èb=di=/. Такие выражения выступают как своего рода инкорпоративные комплек-

'áčuli Rənžár-èdi "На нем прикрепленный, кинжал был", /jámur 'érdələ múťur.../ "Она была красивая...", /...šóIrtʰəl-èbťələ 'ébdəli/ "...вместе соединившись, были", /nóq'-bòs 'éťəqəra/"noq' сказать можно ли?" и др. Синтаксические запреты, которые проявляются в таких случаях, нам не удалось строго сформулировать.

Отметим, наконец, что никогда не объединяется в одно фонетическое слово прилагательное с последующим существительным: /jásqə múťutʰ 'íq-ì "сегодня хороший день", /zaHmáťutʰ 'ár-às kʰášòt'u xəmáj/ "Трудную работу не должны делать женщины", /ǩəImáIťutʰ díq'-ì jatʰ/ "Жидкий суп это".

3. Из приведенных примеров ясно, что правила расстановки границ фонетических слов имеют синтаксический характер, их строгая формулировка требует специального грамматического исследования, которое не входило в наши задачи[130]. Поэтому во всех местах изложения, где необходимы ссылки на границы фонетических слов, мы опираемся лишь на ясные случаи.

Ф.312.2. Ритмика фонетического слова

Ф.312.21. Ритмика простого слова

а) Распределение ударения

1. Ударение может падать лишь на 1-й и 2-й слоги слова. Ударение не является "автоматическим": его место на 1-м или 2-м слоге нельзя предсказать на основе фонетических правил. Внутри простого слова не бывает никаких побочных ударений: гласный имеет либо полную степень ударения, либо безударен.

Фонетическому ограничению на место ударения хорошо соответствует грамматическое ограничение: ударение может падать лишь на корень и на непосредственно следующий за ним аффикс[131]. Если корень односложен, то фонетический закон (ударение не далее 2-го слога

сы.

130. Фонетическому слову соответствует, очевидно, особая синтаксическая единица, промежуточная между словосочетанием и грамматическим словом: ритмическое объединение слов - отражение их грамматического объединения. Синтаксическая структура таких составляющих, конечно, должна исследоваться в грамматике, а не в фонетике. Это верно как для арчинского, так и для других языков.

131. В двусложном аффиксе ударение может падать лишь на 1-й слог.

от начала) не может нарушиться. Он не нарушается также в случае двусложных корней, которые в безаффиксной форме имеют ударение на 1-м слоге, т.к. ударение в них не смещается при аффиксации. Если же двусложный корень в безаффиксной форме имеет ударение на 2-м слоге, то (в редких случаях) возможен переход ударения на аффикс. Нарушение фонетической правильности устраняется при этом за счет синкопы предударного гласного (см. Ф.312.21 б).

2. Место ударения в цепочке "корень + аффикс" совершенно не зависит от последующих аффиксов, т.е. определяется лишь собственными свойствами этой цепочки. Внутри нее действует простая закономерность: ударение, как правило, не переходит на "живые" аффиксы, свободно присоединяемые к корням и производным основам. Сюда относятся такие аффиксы, как {li}, {mu}, {mi} (эргатив), {mul} (мн.число), {ťu} (адъективизатор), {t'u} (отрицание) и т.п. Напротив, нестандартные аффиксы (например, {a}, {e}, {i(li)} (эргатив), {or}, {oť}, {om} (мн. число), {i} (субстантивизатор) и т.п.) могут принимать на себя ударение.

Сочетания корней с такими аффиксами в силу своей нерегулярности выступают как морфологические единства ("слитные" основы). Хотя такие образования обычно описываются в грамматиках как производные[132], они, очевидно, являются "готовыми" единицами реального словаря в памяти носителя языка (это не исключает осознания говорящим "внутренней формы" таких единиц). Морфологическое слияние (фузия) таких сочетаний согласуется с их фонетическим слиянием, они выступают как ритмическое целое, внутри которого возможно то или иное размещение ударения[133].

3. Итак, релевантная для размещения ударения область слова -

---

132. Выбор того или иного нестандартного аффикса определяется при этом морфологическим типом корня, что в сущности является техническим приемом сокращения записи "готовых" форм.

133. Интересно отметить различие в соотношении грамматического и фонетического членения в "слитных" и "неслитных" основах, связанное с различием фонетического строения типичных непродуктивных и продуктивных аффиксов. Продуктивные аффиксы обычно начинаются с согласного, и их присоединение к корню не приводит к его слоговому разбиению. Соответствующие непродуктивные аффиксы, напротив, обычно начинаются с гласного, и корень подвергается слоговому разложению. Расхождение грамматического и фонетического членения должно способствовать фузии корня и аффикса.

его "слитная" основа (либо его корень - в случае продуктивности последующего аффикса и в безаффиксной форме). Общих законов (фонетических или грамматических), которые позволили бы строго описать распределение ударения в этой области, обнаружить не удается. Наблюдаемая картина является,по-видимому, результатом наложения закономерностей, действовавших в разное время; последовательной фонетической или грамматической унификации акцентуационная система, очевидно, давно уже не подвергалась.

Ясно проявляется лишь одна общая тенденция расстановки ударения. оно уходит с узких гласных i и u в первом слоге. Вероятно, это связано с той функциональной ролью,которую играли узкие гласные в прежней четырехугольной системе (см. Ф.214). В таких системах эти гласные выступают в качестве нейтральных: в них переходят неузкие при потере ударения[134] . При наличии случаев перехода ударения с корня на аффикс (они явно имели место), сопровождавшегося сужением корневого гласного, победила общая тенденция трактовать все начальные узкие как безударные.

Смещение ударения с узких гласных особенно хорошо видно в производных формах существительных: /biš/ "теленок" - /bišíli/(эрг), /bəšór/ (мн.ч.); /diǩ₀/ "туча" - /diǩ₀íli/(эрг), /dəǩór/ (мн.ч.); /dič'/ "круп" - /dič'íli/(эрг), /dəč'ór/ (мн.ч.); /qIin/"мост" - /qIənní/ (эрг), /qIənnór/ (мн.ч.); /diq'/ "суп" - /dəq'í/ (эрг), /dəq'ót^h/ (мн.ч.); /qip^h/ "кал" - /qəp^{h}í/ (эрг), /qəp^{h}ót^h/ (мн.ч.); /č'ut^h/ "кувшин" - /č'uṯá/ (эрг), /č'uṯúr/(мн.ч.); /mul/ "гора" - /mulúr/ (мн.ч.), /'ux/ "поле" - /'uχ̄á/ (эрг), /'uχ̄út^h/ (мн.ч.); /qIun/ "холм" - /qIunút^h/ (мн.ч.), /χ̄urk'/ "голубь" - /χ̄urk'á/ (эрг) - /χ̄urk'úm/ (мн.ч.) и т.п.[135]

В тех же формах наблюдается регулярный сдвиг ударения с фонемы o: /q'on/ "козел" - /q'ənó/ (эрг), /q'ənór/ (мн.ч.); /xol/ "рука" - /xəlór/ (мн.ч.); /'oIč/ "хвост" - /'əIčóIr/ (мн.ч.); /moǩ/"пена" - /miǩí/ (эрг); /s̄ob/ "рот" - /s̄əbót^h/ (мн.ч.); /xIon/ "корова" - /xIəní/ (эрг) и т.п. Происхождение этого явления очевидно: многие

134. Такие процессы хорошо отражены в хиналугском языке (см. Кибрик,Кодзасов,Сословникова 1972). В арчинском их нельзя наблюдать, т.к. в качестве нейтрального в нем теперь выступает редуцированный.

135. Исключения из этого правила (/t^{h}úng+ut^h/ "оси веретена", /x₀ínc'+i/ "овечий клещ (эрг)", /šík'+ut^h/ "каблуки"), вероятно, объясняются тем, что замена исконных неузких корневых гласных не

o восходят к историческому *ŭ (см. Ф.214), с которого ударение должно было смещаться так же, как с *i и *u.После перехода *ŭ в o, описанный процесс распространился на все корни с o.

Если в односложном корне существительного содержится a или e, то сдвиг ударения на аффикс наблюдается в редких случаях /mas/ "постель" - /məs̄é/ (эрг), /ǩ̄an/ "вода" /ǩ̄ənné/ (эрг) и др.), обычно же ударение на корне сохраняется (/jam/ "волк" - /jámi/ (эрг), /jámut^h/ (мн.ч.); /baIk'/ "баран" - /béIk'iri/ (эрг), /báIk'ur/ (мн.ч.); /bek'/ "пуговица" - /bék'ut^h/ (мн.ч.), /gel/ "кружка" - /gélum/ (мн.ч.) и т.п.).

Описанная тенденция распределения ударения действует также в двусложных корнях существительных и прилагательных. Большинство корней с ударением на 1-м слоге имеет в этом слоге a: /gát^{h}u/ "кошка", /g₀áci/ "кобыла", /k'áč'i/ "лист", /láχə+ṯut^h/ "длинный", /cárə+ṯut^h/ "наклонный" и т.п. Корней с ударными i и u в этой позиции немного: /gídu/ "круг", /č'íš̄i/ "голос", /búc̄'i/ "скот", /'úrki/ "лопух", /k^{h}ūt'ə+ṯut^h/ "низкий", /díIčə+ṯut^h/ "толстый" и др. Единичны также двусложные глагольные основы с ударными узкими в начальном слоге.

4. Из вышеизложенного следует, что при фонетическом синтезе ударение внутри "слитной" основы или неодносложного корня нельзя поставить на основе общих правил - необходимо иметь "готовые" акцентуированные формы в словаре. Некоторого сокращения словаря можно достигнуть за счет введения частных правил, действующих на основе морфонологических помет об акцентных свойствах морф; такие правила, естественно, должны рассматриваться в грамматической части описания (см. Т.111.21). Мы исходим из того, что в морфонематической записи ударение уже проставлено внутри простого слова.

б) Синкопа предударных гласных

Если ударение оказывается на 3-м слоге от начала, предударный гласный выпадает, что обеспечивает сохранение правильной ритмической структуры слова. Формальная запись этого правила такова:

(1) cv(c)cvcv́... ⟶ cv(c)ccv́...[136]

сопровождалась акцентным сдвигом.

136. При заимствовании русских слов с ударением на третьем слоге это правило не действует. Отклонение от допустимой в арчинском ритмической схемы устраняется простым сдвигом ударения на предшествующий слог: /dəgáwur/ "договор", /'ap^{h}ícer/ "офицер",

Имеется два типа грамматических форм, где наблюдается действие этого правила. 1-й тип - это глагольные формы с префиксальными классными показателями, имеющие двусложную основу с ударением на втором слоге: {d+k^{h}erá+s} "вести (П)" → dək^{h}erás → /dək^{h}rás/ (ср. /k^{h}erás/ (IУ)), {d+šubú+s} "брать (П)" → dəšubús → dəšbús → /dušbús/ (ср. /šubús/(IУ)), {b+xəšá+s} "рвать (Ш)" → bəxəšás → bəxšás → /bəxčás/ (ср. /xəšás/ (IУ)), {b+čərá+s} "жарить (Ш)" → bəčərás → /bəčrás/ (ср. /čərás/(IУ)) и т.п.

2-й тип - это именные и глагольные формы, в которых ударение перешло с двусложной основы на суффикс: {xət̄on+á} "ограда (эрг)" → /xət^{h}ná/ (ср. /xət̄ón/ (ном)), {mət^{h}ól+a} "козленок (эрг)" → /mət^{h}lá/ (ср. /mət^{h}ól/ (ном)), {k'ənc'ol+á} "щенок (эрг)" → /k'ənc'lá/ (ср. /k'ənc'ól/ (ном)), {q'əc'a+múl} "соглашение" → /q'əc'múl/ (ср. /q'əc'ás/ "соглашаться".

Ф.312.22. Ритмика сложного слова

Ритмическая схема фонетических слов, представленных грамматическими сложными словами или словосочетаниями, строится по принципу энклитического примыкания: главным является всегда первое ударение, следующее ударение ослабляется до второстепенного: /k^{h}ulú-lò/ "сирота", /ǩ'írmə-nòǩ'/"нижний этаж", /č'u^{I}báI-gènuk/"белок", /qIʒé-bəq'c'às/ "бежать галопом", /'ánx̄-às/ "сражаться", /xabár-àbt̄i/ "рассказал", /dək^{h}ěrš-èrdi/ "была (П)", /Runí 'os x̄$_o$án-ì/ "В Гунибе один склон есть" и т.п. Формальная запись соответствующего динамического правила такова:

(2) V́... V́ → V́... V̀, если ударные гласные не разделены пробелом (т.е. принадлежат одному фонетическому слову).

Нередки случаи, когда фонетическое слово представлено сочетанием трех грамматических слов. В этих случаях имеются более тонкие градации ударения, которые могли бы задаваться циклическими правилами (типа правил в Халле, Хомский 1968). Однако мы для простоты считаем все неглавные ударения равными по силе: /xom du'í-bàršə-bì/ "Женщины ругаются", /... ánx̄-àrš-èbdəli/ "...сражались", /'el jāšəna mət^{h}ól-òwl-èdi/ "Нам в этом году козленок родился (букв. сделался)". Правило (2) описывает и такие случаи.

/dəlégat^h/ "делегат". Если бывший ударный гласный находится в открытом слоге, то сохраняется свойственная ему в русском языке долгота: /'agít^{h}āt^{h}or/ "агитатор", /zəsídānija/"заседание".

Переход главного ударения на 2-й корень внутри сложного слова связан с опрощением этого слова (суффигированием второго корня либо полной утратой морфологической разложимости): /c'ummús/ "просеивать" (<*cʒém-bòs), /k^{h}ummús/ "есть" (<*k^h_oán-bòs) и т.п. /t'ənk'ár/ "прыгает" (ср. /t'ánk'-bòs/ "прыгать"), /hə^{I}mp^{h}áIr/ "лает" (ср. /háImp^h-bòs/ "лаять" и т.п. (о bos'овых глаголах см. Т.121.23). Ударение первого корня при этом полностью теряется.

Теми же причинами вызывается утрата побочного ударения на 2-м корне: /čúčor/ "стирает" (ср. /čúčə-bòs/ "стирать"), /qʒérq'er/ "крутит" (ср. /qʒérq'ə-bòs/ "крутить"), /bāIbus/ "разговаривать" (<*bāI-bòs), /qúbus/ "греметь" (<*qú-bòs), /bímušur/"храбрец" (<*bí-bəšòr, ср. /bí-x̄ənnòl/ "храбрая женщина"), /'əInt^{h}ímmaj/ "головной мозг" (<*'əInt^{h}ín-màj "головы жир") и т.п. В аналитических глагольных формах с вспомогательным деепричастием на {ši} от основы констатива (см. Т.122.12) наблюдается факультативная потеря побочной ударности из-за долготы гласного: /zárə nóǩ'-ārš-ì/ "Я дом строю", /jow hán-wāršə-wì/ "Он что говорит? и т.п.

Ф.313. С л о г

Ф.313.1. Правильная слоговая структура

1. В арчинском языке действуют строгие ограничения на структуру слога. Возможны слоги лишь трех типов: =CV=, =CVC=, =CVC$_S$C$_n$= (где V - гласный, C - согласный, C$_S$ - сонорный согласный, C$_n$ - шумный согласный, а знак = символизирует границу слога)[137]. Отсюда вытекают следующие запреты: 1) недопустимы неприкрытые слоги, т.е. слоги, начинающиеся с гласного; 2) недопустимы сочетания гласных внутри слога; 3) недопустимы сочетания согласных в начале слога; 4) в конце слога недопустимы сочетания сонорных, шумных и сочетания вида C$_n$C$_S$.

Из ограничений на финаль и инициаль слога следует, что на стыках слогов возможны лишь следующие сочетания согласных: ...C$_1$ = C$_2$ ... (где как C$_1$, так и C$_2$ может быть и сонорным, и шумным) и ... C$_1$C$_2$ = C$_3$... (где C$_1$ - сонорный, C$_2$ - шумный, C$_3$ - сонорный или шумный).

---

137. В данном параграфе рассматриваются структурные типы слогов в терминах главных классов звуков: гласных, сонорных и шумных согласных. Закономерности слогового распределения других звуковых признаков (сила согласных, долгота гласных) описаны ниже.

Перечисленные закономерности, как правило, строго соблюдаются, отклонения от них отмечены лишь в единичной форме /qIʒ̊é-bəq'c'-mùl/[138] "галоп" (<{qIʒ̊é-b+q'əc'a+múl} , букв. "двух-согласие") и в некоторых неассимилированных заимствованиях.

2. Сильные смычные(взрывные и аффрикаты) в арчинском могут выступать только как геминаты, т.е. они возможны лишь в интервокальном положении и после сонорных перед гласными, где фаза смыкания у них отходит к предыдущему слогу, а фаза размыкания к последующему (/=láp̄=pus=/ "махать", /=bát̄=tur=/. "рога", /='ák̄=kus=/ "видеть", /'ác̄'=c'i=/ "болезнь", /='éq̄'=q'as=/ "кусать").

Иначе обстоит дело с сильными фрикативными. Они могут выступать в начале слога и в этой позиции геминатами, естественно, не являются (/=s̄am=/"гнев", /=x̄on=/ "капкан" и т.п.). Вместе с тем подобно смычным, в интервокальном положении и после сонорных перед гласными они выступают как геминаты (/=bárs̄=s̄on=/ "ребро", /='éx̌=x̌as=/ "класть" и т.п.).

При показе слоговой структуры в фонематической записи приходится отмечать также геминацию слабых фонем в интервокальном положении(неабруптивных аффрикат-/=məc=cór=/ "пастбище", /=gₒáč=či=/ "собака",,/=məǩ=ǩól=/ "засохшая трава", /='áq=qur=/ "ноги"; латеральной абруптивной аффрикаты - /=náIǩ'=ǩ'u=/ "слепень"; полугласных - /='əj=jóm=/"уши", /=noIw=wáIr=/ "мяукает").

3. Слоговое членение высказываний скоррелировано с членением их на фонетические и морфологические слова. Границе фонетического слова обязательно сопутствует слоговая граница: естественно, в один слог не могут объединяться соседние фонемы, принадлежащие разным ритмическим группам. Граница между морфологическими словами, входящими в состав одного фонетического, накладывает определенное ограничение на распределение фонем по слогам. Это ограничение несимметрично: начальный элемент слова не может отойти к предыдущему слогу, тогда как конечный элемент слова может отойти к последующему слогу. Так,выражение /hótʰə-s̄ȁs/ "траву трогать" имеет слоговое членение /=hó=tʰə=-=s̄às=/, а не *=hó=tʰə-s̄=s̄ás=, выражение /hótʰə-qI'às/ "траву делить" (<{hótʰə-q̄I'á+s̄}) имеет слоговое членение /=hó=tʰə=qI'às=/, а не *=hó=tʰəq̄I'-q̄I'as=[139]

138. Следует отметить,что фонема q' в этом слове реализуется специфическим звуком, близким к R.

139. Сходным образом, в начале морфологического слова внутри фонетического невозможна геминация неабруптивных аффрикат, ǩ',j и w(/=hó=tʰə =-=ǩos=/ "траву дать" и т.п.).

В то же время членение типа /=k'ós=s̄-às=/ "нож делать" (<{k'ós̄-á+s̄}), /=márc̄'=c'-às/ "чистить" (<{márc̄'-á+s̄}), /t'á=l-às=/ "посылать" (<{t'ál-á+s̄}) совершенно обычно.

4. Приведем примеры предложений со слогоделением: /=c'a=Hán=n-às= =zon= =x̄ₒák̄=kə=šə= ='úqI=qIa=/ "За дровами (букв."дрова делать") я в лес пошел" (<{c'aHánn-á+s̄ zon x̄ₒák̄+a+ši w+óqIa}), /=xít'=mus=sən= =nā́=q'u=kʰən= =s̄u=bús̄=s̄-às= =kʰₒár=šar=/ "Кашу долго варить нужно" (< {xít'mus̄an nā́q'ukʰan s̄ubús̄-á+s̄ kʰₒárš+ar}), /=jatʰ= =á=rə=ləm= =bėj=jex̌=mul=/ "Этой работы начало" (<{jat̄ ári+li+n béjex̄+mul}), /=ša=míl=lən=nəb= =xít̄=tə= =gúž=lə=šə= =ánx̄=x̄-ȁr=š-èb=də=li=/"Шамилевцы тогда упорно сражались"(<{šamíl+li+n+t̄i+b xít̄a gúž+li+ši ánx̄-ā́+r+ši-é+b+di+li}).

Ф.313.2. Установление правильной слоговой структуры

Процесс установления правильной слоговой структуры описывается двумя группами динамических правил: правила первой группы производят разбиение цепочки фонем на слоги, правила второй группы перерабатывают слоги неправильной формы.

Ф.313.21. Слогоделение

1. Как указывалось выше,граница фонетического слова обязательно требует слоговой границы. Формальная запись соответствующего динамического правила такова:

(3) ...S S...⟶...S= =S...(где S -любой фонетический сегмент)

Примеры: {jásqi mú+t̄u+t̄ íq-í} "Сегодня хороший день (есть)" ⟶ =jásqi= =mut̄ut̄= =íq-í= (⟶ /=jás=qə= =mút̄=tutʰ= ='íq=q-ì=/)[140] ; {x̌əmc'á+li+a noIš b+ák̄u+r+ši-b+í} "В болоте лошадь видна"⟶ =x̌əmc'ália= =noIš= =bák̄uršі-bi=(⟶/=x̌əm=c'á=lə= =noIš= =bák̄=kur=šə=-=bì/) и т.п.

2. Последовательности вида VCV, VCCV, VCCCV членятся так, что второй слог начинается с согласного. Если второму гласному предшествует слабый согласный (Č), то слогоделение единообразно и не зависит от границы морфологических слов:

(4A) VČV⟶V = ČV

Примеры: /=háI=tʰə=ra=/ "река", /=t'á=l-à=bu=li=/ "послал (Ш)",

140. В скобках представлен конечный результат синтеза фонематической характеристики высказывания.

/=lá=q'u=-=k^{h}ès=/ "кончаться";

(4Б) VCC̆V ⟶ VC = C̆V

Примеры: /=dum=p^{h}út^h=/ "мячи", /=sín=-=k^{h}ès=/ "знать", /=qI'áb =qI'-às=/ "грязным делать";

(4В) VCCC̆V ⟶ VCC = C̆V

Примеры: /=dúmp^h=li=/ "мяч (эрг)", /=qI'ábqI'=-=k^{h}ès/ "грязным делаться"

Эти правила могут быть объединены в "схему" (4):

(4) V(C)(C)C̆V ⟶ V(C)(C) = C̆V

В том случае, когда второму гласному предшествует сильный согласный ($\bar{C}$), слогоделение зависит от прочих условий. Если перед ним стоит шумный согласный, то эти согласные расходятся в разные слоги:

(5) V($C_ш$)$C_п$ $\bar{C}$V ⟶ V($C_ш$) $C_п$ = $\bar{C}$V

Примеры: {ár+t̄u+t̄} "далекий" ⟶ =ár=t̄ut̄= (⟶ /='ár=dut^h=/), {ín$\bar{x}$-s̄á+s̄} "масло трогать" ⟶ =ín$\bar{x}$=-=s̄ás̄= (⟶ /='ínx=-=s̄às=/).

Если же перед сильным стоит гласный или сонорный, то на место слогораздела может влиять положение границы морфологических слов:

(6А) V($C_ш$)$\bar{C}$(-)V ⟶ V($C_ш$)$\overline{C}$ = $\bar{C}$(-)V

Примеры: V$\bar{C}$V - {bos̄+ór} "туры" ⟶ =bos̄=sór= (⟶ /=bəs̄=sór=/), VC$_ш$ $\bar{C}$V - {p^{h}árx̄+u} "и барабан" ⟶ /=p^{h}árx̄=x̄u=/, VC$_ш$ $\bar{C}$-V - {ánx̄+ás̄} "сражаться" ⟶ =ánx̄=x̄-ás̄= (⟶ /='ánx̄=x̄-às=/),

(6Б) V($C_ш$)-$\bar{C}$V ⟶ V($C_ш$)=-=$\bar{C}$V

Примеры: {ársi-s̄á+s̄} "деньги трогать" ⟶ =ár=si=-=s̄ás̄= (⟶ /='ár=sə=-=s̄às/), {ársi-q̄I'á+s̄} "деньги делить" ⟶ =ár=si=-=q̄I'ás̄= (⟶ /='ár=sə=-=qI'às=/), {k^{h}úl-s̄+ás̄} "руку трогать" ⟶ =k^{h}úl=-=s̄ás̄= (⟶ /=k^{h}úl=-=s̄às=/).

3. Сочетание гласных внутри фонетического слова распадается на слоги лишь в том случае, когда оба гласных ударны (степень ударения неважна). Ясно, что такой случай возможен лишь на стыке морфологических слов внутри фонетического. Формальная запись соответствующего правила:

(7) $V_{уд}$ - $V_{уд}$ ⟶ $V_{уд}$ =-=$V_{уд}$

Примеры: {lí=á+s̄} "портить" ⟶ =lí=-=ás̄= (⟶ /=lí=-='às=/), {mú-ét̄i} "выздоровел" ⟶ =mú=-=ét̄i= (⟶ /=mú=-='ét̄i/), {káRəra

b+xəš̆+ó-é+b+di+li} "письмо рвал" ⟶ =k^{h}á=Rə=ra= =bə=xə=š̆ó=-=éb= di=li= (⟵/=k^{h}á=Rə=rə= =bəx=č̆ó=-='èb=də=li=/).

Во всех прочих случаях слоговая граница между гласными отсутствует, внутрислоговое сочетание гласных устраняется синкопой одного из них (см. ниже).

Ф.313.22. Переработка неправильных слогов

После установления слогоразделов могут обнаружиться следующие виды неправильных слогов: неприкрытые слоги; слоги, содержащие сочетание гласных; слоги с недопустимыми консонантными стечениями. Ниже описаны способы, которыми арчинский язык перерабатывает неправильные слоги в правильные.

а) Устранение неприкрытых слогов

Неприкрытость слога устраняется протетической гортанной смычкой:

(8) =V... ⟶ ='V...

Примеры: {árі} "работа" ⟶ =á=ri= ⟶ /='á=ri=/, {ja+t̄ áIrum} "этот серп" ⟶ =jat̄= =áI=rum= ⟶ /=jat^h= ='áI=rum=/, {ós̄+mu+x̆u ós} "друг с другом" ⟶ =ós̄=mux̆=x̆u= =ós̄= ⟶ /='ós=mux̆=x̆u= ='ós=/, {lí-ás} "портить" ⟶ /=lí=-='às/.

За счет введения правила (8) гортанная смычка может быть устранена из записи представляющих морф в тех случаях, когда на фонематическом уровне она выступает в начале слова: мы записываем {aIrum} "серп", {oc'} "огонь", {ikʒ} "сердце", а не {'aIrum}, {'oc'}, {'ikʒ}. В то же время в единичных словах с внутриморфными ʔ в начале слога, мы сохраняем ʔ в словарной записи: {su'ál} "вопрос", {da'ím} "постоянно", {me'é-bós} "блеять".

б) Устранение внутрислоговых сочетаний гласных

Сочетания гласных устраняются путем выбрасывания одного из них, а именно, более слабого. В сочетании ударного с безударным более сильным (независимо от других качеств гласных) оказывается ударный:

(9А) $V_{уд}$ $\overset{(-)}{V}_{безуд}$ ⟶ $\overset{(-)}{V}_{уд}$

Примеры: {bú+ar} "воркует" ⟶ /bur/, {HəHí+ar} "ржет" ⟶ /HəHír/, {máI+ar} "блеет" ⟶ /maIr/; {k'á+er} "что умер" ⟶ /k'ar/, {č̆'íš̆i-k^{h}ó+er} "что голос услышал" ⟶ /č̆'íš̆ə-k^{h}òr/, {t^{h}úng-šət̄é+er} "что веретено взял" /t^{h}úng-šət̄èr/; {q'á+an} "20" [141] ⟶ /q'an/, {x̆ibí+an} "30" ⟶ /x̆ibín/, {məkʷé+an} "8" ⟶ /məkʷén/;

141. Формы числительных на -an используются при счете скота.

(9Б) $V_{безуд}$ $V_{уд}$[142] $\longrightarrow$ $V_{уд}$

Примеры: {lā́xa-ét̄i} "удлинилась" $\longrightarrow$ /lā́x-èt̄i/, {lā́xa-á+b+u} "удлинил (III кл.) $\longrightarrow$ /lā́x-àbu/, {x̌ann t'ī́nna-í} "воды мало (есть)" /x̌an t'ī́nn-ì/, {láq'u-ás} "кончать" $\longrightarrow$ /láqʒ-às/, {láq'ü-ét̄i} "кончилось" $\longrightarrow$ /láqʒ-èt̄i/[143].

Знак долготы (в скобках) в правиле (9А) указывает на сохранение долготы при падении гласного. Приведем примеры на этот случай: {í+ēn+t̄u+t̄} "всякий имеющийся" $\longrightarrow$ /'ī́nnutʰ/, {bó+ēn+t̄u+t̄} "всякое сказанное" $\longrightarrow$ /bṓnnutʰ/, {qIₒá+ēn+t̄u+w} "всякий пришедший (I)" $\longrightarrow$ /qIₒā́nnu/, {ǩó+ēn+t̄u+t̄} "всякое данное" $\longrightarrow$ /ǩṓnnutʰ/; {bú+ār+ši-í} "воркует" $\longrightarrow$ /bū́rš-ì/, {máI+ār+ši-í} "блеет" $\longrightarrow$ /mā́Irš-ì/.

В сочетании безударных гласных сильнее оказывается более широкий: a сильнее e и o, e и o сильнее i и u, полный гласный сильнее редуцированного[144]. Если выпавший слабый гласный был долгим, то долгота сохраняется на оставшемся сильном гласном. Не все потенциально возможные комбинации гласных зафиксированы, наши правила отражают лишь реально встреченные случаи:

(10А) aā $\longrightarrow$ ā: {óx̄a+āt'u} "не понесет" $\longrightarrow$ /'óx̄āt'u/, {ókʰa+āt'u} "не поведет" $\longrightarrow$ /'ókʰāt'u/;

(10Б) a$\overset{(-)}{e}$ $\longrightarrow$ $\overset{(-)}{a}$: {ókʰa+ēn+t̄u+t̄} "каждый ведущий" $\longrightarrow$ /'ókʰānnutʰ/, {áxu+li+ra+er} "лег ли" $\longrightarrow$ 'áxulərar $\longrightarrow$ /'áxullar/;

(10В) i$\overset{(-)}{a}$ $\longrightarrow$ $\overset{(-)}{a}$: {kʰəlás+li+a} "в классе" $\longrightarrow$ /kʰəlásla/, {x̌əmc'á+li+a} "в болоте" $\longrightarrow$ /x̌əmc'ála/, {ákʰdi+āt'u} "не уйдет" $\longrightarrow$ /'ákʰdāt'u/;

(10Г′) ua $\longrightarrow$ a: {č'abu+aj} "овцы (эрг)" $\longrightarrow$ /c'ábaj/, {dógi+t̄u+aj} "ослы (эрг)" $\longrightarrow$ /dógət̄aj/;

142. Такие сочетания встречаются лишь на стыке морфологических слов внутри фонетического. Аналитические глагольные формы в живой речи всегда сливаются в одно фонетическое слово, в формах IУ кл. при этом происходит синкопа гласного по правилу (9Б): {ás̄+ar+ši-í} "дрожит" $\longrightarrow$ /'ás̄ərš-ì/ и т.п. Однако возможно произношение таких форм и в два фонетических слова, в этом случае гласный сохраняется: /'ás̄əršə 'i/ и т.п.

143. В двух последних примерах при падении u выявляется лабиализация предшествующего согласного (см. Ф.115).

144. Очевидно, это связано с большей "собственной громкостью" широких гласных (см. Кодзасов, Отряшенков 1968).

(10Г″) uā $\longrightarrow$ ō или oā $\longrightarrow$ ō[145]: {áxo+āt'u} "не будет лежать" $\longrightarrow$ ($\longrightarrow$ 'áxuāt'u) $\longrightarrow$ /'áxōt'u/, {éq̄'o+āt'u} "не укусит" ($\longrightarrow$ 'éq̄'uāt'u) /'éq̄'ōt'u/;

(11А) i$\overset{(-)}{e}$ $\longrightarrow$ $\overset{(-)}{e}$: {dáxdi+er} "что бил" $\longrightarrow$ /dáxder/, {dáxdi+ēn+t̄u+t̄} "каждый избитый" $\longrightarrow$ /dáxdēnnutʰ/;

(11Б) u$\overset{(-)}{e}$ $\longrightarrow$ $\overset{(-)}{o}$ или o$\overset{(-)}{a}$ $\longrightarrow$ $\overset{(-)}{o}$: {áx+o+er} "что лежал" $\longrightarrow$ ($\longrightarrow$ 'áxuer) /'áxor/, {í+t'u+er} "что нет" $\longrightarrow$ /'ít'or/, {síni+t'u+ēn+t̄u+t̄} "любое не знаемое" $\longrightarrow$ /sínt'ōnnutʰ/;

(12) u$\overset{(-)}{o}$ $\longrightarrow$ $\overset{(-)}{o}$: {x̄áx̄u+or} "ест толокно" $\longrightarrow$ /x̄áx̄or/, {x̄áx̄u+ōr+ši} $\longrightarrow$ /x̄áx̄ōrši/;

(13) ə$\overset{(-)}{V}$ $\longrightarrow$ $\overset{(-)}{V}$: {t'ént'ə+er} "нажирается" $\longrightarrow$ /t'ént'er/, {t'ént'ə+ēr+ši} $\longrightarrow$ /t'ént'ērši/, {gúk̄ə+or} "чешет" $\longrightarrow$ /gúk̄or/, {gúk̄ə+ōr+ši} $\longrightarrow$ /gúk̄ōrši/.

Правила (10 Г) и (11 Б) отражают как бы слияние гласных, а не синкопу одной из них. Мы предполагаем, что здесь произошло сочленение 2 процессов - синкопы и последующей лабиализации гласного под влиянием лабиализованного согласного: $C_{(o)}ua \longrightarrow C_oa \longrightarrow Co$, $C_{(o)}ue \longrightarrow C_oe \longrightarrow Co$[146]. Для синхронного описания предложенная форма правил представляется более адекватной.

в) Устранение недопустимых сочетаний согласных

1. При добавлении префиксальных классных показателей d и b к глаголам, начинающимся на согласный, в начале 1-го слога слова оказывается двухсогласное сочетание; оно устраняется вставкой редуцированного[147]:

(14) =CC... $\longrightarrow$ =CəC...[148]

145. Правила (10 Г″) и (11 Б) сформулированы так, чтобы порядок их применения относительно других правил был безразличен: синкопа гласного o происходит либо до сужения в u, либо после сужения.

146. Ср.форму /bḗxₒejkʰdutʰ/ "высочайший" (< {bḗxu+ejkʰ+t̄u+t̄}); в данном случае переход e в o предотвращен, по-видимому, палатализующим влиянием фонемы j.

147. Сходным образом огласуются русские заимствования: /kʰəléj/ "клей", /pʰəlán/ "план", /gərám/ "грамм" и т.п.

148. Возможно и другое описательное решение: в словаре имеются

Примеры: {d+xo+s̄} "найтись (II)" → /dəxós/, {b+xo+s̄} "найтись (III)" → /bəxós/, {d+sa+s̄} "держать (II)" → /dəsás/ и т.п.

Трудности возникают при описании форм I класса, в которых происходит лабиализация корневого согласного перед а (/s₀as/ "держать (I)") и переход о в у (/xus/ "найтись (I)", /su/"держал (I)" (ср. /dəsó/ "держал (II)"). Формы эти, очевидно, возникли некогда в результате прогрессивной лабиализации согласных после у и отпадения безударного гласного в начале слова (см. Ф.214 и Ф.321.2): *wəsás → *wusás → *wus₀ás → *us₀ás → /s₀as/, *wəsó → *wus₀ó → *wusú → *usú → /su/. Однако в синхронии эти правила не действуют, поэтому приходится вводить фонетически неестественное правило:

(15) =wC... → =C₀...

и морфонологическое правило перехода о в у после C₀ в глагольных формах- см. правило (33).Синхронные деривации тогда выглядят так: {w+sa+s̄} "держать (I)" → /s₀as/, {w+so} "держал (I)" → s₀o → /su/ и т.п.

2. В ряде случаев в конце слога оказывается сочетание шумного с назальным либо два назальных. Нарушение правильности слоговой структуры устраняется синкопой конечного назального:

(16) {... Cm= / ...Cn=} → ...C=

Примеры: {b+kʰummú+s̄} "есть (III)" → ... → =bukʰm=mús= → /bukmús/ (ср. /kʰummús/"есть (IУ)"), {b+kʰunné} "съел (III)" → ... → =bukʰn=né= → /bukʰné/, {qIinn+Ø} "мост" → /qIin/ (ср. /qIənnór/ "мосты"), {gonn+Ø} "палец" → /gon/ (ср. /gənnór/ "пальцы"), {gónn+li} "палец (эрг)" → =gón=li= → /gónni/.

Ф.32. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ И ЧЕРЕДОВАНИЯ ГЛАСНЫХ

Ф.321. Распределение основных гласных

Распределение основных гласных предопределяется в первую очередь ритмической схемой слова и его позицией в синтагме. Выделяются три главных позиции, в которых обнаруживаются разные вокалические подсистемы: ударная, предударная и заударная; для заударных

специальные представляющие морфы для этого контекста - {də}, {bə} (наряду с {d}, {r} и {b} и для других контекстов).

важно также положение в конечном или неконечном слоге синтагмы. Описанию указанных вокалических подсистем посвящены три первых параграфа данного раздела. В параграфе, посвященном вокализму ударных слогов, описывается и синкопа редуцированных, поскольку это явление также связано с ритмикой.

Отдельно (в Ф.321.4) описываются переогласовки гласных, зависящие не от ритмики, а от влияния соседних согласных, а также исторические и иконические чередования гласных.

Ф.321.1. Ударный слог

Под ударением (независимо от его степени) выступают все основные гласные арчинского языка, кроме э (примеры см. в Ф.212). Ограничения на употребление в этой позиции касаются лишь гласного о - он невозможен при наличии у в предударном слоге и в этом случае также переходит в у:

(17) Cu(C)có → Cu(C)cú

Примеры: {tʰung+ót̄} "веретена" → /tʰungút̄/ (ср. /žəpʰót/ "карманы"), {x̄urk'+óm} "голуби" → /x̄urk'úm/ (ср. /xIəróm/ "села"), {č'ut̄+ór} "кувшины" → /č'utúr/ (ср. /k'əšór/ "ножи"), {dubx̌+ó} "шила" → /dubx̌ú/ (ср. /xəšó/ "рвала").

В синхронии описанная закономерность выглядит как проявление тенденции к гармонии ударного и предударного гласного. Однако, по нашему мнению, она отражает исторический процесс прогрессивной лабиализации и дальнейшего перехода о в у после сильно лабиализованного согласного[149], т.е. история перехода о в у описанных случаях такова: *CuCó → *CuC₀ó → /CuCú/.

Ф.321.2. Предударный слог

Вокализм предударного слога являет собой сложную и не вполне установившуюся картину. В этой позиции возможны как редуцированные, так и полные гласные, причем качество гласного для многих слов зависит от стиля речи. Кроме того, в случае заимствований возможность редукции зависит от степени ассимилированности слова. Все это создает известные описательные трудности; предлагаемое ниже решение допускает коррективы.

1. В предударном слоге исконных слов при естественном произношении в большинстве случаев выступает редуцированный: /bəšór/

149. Напомним, что степень лабиализации о и согласного перед о значительно слабее, чем степень лабиализации у и лабиализованных им согласных.

"мужчина", /x̌ənnól/ "женщина", /məc'át̄ut'/ "новый", /k'əs̄á/ "нож (эрг)", /k'əs̄ór/ "ножи", /bəx̄lá/ "горный козел (эрг)", /bəx̄lór/ "горные козлы", /nəlšíl/"лошадь (эрг)", /nəlšólr/ "лошади" и т.д.

В случае производных форм происхождение ə из утративших ударение полных гласных очевидно:{k'os̄+ór} "ножи" → /k'əs̄ór/ (ср. /k'os/ "нож"),{biš+ór} "телята"→ /bəšór/ (ср. /biš/ "теленок") {bos̄+é} "тур (эрг)" → /bəs̄é/ (ср. /bos/ "тур"),{nolš+í} "лошадь (эрг)" → /nəlšíl/ (ср. /nolš/ "лошадь") и т.д.

В случае непроизводных многосложных слов нет оснований для восстановления того или иного полного гласного в представляющих морфах: /bəšór/ "мужчина" (<{bəšór}),/x̌ənnól"женщина" (<{x̌ənnól}), /x̌əmc'á/ "болото" (<{x̌əmc'á}), /məc'at̄ut'/ "новый" (<{məc'á+t̄u+t̄}), /k'ərás/ "вести" (<{k'erá+s̄}) и т.д.

Не все гласные подвергаются редукции в предударной позиции - никогда не редуцируется u[150]: /k'urt'á/ "молоток", /č'ut̄á/ "кувшин (эрг)", /buq'ári/ "ячмень (эрг)", /'urí/ "жеребенок", /zullé/ "родник (эрг)". Укажем также несколько более частных фонетических условий отсутствия редукции предударных:

а) Предударный i не редуцируется, если рядом с ним находится латеральный или шипящий (т.е. палатализованный), при том что под ударением также стоит i:/'iǩí/"солома(эрг)",/ǩ'ilí/"седло", /bišíli/ "теленок (эрг)", /x̌ibí/ "30", /č'imíč'/"копыто", /diǰ̌oí/ "туча (эрг)", /biǰ̌oí/ "глубина (эрг)", /x̌oit̄í/ "навоз (эрг)"[151];

б) редукция обычно отсутствует, если одинаковые гласные разделены ларингальным звуком, т.е. когда ротовые артикуляции этих гласных непосредственно контактируют, не будучи разделены ротовым согласным[152]: /c'ohór/ "вор", /kʲaIháIč/ "молодая трава", /c'aHán/ "древесина", /kʲaHán/ "палка" (или /k'uHán/ (<kʲəHán)). Отсутствие редукции отмечено и при наличии h в начале слова: /ha-

150. Это объясняется независимостью лабиальной артикуляции от телоязычной: сдвиг языка в нейтральное положение в безударной позиции не сопровождается потерей лабиализации, а ее наложение на ə дает звук, неотличимый от u. Гораздо более слабая губная артикуляция фонемы o теряется при нейтрализации.

151. В трех последних примерах при редукции предударного должен был бы пройзойти его переход в u под влиянием соседних лабиализованных гласных. Примечательно, что последняя форма в качестве варианта имеет /x̌ut̄í/ (< x̌oət̄í).

152. Ср.русск. "потому что" [пəтаму-штə], но "пообедать" [пабе́дəт,], а не [пəабе́дəт,].

rák'ʸ "впереди", /hibát̄ut'ʸ "хороший";

в) отсутствие редукции в сочетаниях -ej, -ow, -ij, -uw объясняется, видимо, сильным влиянием палатального и лабиального глайдов: /hejár/"пашет", /hejtʰár/ "обнимает", /gowhár/ "зрачок", /dijá/ "отец", /buwá/ "мать".[153]

Большинство заимствований из языков, которыми арчинцы активно владеют (аварский, лакский, русский), обычно произносятся без редукции предударных: /wak'ád/ "тесть", /jaráR/ "оружие", /jaq'útʰ/ "яхонт", /Hadúr/ "готов", /ra'ít/ "раб", /kʰasínka/ "косынка", /pʰirkʰáz/ "приказ" и др. Однако встречается произношение многих слов (более употребительных) и с редуцированным: /kʰisá/ || /kʰəsá/ "кошелек", /misál/ || /məsál/ "пример", /zamán/ || /zəmán/ "время", /Raldí/ || /Rəldí/ "вьючное седло", /Hajá/ || /Hijá/ (< Həjá) "стыд", /kʲe'én/ || /k'u'én/ (<kʲə'én) "удобен" и др.

С учетом всех перечисленных ограничений формальная запись правила редукции предударных будет такова:

(18) $V_1(C)CV_2 \longrightarrow ə(C)CV_2$, если: 1) $V_1 \neq u$; 2) не соблюдены условия, описанные в а), б), в); 3) слово не является заимствованным[154].

2. Предударный ə подвергается ассимилирующему воздействию соседних согласных и ударного гласного (см. Ф.213.1). Наиболее активно воздействуют на него лабиализованные согласные и u, под их влиянием ə превращается в u. Влияние лабиализованных согласных на гласные описывается в Ф.321.41, здесь мы рассмотрим лишь переход ə ⟶ u, вызванный ударным u. Соответствующее правило имеет вид:

(19) əCú ⟶ uCú

Примеры: {bo+múl} "сказать (масдар)"⟶bəmúl ⟶/bumúl/, {kʰe+múl} "стать (масдар)"⟶kʰəmúl ⟶/kʰumúl/, {x̌o+múl} "дать (масдар)" ⟶ x̌əmúl ⟶/x̌umúl/[155].

Полного уподобления ударному может достигать ə и при условиях, описанных выше в а) и б):{moǰ̌+í} "пена (эрг)" ⟶/məǰ̌í/ ⟶/miǰ̌í/, /laHá/ "ребенок", {han+í} "что (эрг)" ⟶ /hiní/. Однако ввиду единичности таких случаев мы не вводим

153. Отсутствие редукции в первых двух примерах может объясняться также наличием начального h, а в третьем - неисконностью слова.

154. Условно принимаем произношение заимствований с полным гласным за основной вариант, а с редуцированным - за факультативный.

155. Сходные процессы имели место при образовании инфинитивов

специальных динамических правил.

Во всех прочих случаях ə, хотя и уподобляется в большей или меньшей степени полному (обычно ударному) гласному (см. Ф.213.1), однако в естественной речи не достигает его качества. Во всех таких случаях мы сохраняем ə в фонематической записи. Сами арчинцы склонны "слышать" на месте ə полный гласный [156] и в медленном, "проясненном" произношении заменяют ə на ближайший полный гласный (обычно совпадающий с ударным) [157]. Этим объясняются непоследовательности фонематической записи в имеющихся арчинских описаниях: записываются то полные гласные, то ə. Так, у К.Микаилова, с одной стороны, встречаются записи типа /bəb̄á/, /gənnór/, /bəzár/, /b̄əbé/, /Rədíb/, /k'əč'ó/, /bəšór/, а, с другой стороны, /bob̄ór/, /mosól/, /sobótʰ/, /meždé/, /muxór/ и т.п.; у О.Кахадзе - /bəšór/, /nc'a/ (< nəc'á), /xəlléṯu/, /qəqlé/, но /mesṯé/, /bošór/, /nac'á/ и т.п. [158]

Для избежания таких противоречий нужно последовательно ориентироваться на один из способов произношения - естественный или "проясненный". В грамматической части данного описания в предударном слоге всегда пишется полный гласный, равный ударному.

типа /x̄ummús/ "вязать" (<*x̄em+bú+b̄), /x̌ummús/ "тянуть" (<*x̌an+bú+b̄), /x̌ubús/ "краситься" (<*x̌a+bú+b̄). Однако в синхронии эти формы естественно считать "готовыми".

156. Далеко не всегда субъективное представление носителя языка о том, как он говорит, адекватно отражает реальное произношение; случай с ə в этом отношении типичен. "Ощущение" полных гласных на месте ə встречается и в других языках (например, в русском). С интересным явлением мы столкнулись при изучении алюторского языка (Камчатка): его носители отказываются признавать наличие гласного на месте ə (в большинстве случаев ə вставляется по правилам). "Субъективные" слова алюторцев часто состоят из длинных цепочек одних согласных!

157. Так "проясняется" ə в исконных словах. Если же редукция произошла в заимствованном слове, то обычно восстанавливается исходный полный. Редуцированный, вставляемый в русских заимствованиях для устранения начального консонантного стечения (/kʰəléj/ "клей" и т.п.), в полный гласный не "проясняется".

158. Транскрипция первоисточников здесь заменена, однако содержательная сторона исходных записей искажению не подверглась.

В фонетической части описания мы склонны предпочесть ə как исходный вариант произношения, а полный гласный рассматривать как вторичный, факультативный, хотя и допустимый вариант.[159] В пользу такого решения говорят очевидные системные и типологические соображения.

3. В заключение укажем на некоторые следы процесса отпадения начальных безударных, который некогда действовал в арчинском. Выше (см. Ф.313.22в) мы предположили, что этот процесс дал нынешние глагольные формы I класса (*wəCV́ → *uC₀V́ → C₀V). Сходным путем получены следующие числительные: /ǩ₀i/ "70" (*wiǩ+í → *wuǩí → *uǩí → *uǩ₀í → /ǩ₀i/ - ср. /wiǩ/ "7"), /č̣₀i/ "90" (*uč'+í → *uč̣₀í → /č̣₀i/ - ср. /uč'/ "9"), /buq'í/ "40" (*əbq'+í → *əbq'í → bq'í → bəq'í → /buq'í/ - "ср. /əbq'/ "4"). Тот же процесс дал формы /qi/ "днем" (<*iq+í - ср. /'iq/ "день") и /š₀i/ "ночью" (<*iš₀+í - ср. /'iš/ "ночь"). По-видимому, в результате потери начального гласного возникла и форма /lur/ "глаз" (из старой формы мн.ч. *ul+úr - см. Ф.42) [160].

В настоящее время этот процесс прекратил действовать, и начальные безударные сохраняются: /'urí/ "жеребенок", /'ulú/ "наш (I)", /'ilí/ "шкура", /'iǩí/ "солома (эрг)" и др.

Ф.321.3. Заударные слоги

Ф.321.31. Конечный слог синтагмы; сужение гласных в заударных слогах

1. Конечный слог синтагмы (в частности, конечный слог изолированно произнесенного слова) - сильная позиция для безударных гласных: здесь может выступать любой из кратких полных гласных [161] (i̲, e̲, a̲, o̲, u̲) [162] и невозможен редуцированный. Это позволяет наблюдать в конце слова исторические закономерности распределения

159. Это касается исконных слов. В неассимилированных заимствованиях из аварского и лакского языков сохраняется исходный полный гласный как в фонетической, так и в грамматической частях описания.

160. Весьма вероятно, что некоторые глаголы с основой типа CV восходят к бывшим глаголам типа VCV́; на это указывает полное отсутствие глаголов последнего типа.

161. О распределении долгих гласных см. Ф.322.

162. Фонемы o̲ и e̲ отсутствуют в абсолютном конце слова (исключение - /'ámmo/ "но").

заударных полных гласных, которые в прочих позициях затемняются редукцией.

В двусложных корнях существительных в заударных слогах встречаются лишь i и u: /gₒáci/ "кобыла", /hót^{h}i/ "трава", /k'áč'i/ "лист", /č'áIri/ "волос", /léki/ "кость", /génuk^{h}/ "яйцо", /gát^{h}u/ "кошка", /k'éIhu/ "ястреб" и т.п. Характерно также, что в редупликациях (в существительных и в глаголах) неузким гласным 1-го (ударного) слога во 2-м слоге соответствуют узкие [163] (см. Ф.321.43).

Мы предполагаем, что здесь отражается прежнее состояние вокалической системы (см. Ф.214), при котором нейтрализация безударных гласных приводила к их сужению (*ă → *i → i, *ŏ → u, *ĕ → i). Также и наблюдаемые морфонологические процессы сужения o и e (см. ниже) восходят, вероятно, к этому уровню.

2. Закон сужения широких и средних гласных в заударной позиции, повидимому, уже давно потерял свою силу, во многих формах ныне встречаются a, e, o в конечном слоге слова. Так, они выступают в словообразовательных суффиксах существительных -an (-on), -əla, -əna, -əra: /bát'an/ "хворост", /'ákon/ "свет", /'óc'əla/ "огниво", /hék'əna/ "вещь", /dúmp^{h}əra/ "холм"; в показателях эргатива множественного числа -aj, -maj, -čaj; в глагольных формах: /'áxas/ "лежать", /'árxar/ "лежит", /'áxa/ "лежи", /qéncer/ "прядет", /šúšor/ "шепчет"; в наречиях: /'íqlaw/ "каждый день", /'abádlaw/ "вечно" и т.д.

Характерно, что всюду неузкие гласные принадлежат аффиксам (среди которых немало непродуктивных); наличие заударных a, o, e в слове почти всегда свидетельствует о его производности (синхронной или исторической) [164]. Очевидно, это указывает на относительно позднее включение соответствующих морфологических элементов в состав грамматического слова, ранее они могли выступать в виде аналитических единиц, примыкавших к слову энклитически.

На первый взгляд, описанная закономерность нарушается корнями стативных глаголов, которые в заударной конечной позиции имеют

163. Это не касается лишь "детских" слов (/bába/ "тетя", /dáda/ "дядя") и единичных форм "неправильных" глаголов (/šéIršaIr/ "преет", /šéIšaI/ "прей", /x̄éx̄a/ "неси".

164. Оно может свидетельствовать, разумеется, о неисконности слова: /dálat^{h}/ "вторник", /súrat^{h}/ "портрет", /zína/ "прелюбодеяние" и т.д.

либо u, либо a (а также и в редупликациях): /bɛ́xu/ "быть высоким", /k^{h}út'a/ "быть коротким", /díIča/ "быть толстым", /k'ɛ́k'a/ "быть жарким", /x̄áx̄a/ "быть редким" и т.д. Однако это объясняется их особым развитием, приведшим к нарушению прежней картины. Дело в том, что в изолированном виде (в предикативной функции) эти корни употребляются крайне редко. Обычно они выступают в атрибутивной функции в формах на -t̄u-, где в конце корня произносится u или ə: /bɛ́xut̄u^{h}/, /k^{h}út'ət̄u^{h}/, /díčət̄u^{h}/, /k'ɛ́k'ət̄u^{h}/, /x̄áx̄ət̄u^{h}/ и др. Ввиду абсолютного преобладания форм на -t̄u- корни стативных глаголов должны запоминаться именно в том виде, в котором они выступают в этих формах, т.е. с ə. При предикации корня ə оказывается в фонетически сильной позиции и преобразуется в ближайший полный звук, т.е. a [165]. Как это ни парадоксально, в данном случае a оказывается "поверхностной" реализацией "глубинного" ə, восходящего, по нашему мнению, к историческому *i. Однако для простоты описания в качестве исходных морф для стативных глаголов берутся формы с a, а редуцированный выводится по правилу (21) (см. Ф.321.32): {k^{h}út'a+t̄u+t̄} "короткий" → /k^{h}út'ət̄u^{h}/ и т.п.

3. Хотя в общем случае o и e допускаются в заударном положении, тем не менее в определенных аффиксах происходит их сужение. Вероятно, эти морфологические элементы входили в состав грамматического слова раньше, чем те, в которых сужения не происходит. Наиболее показательно сужение o в аффиксах мн.ч. существительных: /bəšór/ "телята", но /'áqur/ "ноги" (<{áq+or̄}); /'əjóm/ "уши", но /s̄árum/ "могила" (<{s̄ár+om}); /s̄ənót^{h}/ "спины", но /jámut^{h}/ "волки" (<{jám+ot̄}). Процесс этот описывается с помощью морфонологического правила:

(20 A) V́...o → V́...u, если o принадлежит морфе, подверженной альтернации сужения, или, более формально, V́...o → V́...u, если o ∈ $m_{A_{суж}}$ [166].

Правило (20 A) относится по всем заударным слогам - как конечным, так и неконечным (напр. /'áqurčaj/ "ноги (эрг)" (<{áq+or+čaj}), /jámut̄u/ "и волки").

В число "сужающихся" морф, кроме показателей мн.ч., удобно

165. Повидимому, сходным образом получено слово /p^{h}áral/ "молния" из *p^{h}árəla (ср. /p^{h}ár-bɔs/ "сверкать").

166. Таким образом, морфы мн.ч. сущ. -om, -or, -ot̄ в словаре имеют при себе помету о подверженности чередованию (20 A), а например, глагольная морфа -or такой пометы не имеет (/'áqur/ "но-

включить и показатель терминатива (соверш. вида): /so/ "поймал" (<{s+o}), но /áxu/"спал" (<{áx+o}). С другой стороны, вряд ли в синхронном описании следует выводить морфы мн.ч. -t̄u (-du) (/dógət̄u/ "ослы", /lékdu/ "кости") и -lo(-lu) (/'əlló/ "шкуры", /zullú/ "источники") из "глубинного" суффикса -t̄o, к которому они явно восходят исторически[167]. Сходным образом нет смысла в синхронии выводить показатель отрицания -t'u из "глубинного" -t'o (ср. /t'o/ "не имеется"), поскольку в функции аффикса этот элемент всегда безударен.

Сомнение вызывает целесообразность включения в число синхронных чередований морфонологического правила перехода заударного e в i. Соответствующий исторический процесс (в сочленении с многими другими) дал варианты глагольного суффикса *-t̄e: -di (/'ákʰdi/ "ушел"<*ák̄i+t̄e - ср. /ák̄is/ "уходить"), -ni (/'ásni/ "взвесил" <*ásin+t̄e - ср. /ásin/ "взвешивает"). По нашему мнению, в синхронном описании естественнее рассматривать глагольные формы на -di и -ni как "готовые", т.к., с одной стороны, они весьма сложным образом выводятся из соответствующих форм на -t̄e ({ák̄i+t̄e} → ák̄t̄e → akʰt̄e → ákʰde → ákʰdi → /'ákʰdi/, {ásin+t̄e} → ásinnne → ásinne → ásnne → ásne → ásni → /'ásni/), а, с другой стороны, суффикс -t̄e выступает ныне лишь в единичных нерегулярных глаголах (/x̌ət̄e/"покрасил", /šət̄é/"взял", /č'ət̄é/ "вошел"). Правило (20 Б) носит поэтому условный характер:

(20 Б) (?) V́...e → V́...i, если e ∈ $m_{A_{суж}}$

Ф.321.32. Неконечный слог; редукция гласных

1. В неконечном (в синтагме) заударном слоге возможны u, o, e (/lácut̄en/ "из железа", /'ák̄onnəx̌u/ "утром", /'áršət̄eqIdi/ "по-арчински") и невозможны i и a - они подвергаются редукции. Примеры: /dárc'an/ "бровь" - /dárc'əmmul/ "брови", /'ódi/ "поспел" - /'ódət̄utʰ/ "спелый", /'árxar/ "лежит" - /'árxərš-ì/ "лежит (конст)", /bazállitʰ/ "на базаре", - /bazállət̄iš/ "с базара" - /bazállət̄əši/ "на базар", /kʰárt'i/ "голова" - /kʰárt'ət̄u/ "головы"[168]. Формула правила редукции заударных:

ги", но /gúk̄or/ "чешет").

167. Этого же происхождения "окаменевший" элемент -do в формах /bəždó/ "углы мешка" (ср. /bič'ní/ "угол мешка") и /bəRIdó/ "опоры моста" (ср. /bəqI'ní/ "опора моста").

168. Редукция заударных происходит и в заимствованных словах: /súratʰ/ "портрет" - /súrətʰmul/ "портреты", /hári/ "просьба" -

(21) V́...{a/i} → V́...ə, если a/i не является последним гласным синтагмы.

В вышеприведенных примерах редуцировались гласные неконечных слогов слова. Следует подчеркнуть, что редукции подвергается также и последний гласный слова, если он не является одновременно последним гласным синтагмы: /zárə x̄₀áll-àbəs bérc'ar/ "Я хлеб делать умею", /jásqə x̄állutʰ íq-ì/ "Сегодня плохой день", /dóx̌uməkʰ xIon 'óbqIa/ "В хлев корова вошла". Ср. изолированное произнесение слов - /zári/, /ábas/, /jásqi/, /dóx̌umakʰ/.

2. После непарных по лабиализованности согласных (апикальных и губных) возможна факультативная редукция u: /misgínnummun/ ‖ /misgínnəmmun/ "у бедного", /hibát̄utʰ k'ob/ ‖ /hibát̄ətʰ k'ob/"красивая одежда", /q'ébuna/ ‖ /q'ébəna/ "воткнув" и т.п. Как правило, редуцируется u в показателе отрицания -t'u (не в конце синтагмы): /líbxIt'ura/ ‖ /líbxIt'əra/ "не стыдно?", /'ít'u-kʰès/ ‖ /'ít'ə-kʰès/ "теряться". В некоторых словах утрата прежней "внутренней формы" сопровождалась закреплением ə на месте исторического u: /'ás̄ə-x̌ənnòl/ "супруги" (<*ást̄u-x̌ənnòl "муж-жена"), /góIntʰəra/ "наперсток"(<*gón-tʰurǎ "палец-шапка"), /x̄ít'məs̄an/ "толкуша" (<*x̄ít'mus̄an < *x̄ít'-bòs̄+an). Правило редукции u формулируется так:

(‖ 22) V́...Cu → V́...Cə, если u не является последним гласным синтагмы, а C - непарно по признаку лабиализованности.

3. В большинстве случаев редуцированному на морфонематическом уровне (в представляющих морфах словаря) соответствует полный гласный, т.к. существуют грамматические формы, в которых этот гласный стоит в сильной позиции - в конце изолированного слова[169]. Однако имеется немало слов, где заударный гласный нельзя "проверить" по сильной позиции и где в морфонематической (и орфографической) записи сохраняется ə. Сюда относятся, в частности, существительные с суффиксами -əla, -əna, -əra (/múrtʰəla/ - {murtʰəla} "сыр", /nák'əna/ - {nák'əna} "ключ", /háItʰəra/ - {háItʰəra} "река"), глаголы, содержащие двусложную неспрягаемую часть с ударением на 1-м слоге (/jáqI'ən-kʰès/ - {jáqI'ən-kʰé+s̄} "понять", /k'ótʰən-kʰès/ - {k'ótʰən-kʰé+s̄} "воспалиться", /c'éc'ə-bòs/ - {c'éc'ə-bó+s̄} "моросить"), и другие слова.

/hárət̄u/ "просьбы".

169. Во всех таких случаях в орфографической записи сохраняется исходный полный гласный: dogit̄u "ослы", arxarši i "лежит", bazallit̄iši "на базар" и т.п.

Как и в случае предударных редуцированных, арчинцы не осознают заударного ə как единицу своего произношения и, будучи спрошены о качестве этого звука, как правило, отвечают каким-нибудь полным гласным. Соответствующим образом ə "проясняется" в замедленном произношении. "Прояснение" это следует чаще не этимологическому принципу, а фонетическому: оно отражает то влияние, которое оказывают на ə соседние гласные (особенно последующий) и согласные. Следует отметить, что заударный ə слабее предударного; произношение на его месте полного гласного менее естественно, чем такое произношение в предударном слоге, и не может быть признано в качестве допустимого варианта.

Ф.321.33. Синкопа заударных гласных

Выпадению в заударной позиции могут подвергаться ə и u[170]. Процесс этот, будучи фонетическим по происхождению, закрепился лишь в определенных грамматических формах тех или иных слов[171], т.е. должен отражаться в описании с помощью морфонологических правил или "готовых" форм словаря.

1. Наиболее обширный класс случаев синкопы ə представлен словоформами существительных с непродуктивными суффиксами -ərа, -ənа, -ələ[172]. В них отпадает конечный гласный основы (предварительно переходящий в ə). Синкопа гласного здесь наблюдается перед всеми аффиксами, за исключением усилительной частицы -wu: /háIt^{h}ərа/

170. Отсутствие i и a в показателях ориентации в абсолютном конце слова (ср. /k^{h}úllit^h/ "на руке" и /k^{h}úlləťiš/ "с руки", /háIt^{h}ərčeqI/"в реке" и /háIt^{h}ərčeqIak^h/ "в реку", /'áqurčeǩ'/ "под ногами" и /'áqurčeǩ'aš/ "из-под ног") неудобно рассматривать как результат отпадения этих гласных. Мы предполагаем в этих случаях наличие двух представляющих морф для каждого показателя: {ťi} и {ť} (→/t^h/), {qIa} и {qI}, {ǩ'a} и {ǩ'}; первая морфа каждой пары употребляется в неконечном положении, а вторая - в конечном.

171. Об условиях закрепления в языке синкопированных форм, возникающих в результате реализационных процессов в беглой речи, см. Кодзасов 1972.

172. В грамматическом разделе описания (см. Т.111.25) принята иная трактовка этих форм. Считается, что словарная основа существительных кончается на согласный, а в номинативе ед.ч. происходит наращение гласного a.

"река" - /háIt^{h}əlli/ (эрг) (< háIt^{h}ərli< háIt^{h}ərəli<{háIt^{h}əra+li}) - /háIt^{h}ərmul/ (мн.ч.) (<háIt^{h}ərəmul<{háIt^{h}əra+mul}), /t^{h}úšəlli/ (эрг) - /t^{h}úšərmul/(мн.ч.); /héǩ'ənа/ "вещь" - /héǩ'ənni/ (эрг) (<héǩ'ənli<héǩ'ənəli<{héǩ'ənа+li}) - /héǩəmmul/ (мн.ч.) (<héǩ'ənmul<héǩ'ənəmul<{héǩ'ənа+mul}), /nák'ənа/ "ключ" - /nák'ənni/ (эрг) - /nák'əmmul/ (мн.ч.); /p^{h}áIťəla/ "штаны" - /p^{h}áIťəlli/ (эрг)(<p^{h}áIťələli<{p^{h}áIťəla+li}) - /p^{h}áIťəllu/(мн.ч.)(</p^{h}áIťəlťu/</p^{h}áIťələťu/<{p^{h}áIťəla+ťu}), /šₒít'əla/"свисток" - /šₒít'əlli/(эрг) - /šₒít'əllu (мн.ч.).

Возможны разные способы описания синкопы в этих формах. Содержательно наиболее адекватной нам представляется следующая формулировка: (23)C_1əC_2 V→C_1 C_2 V[173], если ə принадлежит третьему слогу основы существительного, C_1 = сонорн. и C_2Г ≠ wu.

2. Выпадение ə перед показателем мн.ч. -ťu отмечено не только в описанном выше случае. В этой позиции могут выпадать конечные гласные дву- и трехсложных основ, причем как после сонорных, так и после шумных: /dali/ "палка" - /dállu/ (<dáltu<dáləťu<{dáli+ťu}), /gáli/ "шаг" - /gállu/, /k'áč'i/ "лист" - /k'áždu/ (<k'áč'du<k'áč'ťu<k'áč'əťu<{k'áč'i+ťu}), /léǩi/ "кость" - /lék^{h}du/ (<léǩdu<léǩťu<lékəťu<{léǩi+ťu}), /xIábxIi/ "рыба" - /xIábxIdu/ (<xIábxIťu<xIábxIəťu<{xIábxIiťu}), /mát'i/ "сучок" - /mátu/ (<mát'du<mát'ťu<mát'əťu<{mát'i+ťu}), /qI'áqI'i/ "голень" - /q'IáRIdu/, /xəlác'i/ "рукав" - /xəlázdu/ и др. Отмечен также случай выпадения u перед -ťu: /márxu/ "корень" - /márxₒdu/ (<márxₒťu<{márx$_{(ə)}$u+ťu}).

Однако далеко не всегда в подобных случаях происходит синкопа: /t'éxi/ "бурдюк" - /t'éxəťu/, /qI'úqI'i/ "группа людей" - /qI'úqI'əťu/, /bát'i/ "коврик" - /bát'əťu/, /xIórč'i/ "телка" - /xIórč'əťu/ и др. Таким образом, приходится либо считать, что синкопированные формы мн.ч. содержатся в готовом виде в словаре, либо делать при корнях словарную помету о подверженности их альтернации синкопы - {márxu$_{A_{синк}}$}, {k'áč'i$_{A_{синк}}$} и т.п. (эти два описания эквивалентны). Тогда правило синкопы для описанных случаев будет иметь такой вид:

173. Так сформулированное правило позволяет выводить и формы от /gundári/ "череп": /gundálli/ (эрг), /gundárťu/ (мн.ч.) (ср. /'árəli/ "работа (эрг)").

(24) CəC̄V ⟶ CC̄V, если ə ∈ $m_{Асинк}$ [174].

3. Кроме выпадений конечных гласных основы, наблюдается также синкопа ə между фонетически близкими согласными l и r в вопросительном варианте заглазных глагольных форм: {áx+o+li+ra} "лег ли"⟶'áxulərа⟶'áxulra⟶/'áxulla/, {d+árh+o+li+ra} "подумал ли (II)"⟶/dárhulla/ и т.п. Процесс описывается правилом:

(26) lərа⟶lra⟶lla в глаголах [175].

4. Все прочие случаи чередований гласных с нулем звука носят более частный характер. В большинстве из них наблюдается падение ə или u между одинаковыми или гоморганными звуками (в частности, между n и t'): /gali/ "шаг" - /gálli/ "шаг (эрг)", /zába/ "пойдем!" - /záb-bòs/ "звать" (букв. "говорить "пойдем!"), /žánt'u/ "сами (ген., IУ)" (вместо *žanət'u ⟵ *žánat'u), /sínt'u/"не умеет" (ср. /síni/ "умеет", /sínərа/ "умеет?").

На наш взгляд, для описания таких случаев нет смысла вводить специальные правила, т.к. они будут действовать с единичными морфами. Естественнее иметь в словаре готовые формы таких слов. Такое же решение принимается и для таких единичных вариантов, как /dōIz/ "большой" - /dбIzə-k^{h}ès/ "расти", /'oIrč'/"быть правым"- /'óIrč'uši/ "направо", /sóxur/ "южный склон" - /sóxra/ "на южном склоне" и т.д.

Отметим, наконец, наличие колебаний в произношении гласного с нулем звука в некоторых формах: /híluk^{h}u/ ‖ /hílk^{h}u/ "муха", /máhərа/ ‖ /máhra/ "брак" и др.

Ф.321.4. Чередования основных гласных, не связанные с ритмикой

Ф.321.41. Ассимиляции

Лабиальная и палатальная ассимиляция гласных происходит под влиянием соседних согласных. Имеются случаи как регрессивной, так и прогрессивной ассимиляции.

---

174. Этим же правилом можно объяснить выпадение ə (⟵i) в глаголах, имеющих -di в терминативе, если только выводить эти формы на синхронном уровне: {ák̄i+t̄e} "ушел"⟶'ák̄t̄e⟶'ák̄de ⟶ 'ák^{h}de ⟶ /'ák^{h}di/ и т.п. Если же синхронно выводить формы на -ni ({ásin+t̄e} "взвесил"⟶ 'ásənne ⟶ 'ásnni ⟶ /'ásni/ и т.п.), необходимо постулировать правило выпадения ə перед nn в глаголах:
(25) (?) CənnV⟶ CnnV (⟶CnV) в глаголах.

175. Ср.сохранение ə в сходных фонетических условиях - /déləru/ "нам (экскл., II)".

а) Регрессивные ассимиляции

1. Сочетания aj и aw возможны лишь в конце фонетической синтагмы (в том числе в конце изолированного слова), в прочих случаях a подвергается палатальной или лабиальной ассимиляции:

(27) {aj ⟶ ej; aw ⟶ ow} не в конце синтагмы [176].

Примеры: /x̄əláj/ "буза" - /x̄əléj-às/ "бузу делать", /x̄əléju/ "и буза", /c'aj/ "коза" - /c'éjt̄aj/ "коза (эрг)" - /c'ej jab dбIzub-bi/"Коза эта - большая"; /'ásas/ "носить" - /'ówsas/ "носить (I)" (⟵{á+w+sa+s̄}, /xəšáw/ "скребок" - /xəšówli/"скребок(эрг)", /xəšów-às/ "скребок делать".

Сочетания ow, получившиеся из aw, не подвергаются дальнейшим преобразованиям. В отличие от них исходные сочетания ow, встречающиеся в глаголах, преобразуются в u. По-видимому, мы имеем здесь дело со старым чередованием ow (⟶ uw) ⟶ u, которое перестало быть живым к моменту появления новых ow из aw. Формальная запись правила:

(28) ow⟶u, если o ⟵ {o}

Примеры: {ó+w+k̆+mu+s̄} "вынести (I)"⟶/'úk̆mus/, {ó+w+č'+mu+s̄} "проснуться (I)"⟶/'úč'mus/.

2. В примерах выше были представлены ассимиляции в ударных сочетаниях aj,aw. Однако правило (27) годится и для описания случаев с заударными: /máč'aj/ "в месте" - /máč'ejši/ "в место", /x̄$_o$ánaj/ "на склоне" - /jámut^h x̄$_o$ánej 'os 'íqna.../ "на этом склоне однажды..."; /'abádlaw/ "вечно" - /'abádlowt̄ut^h/ "вечный", /x̆éšət'aw/ "лишь поздно" - /nen x̆éšət'ow 'édət'u/ "мы лишь поздно прибыли".

Если не придерживаться строгого порядка правил, необходима и другая форма правила для ассимиляции заударных:

(29) {əj ⟶ ej; əw ⟶ ow}

Такое правило учитывает возможность того, что редукция гласных предшествует их ассимиляции: {máč'+aj+ši}⟶máč'əjši⟶/máč'ejši/, {abád+law+t̄u+t̄}⟶'abádləwt̄ut^h⟶/'abádlowt̄ut^h/.

---

176. Этому правилу не подчиняется лишь звукоподражание /náIwbòs/ "мяукать". В форме настоящего времени от этого слова наблю-

Введение такого правила связано не только с необходимостью соблюдения принципа неупорядоченности правил. Имеются случаи, когда ə перед w происходит не из a, а из i: при их описании без правила (29) нельзя было бы обойтись и при допущении порядка: {x̄₀álli+wu} "и хлеб"→ x̄₀álləwu →/x̄₀állowu/, {báIri+wu} "и озеро"→ báIrəwu→/báIrowu/ и т.п. Тот же самый результат наблюдается и для заударных u перед w после непарных по лабиализованности; очевидно, в этом случае u→ə (по правилу (22)): {gát^{h}u+wu} "и кошка"→ gát^{h}əwu →/gát^{h}owu/, {qIʒé+t'u+wu} "по два"→ qIʒét'əwu→/qIʒét'owu/, {qIʒé+ru+wu} "по две (II)" → /qIʒérowu/ (но /'áxuwu/ "и лежал", /máxIuwu/ "и сказка").

3. Предударные сочетания aj и aw встречаются лишь в неассимилированных арчинским заимствованиях, где с ними не происходит никаких изменений: /'awlád/ "потомство", /'ajRúr/ "жеребец", /'ajrán/ "пахта". При освоении арчинским языком такого типа слов aj→əj→ij→i (/hibát̄ut/ "красивый" - ср. ав. hajbát^{h}ab), aw→əw→uw /muwlúd/ "мусульманский праздник" ср.ав. mawlíd).

Предударный ə переходит в u перед последующим лабиализованным согласным (последний при этом теряет лабиализацию): /ǩʒas/ "зарезать" - /buǩ'ás/ "зарезать (III)", /g₀as/ "согнуться" - /duḵás/"согнуться (II)", /kʒas/ "зажечь" - /buk'ás/ "зажечь" (III)"[177]. При наличии o после лабиализованного гласного происходит его делабиализация, так что ассимиляции ə не наблюдается: /dix₀/ "туча" - /dəx̄ór/ "тучи". Поэтому правило регрессивной ассимиляции предударного имеет такой вид:

(30) əC₀V́ → uCV́, если V́ ≠ o.

б) Прогрессивные ассимиляции

Отмечены лишь процессы прогрессивной лабиализации гласных. Здесь имеется две симметричных пары чередований: после w и после C₀. Случаи с w относятся к началу слова. Первый из них - переход o в u (с падением w):

(31) wo (→ wu) → 'u в начале слова

Примеры: {w+ók̄a+s̄} "жечь" (I)"→ /'úǩas/, {w+óq̄I'a+s̄} "утонуть (I)" → /'úq̄I'as/[178].

даются колебания: /naIwáIr/ || /noIwáIr/ || /nəIwáIr/.

177. Исторически также *dəx̄I₀+á+t̄ → *dəx̄I₀át^h → /duxIát^h/ "мельница" (ср. /dexI₀/ "жернов").

178. Отметим попутно возможность вариантного произношения гласных на 'o-: /'ók̄as/ || /'úǩas/, /'ók̄as/ || /'úǩas/ и др.

179. В прочих случаях происходит нейтрализация лабиализованных согласных перед o без перехода в u (см. Ф.334.2). Выше было высказано предположение, что в глаголах имела место прогрессивная ассимиляция после отпавшего позднее начального u (см. Ф.321.2).

Очень близким к правилу (31) является правило (32):

(32) wə (→ wu) → 'u в начале слова

Примеры: {w+əló} "наш (экскл., I)"→ wuló →'ulóo →/'ulú/, {wit^h+má} "у тебя"→ wət^{h}má → wut^{h}má →/'ut^{h}má/.

Ассимиляции после C₀ также касаются o и ə. Первое правило - морфонологическое по характеру:

(33) C₀o → C₍ᵒ₎u в глаголах[179]

Примеры: {w+so} "поймал (I)"→ s₀o → /s₍ᵒ₎u/, {w+x̄o} "встал (I)"→ x̄₀o →/x̄₍ᵒ₎u/; {ǩʒo} "зарезал"→ /ǩʒu/, {d+ǩʒo} "зарезал (II)"→/duǩʒú/, {w+k̄₀o} "согнулся (I)"→ k̄₀o →/gu/, {d+k̄₀o} "согнулась"→ /duk̄₍ᵒ₎ú/.

Второе правило не использует морфологических сведений:

(34) C₀ə → C₍ᵒ₎u в предударном слоге.

Примеры: {qI₀ib+í} "бутень (эрг)"→ qI₀əbí →/qI₍ᵒ₎ubí/ (ср. /qI₀ib/ "бутень"), {qIʒar+ár} "урчит в животе"→ qIʒerár → /qIʒurár/ (ср. /qIʒár-bos/"урчать в животе"), {šə₀it'+ár} "свистит"→ šə₀ət'ár →/š₍ᵒ₎ut'ár/ (ср. /šə₀ít'-bos/ "свистеть"), {žə₀al+ár} "кишит"→ žə₀elár → /ž₍ᵒ₎ulár/ (ср. /žə₀ál-bos/ "кишеть").

В заударных слогах последовательность C₀ə обычно сохраняется без изменений: /néx₀it^h/ "на соломе" - /néx₀ətiš/ "с соломы", /néqʒit^h/ "на земле" - /néqʒətiš/ "с земли", /wírx̄₀in/ "работает" - /wírx̄₀ənt'u/ "не работает". Различие в судьбе предударных и заударных ə после C₀ обусловлено, видимо, тенденцией к более полному произнесению гласного в предударной позиции.

Ф.321.42. Символические чередования

Для выражения "аффективных" значений используются значимые чередования гласных, которые можно в целом охарактеризовать как переход широких и узких гласных (a, u, i) в средине (o, ə), сопровождаемый их удлинением. К "аффективным" формам, где наблюдаются такие чередования, относятся: авательные формы имен, формы наречий со значением значительного удаления в пространстве, "интенсивные" формы наречий и адъективов. Сходные чередования в указ

званных формах отмечены и в других языках, что указывает, очевидно, на их универсальный характер.[180]

1. Наиболее разнообразны символические чередования гласных в звательных формах:

(35) { a → ō ; ŭ → ō ; ĭ → ē ; aw → ō ; aj → ē } в звательных формах

Примеры на a → ō: /dijá/ "отец" - /dijṓ/, /buwá/ "мать" - /buwṓ/, /qárda/ "м.имя" - /qárdō/, /Hamzát^h/ "м.имя" - /Hamzṓt^h/; /Hawá/ "ж.имя" - /Hawṓ/, /hózar/ "ж.имя" - /hózōr/; ŭ → ō[181]: /məsédu/ "ж.имя" - /məsédō/, /'əImáIt^{h}u/"м.имя" - /'əImáIt^{h}ō/; ĭ → ē[182]. /buxári/ "м.имя" - /buxárē/, /məq'ádi/ "м.имя" - /məq'ádē/; aw → ō: /buxúlaw/ "м.имя" - /buxúlō/, /Hažílaw/"м. имя" - /Hažílō/; aj → ē: /but^{h}áj/ "м.имя" - /but^{h}ḗ/, /humáj/"м. имя" - /humḗ/, /k^{h}usúmaj/ "ж.имя" - /k^{h}usúmē/, /šámaj/ "ж.имя" - /šámē/.

2. Для подчеркивания высокой степени качества (т.е. при образовании своего рода "интенсивных" форм адъективов и наречий) используется лишь переход a в o с удлинением гласного (если он был краток):

(36) a → ō в "интенсивных" формах адъективов и наречий.

Примеры: /'áqəɬut^h/ "длинный"- /'ṓqəɬut^h/ "очень длинный", /hálĭəɬut^h/ "легкий (не трудный)" - /hólĭəɬut^h/ "очень легкий", /háIrt^{h}əɬut^h/ "широкий" - /hólrt^{h}əɬut^h/, /hibáɬut^h/ "красивый" - /hibṓɬut^h/, /k'əláɬut^h/ "тонкий" - /k'əlṓɬut^h/, /šəláɬut^h/ "легкий (по весу)" - /šəlṓɬut^h/, /xəláɬut^h/ "старый" - /xəlṓɬut^h/, /xəráɬut^h/"дорогой" - /xərṓɬut^h/, /ǩáǩəɬut^h/"редкий" - /ǩṓǩəɬut^h/, /'áxši/ "далеко" - /'ṓxši/ "очень далеко", /dunálu/ "много" - /dunṓlu/ "очень много" и т.п. Интересно, что в некоторых словах, сама семантика которых предполагает интенсивность качества, наблюдается свободное варьирование ā с ō: /náq'uk^{h}an/ ‖ /nṓq'uk^{h}an/

180. См. Кодзасов 1975. Фонетическая мотивировка этих изменений гласных не ясна, возможно, они связаны с повышением тона в "аффективных" формах.

181. В случае ударности u оно лишь удлиняется в звательной форме: /jusúp^y/ "м.имя" - /jusṓp^y/, /buxú/ "ж.имя" - /buxṓ/.

182. В случае ударности i оно лишь удлиняется: /žilíl/"м.имя"- /žilíl/, /'islí/"ж.имя" - /'islḗ/.

"много", /láxəɬut^h/ ‖ /lṓxəɬut^h/"высокий (о человеке), /dáIzut^h/ ‖ /dṓIzut^h/ "большой".

Сходную символическую функцию выполняет чередование $\overset{(-)}{a} \rightarrow \bar{o}$ в наречиях со значением "там" (вверху, внизу, сзади и т.д.). Здесь формы с ō указывают на значительную удаленность (т.е. "там, очень вверху" = "там, далеко вверху", и т.п.): /jáɬəši/ "там, вверху" - /jṓɬəši/, /ǩ'ərášši/ "там, внизу"- /ǩ'ərṓši/, /xərášši/ "там, сзади" - /xərṓši/, /k^{h}ənášši/ "там, вне Арчиба" - /k^{h}ənṓši/, /Rənášši/ "там, в Арчибе" - /Rənṓši/[183].

Ф.321.43. "Застывшие" чередования

1. К такого рода чередованиям в первую очередь относятся чередования в редупликациях: редуплицированные формы, безусловно, должны считаться "готовыми". Выше (Ф.214, Ф.321.3) высказывалось предположение о том, что некоторые чередования гласных в редупликациях отражают сужение широких и средних гласных в заударных слогах в период, когда арчинский имел четырехугольную систему гласных. Богаче всего представлено чередование a~i: /gáki/"коса", /xIárxIi/ "слизь", /xámxi/ "баранья туша", /p^{h}ámp^{h}i/ "вата" и т.п. Чередование e~i отмечено лишь в глаголах: /xérxir/ "выигрывает", /xéxi/ "выигрывай!", /qérqir/ "замерзает", /qéqi/ "замерзай!"[184]; /x̄émx̄in/"вяжет, вяжи!", /x̄$_o$émx̄in/ "убегает, убегай!" и др. В то же время весьма вероятно, что оно было ранее представлено в существительных /qerq/ "узел" и /xIerxI/ "слюна", а свой нынешний вид эти существительные приобрели в результате отпадения конечного *i. Сходную структуру имеют существительные /k'ok'/ "блюдо", /xonx/ "глыба", /p^{h}oImp^h/ "колено", /q'onq'/ "баранья шкура", /qoq/ "место на спине, куда кладут ношу"; здесь мы предполагаем древнее чередование o~u с последующим отпадением конечного *u.

В редупликациях отражена также делабиализация второго слога корня при наличии лабиализации в первом: /qI'úqI'i/ "группа людей", /gúǩə-bòs/ "чесать", /x̄úx̄ə-bòs/"пилить", /šúšə-bòs/ "мазать маслом" и др. Напротив, при наличии i в 1-м слоге 2-й слог является лабиализованным: /zímzu/ "муравей", /žínžru/ "пиявка",

183. Интересно отметить также такие нерегулярные пары как /harák^h/ "до места впереди" - /horṓk^h/ "давным-давно", /xəráš/ "с места сзади" - /xərṓš/ "очень поздно".

184. Но /šéIršaIr/"гниет", /šéIršaI/ "гний!", /x̄éx̄a/ "неси!"

/č'ímč'u/ "толстый холст".

2. Из других "мертвых" чередований следует отметить переход корневого a в e в эргативе на -i(ri) ряда существительных. Историческое объяснение этого чередования предложено в Ф.214. Приведем список существительных с указанным чередованием: /s̄apʰ/ "черемша" - /s̄ép̄ʰi/, /lax/ "мусор после очистки зерна" - /léx̄i/, /nac'/ "вошь" - /néc̄'əri/, /nat'/ "гнида" - /nét'əri/, /naq̥ʼ/ "земля" - /néq̥ʼi/, /baIk'/ "баран" - /béIk'əri/, /naIk̆'/"молоко"- /néIk̆'i/, /nax̥/"солома" - /néx̥əri/. Приведенные формы эргатива естественно в синхронии считать "готовыми"[185].

Сходным образом мы трактуем формы местоимений и местоименных показателей адъективизации, в которых отражены древние чередования a ~ e, o ~ e, o ~ i, u ~ i: /ja+tʰ/"этот"-/je+b/ "эти", /tʰo+tʰ/ "тот"-/tʰe+b/ "те", /gədó+tʰ/"тот (внизу)" - /gədí+b/ "те (внизу)", /jámu+tʰ/ "этот" - /jémi+m/ "эти", /mú+t̄u+tʰ/ "красивый"- /mú+t̄i+b/ "красивые" и т.п.

3. Несколько чередований гласных представлено в глагольных формах. Из них два касаются единичных глаголов - a ~ e: /k̆an/ "тянет" - /k̆en/ "тяни", /kʰ̥an/ "есть" - /kʰ̥en/"ешь!", /č'aIn/ "душит"- /č'eIn/ "души!", o ~ a: /kʰo+r/ "слышит" - /kʰa/ "слышь!", /k̆o+r/ "дает" - /k̆a/ "дай", /xo+r/ "отыскивается" - /xa/ "отыщись!". Разумеется, все эти формы содержатся в словаре, а не выводятся по правилам. Гораздо шире распространена замена a на u в форме нерезультативного вида: /'ák'as/ "заставить" - /'árk'ur/"заставляет", /'ák̆'as/ "просовывать" - /'árk̆'ur/ "просовывает", /'ék̆'as/ "подметать" - /'érk̆'ur/ "подметает", /'ékʰas/ "падать"-/'érkʰur/ "падает" и др. Возможны разные способы описания этого чередования - либо через готовые формы дуратива соответствующих глаголов, либо на основе морфонологического правила, учитывающего условную помету м при корне в словарной записи (см. Т.121.211).

Ф.322. Распределение долгих гласных

а) Фонетические закономерности употребления долгих

1. Долгие гласные возможны только в ударном и заударных слогах, в предударном слоге они отсутствуют. Ударные долгие представлены всеми полными гласными: /líc'i/ "осколок камня", /bé̄xut̄utʰ/ "высокий", /bā́Ibus/ "говорить", /'ó̄k'ur/ "медленно", /mū́ši/ "хорошо". В заударной позиции встречаются лишь неузкие долгие: /'ákʰdāt'u/ "не уйдет", /húbōt'u/ "не подует", /'ówēnnutʰ/ "все сделанное". Следует отметить неупотребительность долгих в конечном заударном слоге слова, они встречаются здесь лишь в звательных формах: /pʰatʰímōtʰ/, /šámē/ и т.п.

185. Возможен, конечно, вывод этих форм на основе морфонологического правила, применяемого к корням, имеющим специальную помету, однако это явно искусственный способ описания.

2. Имеется внутрислоговое ограничение на употребление долгих: они не встречаются в слогах, закрытых сочетанием сонорного с шумным. В то же время они возможны в слогах, закрытых одним согласным: /t'ínna/ "мало", /'íqan/ "все время" (со слогоделением - / = 'íq=qan=/), /k̆'ərṓkʰ/ "очень дешево", /lízdu/ "осколки камня" и т.п. Однако это касается не всех форм - в определенных случаях происходит сокращение долгих в закрытом слоге, имеющее характер морфонологической закономерности (см. Ф.322в).

3. Долгота вокалического ядра является как бы свойством всего слога: при синкопе долгого гласного его долгота сохраняется на оставшемся гласном (см. Ф.313.22б) (при синкопе краткого гласного на остающемся гласном не появляется компенсирующей долготы).

б) Историческое, морфонологическое и символическое удлинение

В синхронии никакие случаи удлинения гласных не могут быть описаны на основе чисто фонетических правил. Однако все формы с долгими можно разбить на группы по степени мотивированности и выводимости долготы.

1. К первой группе отнесем слова, в которых долгота в синхронии немотивирована и невыводима. Число таких слов ограничено: /dā́Izi/ "граница", /x̄ₒā́na/ "быть похожим", /'ā́č'ət'u/"быть пустым", /č'ā́Irət̄utʰ/"мокрый", /'ā́c'as/ "насытиться", /'ā́tʰas/ "дробить", /'ā́qI'as/ "мять", /jā́has/ "веять", /jā́xIas/ "копать", /dā́x̆ə-kʰès/ "бить" и др. Не мотивирована в синхронии и долгота гласного в суффиксе -āt'u (отрицание в формах потенциалиса).

2. Ко второй группе относятся слова, в которых долгота гласных не мотивирована, однако выступает регулярно в определенных грамматических формах и может поэтому вводиться с помощью морфонологических правил. Большое число таких случаев дают деепричастия на -rši[186] : /wā́rš-èdi/ "рассказывал", /ánx̄-ȁrš-èbdəli/ "сражались", /dā́x̆ə-kʰȅrš-èdi/"бил", /c'aHánn-ȁrš-ì/"дрова делает",/pʰərx̄ā́rš-ì/ "летит", /du'í-bȁršə-bì/ "ругается" и т.д. Если ударные гласные в указанной форме удлиняются всегда, то удлинение безударных наблю-

186. Конечное i обычно выпадает перед гласным последующего вспомогательного глагола (/i/,/édi/и т.п.).

дается лишь в bos'овых глаголах, что указывает на наличие в прошлом побочной ударности: /gérk̄ərš-ì/ "свисает" (ср. /gérk̄ə-bòs/ "свисать"),/gúk̄ərš-ì/ "чешет" (ср./gúk̄ə-bòs/ "чесать", но /'ársərš-ì/ "носит" (ср. /'ásas/ "носить"), /'érk'urš-ì/ "подметает" (ср. /'ék'as/ "подметать"). Правило удлинения в описанных случаях формулируется так:

(37) Vrš → V̄rš в деепричастии, если V ударно, либо если это bos'овый глагол.

Другую группу слов с регулярным удлинением образуют наречия на -ši: /k'ərášši/ "внизу, вниз", /xərášši/ "сзади, назад", /hərášši/ "впереди, вперед", /kʰenšši/ "внизу,вниз от говорящего", /Rənšši/ "вверху, вверх от говорящего". Однако ввиду ограниченности этой группы нет смысла вводить специальное правило удлинения; считаем, что имеются готовые словарные формы с долгими гласными.

3. Рассмотрим случаи символического удлинения гласных. Удлинение гласных как средство выражения высокой степени качества - обычное окказиональное явление в непринужденной речи[187]. В арчинском, где долгота гласных фонематична, символическое использование этого признака имеет более сложный характер. Долгота выступает как постоянный признак ударных гласных открытого слога в большом числе наречий и прилагательных со значением эмоциональной оценки величины, протяженности, количества и т.п.: /mášši/ "хорошо, красиво", /dunálu/ "много", /bónis/ "немного", /t'ínna/ "мало", /'ík'en/ "все", /'izut/ "вкусный", /kʰərámətutʰ/ "чудный", /bóxututʰ/ "высокий", /húlətutʰ/ "низкий", /kʰút'ətutʰ/ "короткий", /'ók'urtutʰ/ "медленный", /x̄ax̄ətutʲ/ "редкий", /k'ák'ətutʰ/ "жаркий" и др.[188]. Долгота в этих словах как бы символизирует признак высокой степени качества (или количества), входящий в их семантическую характеристику.

При специальном подчеркивании высокой степени качества удлиняются гласные и закрытого слога (a при этом переходит в - ō,см. Ф.321.42): /muqIútutʲ/ "очень мелкий", /dIIčətutʲ/ "очень толстый", /k'əlōtutʲ/ "очень тонкий" и т.п. Удлинение (без изменения качества гласного) в этом случае мы рассматриваем как универсальное окказиональное явление.

187. Ср. русские написания "ма-а-аленький", "огро-о-омный" и т.п.

188. Символична также долгота гласного в суффиксе -ēn: /'ówēnnutʲ/ "все сделанное", /'ínnutʲ/ "всякий имеющийся" (≺{í+ēn+tu+t̄}), /bónnutʰ/ "все сказанное" (≺{bó+ēn+tu+t̄}) и т.п.

Лишь в одном случае символическая долгота гласных вводится по правилу - это удлинение гласных перед усилительной (и соединительной) частицей -u. Удлинению подвергаются ударные гласные открытого слога: /sól+u/ "и лиса", /jám+u/ "и волк", /x̄ík'+u/ "и кулак" (ср. /k'ós+u/ "и нож", /nók'+u/ "и дом" (со слогоделением /=nók'=k'u=/), /tʰúng+u/ "и веретено", /'oj+u/ "и ухо" (со слогоделением - /='ój=ju=/) и т.п.).

Правило удлинения перед u:

(38) V́=Cu → V̄=Cu, если u - усилительная частица.

в) Сокращение долгих гласных

Сокращение долгих зафиксировано в глагольных формах, оно происходит в случаях, когда исходный открытый слог корня оказывается закрытым: /jáxIas/ "копать" - /járxIur/ "копает", /jáxImul/ "копание"; /'ác'as/ "наполниться" - /'árc'ur/ "наполняется", /'ác'mul/ "наполнение"; /'átʰas/ "дробить" - /'ártʰur/ "дробит", /'átʰmul/ "дробление" и т.д. Формальная запись правила:

(39) V̄C= → VC= в глагольных корнях.

Этому правилу соответствует отсутствие в глаголах долгих гласных перед сильными и фонетически геминированными согласными.

Ф.33. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ И ЧЕРЕДОВАНИЯ СОГЛАСНЫХ

Ф.331. Распределение согласных "основных" классов

"Основными" классами удобно называть классы сонорных и шумных и классы согласных, противопоставленных значениями признаков способа образования и локального ряда ("основные" классы являются универсальными - они имеются в любом языке мира).

Ограничения на распределение согласных "основных" классов связаны преимущественно с примыкающими согласными. Поэтому наше изложение сводится в основном к описанию допустимых сочетаний согласных (Ф.331.1 и Ф.331.2) и регулярных правил устранения недопустимых сочетаний (Ф.331.3). Отдельно рассматриваются нерегулярные чередования (Ф.331.4) и выпадение полугласных (Ф.331.5).

Ф.331.1. Внутрислоговые сочетания

Как указывалось в Ф.313.1, возможны лишь конечнослоговые соче-

тания вида "сонорный (или b) + шумный". Рассмотрим подробнее типы этих сочетаний; начнем с внутрикорневых сочетаний.

1. Наиболее разнообразны и многочисленны сочетания с r, они охватывают все ряды, кроме губного и ларингального. Ниже следуют примеры на все зафиксированные сочетания:
r+апикальный: rt^h - /xIert^h/ "груша", /k'eIrt^h/ "осленок"; rt'- /qI'árt'-bòs/ "вывихнуть", /x̄árt'-bòs/ "брить"; r + свистящий: rs - /p^{h}árs-bos/ "моргать", /dars/ "урок" (заимств.); rz - /marz-dut^h/ "чистый" (<{marc̄'+t̄u+t̄}), /'arz/ "жалоба" (заимств.); rc'- /darc'/ "столб", /marc'/ "чист"; r + шипящий: /máIrš-k^{h}ès/ "завидовать", /háIrš-bòs/ "кипеть"; rž - /borž/ "долг" (заимств.), /xarž/ "трата" (заимств.); rč' - /'oIrč'/ "прав"; r+латеральный: rx̌ - /marx̌/ "кнут"; r+ велярный: rk^h- /$burk^h$/ "молот"; rk' - /x̄urk'/ "голубь", /'árk'mus/ "скоблить", r+ увулярный: rx -/p^{h}arx/ "барабан", /p^{h}írx-bòs/ "вспыхнуть"; rx_o - /'írx$_o$mus/ "работать"; rR - /č$_o$árR-bòs/ "расплескаться"; rq - /barq/ "солнце", /harq/ "крыша"; rq' - /č$_o$árq'-bòs/ "трескаться", /gúrqI'-bòs/ "проглотить"; rq$_o$ - /marqI$_o$/ "росток", /'érqI$_o$mus/ "скрывать".

Второй плавный (l), в отличие от r, почти не сочетается с шумными в конце слога; с ним зафиксированы такие сочетания: /qélt^h-bòs/ "бежать рысью", /š$_o$aIlt'/ "волна", /milk^h/ "собственность" (заимств.), /Rálq'-k^{h}ès/ "вымереть", /xalq'/ "народ" (заимств.).

2. Разнообразны и многочисленны сочетания "n+согласный" в конце слога; как и сочетания с r, они охватывают все ряды, кроме губного и ларингального:
n + апикальный: nt^h - /'oInt^h/ "голова", /šeInt^h/ "табурет"; nt'- /k'ent'/ "капля", /t'ant'/ "пчела"; n + свистящий: ns - /'ans/ "бык"; nz - /qénz-bòs/ "прясть"; nc - /hinc/ "сейчас"; /nc'- /k'enc'/ "козлиная шкура", /q'énc'-bòs/ "стричь"; n+шипящий: nš- /'aInš/ "яблоко", /'úInš-bòs/ "сморкаться"; nž - /žínžru/ "пиявка", /birínž/ "рис" (заимств.); nč - /qanč/ "крест" (заимств.); n + латеральный - nx̌ - /t'inx̌/ "прыщ"; nǩ' - /t^{h}unǩ'/ "крыса"; n + велярный: nk^h - /'éInk^h- k^{h}ès/ "оглохнуть", /t^{h}umánk^h/ "ружье"[189]; nk' - /qonk'/ "хинкал", /t'ánk'-bòs/ "прыгать"; ng- /k^{h}ung/ "подол"; /t^{h}ung/ "веретено"; n + увулярный: nx - /'inx/ "масло", /t^{h}anx/ "петля"; /nR/ - /t'ánRdut^h/ "хороший"; nq' - /p^{h}anq'/ "лепешка", /hanq'/ "горло".

Гораздо меньше конечнослоговых сочетаний со вторым назальным

189. Это заимствованное слово подверглось в арчинском переозвучке.

(m): m + губной - /dump^h/ "мяч", /háImp^h-bòs/ "лаять", /p^{h}oImp^h/ "колено"; m + свистящий - /x̄ams/ "медведь", /x$_o$imc'/"овечий клещ" (‖/x$_o$inc'/), /'imc'/ "мед"; m + латеральный - /lámx̌-k^{h}ès/ "отсыреть", m + велярный - /'amk'/ "пот", /'imk'/ "полметра".

3. Внутрикорневые сочетания с b редки: /náIbč'-bòs/"блестеть", /babǩ$_o$/ "кишка", /k^{h}abk^h/ "стекло", /nabk'/ "сон", /líbxI-k^{h}ès/ "стесняться", /qI'ábRIdut^h/ "грязный", /nabq/ "слеза", /qI'abqI'/ "грязен", /'ebq'/ "4".

Исконные внутрикорневые сочетания с глайдами (w и j) отсутствуют: сочетание с w отмечено лишь в заимствованном слове /šawq'/ "страсть", сочетания с j - в /héjt^h-bòs/ "обняться", восходящем, видимо, к аварскому междометию восторга hajt, в заимствованиях /'ejb/ "вина", /melékj^{h}du/ "ангел смерти" и в форме /x̌et̄éjt^h/ "пешком", которая, вероятно, является производной.

4. Из приведенных списков видно, что в конечнослоговых стечениях согласных нет ограничений на способ образования шумных и на ларингальные признаки. Что касается локальных рядов, то обращает на себя внимание ограниченность употребления губных (они сочетаются лишь с m) и отсутствие сочетаний с ларингалами. Характерно также явное преобладание r и n над другими сонорными по сочетаемостным возможностям.

Как будет показано ниже, в конце слога, независимо от наличия-отсутствия предшествующего сонорного, невозможны сильные согласные. Следует, однако, отметить, что на морфонематическом уровне они нередко представлены во внутрикорневых конечных сочетаниях (на фонематическом уровне они ослабляются). Это отражает прежнее состояние арчинской фонетической системы, при котором сильные были возможны в конце слога. Перечислим тенденции употребления морфонематических сильных в сочетаниях: 1) отсутствуют сильные взрывные t̲, k̲ (исключение - {t^{h}umánk̲}"ружье"); 2) увулярный глухой фрикативный всегда является сильным ({p^{h}arx̄}"барабан", {inx̄}"масло" и т.д.), а латеральный - слабым({marx̌}"кнут", {t'inx̌}"прыщ", {lámx̌ - k^{h}é+s̄}"отсыреть"); глухие фрикативные свистящего и шипящего рядов бывают сильными ({p^{h}árs̄-bó+s̄}"моргать", {máIrš̄-k^{h}é+s̄}"завидовать" и др.) и слабыми ({ans}"бык", {aInš}"яблоко" и др.); 3) сильные абруптивные аффрикаты выступают лишь в двух корнях - {imc̄'}"мед", {marc̄'}"быть чистым". Отметим также почти полное отсутствие в сочетаниях неабруптивных аффрикат, которые восходят к прежним сильным (см. Ф.225).

5. Когда внутрикорневое сочетание "сонорный + сильный шумный" оказывается в интервокальном положении, имплозивная и эксплозивная часть шумного попадают в разные слоги: /=ánx=xum=/ "драки", /=t^{h}u=mánk=kur=/ "ружья", /=márc'=c'-às/ "чистить" и т.п. Образуются тем самым слоги особого вида, не совпадающие с перечисленными выше, Такого же типа слоги образуются и на морфных стыках: /='áb+t=tu=/ "отец", /='é+r+x=xas=/ "оставаться (II)" и т.п., причем некоторые из таких слогов недопустимы и подвергаются преобразованиям (см. Ф.331.3).

6. Конечнослоговые сочетания типа "сонорный + шумный" представлены не только в корнях, но и на морфных швах. Они довольно широко выступают в глагольных формах с классными показателями w, r, b (ср. нетипичность сочетаний с b и отсутствие сочетаний с w внутри корня): /'ówsmus/, /'ársmus/, /'ábsmus/ "взвешивать (I,II,III кл.)"; /k^h_oéwk^{h}di/, /k^h_oérk^{h}di/, /k^h_oébk^{h}di/ "кружился (I,II,III кл.)" и т.п. Конечнослоговые сочетания могут возникать также при синкопе заударных и предударных гласных: /xIábxIdu/ "рыбы" (<{xIábxIi+tu}), /xámxdu/ "бараньи туши" (<{xámxi+tu}), /handlá/[190] "съедобная трава (эрг)" (<{hondol+á}), /k'ənt'lá/ "ноготь (эрг)" (<{k'ənt'ol+á}) и т.п.

Ф.331.2. Межслоговые сочетания

Существенно различаются две группы межслоговых сочетаний: внутрикорневые сочетания и сочетания на морфных стыках. Рассмотрим их отдельно.

1. Любое из внутрикорневых конечнослоговых сочетаний, рассмотренных в предыдущем параграфе, может стать межслоговым при прибавлении аффикса, начинающегося с гласного, либо перед гласным другого морфологического слова, входящего в состав данного фонетического: /xIert^h/ "груша" - /xIért^{h}um/ "груши" (со слогоделением - /=xIér=t^{h}um=/), /'amk'/ "пот" - /'ámk'-àčas/ "потеть" (со слогоделением - /='ám=k'-àč=čas=/) и т.п. Целый ряд корней такого вида употребляется только в "связанном" виде: /bárs(+)on/[191] "ребро", /hírx(+)on) "плоский камень на крыше", /dábx(+)əla/ "приспособление для размягчения овчины", /'ímk'(+)əla/ "носок", /héjk^h(+)əla/[192] "нагрудное женское украшение", /k'ənc'(+)ól/ "щенок", /k'ənt'(+)ól/ "ноготь", /hílmp'(+)i/ "плакса" и т.п.

Межслоговые сочетания согласных, содержащиеся в исконных неодносложных основах, в которых аффиксальные элементы невыделимы, в большинстве случаев не отличаются от конечнослоговых сочетаний в корнях: здесь также господствует схема "сонорный + шумный", преобладают r и n в качестве сонорных элементов, сходны и другие сочетаемостные тенденции. Повидимому, во многих случаях это является отражением исторической производности этих основ от корней типа CVC_sC_n[193]. Приведем сочетания с разными сонорными в том же порядке, что и в предыдущем параграфе.

Сочетания с r:r+апикальный: rt^h - /wárt^{h}i/"войлок", /háIrt^{h}a/ "широк"; rt' - /wáIrt'i/ "бурка", /k'urt'á/ "молоток"; rt - /gérti/ "радуга", /sertí/"пах у животного"; r + свистящий: rs - /mársi/ "лоскут", /k^{h}ərsám/ "мешок", rz - /lárzal/ "балкон"; r + шипящий: rš - /x$_o$áršI/ "червь", /k^{h}áIršI/ "сабля"; rč' - /hárč'i/ "глиняная кружка", /xIórč'i/ "телка"; r + велярный: rk^h -/dórk^{h}i/ "крышка", rg - /largi/ "изгиб", rk - /úrki/ "лопух"; r + увулярный: rx - /'órxIi/ "соль", /járxulšI/ "пополам"; rx - /k'urxIé/ "чашечка для веретена", rq' - /lórqI'i/ "овечья матка".

Сочетания с l: /p^{h}álth^{h}i/ "женский головной убор",/p^{h}álth^{h}al/ "настольные принадлежности", /k'ilt'í/ "седловина гор", /hálxa/ "легок", /'álxin/ "незаметный", /RI$_o$álqIi/ "туман".

Сочетания с n: n+апикальный: nt^h - /q'ənt^{h}ér/"отходы шерсти"; nt' - /gáInt'i/ "скирда", /xənt'é/ "каменный скребок для овчины"; nd - /ləndá/ "рубанок", /gundí/ "яма"; n + свистящий: nc' - /qənc'á/ "крючок", /q'ənc'á/ "уксус"; n + шипящий: nš - /'əInšáI-bòs/ "чихать"; nž - /gáInži/ "коренной зуб", /gənžá/ "юла"; nč' - /k'unč'úl/ "палка"; n + велярный: ng - /'əIngáI-bòs/ "плакать (о ребенке)", /ləngár/ "поднос", nk - /háInkur/ "клецка".

Сочетания с m: /t^{h}əmp^{h}ál/ "ленив", /xəmc'á/ "болото", /dámRIi/ "траур", /dəmRIá/ "следы от оспы".

Сочетания с b единичны - /níbsu/ "моль", /níbzur/ "ключица"; сочетания с j и w не отмечены.

На синхронном уровне внутрикорневыми являются и сочетания в

---

190. Это единственный случай конечнослогового сочетания nd.

191. Заключение в скобки знака морфной границы указывает на ее исторический характер.

192. В конце слога сочетание jk^h не зафиксировано.

193. Возможно, однако, и совсем иное объяснение: конечнослоговые стечения согласных образовались после падения конечных гласных в словах типа CVC_sC_nV.

редупликациях; все эти сочетания имеют форму "сонорный (или b)+ шумный"[194]: /sársi/ "песок", /pʰámpʰi/ "вата", /zímzu/ "муравей", /xIábxIi/ "рыба", /x̌ₒémx̌in/ "убегает", /qᵊérq'ə-bòs/ "крутить", /t'ént'ə-bòs/ "нажираться", /RIémRIə-bòs/ "огрызаться" и т.п.

Внутрикорневые сочетания в заимствованиях часто отступают от типичной арчинской схемы "сонорный + шумный": /šahrú/ "город", /'aq'ráb/ "скорпион", /ba'lí/ "вишня", /misgín/"бедный", /nasháb/ "происхождение", /bejráq/ "знамя"; в других случаях внутри этой схемы в них представлены нетипичные сочетания: /Rəldí/ "вьючное седло", /nuIbžáIl/ "неделя", /'alHátʰ/ "воскресенье", /'awláq/ "степь", /gowhár/ "зрачок", /'ajhúr/ "жеребец" и др.

Однако не всегда "неправильные" внутрикорневые сочетания выступают лишь в заимствованных словах. Остаются немногочисленные собственно арчинские слова, где их наличие объясняется, вероятно, исторической производностью слов: /səRrí/ "шкура крупного животного", /pʰəxIlé/ "железный круг", /kₒʰíxt'i/"бочка", /sərbá/ "мята", /qI'ərbá/ "мелкая сухая старая трава" и др.

2. Среди разнообразных консонантных сочетаний, возникающих на морфных стыках, межслоговые сочетания типа "сонорный + шумный" занимают не столь значительное место. В частности, они представлены в глагольных формах сочетанием классного показателя с корневым согласным (/'ówsas/, /'ársas/, /'ábsas/ "носить (I,II,III кл)"; /'éwǩis/, /'érǩis/, /'ébǩis/ "разбудить (I,II,III кл)" и т.п.) и сочетанием осно́вного показателя (r или n) с последующим аффиксальным согласным (/'árxərš-ì/ "лежит", /'árxərt'u/ "не лежит"; /wírx̄ₒənšə-wì/ "работает (I)", /wírx̄ₒənt'u/ "не работает (I)"); они выступают в формах эргатива мн.ч. существительных (/'áqurčaj/ "ноги (эрг,мн.)", /'əjómčaj/ "уши (эрг)") и в других формах.

Однако большинство внутрисловных стыковых сочетаний имеет структуру "шумный + сонорный" (/'áqli/ "нога (эрг)", /'ík'mul/ "сердца", /'úšmu/ "брат (эрг)" и т.д.) или "шумный + шумный" (/xápʰt'i/ "похищение", /š̌áxₒdutʰ/ "ржавый" и т.д.). Немало также сочетаний двух сонорных(/ bəšórmu/ "мужчина (эрг)", /'ójli/ "ухо (эрг)", /'ówli/ "сделал" и т.п.).

К стыковым сочетаниям примыкают сочетания, возникающие при синкопе редуцированных: /dəkʰrás/ "брать с собой (II)", /buq'rás/ "сохнуть (III)", /mətʰlá/ "козленок (эрг)", /nəqI'ná/ "мышь (эрг)" и т.д.

Разнообразные сочетания возникли и в словосложениях, из кото-

194. Исключение - /žínžru/ "пиявка".

рых многие уже утратили внутреннюю форму: /'ósgon/ "брусника", /dózba/ "бабушка", /s̄ánRi/ "вчера", /č'ətʰxól/"локоть", /jásqi/ "сегодня" и т.д.

Нередко на стыках возникают трехсогласные сочетания "сонорный + шумный + сонорный или шумный": /č'ángdutʰ/ "синий", /qI'ábRIdutʰ/ "грязный", /'áInšli/ "яблоко (эрг)", /dúmpʰli/ "мяч (эрг)", /nábk'mul/ "сны", /zₒárxt'i/ "звон" и т.д.

Огромное разнообразие стыковых межслоговых сочетаний делает бессмысленным их подробное перечисление. Запрещения на такие сочетания носят довольно ограниченный характер. Эти запреты и сопряженные с ними чередования рассматриваются в следующем параграфе.

Ф.331.3. Регулярные чередования согласных в консонантных сочетаниях

Наблюдается два типа таких чередований: ассимиляции (по ряду или способу) и спирантизация аффрикат.

Ф.331.31. Ассимиляции

а) Ассимиляция по ряду

Ассимиляция по ряду касается лишь зубного назального n - он ассимилируется с последующим согласным. В позиции перед губными (кроме w) эта ассимиляция дает фонематическое чередование (n → m), во всех прочих случаях чередуются фонетические варианты (см. Ф.224.3а). Запись фонематического правила такова:

(40) nC → mC, если C = m, b, pʰ, p'.

Примеры: {s̄írs̄an+mul} "усы" → /s̄írs̄əmmul/, {dáxon+mul} "зеркала" → /dáxommul/, {úš+mu+n+ma} "у брата" → /'úšmumma/, {kₒʰén-bó+li} "съешь,- сказал" → /kₒʰém-bòli/.

Наличие границы фонетического слова не предотвращает ассимиляции: {š̌uIlé+n báIk'i}"куча овечьего помета" → /š̌uIlém báIk'i/, {buwá+n pʰét̄uq'} "сундук матери" → /buwám pʰét̄uq'/, {tʰów+mu+n p'áp'rus} "его папироса" → /tʰówmun p'áp'rus/[195].

Согласный m обычно не уподобляется последующему согласному, однако в некоторых словах наблюдается свободное варьирование m и

195. Обращает на себя внимание отсутствие внутрислоговых сочетаний вида nCₒ. Возможно, некоторые из немногочисленных сочетаний вида mC восходят к историческим *nCₒ. Синхронный переход nCₒ → mCₒ (на стыках слов) не отмечен.

n перед негубными: /gúmgum/ ‖ /gúngum/"маленький кувшин", /x₀imc'/ ‖ /x₀inc'/"овечий клещ", /k'úmk'um/ ‖ /k'únk'um/"котел", /-emč'iš/ ‖ /-enč'iš/"показатель сослагат. наклон."

б) Ассимиляция по назальности

Ассимиляции в сочетаниях с назальными подвергаются фонемы, имеющие ту же ларингальную артикуляцию, что и назальные: слабые и сильные непридыхательные и сонорные. Случаи ассимилятивной назализации не единообразны, для их описания вводится 5 правил: первые три описывают прогрессивную ассимиляцию, четвертое и пятое - регрессивную.

Первое правило описывает переход b в m после назальных:

(41) mb → mm
nb → nm (далее → mm по правилу (40)) или $\begin{Bmatrix} m \\ n \end{Bmatrix} b \rightarrow \begin{Bmatrix} m \\ n \end{Bmatrix} m$

Примеры: {dám+bu+s̄} "лопнуть" → /dámmus/, {kʰám+bu+s̄} "стрелять" /kʰámmus/, {éxin+bu+s̄} "висеть" → 'éximmus → /'éxmus/, {árxin+bu+s̄} "сыпать" → 'árximmus → /'árxmus/.

Описанный процесс, видимо, является древним, и, возможно, следует в синхронии считать формы вида /dámmus/, /'árxmus/ и т.п. "готовыми", а не выводить их на основе правила (41). Об этом свидетельствует отсутствие перехода mb → mm на стыке морфологических слов: /k₀ʰém - bòli/ "съешь,- сказал", /t'a'ám-bìt̄utʰ/ "вкусный" и т.п. Кроме того, не происходит симметричного перехода nd → nn (/hondól/"съедобная трава", /gundí/"яма")[196]. Вместе с тем следует отметить бо́льшую склонность b к назализации (сравнительно с d) - не случайно наблюдаются "спонтанные" исторические переходы b в m (*bí-bəšor → /bímušur/"храбрец", *xít'-bu+s̄+an → /xít'məs̄an/ "толкуша") и дистантная ассимиляция (*jémib → /jémim/"эти").

Следующее правило описывает переход t̄ в n после назальных:

(42) mt̄ → mn или $\begin{Bmatrix} m \\ n \end{Bmatrix} t̄ \longrightarrow \begin{Bmatrix} m \\ n \end{Bmatrix} n$ [198]
nt̄ → nn [197]

Примеры: {xám+t̄u+w} "спесивый (I)" → /xámnu/, {q'urúm+t̄u+w}

196. Ассимиляция в сочетании ng давала бы ŋŋ, чего также не происходит: /tʰung/ "веретено", /kʰung/ "подол".

197. Можно было бы выделить промежуточную ступень перехода: mt̄=t̄ → mn=n → mn, nt̄=t̄ → nnn → nn.

198. Фонетическая природа этого процесса не вполне ясна: сочетание nd в синхронии не изменяется, а сочетание nt в комплексе

"скупой (I)" → /q'urúmnu/, {bišín+t̄u+w} "чужой (I)" → /bišínnu/, {qIán+t̄u+r} "беременная" (II) → /qIánnur/, {ásin+t̄e} "взвешивал" → 'ásinne → /'ásni/.

Третье правило описывает переход l в n после n (но не после m - /'áIrumli/ "серп (эрг)" и т.п.):

(43) nl → nn

Примеры: {s̄ón+li} "спина (эрг)" → /s̄ónni/, {k̆ón+li} "стадо (эрг)" → /k̆ónni/, {ák̄onn+li} "свет (эрг)" → /'ák̄onni/.

Первое правило регрессивной ассимиляции по назальности симметрично первому правилу прогрессивной ассимиляции, однако имеет грамматический контекст:

(44) bm → mm, если b - классно-числовой показатель, а m принадлежит суффиксу эргатива [199].

Примеры: {mú+t̄u+b+mi} "хороший (III, эрг)" → /mút̄ummi/, {mú+t̄i+ +b+maj} "хорошие (эрг)" → /mút̄immaj/, {já+b+mi} "этот (III, эрг)" → /jámmi/.

Введение грамматического контекста для описанного правила необходимо, т.к. не все формы ему подчиняются: /dábmul/"шило (мн.ч.)", /'aq'rábmul/ "скорпионы" и т.п.

Последнее правило описывает переход w в m в эргативе и мн.ч. субстантивированных адъективов I класса: {k̆'án+t̄u+w+mu} "любой (I, эрг)" → /k̆'ánnummu/, {mú+t̄u+w+mu} "хороший (I, эрг)" → /mút̄ummu/, {k̆'án+t̄u+w+mul} "любые (I)" → /k̆'ánnummul/ и т.п.

Однако не после u сочетание wm обычно не переходит в mm: /tʰówmu/ "тот (I, эрг)", /jówmu/ "этот (I, эрг)", /qIʒ̥éwmu/ "два (I, эрг)", /x̆íbowmu/ "три (I, эрг)" [200]. Поэтому предлагаемое правило имеет такой вид:

(45) uwm → umm

Сочетания ln внутри слова не встречаются, единственный засви-

nt̄=t̄ очень близко к nd фонетически. Сочетание nt̄ сохраняется в заимствованном слове /hánt̄i/ "некоторый" отрезок времени".

199. Однако в эргативе мн.ч. от указательных местоимений /jeb/ и /tʰeb/ вместо ожидаемых форм *jémmaj и *tʰémmaj выступают нерегулярные формы /jéjmaj/ и /tʰéjmaj/ (см. Ф.331.5в).

200. Исключением является наречие /'ébq'ət'ommitʰ/ (<*ébq'+t'aw- +mi+t̄) "на четвереньках".

детельствованный случай дает переход ln→nn (ср. nl→nn): {járxulnóIš} "половина веса в 2,5 кг (т.е. 1 кг 250 г)"→/járxunnòIš/ [201].

в) Ассимиляция по латеральности

Здесь обнаруживается три правила, похожие на правила назализации. Первое описывает латерализацию t̄ после l [202]:

(46) lt̄→ll [203]

Примеры: {bəxíl+t̄u+w} "скупой (I)"→/bəxíllu/, {dáli+t̄u} "засовы"→dált̄u→/dállu/, {š̄ₒít'əla+t̄u} "свистки"→š̄ₒít'əlt̄u→/š̄ₒít'əllu/ [204].

Следующие два правила симметричны:

(47) lr→ll

Примеры: {á+b+c'+o+li+ra} "наелся ли (III кл)"→'ábc'ulra→/'ábc'ulla/, {á+r+x+o+li+ra} "легла ли (II)"→'árxulra→/'árxulla/;

(48) rl→ll

Примеры: {s̄ár+li} "могила (эрг)"→/s̄álli/, {xabár+li} "рассказ (эрг)"→/xabálli/.

Таким образом, признак назальности оказывается сильнее признака латеральности (nl, ln→nn), а признак латеральности - сильнее признака вибрантности (rl, lr→ll).

Ф.331.32. Спирантизация аффрикат

Как придыхательные, так и абруптивные аффрикаты обычно невоз-

201. Ср. также огласовку русского слова "начальник" - /načánnikʰ/.

202. Заметим попутно, что в сочетании rt̄ в синхронии ассимиляции не происходит: /gért̄i/"дуга", /góIntʰərt̄u/ "наперстки" и т.п. В то же время формы /čəré/ "жарил", /q'uré/ "высох" и т.п., возможно, имели такую историю: *čəra+t̄é→*čərt̄é→*čərré→/čəré/, *q'ura+t̄é→*q'urt̄é→*q'urré→/q'uré/.

203. Отметим, что сочетание ld (встречается в заимствованиях- /Rəldí/ "вьючное седло", /quldúR/ "должность") в ll не переходит.

204. В сокращенных формах /'árəlt̄ikʰ/ "на работу", /'árəlt̄iš/ "с работы", которые возможны наряду с полными /'árələt̄ikʰ/, /'árələt̄iš/, ассимиляции не происходит, что свидетельствует об их незакрепленности, факультативности.

можны перед d и, оказываясь в этой позиции, переходят в спиранты [205]. Неабруптивные аффрикаты дают слабые глухие фрикативные:

(49) $\left\{\begin{matrix} cd \to sd \\ \check{c}d \to \check{s}d \end{matrix}\right\}$

Примеры: {béc+t̄u+w} "слепой (I)"→bécdu→/bésdu/, {gₒáci+t̄u} "кобылы"→gₒáct̄u→gₒácdu→/gₒásdu/, {óci+t̄e} "остановился"→'óct̄e→'ócde→/'ósdi/; {gₒáči+t̄u} "собаки"→gₒáčt̄u→gₒáčdu→/gₒášdu/.

Примеров на чередование k̆d→x̆d либо на сочетание k̆d не обнаружено. В то же время имеются примеры, показывающие отсутствие перехода qd→xd: /'íqdutʰ/"светлый", /'árš̄ət̄eqIdi/ "по-арчински" и т.п. Это объясняется, по-видимому, тем, что *q̄, к которому восходит нынешнее арчинское q, являлось взрывным, а не аффрикатой, а превращение его в сильную аффрикату произошло уже после того, как установился процесс перехода аффрикат в спиранты. Исторический характер описываемого процесса подтверждается его необязательностью для заимствованных слов (наряду с /bésdu/ и /hásdu/ возможны /bécdu/ и /hácdu/ (ср. ав. béc̄ab "слепой" и hácab "рыхлый, слабый")) и для новообразований (наряду с /hínsdutʰ/ "теперешний" возможно /híncdutʰ/ (от /hinc/ "теперь")).

При переходе в спиранты абруптивных аффрикат происходит потеря абруптивности; в результате получаются звонкие спиранты. Этот процесс охватывает все абруптивные аффрикаты:

(50) $\left\{\begin{matrix} \overset{(-)}{c}'d \to zd \\ \check{c}'d \to \check{z}d \\ \check{k}'d \to \check{\gamma}d \\ \overset{(-)}{q}'d \to Rd \end{matrix}\right\}$ или обобщенно: $C_{аффр,\ абр.} \to C_{фр.\ зв.}$ перед d.

Примеры: {márc̄'+t̄u+t̄} "чистый"→...→márc'dutʰ→/márzdutʰ/

205. В большинстве таких случаев /d/ очевидным образом получается из {t̄} при его ослаблении в начале слога (по правилу (55)). Исключением является лишь формы эргатива от существительных на -or, происхождение которых не ясно: /məcór/ "пастбище" - /məsdé/, /məč'or/ "борода" - /məždé/ (ср. также /məxór/ "грудь" - /məxdé/). Вероятнее всего, что и здесь в состав показателя эргатива входил t̄, и что история этих форм такова: *məcor+t̄é→*məcrt̄é→*məct̄é→*məst̄é→/məsdé/, *məč'or+t̄é→*məč'rt̄é→*məč't̄é→*məžt̄é→/məždé/. В синхронии мы считаем эти формы "готовыми".

(‖ →/márzutʰ/, {xəlác'i+t̄u} "рукава" → xəláč'du →/xəlázdu/, {lĺc'i+t̄u} "осколок камня" → ... →/lĺzdu/; {bíč'+t̄u+w} "наглый (I)" → ... →bíč'du →/bíždu/, {k'áč'i+t̄u} "листья" → ... →/k'áždu/; {ǩ'éǩ'+t̄u+t̄} "кривой" → ǩ'éǩ'dutʰ →/ǩ'éǰdutʰ/, {náIǩ'+t̄u+t̄} "голубой" →/náIǰdutʰ/[206]; {déq̄'+t̄u+w} "хромой (I)" →déq'du →/déRdu/, {qI'áqI'i+t̄u} "икры ног" →/qI'áRIdu/.

Представляется несомненным, что описанные чередования исторически имели иной фонетический характер: они были вызваны ослаблением звуков перед последующим сильным t̄. Ослабление сильных неабруптивных аффрикат означало их переход в слабые: *c̄t̄ →*ct̄, *čt̄ →*čt̄, а переход c в s и č в š был обусловлен общим процессом замены слабых аффрикат фрикативными во всех позициях (см. Ф.225). Ослабление абруптивных означало их дезабруптивизацию, т.е. переход в звонкие: *c't̄ → *ʒt̄ и т.д.(ср. дезабруптивизацию k' в той же позиции - правило (58)); далее звонкие аффрикаты дали звонкие фрикативные. Лишь позднее произошло ослабление t̄ в начале слога, приведшее к его замене на d, а тем самым к изменению контекста прежних чередований.В синхронном описании сохранение старого контекста для правил спирантизации аффрикат (перед t̄, а не перед d) возможно лишь при условии введения порядка правил,отражающего порядок исторических изменений, что для нас не приемлемо(см.Ф.113).

Ф.331.4. Устранение полугласных

Гласные обнаруживают тенденцию "поглощать" полугласные одноименного локального ряда, если они находится с ними в одном слоге. Устранение w - явление более распространенное, чем устранение j.

В начале слова w исчезает перед u:

(51) wu → u в начале слова [207]

Примеры: {w+út̄a+s̄} "оторвать (I)" →/'út̄as/, {w+úǩa+s̄} "обжечься (I)" →/'úǩas/ и т.п.

Симметричный процесс имеет место в конце слова:

206. Ср. также /noǩ'/ "дом" - /nəǰ'dór/ "дома" (вероятно, из *noǩ'+t̄or).

207. Этот процесс в правилах (31), (32) "склеен" с переходом o и ə в u после w. Необходимость самостоятельного правила (51) вызвана наличием глагольных форм с начальным u (они свободно варьируются с формами на o).

(52) uw → u в конце слова [208]

Примеры: {x̄Ión+t̄u+w} "злой (I)" →/x̄Iónnu/, {tʰúx+t̄u+w} "вялый (I)" →/tʰúxdu/, {áb+t̄u+w} "отец" →/'ábt̄u/.

Регулярное отпадение j происходит лишь в формах, образованных от эргатива на -ej (<{aj̄}):

(53) ejC → eC, если ej принадлежит морфе эргатива (ej ∈ $m_{эрг}$)

Примеры: {xom+áj+n} "женщины (ген)" → xəméjn →/xəmén/, {lágum+mul+čaj+x̄u} "с песнями" →/lágummulčex̄u/, {lóbur+čaj+s̄} "дети (дат)" →/lóburčes/, {áq+ur+čaj+ǩ̄} "под ногами" →/'áqurčeǩ'/.

В прочих случаях ej в e не переходит: /'ábejmaj/ "родители (эрг)", /c'éjt̄aj/ "коза (эрг)", /'íc̄'ejkʰdutʰ/ "сладчайший".

В адъективах превосходной степени наблюдается свободное варьирование ij с i: /Rəlíjkʰdutʰ/ ‖ /Rəlíkʰdutʰ/ "теплейший", /q'əc'íjkʰdutʰ/ ‖ /q'əc'íkʰdutʰ/ "кислейший".

Утрата j перед гласными переднего ряда в синхронии не зафиксирована [209].

Ф.331.5. Нерегулярные чередования согласных

Как и в случае с гласными, к нерегулярным мы относим такие чередования фонемных оболочек морф, принадлежащих одной морфеме, которые нет смысла в синхронии описывать в терминах преобразования исходной (представляющей) морфы по правилам ввиду уникальности таких правил. В этом случае морфема в словаре представлена двумя или более морфами с пометами об их распределении, либо в словаре представлены "готовые" формы, содержащие нестандартный морф. Вместе с тем во многих случаях можно высказать предположение об исторической исходной морфе и о фонетических причинах ее варьирования.

а) Чередование d ~ Λ

В адъективах с основой на сибилянт наряду с -du (из{t̄u}) иногда выступает и суффикс -u: /dőIz+u+tʰ/ "большой", /'íz+u+tʰ/ "вкусный" (‖ /'ízdutʰ/), /'óIrž+u+tʰ/ "правый" (‖ /'óIržd utʰ/), /'elézˇ+u+tʰ/ "некрасивый" (‖ /'elézˇdutʰ/), /'ós̄+u+tʰ/ "другой" [210].

208. Такой же процесс в правиле (33) "склеен" с переходом o в u перед w.

209. Падение начального j в прошлом произошло в таких словах, как /'ikǰ/ "сердце", /'iq/ "день", /'iš/"ночь" и т.д. (см. Ф.42).

210. В связанном виде сохранилась еще одна форма такого типа -

Происхождение этих форм очевидно - они обусловлены ассимиляцией в сочетаниях фрикативных сибилянтов[211] с d: zd → zz → z, žd → žž → ž, sd → ss → s̄. Однако эти ассимиляции наблюдаются далеко не всегда: /məsdé/[212] "пастбище (эрг)", /bésdutʰ/ "слепой", /lī́zdu/ "осколки камня", /məždé/ "борода (эрг)", /bíždu/ "наглый (I)" и т.п., поэтому основы адъективов в перечисленных выше формах без d приходится считать "готовыми".

Отметим попутно два случая регрессивной исторической ассимиляции tʰ с сибилянтами: /jás̄əna/ "в этом году" <*jatʰ s̄ánna (ср. /s̄ánna/ "год (лок)", /jatʰ/ "этот"), /jáš-šubùs/ "спешить" <*játʰ-šubús (ср. /játʰ-bəšdè/ "спешил (III)").

б) Чередования d ~ r, t̄ ~ r

Чередование d~r широко представлено в показателях II грамматического класса: в начале слова выступает d, во всех прочих позициях - r[213]: /dárk'ar/ "гоню (II)", /'árk'as/ "гнать (II)", /dizdur/ "сладкая (II)", /déləru/ "мы (инкл., дат., II)", /dəs̄ór/ "моя (II)" и т.п. Мы предполагаем, что это чередование отражает существовавшее некогда дополнительное распределение звонких взрывных и соответствующих сонантов (см. Ф.225). В настоящее время чередование d ~ r не мотивировано: d и r встречаются в одинаковых позициях.

Гораздо менее ясен характер (ср. Т.111.51) чередования tʰ(<{t̄}) ~ r, наблюдаемого в формах мн.ч. существительных[214]: /pʰoItʰ/ "колени" (ср. /pʰóIt̄u/ "и колени") - /pʰóIrčaj/ "колени (эрг)", /q'otʰ/ "бараньи шкуры" (ср. /q'ót̄u/) - /q'orčaj/), /xənxótʰ/ "каменные глыбы" (ср. /xənxót̄u/ - /xənxórčaj/) и т.п.[215]. Не исклю-

/'ás̄ə - x̌ənnòl/ "супруги" (<*ásdu-x̌ənnòl "муж-жена" - ср. /'ásmus dəqIés/ "замуж идти").

211. Эти фрикативные могут восходить к аффрикатам: z < c̄, ž < č.

212. Ср. форму /məs̄áj/ "на пастбище", восходящую, видимо, к *məsdáj.

213. Исключением являются формы II кл. от глагола /qI'éjqI'is/ "садиться": /q'ádqo̥is/, /q'ádqo̥ir/, /q'ádqo̥i/. Вероятно, они возникли относительно недавно в результате стирания "внутренней формы" этого глагола, сопровождавшегося падением гласного после d: *q'á-də+qo̥ís → /q'ádqo̥is/ и т.п. (ср. q'á-'àtʰis/ "посадить").

214. Ср. также единичное чередование в словах /lácutʰ/ "железо" (tʰ<{t̄}) - /lácurxIitʰ/ "железный черпак".

215. Однако /x̌oatʰ/ "пастухи" (tʰ<{t̄}) - /x̌oáčaj/ "пастухи (эрг)" (<*x̌oatʰčaj).

чено, что это чередование исторически также осуществлялось через стадию d (*t̄ → d → r в определенных позициях). Однако возможно также, что здесь мы имеем дело со старым морфологическим процессом (окончание -rčaj присоединяют имена на -llu (см. Т.111.54): /zullú/ "источники" - /zullúrčaj/ "источники (эрг)" и др.).

в) Чередование b ~ j

Это чередование наблюдается в указательных местоимениях: /tʰeb/ "те" - /tʰéjmaj/ "те(эрг)" (вместо *tʰémmaj), /jeb/ "эти" - /jéjmaj/ "эти (эрг)" (вместо *jémmaj). Мы объясняем его отчасти теми же историческими причинами, что и чередование d ~ r: взрывному b в конце слога соответствовал губной сонант типа v. Этот сонант подвергался палатализации после e (ср. ['éw,dəli] "был (I)"), превращаясь в звук типа французского ч который далее дал j в результате диссимиляции губных.

г) Чередования h ~ j, h ~ b

Эти единичные чередования уже рассматривались выше; исторически они объясняются ассимиляцией глайда h гласному слога, которому он принадлежал: *c'äh "коза" → *c'äh, → *c'äj → /c'aj/ (ср. c'áhur "козы") *lóhur "дети" → *lóhour → *lóvur → /lóbur/ (ср. /lahá/ "ребенок (эрг)").

д) Чередование š ~ č

Переход š в č представлен лишь в формах от глагола /xəšás/ "рвать": /dəxčás/ (II), /bəxčás/ (III) и т.п. Это явно результат расподобления двух соседних спирантов: xš → xč. Вряд ли есть смысл вводить в грамматику специальное правило, обслуживающее формы лишь одного глагола, тем более, что в других случаях (на стыках морф) это правило не действует: /'áxši/ "далеко", /'ós̄-òsši/ "по одному" и т.п.[216]

е) Чередование q' ~ Λ

Это чередование представлено в следующих глаголах: /qI'éjqI'is/ "садиться" - /qI'ejdi/ "сел", /'éq'is/ "быть" - /'édi/ "был", /'óq'is/ "зреть" - /'ódi/ "созрел". Очевидно, здесь q't̄ переходило в Rd, а R далее выпадало (*óq'i+t̄e → *óq't̄e → *óRdi → /'ódi/ и т.п.). Однако этот процесс нерегулярен - Rd обычно не переходит в d: /déRdu/ "хромой (I)", /'íRIodutʰ/ "тяжелый",

216. Ср. также отсутствие изменений в заимствовании /raxšánatʰ/ "насмешка".

/t^{h}úRdut^{h}/ "густой".

ж) Синкопа h

h подвергается синкопе в позиции после согласных на стыке грамматических слов внутри сложного слова: /dǒIz-àIt^{h}əra/ "большая река" (главная река арчинского ареала) вместо /dǒIz-hàIt^{h}əra/, /duχ̄Ián-ą̀llu/ "хозяин мельницы" вместо /duχ̄Ián-hàllu/, /'úx-èj-bòs/ "поле пахать" вместо /úx-hèj-bòs/. Однако этот процесс - индивидуальное свойство отдельных слов, он не обязателен: hán-hȍnu "ничто" и др.

з) Прочие чередования

Ряд нерегулярных чередований согласных представлен в архаичных формах мн.ч. на -q'ul (Rul): /č'eIn/"стена" - /č'érq'ul/ "стены", /muč/ "нос"-/mušqI'ul/"носы", /k^{h}ul/ "рука" - /k^{h}urRúl/ "руки" (ср. также /k^{h}urá/ "в руке").

Ф.332. Распределение ларингальных признаков и сильных-слабых фонем

Ввиду тесной связи признака силы с ларингальными признаками шумных согласных удобно рассматривать их распределение и чередования параллельно. Сочетания шумных внутри слога невозможны, поэтому ограничения на употребление этих признаков связаны либо с позицией в начале-конце слога, либо с некоторыми межслоговыми стыками [217].

1. Позиции конца и начала слога сами по себе не ограничивают употребления ларингальных признаков шумных - в них возможны согласные с любым из значений этих признаков (см. примеры в Ф.223)[218]. Однако указанные позиции ограничивают употребление сильных согласных, а ослабление сильных в них сопровождается в определенном случае изменением значения ларингального признака.

В начале слога из сильных возможны лишь спиранты: /s̄in/"гной", /šáIbi/ "рана",/x̌an/ "вода", /χ̄$_{o}$álli/ "хлеб". Сильные абруптивные аффрикаты в этой позиции ослабляются без мены ларингального признака:

(54) { =c̄' → =c' ; =q̄' → =q' }

Примеры:{c̄'a+s̄} "таять" →/c'as/ (ср. /bəc̄'ás/ "таять (Ⅲ)", /q̄I'a+s̄/ "делить"→/qI'as/ (ср. /bəq̄I'ás/ "делить (Ⅲ)".

Сильные непридыхательные взрывные в начале слога (т.е. в начале слова и после шумных) дают слабые непридыхательные, фонетически реализуемые глухими или звонкими звуками (см. Ф.224):

(55) { =t̄ → =d ; =k̄ → =g }

Примеры:{k̄$_{o}$a+s̄} "согнуться" →/g$_{o}$as/ (ср. /bukas/ "согнуться (Ⅲ)")[219], {k̄'ú'+t̄u+t̄} "горький" →/k̄'ú'dut^{h}/, {áx+t̄u+t̄} "далекий" →/'áxdut^{h}/, {k'áč'i+t̄u} "листья" →/k'áždu/.

В конце слога ослабляются все сильные; абруптивные аффрикаты, как и в начале слога, при ослаблении не меняют ларингального признака:

(56) { c̄'= → c'= ; q̄'= → q'= }

Примеры: {nac̄'+Ø} "вошь" →/nac'/, {nác̄'+mul}"вши"→/nác'mul/ (ср. /nác̄'u/ "и вошь"), {diq̄I'+Ø} "зола" → /diqI'/ (ср. /dəq̄I'í/ "зола (эрг)")[220].

Сходным образом ослабляются сильные фрикативные:

(57) { s̄= → s= ; š̄= → š= ; x̄= → x= ; χ̄= → χ= } или обобщенно: С$_{фр.\ сильн.}$ → С$_{фр.\ слаб.}$ в конце слога

Примеры: {k'os̄+Ø} "нож" → /k'os/ (ср. /k'əs̄ór/ "ножи"), {q'urá+s̄} "сохнуть"→/q'urás/ (ср. /q'urás̄-às/ "сушить"), {háIrš̄-bó+s̄} "кипеть" →/háIrš-bòs/ (ср. /háIrš-bòs̄-às/ "кипятить", /haIrš̄ár/ "кипит"), {b+šu+bú+s̄} "брать (Ⅲ)" →/bušbús/ (ср. /šu-bús/ "брать (IУ)"), {diχ̄$_{o}$+Ø} "облако" →/diχ$_{o}$/ (ср. /dəχ̄ór/"облака"), {anχ̄+Ø} "драка →/'anx/ (ср. /'ánχ̄-às/ "драться", {χ̄ámχ̄i+t̄u} "бараньи туши" →/χ̄ámxdu/ (ср. /χ̄ámχ̄i/ "баранья туша").

---

217. Дистантная "гармония" по ларингальным признакам, встречающаяся в некоторых языках (см., например, Царенко 1972), для дагестанских языков, по-видимому, не характерна.

218. Об исторических ограничениях на употребление слабых непридыхательных взрывных в конце слога см. Ф.225.

219. Ср. также чередования в редупликациях: /gák̄i/ "коса" (<*k̄ák̄i),/gérk̄ə-bòs/"свисать" (<*k̄érk̄i-bòs), /génuk̄/ "яйцо" (<*k̄énuk̄).

220. Ср. пары: /noc'/ "воробей" - /nōc'u/"и воробей", /buq'/ "ячмень" - /buq'ári/ "ячмень (эрг)". Здесь конечнослоговое /c'/ восходит к {c'}, а /q'/ - к {q'}.

Ослабление сильных взрывных сопровождается переходом из непридыхательных в придыхательные:

(58) $\left\{\begin{matrix} \bar{t}= \rightarrow t^h= \\ \bar{k}= \rightarrow k^h= \end{matrix}\right\}$

Примеры: {sot̄+ø} "зуб" → /sot^h/, {sót̄+li} "зуб (эрг)" → /sot^{h}li/ (ср. /sət̄ór/ "зубы"), {č'ut̄+ø} "кувшин" → /č'ut^h/ (ср. /č'ut̄á/ "кувшин (эрг)"); {lok̄+ø} "колос" → /lok^h/ (ср. /lək̄ór/ "колосья"), {lék̄i+t̄u} "кости" → /lék^{h}du/ (ср. /lék̄i/ "кость")[221].

Из описанных чередований видно, что раньше арчинский язык допускал сильные шумные в любом положении. При этом, по-видимому, ларингальная характеристика для сильных взрывных зависела от позиции: в начале слога и на слогоразделе они реализовывались как непридыхательные (t̲̄ и k̲̄), а в конце слога - как придыхательные (t̄^{h} и k̄^{h}). Этим объясняются различия в рефлексах сильных взрывных в разных позициях.

2. Межслоговые стыки шумных дают ограничение на употребление абруптивных - они невозможны перед d̲. Примеры на дезабруптивизацию аффрикат приведены в предыдущем параграфе. Абруптивный k̲' при дезабруптивизации переходит в g̲:

(59) k'd → gd

Примеры: {č'ánk'+t̄u+t̄} "синий" → /č'ángdut^h/, {c'ék$^{\text{ɔ}}_{\text{o}}$+t̄u+t̄} "кислый" → /c'ég$_{\text{o}}$dut^h/, {č'ék$^{\text{ɔ}}_{\text{o}}$+t̄u+w} "лысый" (I кл)" → /č'ég$_{\text{o}}$du/.

Сочетания p'd не отмечено; сочетание t'd переходит в t̲̄ по правилу (60), можно было бы считать, что этот переход также осуществляется через стадию dd: t'd → dd (по типу k'd → gd) → t̄.

3. При сочетании взрывных одного локального ряда возникают "слитные" звуки, произносимые единой долгой артикуляцией, ларингальная составляющая которой предопределена вторым из исходных взрывных. Долгие придыхательные и абруптивные (p̲̄^{h}, t̲̄^{h}, t̲̄' и др.) трактуются нами как сочетания фонем, а слияние этих фонем - как процесс фонетического варьирования (см. Ф.224), тогда как долгие непридыхательные p̲̄ и t̲̄ являются фонемами, а соответствующий процесс - фонематическим чередованием:

(60) $\left\{\begin{matrix} b \\ p' \\ p^h \end{matrix}\right\}$ b → p̄ внутри морфологического слова

221. Ср. пары /xIit^h/ "черпак" - /xIət^{h}ór/ "черпаки", /juk^h/ "ноша" - /júk^{h}u/ "ноша". Здесь конечные слабые восходят к слабым же.

$\left\{\begin{matrix} t' \\ t \end{matrix}\right\}$d → t̄ внутри морфологического слова[222]

Примеры: {č'áIp'+bu+s̄} "лопнуть" → /č'áIp̄us/ (ср. č'əIp'áIr "лопается"), {láp'+bu+s̄} "бросить" → /láp̄us/ (ср. ləp'ár "бросает"), {xáp'+bu+s̄} "похищать" → /xáp̄us/ (ср. /xəp'ár/ "похищает"), {qíp^h+bu+s̄} "испражняться" → /qíp̄us/ (ср. /qəp^{h}ár/ "испражняется"), {x̌íb+abu} "три (III кл.)" → x̌íbəbu → x̌íbbu → /x̌íp̄u/[223] (ср. /x̌íbəru/ "три (II)"); {k$^h_{\text{o}}$át'+t̄u+t̄} "нужный" → k$^h_{\text{o}}$át'dut^h → /k$^h_{\text{o}}$át̄ut^h/, {q$_{\text{o}}$át'i+t̄u} "деревья" → q$_{\text{o}}$át'ət̄u → q$_{\text{o}}$át't̄u → q$_{\text{o}}$át'du → /q$_{\text{o}}$át̄u/, {át^{h}i+t̄e} "отпустил" → 'át^{h}t̄e → 'át^{h}di → /'át̄i/, {áInt^h+t̄u+t̄} "крепкий" → /'áInt̄ut^h/.

При наличии границы грамматического слова перехода в сильный взрывной не происходит: /záb-bòs/ "звать", /x̌éb-bòsdut/ "третий", /jab báRəža/ "это кольцо", /'óp'-bòs/ "отрыгнуть", /bis dúmp^h-bì/ "Это мой мяч", /háImp^h-bòs/ "лаять", /x̌əImáIt̄ut diq'/ "жидкий суп", /dez jaǩ'ád-dàk̄uršə-dì/ "Я тещу вижу" и т.п.[224].

Сочетания гоморганных фрикативных внутри морфологического слова отсутствуют[225], при наличии словесной границы слияния в сильный согласный не происходит: /nóx-xò/ "пещера нашлась", /k'ós-sàs/ "нож держать" и т.п.

4. В заключение отметим нерегулярные процессы, связанные с ларингальными признаками и признаком силы. Прежде всего укажем на свободное варьирование фонем g̲ и k̲^{h} в словах /g$_{\text{o}}$énəši/ ‖ /k$^h_{\text{o}}$énəši/, /gədót^h/ ‖ /k^{h}ədót^h/ "тот (ниже)" и фонем b̲ и p̲' в слове /bá'bós/ ‖ /p'á-bos/ "целовать".

Отметим далее нерегулярные чередования сильных фрикативных со слабыми в числительных /x̌íbt'u/ "три" - /x̌ibíjt'u/ "тридцать" и в трех однотипных глаголах: /šubús/ "брать" - /šur/ ‖ /šur/ "берет" - /šət̄é/ "брал" - /še/ "бери", /x̌ubús/ "красить" - /x̌ar/ - /x̌ət̄é/ /x̌a/, /s̄ubús/ "варить" - /sal/ - /sət̄é/ - /sísi/.

222. Случаи dd → t̄ отсутствуют; не обнаружено также случаев подобного типа с k̲̄.

223. Эту форму можно считать "готовой" ввиду нерегулярности выпадения ə̲.

224. Переход в p̲̄ и t̲̄ в вышеприведенных случаях возможен в беглой речи, однако мы считаем также произношение ненормализованным.

225. Имеется единичный случай исторического перехода šš в s̄: *éšəši "сюда" → /'eš̄i/.

Ф.333. Распределение лабиализованных-нелабиализованных согласных и их чередования

Ф.333.1. Нейтрализация противопоставления по лабиализации перед /o/ и /u/

1. В позиции перед лабиализованными гласными отсутствует противопоставление лабиализованных согласных нелабиализованным (см. Ф.125); слабую лабиализацию согласных перед o мы рассматриваем как внесистемный, реализационный процесс, тогда как согласные перед u мы считаем фонематически лабиализованными, если они парны по этому признаку (в противном случае их лабиализация также считается внесистемной).

Отсюда следует интерпретация динамических процессов, происходящих с согласными в позиции перед o и u. Лабиализованные согласные, оказывающиеся перед o, подвергаются делабиализации:

(61) $C_{o}o \rightarrow Co$

Примеры: {di$\check{\bar{x}}_{o}$+ór} "тучи" → /də$\check{\bar{x}}$ór/, {biq$^{\text{ɔ}}_{o}$+ót̄} "места" → /bəq'ót^{h}/, {bi$\check{\bar{x}}_{o}$+ór} "глубокие места" → /bə$\check{\bar{x}}$ór/.

За описанным синхронным процессом скрывается исторический процесс замены сильно лабиализованного глубокого звука (условно обозначим его o_{o}) слабо лабиализованным неглубоким, происшедший в ходе замены четырехугольной вокалической системы треугольной (см. Ф.214). Параллельно произошла переинтерпретация согласного перед гласным: из лабиализованного он стал нелабиализованным. Таким образом, за правилом (61) скрывается исторический процесс: $C_{o}o_{o} \rightarrow Co$

Если нейтрализация согласных перед o заключается в их делабиализации, то перед u, напротив, парные согласные принудительно лабиализованы. Когда перед u оказывается исконно лабиализованный согласный, то с ним не происходит никаких изменений, кроме утраты способности быть противопоставленным нелабиализованному. Сравните пары: /bak$^{h}_{o}$/ "бок" - /bá$\bar{k}_{(o)}$ur/ "бока", /č'iník$^{\text{ɔ}}_{o}$/ "коса" - /č'iník$^{\text{ɔ}}_{(o)}$ur/ "косы", /č'aq$^{\text{ɔ}}_{o}$/ "ложка" - /č'áq$^{\text{ɔ}}_{(o)}$u/ "и ложка"[226] Сходным образом, не происходит делабиализации согласных и перед u, получившимся в результате лабиализации ə после C_{o} (C_{o}ə → $C_{(o)}$u): {k$^{h}_{o}$aš+ár} "шарит" → /k$^{h}_{(o)}$ušár/ (ср. k$^{h}_{o}$áš-bòs/ "шарить"), {š̄$_{o}$it'+ár} "свистит" → /š̄$_{(o)}$ut'ár/ (ср. /š̄$_{o}$ít'-bòs/ "свистеть") и т.п.

226. Напомним, что знаком $_{(o)}$ мы обозначаем лабиализацию в позиции нейтрализации.

Если же перед u оказывается исходно нелабиализованный согласный, то он подвергается лабиализации. Сравните пары: /'aq/ "нога" - /'áq$_{(o)}$ur/ "ноги", /bek'/ "пуговица" - /bék$^{\text{ɔ}}_{(o)}$ut^{h}/ "пуговицы", /'áxas/ "лежать" - /'áx$_{(o)}$u/ "лежал". Удобнее всего эту закономерность выразить с помощью правила особого вида:

(62) $Cu = C_{(o)}u$, если C - парный по признаку лабиализованности.

2. Правильность нашей трактовки согласных перед o и u подтверждается случаями денейтрализации, т.е. случаями, когда эти согласные оказываются перед другими гласными или перед согласными в результате чередований. Согласные, ранее бывшие перед o, обнаруживают свою нелабиализованность, тогда как согласные, стоявшие перед u, сохраняют лабиализованность, если они парны по этому признаку.

Нелабиализованность согласных перед o обнаруживается при редукции этого звука: /k'os/ "нож" - /k'əs̄á/ "нож (эрг)", /q'on/ "козел" - /q'əná/ "козел (эрг)" и т.п. Напротив, отсутствие редукции u в предударном слоге обусловлено, очевидно, лабиализованностью предшествующих ему согласных: редуцированный снова подвергался бы лабиализации, т.е. превращался бы в u, что дало бы бесконечный процесс вида $C_{o}u \rightarrow C_{o}$ə. Этот цикл избегается запретом редукции u, который распространяется на все случаи (в том числе и на слова, где перед u стоит непарный по лабиализованности).

Лабиализованность парных согласных перед u наиболее ярко выступает при выпадении u в сочетаниях с гласными и в заударном положении: Ср. /bé$\bar{x}_{(o)}$ut̄ut^{h}/ "высокий" - /bé$\bar{x}_{o}$ejk^{h}dut^{h}/ "высочайший" (<{béx$_{(o)}$u+ejk^{h}+t̄u+t̄}); /'áx$_{o}$u-k^{h}ès/ "спать" - /'áx$_{o}$-èt̄i/ "спал" (<{áx$_{(o)}$u-ét̄i})[227], /'áx$_{o}$-às/ "усыплять" (<{áx$_{(o)}$u-ás}); /láq$^{\text{ɔ}}_{(o)}$u-k^{h}ès/ "кончаться" - /láq$^{\text{ɔ}}_{o}$-èt̄i/ "кончился" (<{láq$^{\text{ɔ}}_{(o)}$u-ét̄i}), /láq$^{\text{ɔ}}_{o}$-às/ "кончать", /láq$^{\text{ɔ}}_{o}$-àw/ "кончил"; /'ák̄u-k^{h}ès/ "рассветать" - /'ák̄$_{o}$-èt̄i/ "рассвело"; /márx̄$_{(o)}$u/ "корень" - /márx$_{o}$du/ "корни" (<{márx̄$_{(o)}$u+t̄u}).

При выпадении u после непарных согласных лабиализация на них отсутствует: /p^{h}ík^{h}ru/ "мысль" - /p^{h}ík^{h}r-àbas/ "думать" (букв. "мысль делать"), /č'ábu/ "овцы" - /č'ábaj/ "овцы (эрг)".[228]

3. Отметим попутно тенденцию к делабиализации согласных перед m на стыках морф. Эта тенденция реализована в нестандартной форме

227. Дословно - "лежавшим стал"; /'áxu/ - форма аориста от /'áxas/ "лежать"; форма дуратива - /'árxar/, т.е. исконной лабиализации в корне не было.

228. Наблюдается также делабиализация d при падении u: /g$_{o}$ášdu/

эргатива от слова /'ikʲ/ "сердце" – /'íkʲ'mi/ – и производных от нее. В прочих случаях делабиализация обычно не происходит: /'íkʲmul/ "сердца", /déxI$_{o}$mul/ "жернова", /č'áqʲmul/ "ложки", /'írx$_{o}$mus/ "работать", однако факультативное произношение без лабиализации тоже иногда наблюдается: /č'áq'mul/, /'írxmus/.

Ф.333.2. Делабиализация согласных после /u/

Арчинский язык не терпит сочетаний uC$_{o}$ [229] (если только за C$_{o}$ не следует снова u: /muk̄$_{o}$úl/ "веник", /muč$_{(o)}$útʰ/ "вершины"). Если такое сочетание возникает в процессе построения фонетической оболочки высказывания, то происходит делабиализация:

(63) uC$_{o}$V → uCV, если V ≠ u

Примеры: {d+k̄$_{o}$a+s̄} "согнуться (II)" → dək̄$_{o}$ás → duk̄$_{o}$ás → /dukás/ (ср. /g$_{o}$as/ (IV)), {b+ǩʲa+s̄} "зарезать (III)" → bəǩʲás → buǩʲás → /buǩ'ás/ (ср. /ǩʲas/ (IV)), {b+kʲa+s} "зажечь (III)" → bəkʲás → bukʲás → /buk'ás/ (ср. /kʲas/ (IV)) [230].

Весьма вероятно, что описанный синхронный процесс в некоторых случаях отражает историческое падение начального безударного гласного глагольной основы (*uC$_{o}$ás̄ → /C$_{o}$ás/ – см. Ф.322) и утрату прогрессивной ассимиляции по лабиализации (*CuC$_{o}$ás̄ → /CuCás/), однако ныне порождение таких форм выглядит совершенно иначе.

Ф.333.3. Следы исторических процессов делабиализации

1. Особенностью некоторых глагольных корней (в словаре они помечены условным значком $_{M}$) является лабиализующее действие на последующий гласный в основе дуратива, дающее формы на -ur вместо обычного -ar: /bábc'ur/ "строгает", /'érǩ'ur/ "подметает",

---

"собаки" – /g$_{o}$ášdaj/ "собаки (эрг)". Этот процесс, равно как и возможность редукции ц после апикальных (см. Ф.321.32) показывает, что включение лабиализованных апикальных в число фонем довольно условно (характерно, что все они представлены единичными корнями).

229. Отсутствуют также и сочетания oC$_{o}$; сочетания же лабиализованных согласных с предшествующими лабиальными представлены единичными случаями: /'ówx$_{o}$-èwt̄i/ "спал (I)", /babǩʲ/ "кишка", /q'ábqʲis/ "садиться (III)" (но /q'ówq'is/ (I)).

230. Такой же процесс имел в прошлом место при образовании слова /duχ̄Iátʰʸ "мельница" (застывший локатив от /dexI$_{o}$/ "жернов" (<{dəχ̄I$_{o}$}): *dəχ̄I$_{o}$+á+t̄ → *dəχ̄I$_{o}$atʰ → *duχ̄Iatʰ → /duχ̄Iátʰ/.

/'eIrčur/ "точит" (ср. /'árxar/ "лежит", /'árt'ar/ "ломает") [231]. В формах инфинитива и императива лабиализации гласных в тех же глаголах не наблюдается [232]:
/bábc'as/, /bábc'a/; /'éǩ'as/, /'éǩ'a/; /'éIčas/, /'éča/.

Описанная закономерность объясняется, очевидно, исторической делабиализацией согласного глагольного корня в формах инфинитива и императива при сохранении лабиализации в формах дуратива (и в отглагольных формах) [233]. Это предположение подтверждается формами глагола, образованного от существительного /dexI$_{o}$/ "жернов": /déχ̄Iur/ "мелет", но /déχ̄Ias/ "молоть", /déχ̄Ia/ "мели". Сохранившаяся лабиализация согласного позднее привела к лабиализации соседнего гласного [234].

Характер процесса делабиализации в глагольных формах не ясен. Обращает на себя внимание тот факт, что многие глаголы на -bos обнаруживают синтетичность формы дуратива при аналитичности прочих форм (см. Т.121.23) /pʰərχ̄ár/ "летит", но /pʰárx-bòs/ "летать", /pʰárx-bà/ "лети"; /gúǩor/ "чешет", но /gúǩə-bòs/ "чесать", /gúǩə-bà/ "чеши" и т.п. Возможно, что подобное же положение имело место и в глаголах других типов, и что делабиализация была связана с определенной грамматической структурой глагольной формы (с ее аналитичностью). Однако не исключена при этом роль фонетического фактора: одинаковое a в нынешних окончаниях -ar, -as, -a может восходить к разным историческим гласным.

---

231. Это лабиализующее действие проявляется также и в "окаменелых" отглагольных существительных, где вместо обычного -an выступает -on: /'ábc'on/ "стружки", /'éIčon/ "точило" (ср. /bát'an/ "хворост").

232. В формах терминатива противопоставление "лабиализующих" и "нелабиализующих" корней не может проявиться из-за лабиализованности конечного гласного (ср. /bábc'u/ "строгал" и /'árxu/ "лежал").

233. Сохранение лабиализации во всех формах двух глаголов: /'áǩus/ "видеть", /'áǩur/ "видит", /'áǩ$_{o}$a/ "увидь" (ср. также /'áǩon/ "свет"); /'írǩus/ "искать", /'írǩur/ "ищет", /'írǩ$_{o}$a/ "ищи" – объясняется тем, что в них в состав корня входило u, тогда как в других глаголах лабиализация относилась лишь к согласному.

234. Лабиализация конечного гласного основы в дуративе происходит также в глаголах с корневым o (u) (/'orǩur/ "жжет",

2. Лабиализованные согласные переднеязычных рядов (апикальные, свистящие и шипящие) ныне представлены лишь в начале корня. Однако следы их прежнего наличия в других позициях видны по глагольным формам с лабиализованными гласными: /bábc'ur/, /'ábc'on/; /'éIrčur/, /'éIčon/; /'árt^{h}ur/ "дробит"; /héIrš̆ur/ "бегает". Ясное свидетельство исторической делабиализации конечных шипящих дает также пара /'iš̆/ "ночь"[235] – /š̆$_{o}$i/ "ночью"[236].

3. Подобно делабиализации гласных во второй части редупликаций (она, кстати, является одновременно и делабиализацией предшествующих согласных), наблюдается также делабиализация согласных не перед u. Закономерность эта касается всех видов редупликаций – существительных: /x̆$_{o}$íx̆i/ "цепочка на чухте", /qI$_{ɔ}$éqI'(+)əla/ "вид кустарника"; адъективов: /q$_{ɔ}$áq'ərt̄ut^{h}/ "узкий"; глаголов: /x̆$_{o}$émx̄in/ "убегает", /c$_{ɔ}$émc̄'in/[237] "просеивает", /qI$_{ɔ}$émqI'in/ "считает"; идеофонных и звукоподражательных частей сложных глаголов: /č$_{ɔ}$élč'ə-bòs/"грызть", /q$_{ɔ}$érq'ə-bòs/ "поворачивать".

Ф.34. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ "ЦЕНТРОВ" ФАРИНГАЛИЗАЦИИ В СЛОВЕ

Как показано в Ф.232, фарингализация в арчинском языке выступает как просодический признак, охватывающий слог или последовательность слогов. В фонематической записи фарингализация сильнофарингализованного слога символизируется знаком I при слоговом "центре" фарингализации (при гласном или увулярном согласном). Значения признака фарингализации для прочих сегментов сильнофарингализованного слога и для сегментов соседнего слога определяется закономерностями, описанными в Ф.232.

В данном разделе рассматриваются фонематические законы распределения "центров" фарингализации, они связаны как с фонетическим строением слова (сегментным и ритмическим), так и с его морфологической структурой. Рассматривается также вопрос о словарной записи морф с фарингализацией и предлагаются динамические правила

/'órc̄'ur/ "стирает"); она вызвана тем, что раньше согласный корня подвергался прогрессивной лабиализации.

235. Ср. табас. jiš̆ "ночь".

236. Неправильность формы мн.ч. от слова /'ans/ "бык" – /'unsúr/ (нетипичный сдвиг ударения с корня) видимо, как-то связана с исторической лабиализацией конечного свистящего.

237. Ср. /c'om/ "сито".

фарингализации.

1. Внутри односложного морфологического слова, совпадающего с корнем, действуют простые законы распределения "центра" фарингализации: если в корне имеется увулярный, то "центр" фарингализации приходится на него (/boxI/ "горный козел", /xIor/ "селение", /marqI$_{ɔ}$/ "гвоздь", /RIáž̆-bòs/ "косить"); если увулярного нет, то "центр" фарингализации приходится на гласный (/maIh/ "привкус", /muIl/ "сопля", /noIš̆/ "лошадь", /baIk'/ "баран").

В неодносложных корнях[238] увулярные согласные сохраняют на себе "центр" фарингализации независимо от места ударения: /qIəš̆ól/ "лестница", /xIəš̆ón/ "рубашка", /x̆óxIas/ "раствориться"[239]. В неодносложных корнях без увулярных имеется две схемы распределения "центров" фарингализации: при ударении на 1-й слог "центр" приходится на ударный гласный (/náIk̆'u/ "слепень", /t'éIč'u/ "свинец", /báIk'i/ "куча")[240]; при ударении на 2-й слог имеется два "центра" фарингализации – как на ударном, так и на предударном слоге (/buIrúInt'/ "струя", /č'uIbáI/ "бел", /'aIp̄áIsi/ "монета в 20 коп."). Исключением являются случаи, когда ударный и предударный гласный разделены апикальным согласным; в этом случае место "центра" фарингализации предопределено этимологически: /šuIlú/ "овечий помет", /həIló/ "быть жидким", но /nut'úIh/ "ореховая халва", /mut'úIh/ "быть покорным".

2. Перечисленные законы распределения "центров" фарингализации внутри корня не нарушаются при его фонетическом преобразовании в производных формах – при переходе ударения с корня на аффикс (/nəIš̆óIr/ "лошади", /RIəž̆ár/ "косит") и при слоговом переразложении корня из-за отхода конечного согласного к гласному аффикса (/báIk'ur/ "бараны" (со слогоделением – /=báI=k'ur=/), /márqI'um/ "гвозди" (со слогоделением – /=már=qI'um=/). Это делает совершенно ясной проблему записи фарингализации в представляющих морфах словаря: место "центра" фарингализации в них совпадает с тем, что наблюдается в текстовых морфах.

Следует отметить, что фарингализация в словаре могла бы припи-

238. Имеются в виду морфы, неразложимые на синхронном уровне, исторически они могут быть производными.

239. В редупликациях оба увулярных фарингализованы: /xIábxIi/ "рыба", /qI'áqI'i/ "голень".

240. В редупликациях сильнофарингализованными считаем обе части корня: /š̆éImš̆iIn/ "месит", /š̆éIš̆aIr/ "гниет", /géIngəIt'i/

сываться целиком всей представляющей морфе; распределение "центров" фарингализации в фонематической записи определялось бы автоматическими правилами [241]: {(box)I} → /boxI/, {(noš)I} → /noIš/ и т.п.[242]. Однако чтобы не разрывать без необходимости словарных и текстовых записей морф, принимается, что в представляющих морфах "центры" фарингализации уже определены.

3. Схема распределения фарингализации внутри корней с ударением на втором слоге соблюдается и в суффиксальных производных формах. Это значит, что при смещении ударения с корня на аффикс в слове возникает 2-й центр сильной фарингализации, если ударный гласный не отделен от предударного апикальным согласным:

(64) VICV́ → VICV́I, если C ≠ апикальный

Примеры: {noIš+ór} "лошади" → /nəIšóIr/, {boIǩ'+á} "свинья (эрг)" → /bəIǩ'á/, {haIrš+ár} "кипит" → /həIršáIr/, {buIr+ár} "дымит" → /buIráIr/.

Однако указанная схема распределения фарингализации не соблюдается в префигированных глагольных формах: /dəšéIs/ "побежать (II)", /bəšéImšiIn/ "месит (III)". Заударные гласные в производных формах никогда не получают сильной фарингализации (/báIq'ur/ "бараны", /náIǩ'u/ "и молоко").

4. При наличии фарингализации в глагольном корне фарингализуется увулярная фонема суффикса будущего времени -qi. При этом неважной оказывается степень фарингализации соседнего гласного:

$$(65)\begin{Bmatrix}CI\\VI\end{Bmatrix}\ldots\ qi \longrightarrow \begin{Bmatrix}CI\\VI\end{Bmatrix}\ldots\ qIi$$

Примеры: {áxI+o+qi} "погаснет" → /'áxIuqIi/, {qI'+ó+qi} "разделит" → /qI'óqIi/, {č'əInné+qi} "сожмет" → /č'əInnéqIi/.

В то же время наличие в слове фарингализованного суффикса -qI(a) (показатель нахождения в сплошной среде) не приводит к фарингализации корневых увулярных: /néqːiqI/ "в земле", /dəq'íqI/ "в супе". По всей вероятности, это объясняется исторической сложностью этих форм: показатель -qI(a) был некогда послелогом, и пе-

"колокольчик".

241. Непредсказуемо было бы лишь место "центра" фарингализации в двусложных корнях с серединными апикальными.

242. Ср. описание просодической назализации в языке гуарани в Грегоре, Суарес 1967.

ред ним была граница грамматического слова, препятствовавшая переходу фарингализации. Эта закономерность сохранилась и после суффигирования указанного форматива.

Такое предположение хорошо согласуется с отсутствием фарингализации увулярных под влиянием фарингализованных звуков соседнего морфологического слова, входящего в состав того же фонетического: /'áq-àqIas/ "ногу сломать", /líqI'-àbxaš̄-às/ "орла заставить лежать" [243].

5. Сохранилось несколько исторических чередований фарингализованных и нефарингализованных звуков в одних и тех же корнях: /gon/ "палец" - /góIntʰəra/ (‖ /góntʰəra/) "наперсток" ≺ *gonntʰura, /gəIróI/ "шарик", /gəIróI-qIès/ "катиться" - /gəró-x̄ₒàs/ "кататься с боку на бок", /č'eIn/ "стена" - /č'érq'ul/ "стены", /q'ówq'is/ "садиться (I)" - /qI'éjqI'is/ (IУ).

243. При опрощении идиом переход фарингализации через бывший словесный шов, конечно, возможен: /bəIrkʰáIlla/ "приветствие" ≺ *barkʰa aIllaɦ "слава аллаху" ≺ *barkʰa aɬɬah, /qIəpʰíxIan/ "ворона" ≺ *qipʰí-xIàn (ср. /qipʰ/ "кал").

Ф.4. О ФОНЕМАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ МОРФ

В данной главе рассматриваются основные особенности фонематической структуры морф разных морфологических типов: особенности использования разных классов фонем в корнях и аффиксах, типичные схемы корней разных частей речи и аффиксов. Рассматриваемые законы справедливы как для словарных, так и для текстовых оболочек морф, в качестве примеров используются словарные ("представляющие") морфы.

Описание фонематической структуры морф, очевидно, оправдано лишь в том случае, когда оно обнаруживает общие и лингвистически значимые закономерности. В противном случае оно рискует свестись к длинному перечню разобщенных словарных фактов. К сожалению, содержательная сторона таких морфонологических законов исследована слабо, смысл действующих здесь тенденций не выявлен. Можно, однако, принять допущение, что такого рода закономерности в более отчетливом виде должны проявляться в аналитических языках (агглютинативных и аморфных). Развитие синтетизма, естественно, должно приводить к разрушению морфонологической системы: фузионные основы и аффигированные корни уже не подчиняются исконным строгим закономерностям [244].

В современном арчинском представлено смешанное состояние: будучи по преимуществу аналитическим, он обнаруживает и существенные черты синтетизма, причем очевидными являются вторичность синтетических черт и исконность аналитизма. Ситуация в области морфонологии отражает это состояние: явно преобладают структуры, соответствующие старым общим правилам строения морф, однако почти

---

244. Представляется естественной гипотеза, что грамматический аналитизм тесно связан с фонетическим аналитизмом, проявляющимся в строгой структуре слога и фонетически мотивированной ритмике слова. Разрушение аналитизма на одном уровне способствует его разрушению на другом.

все такие законы сейчас имеют исключения. Наше описание следует реальной ситуации: мы описываем основные закономерности, носящие исторический характер и ныне проявляющиеся лишь количественно; новообразования, дающие отклонения от этих законов, поясняются.

Ф.41. РАЗЛИЧИЯ ФОНЕМАТИЧЕСКОГО СОСТАВА ПОЛНОЗНАЧНЫХ И СЛУЖЕБНЫХ МОРФ

1. Корни всех частей речи, кроме местоимений, как правило, содержат хотя бы одну шумную фонему, причем использование согласных разных рядов довольно равномерно: сущ. – {č'eIpʰ} "люлька", {naq̥ʼ} "земля", {x̌ann} "вода", {anx̄} "борьба", {nat'} "гнида", и т.д.; стат. глаг. – {xIe} "быть холодным", {t'i} "быть маленьким", {č'ank'} "быть синим", {marc̄'} "быть чистым" и т.д.; числ. – {s̄a} "один", {qIʼe} "два", {x̌eb} "три" и т.д.; глаг. – {sa} "держать", {ǩʼa} "зарезать", {ák̄i} "уходить", {áq̄'a} "оставлять" и т.д.

Почти все из немногочисленных корней, в которых отсутствуют шумные, содержат m: {mul} "гора", {muIl} "сопля", {maj} "жир", {jam} "волк", {mu} "красивый", {mam} "сосок". По-видимому, все прочие исконные корни, в которых нет шумных, содержали их раньше. Так корень {lur} "глаз", "очки" – переосмысленная форма мн.числа (ср. типичный для мн.числа суффикс эргатива – {lúr+čaj}). Корень этот, видимо, восходит к протоарчинской форме *'ulúr, за утратой начального эмфатического ларингала [245] последовало падение начального безударного uI (*'ulúr → 'uIlúr → lur). Корень {ilí} "шкура" утратил, по-видимому, историческую конечную смычку [246]. Корень {oj} "ухо", очевидно, является результатом метатезы формы вида *jV, которая в свою очередь восходит к корню с конечным шумным губным [247].

Корневая форма {lo} восходит к *loh (ср.эрг. {lahá}). Лишь корни {urí} "жеребенок" и {ni} "мужчина с женскими повадками" не поддаются этимологизации с восстановлением исконного шумного.

---

245. Исконный эмфатический ларингал сохранился в других дагестанских языках: дарг. Huli, 'ule, буд., крыз. 'ul.

246. Ср. таб., аг. le'

247. Ср. лез. jab, таб. ib .

2. В отличие от корней аффиксы очень часто содержат лишь сонорные согласные либо не содержат согласных вообще: эрг - {a}, {e}, {i}, {li}, {iri}, {aj}, {mu}, {mi}, {maj}; ген - {n}; мн.ч. - {or}, {om}, {mul}; дуратив - {ar}, {in}; дееприч. - {li}, {na}; усилит. и вопросит.част. - {wu}, {ra} и т.п.

Что касается шумных, то аффиксы содержат обычно лишь звуки передних рядов (губные, апикальные, свистящие, шипящие) и не содержат звуков задних рядов (латеральных, велярных, увулярных, ларингальных): косв.осн. - {t̄e}, {čaj}; дат. - {s̄}; мн.ч. - {ot̄}, {t̄u}, {tʰil}; масдар - {t'i}; дееприч. - {ši}; отриц.част. - {t'u} и т.п.

Гораздо ограниченнее употребление в аффиксах шумных задних рядов; большинство таких аффиксов, по-видимому, является результатом суффигирования корневых элементов, входивших в состав прежних аналитических форм: локативн. показатели - {qIa}, {ǩ'a}, {xut̄}; запретит. наклонение - {gi}, конъюнктив - {kʰini}, масдар - {kʰul}, мн.ч. (для парных предметов!) - {q'ul}, потенциалис - {qi}.

3. Итак, грамматические формативы оформлены сонорными и передними шумными, т.е. наиболее распространенными, "немаркированными" звуками. Напротив, форманты, несущие лексические значения, оформлены шумными звуками разных рядов (можно даже, пожалуй, отметить некоторый перевес задних звуков). Очень характерно также отсутствие в оболочках служебных единиц дополнительных признаков лабиализации и фарингализации.

Интересно отметить, что абстрактные местоимения (личные и указательные) по фонематическому составу ближе к служебным элементам: {zon} "я", {nen} "мы", {un} "ты", {ja}, {jámu} "этот", {tʰo} "тот". В то же время более конкретные указательные местоимения содержат звуки, характерные для полнозначных единиц: {gədó} "тот (внизу от говорящего)", {Rədó} "тот (вверху от говорящего)".

Ф.42. ФОНЕМАТИЧЕСКАЯ СИНТАГМАТИКА МОРФ

1. Фонематические схемы корней разных частей речи[248] заметно отличаются. Наиболее ясно выражена схема односложных корней существительных - здесь доминируют корни вида CVC и CVCC. В схеме

248. Описываются лишь те части речи, которые характеризуются большим числом корней: существительные и глаголы.

CVC в большинстве случаев первый согласный - шумный, второй - шумный либо сонорный (число тех и других корней приблизительно одинаково): {č'aqǯ} "ложка", {kǯalh} "тряпка", {sot̄} "зуб", {gₒat̄} "почка" и т.п.; {č'or} "пуговица", {c'om} "сито", {s̄on} "спина", {xol} "рука", {dam} "жила" и т.п.

Гораздо реже встречаются корни с начальным сонорным[249] (их приблизительно в шесть раз меньше, чем корней с начальным шумным): {muč} "нос", {noc'} "птица", {joq'} "ель", {lok̄} "колос" и т.п.

В схеме CVCC конечное стечение построено по правилу для финали слога: сонорный + шумный. Начинать такой корень могут только шумные или m[250]: {tʰanx̄} "петля", {x̄urk'} "голубь", {k'enc'} "козлиная шкура", {barq} "солнце", {marqǯ} "росток" и т.п. Внутри корня наблюдаются некоторые ограничения на совместную встречаемость шумных согласных, в целом они подчинены тенденции "расподобить" их. Очевидна тенденция избегать одновременного наличия двух шумных одного ряда. Исключение составляют слова, в которых согласный повторяется; они, очевидно, являются старыми редупликациями: {t'ant'} "пчела", {cac} "колючка", {kʰabkʰ} "стекло", {xIerxI} "слюна", {xonx} "глыба", {k'ok'} "корыто" и т.п.[251].

Не типично наличие двух фрикативных ({x̄amz̄} "медведь", {z̄aH} "мерка 2,5 кг"), обычно сочетаются смычные или смычный с фрикативным: {kʰot'} "большая корзина", {diq̄I'} "зола", {k'urč'} "овечий помет" и др.; {k'oz̄} "нож", {xIitʰ} "черпак", {pʰarx̄} "барабан" и др.

Характерно отсутствие корней с двумя лабиализованными. Ограничений, связанных с ларингальными признаками и признаком силы, не обнаружено.

В односложных корнях существительных почти не используется третий допустимый в арчинском языке вид слога - CV. Все корни такого вида либо являются связанными (выступают лишь в редупликациях (см.ниже) и в застывших формах мн. числа на - {t̄}: {x̄ₒat̄} "пастухи", {q'ot̄} "бараньи шкуры", {pʰoIt̄} "колени") либо являются новообразованиями, возникшими в результате утраты конечного согласного: {t'eI} "цветок" (ср. ав. t'eh), {bi} "кровь" (ср. дарг. be'e), {lo} "ребенок" (из *low ← *loh), {c'i} "ток, гумно" (на наличие в прошлом согласного в конце корня указывает форма мн.

249. Исконные корни с начальным r отсутствуют.

250. Исключение - {nibq} "слеза" (восходит к *niq̄ǯ или *niwq̄').

251. Единственное исключение иного типа - {kʰung} "подол" - тоже похоже на редупликацию. Слова {xalq'} "народ" - заимствование).

числа {c'í + mul} - суффикс {mul} прибавляется только к основам на согласный)[252].

Имеется также несколько корней вида VC, которые, по-видимому, получились за счет метатезы "неправильных" корней вида CV, образовавшихся после потери конечных согласных: {oc'} "огонь" (ср. арч. /c'əréqI/ "в огне", рут., лезг. c'aj, лакск. c'u), {oš̄} "один" (ср. арч. /š̄ejwu/ "11", лезг., таб. и др. sa), {ox̌} "овечья шерсть" (ср. цах., таб. x'a), {oj} "ухо" (ср. лезг. jab), {ux} "поле" (ср. рут. xuj, xu), {exI} "щека" (ср. дарг. qIajqIaj).

Это метатезирование давало нетипичные для арчинских существительных неприкрытые корни (это относится к представляющим морфам, в тексте же эти корни получают начальный '). Такие же новые корни возникали и при утрате начальных согласных: {ak̄'} "мясо" (ср. таб. jak̄), {ikʒ} "сердце" (ср. цах. jik', лезг. rik', аг. irkʒ), {aInš̌} "яблоко" (ср. аг. Hač', дарг. Hinc'), {ans} "бык (ср. цах., лезг. jacʰ), {amk'} "пот" (ср. аг. 'amk'), {oIč̌} "хвост" (аг. ruž) и т.д.

В настоящее время исконная схема односложных корней существительных из-за новообразований утратила свой строгий характер, однако в количественном отношении корни вида CVC, CVCC продолжают преобладать.

Редуплицированные корни существительных представлены несколькими моделями. Наиболее распространены корни вида CV́CV: {qI'áqI'i} "голень", {č̌áč̌i} "корыто для очистки пшеницы", {gák̄i} "коса", {gík̄u} "кукушка", {qI'úqI'i} "отряд", {x̌ₒík̄i} "цепочка на чухте", - и корни вида $C_1V́C_2C_3V$, где C_2 - сонорный или b: {x̄ám̄xi} "баранья туша", {xIábxIi} "рыба", {xIárxIi} "слизь", {q'árq'i} "луг, пастбище", {k'árk'i} "столярная мастерская", {sársi} "песок", {pʰámpʰi} "вата", {č̌'ímč̌'u} "толстый холст", {zímzu} "муравей".

К этим же моделям восходят, очевидно, и такие нынешние корни вида CVC и CVCC, как: {pʰoImpʰ} "колено", {q'onq'} "баранья шкура", {xonx} "глыба", {k'ok'} "блюдо", {qoq} "место для ноши на спине", {qerq} "узел", {xIerxI} "слюна", {qIʒéqI' + əla} "вид кустарника", {t'ant'} "пчела".

252. Остается три корня вида CV, наличие конечного согласного в которых не удалось подтвердить арчинским или сопоставительным материалом: {ni} "мужчина с женскими привычками" ("неправилен" также и по фонематическому составу - см.выше), {x̄ₒa} "гряда", "полоса", {di} "запах".

Для редупликаций описанного вида характерно сужение заударных гласных (и отпадение их в случае, если в корне имеется o или e), делабиализация второго элемента корня при лабиализованности первого и лабиализация его при наличии i в первом элементе.

Гораздо реже представлены редупликации с ударением на втором слоге, здесь выделяется два типа: 1) $C_1VC_2V́C_3$ (где $C_1 = C_3$, а C_2 - сонорный): {č̌'imíč̌'} "копыто", {tʰərétʰ} "дождь со снегом", {qIəréqI} "колючка", {k'əmék' (+) əla} "маленькая юла", {c'əmíc' (+) əla} "бабочка"; 2) CV(C)CV́: {kʰukʰú} "яичница", {xIurxIú} "живот". Кроме того, имеются еще "детские" слова ({bába} "тетя", {dáda} "дядя") и некоторые нерегулярные редупликации: {žínžru} "пиявка", {xIəlíbxIi} "каша из толокна", {qIáš̌qIar} "чесотка".

Идеофоны, входящие в состав сложных глаголов, по своей фонематической структуре близки к односложным и редуплицированным существительным: {hoI' ~}[253] "кричать (об осле)", {š̌ₒit'~} "свистеть", {RIaž̌~} "косить", {t'ank'~} "прыгать", {haImpʰ~} "лаять", {RIémRIə~} "огрызаться", {qʒérq'ə~} "крутить", {x̄áx̄u~} "есть толокно" и т.п. Идеофонные корни вида CV представлены в нескольких глаголах: {bu~} "ворковать", {maI~} "блеять", {c'a~} "пить", {hu~} "дуть" и др.

Двусложные[254] нередуплицированные корни существительных представлены разнообразными схемами. Примеры корней с ударением на первом слоге: {áIrum} "серп", {dáli} "длинная палка", {gátʰu} "кошка", {kʰárt'i} "мужск. голова", {k'ínt'um} "деревянный сундук", {lágum} "песня", {níbzur} "ключица".

Примеры корней с ударением на втором слоге (их гораздо больше, чем корней с ударением на первом): {zulú} "родник", {dux̌úr} "уздечка", {k'urt'á} "молоток", {č̌'iníkʒ} "коса", {č̌'imíx̄I} "щебень", {x̌ennól} "женщина", {k'əpʰéIl} "потник". Для всех двусложных корней характерно отсутствие сочетаний согласных в конце корня и совпадение структуры межслоговых сочетаний со структурой конечных сочетаний в односложных корнях (см. Ф.331.2).

Многие из этих корней явно являются результатом опрощения некогда производных основ (см. раздел "Словообразование"). Однако немало из них восходит, очевидно, к прежнему состоянию. Установление фонематической структуры исконных неодносложных корней тре-

253. Знак ~ символизирует здесь опущенный глагол говорения - {bo}.

254. Трехсложные корни единичны и вряд ли исконны: {báRəža} "кольцо", {kʰʒénəši} "браслет", {k̆'utʰáli} "мешок" и др.

бует, однако, морфологической реконструкции, что выходит за рамки настоящего исследования.

2.Фонематические схемы корней стативных глаголов разнообразны. Большая часть односложных корней по структуре совпадает с существительными: тип CVC - {x̄al} "быть плохим", {č'ekʒ̥} "быть лысым", {deq'} "быть хромым", {naIǩ'} "быть голубым", {qIok̄} "быть левым" и др.; тип CVCC - {t'anq'} "быть твердым", {marc̄'} "быть чистым", {č'ank'} "быть синим" [255].

Редупликации построены по тем же схемам, что и в существительных: {xáxa} "желтый", {x̌ā́x̌a} "редкий", {k'ā́k'a} "жаркий", {gúk̄i} "круглый", {ǩ'eǩ'} "кривой". Нестандартные случаи: {qI'abqI'} "грязный", {qərqá} "шероховатый", {quqá} "крупный", {qIʒ̥áqI'ar} "узкий".

В отличие от существительных, в стативных глаголах исконные корни вида *CV* выступают и в несвязанном виде: {xIe} "быть холодным", {x̌̄e} "быть поздним", {qʒ̥a} "быть широким", {t'i} "быть маленьким", {mu} "быть красивым" и др. Не удается установить, являются ли исконными односложные корни вида VC: {ic̄'} "быть вкусным", {iqIʒ̥} "быть тяжелым", {ax} "быть далеким", {axI} "быть достаточным", {is} "быть сушеным (о мясе)".

Для двусложных корней типична схема CVCV, причем одинаково широко представлены корни с ударением на 1-м и на 2-м слоге: {x̌̄áIma} "быть богатым", {č'áIra} "быть мокрым", {kʰū́t'a} "быть коротким", {hū́la} "быть низким", {díIča} "быть толстым", {lā́xa} "быть длинным", {bḗxu} "быть высоким" и др.; {k'əlá} "быть тонким", {č'uIbáI} "быть белым", {Rəlí} быть теплым", {x̄ulí} "быть лишним", {həIló} "быть жидким", {xIəró} "быть странным", {məč'á} "быть темным" и др.

Единичными примерами представлены другие двусложные схемы с ударением на 1-м слоге: CV́CCV- {háIrtʰa} "быть широким", {hálx̌̄a} "быть легким", {k'ólma} "быть отдельным"; (C)VCVC - {č'éman} "быть худым", {c'át'ur} "быть умным", {jáIt'an} "быть красным", {ṓk'ur} "быть медленным". Сходные схемы с ударением на 2-м слоге выступают чаще за счет заимствований: {mut'úIh} "быть покорным", {nuzúkʰ} "быть изящным", {misgín} "быть бедным" и т.п. Исконных корней такого типа мало: {əIráIč̄'} "быть довольно большим", {əIlów} "быть зеленым", {čəx̄Iár} "быть очень мокрым".

255. К этому же типу, видимо, восходят {aIntʰ} "быть крепким", {oIrč'} "быть правым".

Обращает на себя внимание отсутствие корней с заударным i при обилии корней с заударным a, этим стативные глаголы отличаются от существительных. Причина этой особенности объясняется выше (Ф.32).

3.Исконную схему (схемы?) корней динамических глаголов выявить нелегко. В качестве весьма предварительной гипотезы принимаем, что она имела вид CV. В настоящее время в таком виде глагольный корень выступает редко: {kʰe} "быть", {bo} "говорить", {sa} "держать", {ǩo} "давать", {s̄a} "трогать" и др. [256] В большинстве "простых" (на синхронном уровне) глаголов старые корни выступают в связанном виде - совместно с разнообразными "превербными" элементами [257]: {a(-)sa} "носить на себе"; {a(-)s̄a} "дрожать", {or(-)s̄a} "макать"; {a(-)x̄a} "обмазывать", {gob(-)x̄a} "скоблить"; {a(-)t̄a} "бодаться", {o(-)t̄a} "отрывать"; {e(-)x̌̄a} "лежать, класть", {dub(-)x̌̄a} "шить"; {jā(-)ha} "веять", {eI(-)ha} "совокупляться", {ar(-)ha} "заботиться"; {o(-)q'i} "садиться", {qI'a+j(-)q'i} "садиться", {e(-)q'i} "доходить"; {o(-)ǩa} "продать", {da(-)ǩa} "закрывать", {ub(-)ǩa} "обувать".

В качестве "превербов" выступают чаще всего гласные a, o, e. поэтому в синхронии большинство "простых" глаголов имеет корневую схему VCV (см. Т.121.1) [258]. Другие хорошо вычленяемые превербные элементы: {da} - {da(-)ǩa} "закрывать", {da(-)qIʒ̥a} "запираться", {da(-)xi} "ударять", {da(-)b(-)x̌a} "отпирать", {da(-)tʰi} "проясняться (о небе)"; {heIr} - {heIr(-)š̄a} "бегать", {heIr(-)qa} "ходить" [259]

В ряде случаев произошло опрощение сочетания существительного с примыкающим глаголом {a} "делать": {dex̄Ia} "молоть" (ср. {dex̄Iₒ}

256. К таким же корням принадлежал, очевидно, и {a} "делать" (<*'a).

257. В приводимых ниже примерах они отделены от предполагаемых старых корней знаком (-), семантической разложимости ныне, конечно, нет.

258. Скорее всего, схему VCV следует признать второй исконной моделью арчинского глагольного корня: даже если она и восходит на весьма далеком уровне к схеме V + CV, в арчинском она выступает как неразложимая единица. Вопрос этот требует сравнительно-исторического изучения, внутренней реконструкцией арчинского материала обойтись здесь трудно.

259. Два глагола на jā- ({jāxIa} "копать", {jāha} "веять"), вероятно, имели преверб *ja-, долгота появилась из-за слияния с

"жернов", {éIča} "точить" (ср. {eIč} "борозда", "шрам").

Основы большой группы "простых" глаголов образованы добавлением суффикса {(i)n} к идеофоническим и прочим корням: {šeI(-)n} "месить тесто", {č'aI(-)n} "душить", {xIexI(-)in} "бродить (о вине)", {baIǩ(-)in} "давить", {ǩa(-)n} "тонуть", {irx̄₀(-)in} "работать" и др. Корни вида Cen редуплицируются в дуративе и императиве: /x̌₀émx̌in/ "убегает, убегай", /x̄émx̄in/ "вяжет, вяжи" и др. Редупликации в этих формах имеют и некоторые глаголы не на -n: /xérxir/ "побеждает", /xéxi/ "побеждай" (инф. /xes/); /šéIršaIr/ "гниет", /šéIšaI/ "гний" (инф. šeIs) и др.

4. Аффиксы, естественно, отличаются от корней более простой структурой. Преобладают однофонемные и двухфонемные схемы, не типичные для корней: C - {n}, {s̄}, {š}, {r}, {t̄}, {b} и др.; V - {i}, {a}, {e}, {u}; CV - {t̄u}, {li}, {t̄e}, {ma}, {ši} и др.; VC - {or}, {om}, {ot̄}, {er}, {en}, {in}, {ar} и др. Однако имеются и суффиксы вида CVC: {tʰil}, {mul}, {čaj}, {xut̄}, {kʰul}, {maj}. Единичные аффиксы иной структуры: {ejkʰ}, {iri}, {qIdi} (< *qI+t̄e), {kʰini}, {enč'iš}.

Для ряда суффиксов характерно наличие двух просто распределенных представляющих морф: {r} ~ {ra}, {qI} ~ {qIa}, {ǩ'} ~ {ǩ'a}, {t̄} ~ {t̄i} (первая морфа выступает в конце слова, вторая - перед последующим суффиксом); {r} ~ {ar}, {n} ~ {in} (первая морфа - после гласных, вторая - после согласных); {ra} ~ {a}, {wu} ~ {u} (первая морфа - после гласных, вторая - после согласных). Вероятно, во всех случаях здесь исторически была одна представляющая морфа (вида CV или VC), которая подвергалась контекстным сокращениям по простым общим правилам. В нынешнем состоянии языка, однако, прежние правила уже не действуют, поэтому удобнее иметь две представляющих морфы (иначе надо вводить индивидуальные правила специально для этих морф).

начальным гласным глагольного корня (см. Ф.214).

Ф.5. ПРИЛОЖЕНИЯ

Ф.51. РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ФОНЕТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ[1]

Ф.511. Наблюдения над осциллограммами арчинской речи

Материалом для осциллографического исследования послужили 55 предложений средней длины, содержащие большинство арчинских звуков в разных позициях. Магнитная запись этого материала осуществлялась в безэховой камере физического факультета МГУ; предложения читались в естественном темпе Дж. Самедовым.

Осциллографическая съемка производилась при скорости 500мм/с, метки времени - через 2 мс. Исследовались те акустические параметры арчинских звуков, которые доступны наблюдению по осциллограммам: длительности гласных и согласных, особенности реализации некоторых согласных.

а) Длительности гласных

Как известно, в акустическом сигнале нередко отсутствуют четкие границы звуков: плавная перестройка артикуляций делает неизбежными переходные участки, содержащие признаки обоих соседних звуков. Таким образом, членение акустической волны на отрезки, точно соответствующие звукотипам, достаточно условно. Однако возможные колебания при сегментации осциллограмм (порядка ±5 мс)[2] невелики по сравнению с полными длительностями звуков, так что общая

---

1. Автор сердечно благодарен М.В.Федосеевой за ее любезную помощь при съемке осциллограмм и спектрограмм.

2. Мы учитываем лишь такие случаи, когда границы между звуками довольно ясны; результаты измерения отдельных звуков округлялись до 5 мс.

картина соотношения звукотипов по длительности не может подвергнуться существенному искажению.

Основные результаты измерения длительностей гласных представлены в табл. 1[1]. Из нее ясно видно отличие долгих гласных от коротких и различия в длительности гласных разных степеней раствора: широкие длиннее узких; наименьшую длительность имеет редуцированный. Остановимся подробнее на позиционных зависимостях длительностей гласных, которые не получили отражения в таблице.

1)Гласные конечного слога синтагмы (в нашем случае предложение всегда содержало одну синтагму) подвергаются сильному удлинению. Так, длительность а в этой позиции колебалась от 105 до 160 мс, средняя длительность для 14 случаев достигла 133 мс (ср.110 мс для других позиций). Длительность i для 9 случаев – 105 мс, (ср. 88мс для прочих позиций). Длительность u колебалась от 80 до 130 мс, средняя длительность для 12 случаев-106 мс (ср. 50 мс для прочих позиций). Несомненно, отсутствие качественной редукции безударных гласных в конечном слоге синтагмы связано с их удлинением в этой позиции.

2)Фарингализация гласных также вызывает их некоторое удлинение. В обследованном материале слов с фарингализованными немного, однако почти во всех случаях длительность фарингализованных гласных превышает среднюю длительность соответствующих нефарингализованных: аI – 120 и 150 мс, а͡I – 180 мс, о͡I – 180 и 200 мс, uI – 110 мс. uI – 70 и 80 мс, eI – от 45 до 90 мс (ср.данные табл. 1). Удлинение фарингализованных гласных явно связано с увеличением артикуляторного усилия при их произношении.

3)Длительности ударных и безударных гласных сильно отличаются, однако сравнение затрудняется тем, что в безударных слогах в большинстве случаев представлен ə, тогда как под ударением могут быть лишь полные гласные. Наиболее представительны данные о гласном u, который не подвергался качественной редукции, хотя и сокращался в безударных слогах. Длительность u в ударном слоге колеблется от 65 до 90 мс при средней 79 мс (9 случаев), длительность безударного u колеблется от 30 до 50 мс при средней 43 мс (29 случаев). Малая общая средняя длительность u (50 мс) связана с его способностью выступать в безударном положении.

---

1. Ограниченность эксперимента не позволила получить представительные результаты для всех гласных, однако общие тенденции рас-

Таблица 1

Длительности арчинских гласных

	a	ā	e	ē	o	ō	i	u	ə
Область значений длительности в мс	80-150	140-175	75-140	140	70-120	170-190	70-100	30-90	30-70
Средняя длительность в мсек (в скобках - число звукоупотреблений)	110 (58)	159 (7)	101 (25)	140 (1)	93 (24)	180 (2)	88 (14)	50 (38)	47 (70)

Примечание. 1. Гласные ī и ū встречаются редко, в проанализированном материале они не содержались.
2. В таблице не учтены длительности гласных конечного слога синтагмы и длительности фарингализованных гласных (см. текст).
3. Не учтены также случаи эмфатического удлинения при фразовом ударении и случаи ослабленного произношения местоимений.

Различия в длительности ударного и безударного а можно наблюдать лишь в конечном слоге синтагмы, где они в значительной степени нивелируются общей тенденцией к удлинению. Длительность ударного а колеблется от 120 до 160 мс при средней 144 (8 случаев), длительность безударного а - от 105 до 140 мс при средней 118 (6 случаев).

4) На длительность гласных заметно влияет закрытость-открытость слога. Представительные данные имеются здесь для гласного а. Его средняя длительность в закрытом слоге равна 107 мс (41 случай), тогда как в открытом слоге она достигает 119 мс (17 случаев). Особенно сильно сокращается гласный перед геминированным согласным (до 80 мс).

б) Длительность шумных согласных

1. Результаты для глухих фрикативных (табл.2) показывают значительное различие в длительностях сильных и слабых звуков. Интересно отметить также бóльшую собственную длительность звуков задних рядов, сравнительно с передними, что связано с бóльшей инерционностью тела языка сравнительно с кончиком.

В таблице 2 не отражены различия средних длительностей сильных в интервокальном положении, где они геминированы, и в начале слова, где геминации нет. Различия эти довольно значительны: для s̄ - 135 и 105 мс, для š - 137 и 115 мс, для x̌ - 140 и 112 мс, для x̄ - 165 и 110 мс. Таким образом, геминация сопровождается значительным удлинением согласного, однако **негеминированные сильные также заметно превышают слабые по длительности.**

Результаты для звонких фрикативных в табл. 2 не отражены. Их длительности значительно меньше, чем длительности соответствующих глухих: средняя цифра для z (по 19 случаям) 57 мс, случаи с ž, ɣ и R единичны, длительность этих звуков колеблется в пределах 50-60 мс.

2. Результаты для взрывных (табл. 3) обнаруживают очевидное преобладание сильных по длительности: средняя цифра для сильных - 129 мс, тогда как для слабых непридыхательных - 57 мс, для придыхательных - 82 мс, для абруптивных - 85 мс. Интересно отметить бóльшую длительность абруптивных сравнительно с непридыхательными и придыхательными, она объясняется, очевидно, напряженностью артикуляции абруптивных. Этой тенденции не подчиняется предделения длительностей очевидны.

22х - 2913

Таблица 2

Длительности глухих фрикативных

	s	s̄	š	s̄̌	x̌	x̄̌	x	x̄
Область значений	60-90	105-145	70-100	110-160	75-80	95-160	55-100	105-170
Средняя длительность (в скобках - число случаев)	72 (17)	125 (3)	79 (14)	127 (6)	78 (3)	125 (7)	82 (10)	139 (4)

Таблица 3

Длительности взрывных

	b	p	p'	p̄	d	t	t'	t̄	g	k	k'	k̄
Область значений	35-75	50-70	70-100	110	40-80	55-100	70-110	95-160	45-65	70-120	65-100	100-160
Средняя длительность (в скобках-число случаев)	57 (25)	60 (2)	88 (5)	110 (1)	59 (18)	75 (16)	86 (13)	128 (14)	55 (7)	101 (8)	81 (7)	133 (6)

лишь k^h; особая длительность этого звука связана с долгой фрикативной частью; по соотношению смычной и фрикативной частей k^h приближается к неабруптивным аффрикатам.[1]

Приблизительные значения длительностей шумовых отрезков, характеризующих резкий (абруптивный) отступ: p' - 20 мс, t' - 25мс k' - 30 мс. Приблизительные длительности шумового отступа для придыхательных: p^h - 20 мс. t^h - 25 мс, k^h - 50 мс.

3. **Данные по аффрикатам, к сожалению, недостаточно представительны** из-за отсутствия (или единичности) некоторых звуков в записанном материале, поэтому мы не приводим их в табличном виде.

Как и для прочих шумных, обнаруживается превосходство сильных над слабыми по длительности. Так, $\bar{c}$' (1 случай) имело длительность 150 мс, тогда как $\underline{c}$' (2 случая) - 80 и 90 мс; $\bar{q}$' (1 случай) имело длительность 140 мс, тогда как средняя длительность q' (по 9 случаям) - 75 мс [2].

Латеральный абруптив $\underline{\check{k}}$' (непарный по силе) отличается большой длительностью, она колеблется от 90 до 140 мс при средней 124 (по 5 случаям)[3]. Единственный случай с $\underline{\check{c}}$' дал длительность 70 мс.

Неабруптивные аффрикаты не противопоставлены по силе, их длительность зависит от позиции: в интервокальном положении, где неабруптивные аффрикаты геминируются, они значительно длинее. Так, средняя длительность $\underline{q}$ в интервокальном положении - 124 мс (по 5 случаям), тогда как в прочих позициях - 80 мс (по 3 случаям)[4]. Длительность $\underline{\check{c}}$ в начале слова (1 случай) - 90 мс, средняя длительность геминированного интервокального $\underline{\check{c}}$ - 122 (по 4 случаям). Средняя длительность геминированного $\underline{c}$ - 137(по 3 употреблениям), негеминированного $\underline{c}$ в материале не было. Наибольшую длительность имеют латеральные аффрикаты: негеминированная - 130 мс. геминированная - 190 мс (ср. особую длительность $\underline{\check{k}}$').

---

1. Фрикативная часть $\underline{k^h}$ состоит, очевидно, из двух компонентов: фрикативного шума, возникающего при размыкании ротовой артикуляции, и шума придыхания. Провести границу между ними на осциллограмме невозможно.

2. Здесь не учтены случаи, когда $\underline{q}$' выступает в конечном слоге предложения; его длительность в этой позиции достигает 160 мс.

3. В конечной позиции в предложении отмечена длительность 200 мс.

4. В конце предложения $\underline{q}$ в двух случаях имело длительность 150 и 180 мс.

Соотношение по длительности смычной и фрикативной части аффрикат довольно постоянно: фрикция составляет, обычно от 30 до 40 % общей длительности звуков. В конце предложения фрикативная часть увеличена (до 50 % всей длительности).

в) Особенности реализации некоторых согласных

1. На осциллограммах ясно видно оглушение слабых непридыхательных /b/,/d/,/g/ рядом с глухими звуками и после паузы. В записанном материале оно отмечено, в частности в словах /'úšdu/ "брат", /'əIróIsləqIdi/ "по-русски", /libxI/ "стыдится", /xábt̄əšə-bì/ "идут", /'áxbəzan/ "абрикос", /misgín/ "бедняга", /gədíb/ "эти" и др. На рис. 1 представлены осциллограммы с глухими и звонкими вариантами фонем /b/, /d/, /g/.

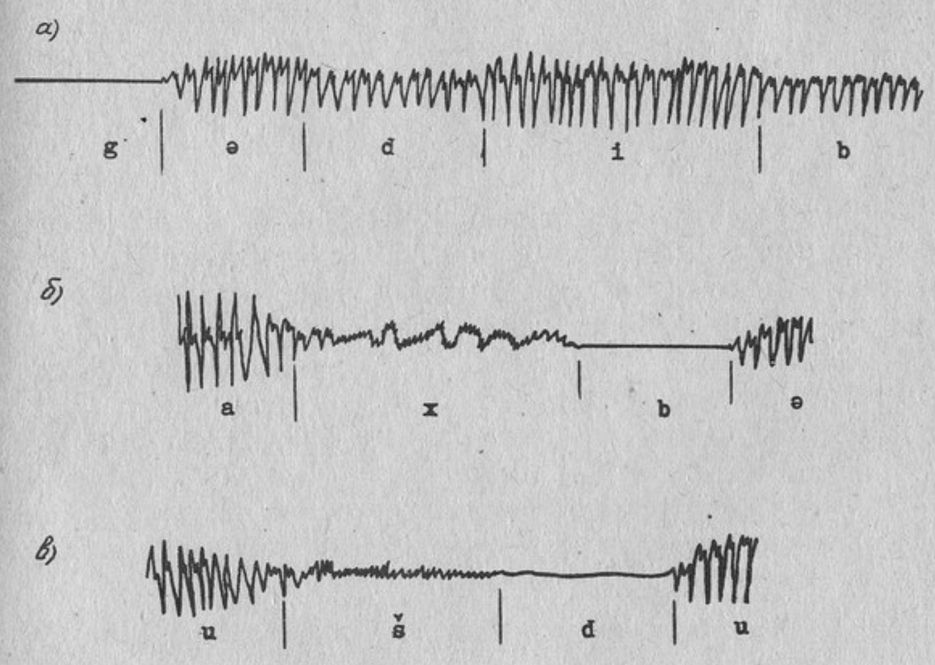


Рис. 1. а) слово /gədíb/ в начале предложения,
б) отрезок осциллограммы слова /'áxbəzan/,
в) отрезок осциллограммы слова /'úšdu/.

2. Сильные и слабые фрикативные различаются не только длительностью, но и характером шумового рисунка. Для сильных типичен равномерный шумовой сигнал с постепенным уменьшением интенсивности, для слабых - наличие отдельных шумовых выбросов большой амплитуды при общей низкой интенсивности сигнала.

3. Фонема /'/ реализуется обычно в виде ларингализованного начала гласного, которое на осциллограмме выступает как несколько зашумленное начало гласного.

4. Особые реализации имеет увулярный абруптив /q'/. Иногда у него совсем отсутствует фрикатизованный отступ, т.е. он произносится как неабруптивный непридыхательный [G]. Однако обычно он произносится с фрикцией, причем в одном случае она охватывает весь звук, т.е. выступает фрикативный абруптив [x'].

Ф.512. Наблюдения над спектрограммами арчинской речи

Главной целью ограниченного спектрографического исследования было наблюдение акустических различий нефарингализованных и фарингализованных звуков, а также различий слабых и сильных фрикативных. Материалом послужили пары слов (/sas/ - /s̄as/, /xal/ - /x̄al/, /'ári/ - /'áIrum/ и т.п.), а также пары гласных ("чистых" и фарингализованных).

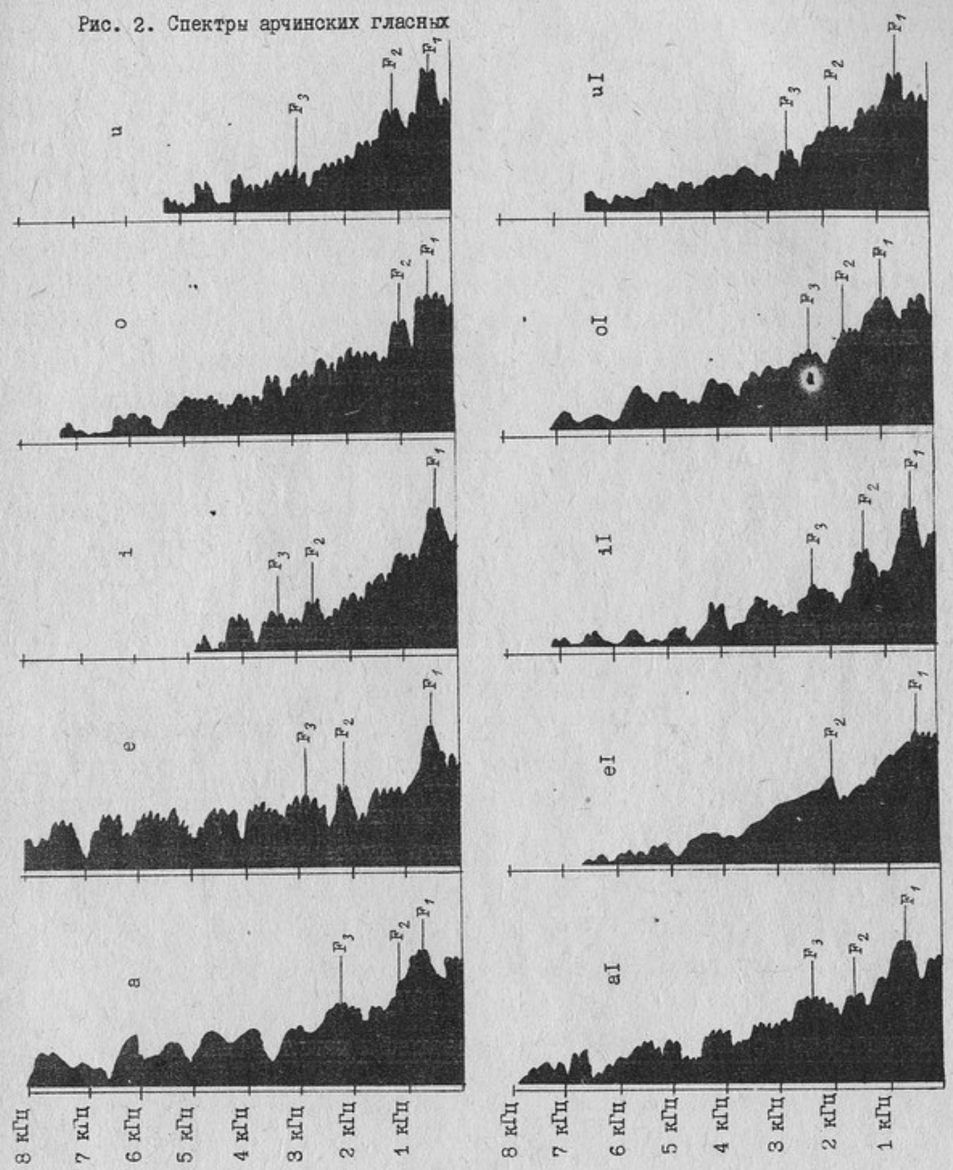
Динамические спектрограммы были сделаны на сонографе Кэй-электрик (частотные диапазоны - 80-8000 Гц и 160-16000 Гц, фильтр - 300 Гц). Были получены также спектральные разрезы на стационарных участках звуков. Ниже рассматриваются основные результаты анализа полученных записей.

а) Отличия фарингализованных звуков от нефарингализованных

1. На рис.2 представлены спектральные разрезы, сделанные на парах изолированно произнесенных гласных (a - aI, e-eI и т.д.), причем отмечены центры трех первых формант - F_1, F_2, F_3 (третья форманта в двух случаях не выделена). При выделении формант учитывались также и динамические спектрограммы соответствующих звуков.

Формантная структура арчинских нефарингализованных гласных в целом довольно близка к той, которая установлена для русского языка (см. Фант 1964). Фарингализация оказывает заметное влияние на

Рис. 2. Спектры арчинских гласных



спектральные характеристики гласных, причем влияние на передние и непередние гласные различно. В случае передних (i и e) происходит сильное смещение спектральных максимумов в низкочастотную область. Изменение частот F_2 и F_3 ясно видно при сравнении спектральных разрезов i и iI; интересно, что соотношение спектральных характеристик этих звуков сходно с соотношением характеристик русских "и" и "ы". Акустическое сходство отражает здесь определенную степень артикуляционного подобия: в обоих случаях (для iI и для "ы") происходит смещение назад тела языка.

Сравнение спектральных разрезов e и eI показывает, что фарингализация резко ослабляет всю высокочастотную часть спектра. Существенного сдвига формантных центров не происходит, однако заметно увеличивается ширина низкочастотных формантных областей.

В случае непередних гласных (a, o, u) фарингализация дает иной акустический эффект: происходит смещение 2-й форманты в более высокочастотную область. Влияние фарингализации обнаруживает известное сходство с тем влиянием, которое оказывает на гласные умляутизация (ср. спектры aI, oI, uI со спектрами гласных ä, ö, ü европейских языков в Делаттр 1965). Это объясняется некоторым артикуляционным подобием смещения языка при фарингализации и умляутизации (см. Ф.232.2).

2. На рис. 3 показаны спектральные разрезы для x и xI, сделенные в паре слов /'ax/ - /'axI/. Если спектр x характеризуется относительно ровным распределением энергии по всему частотному диапазону до 10 кГц, то для спектра xI типично наличие "провала" в области 4–6 кГц. Эта особенность спектра xI обнаруживается и на спектрограмме слова /'exI/.

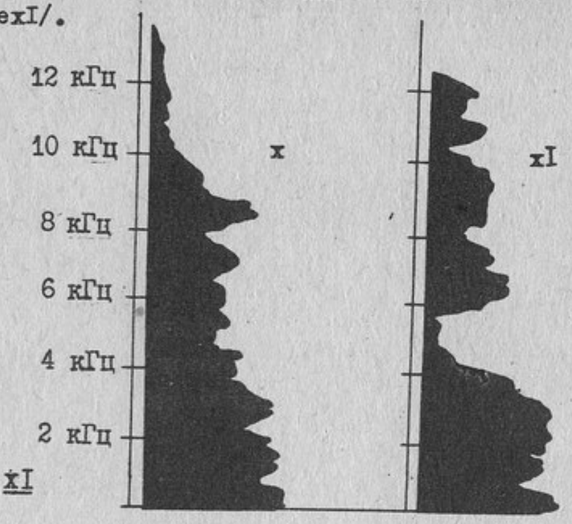


Рис. 3. Спектры x и xI

б) Спектры слабых и сильных фрикативных

На рис. 4 представлены спектральные разрезы для слабых и сильных фрикативных, сделанные в парах слов: /sas/ - /s̄as/, /šušá/ - /šák^{h}k^{h}ul/, /x̌at^h/ - /x̌an/, /xal/ - /x̄al/. Их сравнение показывает, что оба звука каждой пары имеют существенное сходство спектров: для s и s̄ характерно усиление в области от 4 до 12 кГц, для š и š̄ - от 2 до 8 кГц; для x̌ и x̌̄ характерно наличие трех формант в полосе до 6 кГц; для x и x̄ - также концентрация энергии в полосе до 6 кГц, но с иной формантной структурой.

Вместе с тем имеется общее отличие всех сильных от всех слабых - их большая суммарная энергия (в основном за счет усиления высоких частот (от 10 до 16 кГц).

в) Прочие наблюдения

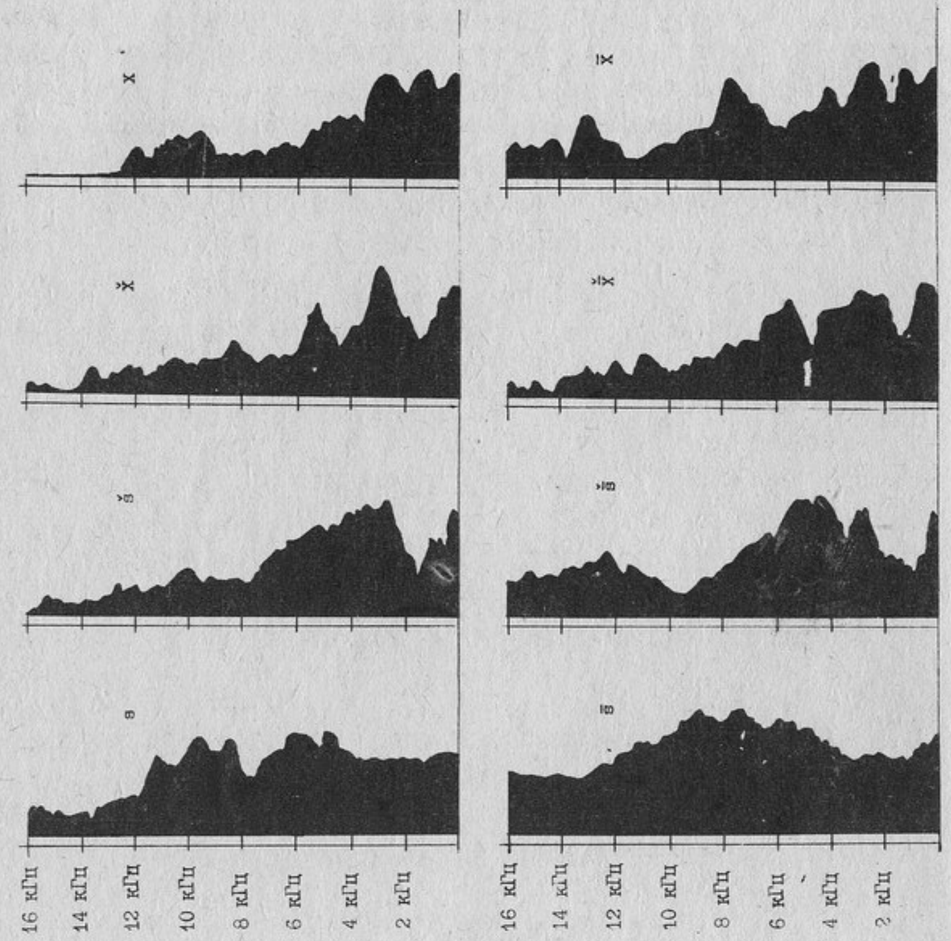
1. Ввиду того что слова для спектрографической записи произносились изолированно, длительности составляющих их сегментов значительно превышают средние показатели для предложений, т.е. мы наблюдаем здесь такое же сильное растягивание звуков, как в конце неоднословных предложений (см. Ф.511). Это не мешает, однако, сохранению типичных соотношений по длительности, обнаруженных по осциллограммам. В частности, сильные фрикативные превышают соответствующие слабые; особенно велика разница в предвокальном положении и после сонорных перед гласными, где сильные представлены геминатами. Так, длительности начальных звуков в словах /sas/ и /s̄as/ равны соответственно 160 и 225 мс, в /xal/ и /x̄al/ - 160 и 250 мс, в /x̌at^h/ и /x̌an/ - 170 и 210 мс, /sársi/ и /s̄ír̄san/ - 145 и 175 мс; длительности срединных s и s̄ в последней паре - 145 и 270 мс, а в паре /'ásas/ - /'ás̄as/-135 и 215.

Отметим сокращение гласного в закрытом слоге при прочих равных условиях, так, начальное a в /'ásas/ имело длительность 200 мс, тогда как в /'ás̄as/ - 160 мс.

2. На спектрограммах отчетливо видны различия в шумовом отступе согласных. Для абруптивных взрывных отсутствие сигнала на смычке сменяется кратковременным (порядка 30–40 мс) шумом взрыва, спектр которого зависит от места образования звука (k' имеет низкочастотный шум, t' - шум, спектр которого близок к спектру s). Далее следует перерыв в звучании (также порядка 30–40 мс)[1],

1. На осциллограммах эти два участка трудно разделить, и их длительность просчитывалась вместе.

Рис. 4. Спектры арчинских фрикативных



после которого следует гласное начало, обычно лишенное гортанного взрыва.

Придыхание после придыхательных взрывных занимает от 50 до 80 мс, его шум локализуется в нижней части спектра. Придыхание хорошо видно также и после слабых глухих s̲ и š̲, после сильных оно отсутствует. В случае задних фрикативных (x̲̌ и x̲), у которых энергия шума концентрируется в низкочастотной области, отделить придыхание от выдержки звука не удается.

После размыкания смычки непридыхательных взрывных (слабых и сильных) сразу же начинается гласный, т.е. отсутствует маркированный отступ. В двух случаях на спектрограммах ясно видно оглушение слабых непридыхательных - это слова /b̲oǐk̆'/-[p] и /'ux̆d̲u/-[t].

Ф.52. ЧАСТОТЫ АРЧИНСКИХ ФОНЕМ

Частоты арчинских фонем были просчитаны на выборке объёмом 5000 единиц. В качестве материала были использованы два полных связных текста (№ 1 - 40 предложений и № 2 - 25 предложений), 16 начальных предложений из текста № 32 и 47 несвязанных случайно выбранных фразы.

Частоты определялись по фонематической (а не орфографической) записи указанных материалов. При этом частоты гласных, образующих просодический центр фарингализации, просчитывались отдельно от частот прочих гласных; сходным образом, отдельно подсчитаны частоты фарингализованных увулярных. Согласные перед u̲ просчитывались как нелабиализованные, факультативная редукция заударного u̲ после губных и апикальных в расчет не принималась.

В табл. 4-А, 4-Б, 4-В, 4-Г, 4-Д представлены результаты подсчетов; ниже следуют основные выводы по этим результатам.

1. Гласные покрывают около 40% выборки, согласные - около 60%. Преобладание согласных естественно следует из наличия закрытых слогов при отсутствии неприкрытых. Различие, однако, не столь велико; это свидетельствует о том, что подавляющее большинство слогов имеет структуру CV.

2. Сходная пропорция наблюдается между сонорными и шумными: первые дают около 40% всех употреблений согласных, вторые - около 60%. Таким образом, обнаруживается резкий контраст между незна-

чительным числом сонорных в инвентаре(6сонорных против 64 шумных) и их высокой употребительностью в текстах.

3. Среди гласных более высокую частоту имеют а и ə, прочие гласные распределены довольно равномерно. Маркированные гласные (долгие и фарингализованные) имеют весьма низкую частоту: они дают всего 4,5% употреблений всех гласных.

4.Среди шумных согласных(если не считать ларингалов) явно преобладают передние: губные, апикальные, свистящие и шипящие покрывают более двух третей этой части выборки. Что касается задних рядов, то обращает на себя внимание относительно низкая частота велярных и еще более низкая частота латералов, в то же время увулярные по частоте уступают лишь апикальным и губным. Отметим довольно высокую частоту фарингализованных увулярных.

Среди ларингалов преобладают простые, эмфатические ларингалы встречаются редко.

Среди сонорных более всего плавных, близкую частоту имеют носовые, полугласные значительно уступают первым двум классам.

5. Следует подчеркнуть большие различия в употребительности маркированных членов(сильных и лабиализованных) противопоставленных пар шумных. Так,во всей выборке представлено лишь три сильных абруптива, одно /p̄/, пять /b̆/. В то же время /t̄/ является весьма частой фонемой, а /x̆/ значительно превышает по частоте свой слабый коррелят /x̄/.

Что касается лабиализованных, то примечательно полное отсутствие в выборке фонем передних рядов (кроме /b̆ₒ/).

6. Употребительность шумных согласных с теми или иными ларингальными признаками сильно зависит от ряда.Среди губных взрывных абсолютно преобладание /b/, /p^h/ редок, а /p'/ представлен всего двумя случаями. Гораздо равномернее употребляются апикальные взрывные, здесь на первом месте - /t^h/, далее /d/, существенно реже встречается /t'/. В велярном ряду также преобладает /k^h/; /g/ и /k'/ имеют близкие частоты. Таким образом, относительные частоты абруптивных увеличиваются по мере удаления ряда, тогда как частоты непридыхательных уменьшаются (напомним, что непридыхательные в основных вариантах представлены звонкими звуками)[1] Сходным образом, в задних рядах уменьшаются частоты звонких фрикативных.

1. Ср. эти наблюдения с типологическими закономерностями, обнаруженными И.Г.Меликишвили (см. Меликишвили 1974 г.).

Таблица 4-А

Частоты арчинских гласных

							Суммы
	a 464	o 223	u 345	e 227	i 268	ə 456	1983
	ā 14	ō 9	ū 4	ē 4	Ī 7		38
	aI 13	oI 14	uI -	eI 5	iI -	əI 13	45
	āI 2	ōI 4	ūI -	ēI -	ĪI -		6
Суммы	493	250	349	236	275	469	2072

Таблица 4-Б

Частоты арчинских сонорных

	m 232	l 289	w 106	
	n 234	r 229	j 102	
Суммы	466	518	208	1192

Таблица 4-В

Частоты ларингалов

	' 166	‘ 3	
	h 33	H 8	
Суммы	199	11	210

Таблица 4-Г

Частоты лабиализованных шумных

Шип.	Лат.	Вел.	Ув.	Ув. фар.	
		g_o 2			
	$\check{k}_o$ 6	k^h_o 8	q_o 1	qI_o 2	
		k'_o 2	q'_o 3	qI'_o 3	
			x_o 7	xI_o 1	
$\check{\bar{s}}_o$ 5	$\check{\bar{x}}_o$ 5		$\bar{x}_o$ 2		
5	11	12	13	6	47

Примечание. В выборке отсутствуют следующие шумные лабиализованные: /d_o/, /t^h_o/, /c_o/, /c'_o/, /z_o/, /s_o/, /$\bar{s}_o$/, /$\check{c}_o$/, /$\check{c}'_o$/, /$\check{z}_o$/, /$\check{s}_o$/, /$\check{k}'_o$/, /$\check{x}_o$/, /$\bar{k}_o$/, /R_o/.

Таблица 4-Д

Частоты арчинских шумных (нелабиализованных)

Губные	Апик.	Свист.	Шип.	Лат.	Вел.	Ув.	Ув.фар.	
b 256	d 88				g 25			369
$\bar{p}$ 1	$\bar{t}$ 141				$\bar{k}$ 18			160
p^h 12	t^h 123	c 7	č 49	ǩ 13	k^h 61	q 33	qI 39	337
p' 2	t' 33	c' 13	č' 16	ǩ' 25	k' 21	q' 24	qI' 10	144
		$\bar{c}$' 3	$\check{\bar{c}}$' -			$\bar{q}$' -	$\bar{q}$I' -	3
		z 32	ž 17	ɣ̌ 1		R 12	RI 2	64
		s 130	š 114	x̌ 6		x 64	xI 9	323
		$\bar{s}$ 17	$\check{\bar{s}}$ 5	$\check{\bar{x}}$ 30		$\bar{x}$ 22	$\bar{x}$I 5	79
271	385	202	201	75	125	155	65	1479

Примечание. Частоты ларингальных шумных приведены отдельно - в табл. 4-В.

Ф.53. ПРИМЕРЫ ТРАНСКРИПЦИОННЫХ ЗАПИСЕЙ

В этом параграфе даны в качестве примеров транскрипционные записи десяти арчинских фраз. Каждая фраза представлена в трех транскрипциях: морфонематической, фонематической и (собственно) фонетической. В морфонематической записи присутствуют морфологические элементы (границы формативов). В фонетической записи показаны слоговые границы. Варианты ə в разных позициях для простоты не отмечались.

1) Посуду мыть я на реку пошла.
{ra' čúčə-bó+s̄ zon háIt^{h}əra+čaj+qIa+k^h ó+r+qIa}
/ra' čúčə-bòs zon háIt^{h}ərčeqIək^h 'órqIa/
[=raʔ= =čúč=čə=-=bòs= =zon= =ɦI^1 áI^1 =t^{h}əI^{3}r=čeI^{3}qI^1 =qI^{1}əI^{2}k^h=
='óI^{3}rI^3=qI^{1}aI^2=]

2) Этот мужчина воды-набрать идет.
{t^{h}o+w bəšór x̌ánn-ā́c'a+s̄ xá+w+t̄i+ši-w+í}
/t^{h}ow bəšór x̌ánn-à̄c'əs xówt̄əšə-wì/
[=t^{h}ow= =bə=šór= =x̌án=n-à̄=c'əs= =xówt̄=tə=šə=-=wì=]

3) "Он что-говорит?"
{ja+w hán-wár+ši-w+í}
/jow hán-wā̀ršə-wì/
[=jow= =hā́=-=wà̄r=šə=-=wì=]

4) Трудную работу-делать не должны (будут) женщины.
{zaHmát^h+t̄u+t̄ ári-á+s̄ k^h_oášo+ā̄t'u xom+áj}
/zaHmát̄ut^h'ár-às k^h_oášōt'u xəmáj/
[=zaH= mát̄=tut^h= ='á=-=ràs= =k^h_oá=šō=t'u= =xə=máj=]

5) Поля половинная часть лошадьми съедена.
{úx+li+n járxul+t̄u+t̄ p^{h}ərčá noIš+ór+čaj éq̄'o+li}
/'úxlin járxullut^h p^{h}ərčá nəIšóIrčej 'éq̄'uli/
[='úx=l̥iɲ= =jár=xul̥=l̥ut^h= =p^{h}ər=čá= =nəI^1=š̥I^{1}óI^{1}rI^2=čej=
='eq̄'=q̄'u=l̥i=]

6) Из камина вниз сажа выпала.
{buxári+li+a+š ǩ'ərā́ši q'ət̄í ék^{h}o+li-qIá}
/buxálləš ǩ'ərā́šə q'ət̄í 'ék^{h}ulə-qIà/
[=bu=xál̥=l̥əš= =ǩ'ə=rā́=šə= =q'ət̄=tí= ='é=k^{h}u=l̥ə=-=qI^{1}àI^2=]

7) Пастух сегодня на пастбище пошел.
{úx̌+t̄u+w jásqi məcór+om+čaj+ši ó+w+qIa}
/'úx̌du jásqə məcórumčejšə 'úqIa/
[='úx̌=tu= =jás=qə= =məc=có=rum=čej=šə= ='úI³qI¹=qI¹aI²=]

8) В воздухе ласточка летит.
{hawá+li+t̄ žíbəla pʰarx̄+ár+ši-í}
/hawálətʰ žíbələ pʰərx̄ár̄š-ì/
[=ha=wá=lə̧tʰ= =ží=bə=lə̧= =pʰərx̄=x̄ár=š-ì=]

9) Этот ребенок целования не любит.
{ja+t̄ lahá+s̄ bá'-bó+s̄ ǩ'án-kʰé+r+t'u}
/jatʰ lahás bá'-bòs ǩ'án-kʰèrt'u/
[=jatʰ= =la=ĥás= =báʔ=-=bós= =ǩ'áŋ=-=kʰèr=t'u=]

10) Я на базаре одну скотину купил.
{zári bazár+li+t̄i+š os̄ Hawán b+š̌ət̄é+li-é+b+di}
/zárə bazállət̄əš 'os Hawám bəšdél-èbdi/
[=zá=rə= =ba=zál=lə̧t̄=t̄əš= ='os= =Ha=wám= =bəš=té=ļ-èb=di=]

Ф.54. ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ СОГЛАШЕНИЯ

Отличия орфографической записи, используемой в грамматических разделах описания, текстах и словарях, от "чистой" фонематической записи[1] определяются следующими соглашениями.

1. Опускаются косые скобки и знаки синтагменных границ; используются обычные знаки препинания.

2. Опускается значок придыхания (надстрочное ʰ). Это нигде не может привести к фонематической неоднозначности, поскольку слабые непридыхательные всегда обозначаются знаками для звонких ("b, d, g"), независимо от глухости или звонкости реализующих их звуков.

3. Опускается знак ' перед гласным в начале слова, где гортанная смычка обязательна.

4. Все словоформы записываются так, как если бы они произносились изолированно. Это приводит к устранению двух чередований, происходящих в стыковых позициях:

1. О причинах этих расхождений см. Ф.114.

а) устраняется ассимилятивный переход n ⟶ m перед начальным губным последующего слова;

б) устраняются чередования aw ⟶ ow, aj ⟶ ej в конце слова.

5. Окказиональные (отсутствующие в словаре) сложные глаголы записываются как словосочетания (без дефиса). С этим связаны такие отличия от фонематической записи:

а) конечные сильные (или двойные) согласные перед гласными последующего глагольного корня записываются как слабые (или одинарные);

б) сохраняются заударные конечные гласные, синкопируемые перед последующими начальными гласными[1];

в) снимаются различия главного и второстепенного ударений[2].

6. Редуцированные гласные в большинстве случаев заменяются полными:

а) в предударной позиции за основной вариант произношения принимается не редуцированный, а полный гласный, равный ударному. В неассимилированных заимствованиях, как и в фонематической записи, сохраняется исконный полный гласный. Лишь вставные гласные в русских словах, имеющих начальные сочетания согласных, записываются как редуцированные (kəlej "клей" и т.п.);

б) в заударных позициях ə̲ заменяется полным гласным, который соответствует ему в "сильной" позиции (т.е. в конечном слоге слова при изолированном произношении). Редуцированный сохраняется лишь в тех случаях, когда невозможно "прояснить" гласный по "сильной" позиции. Сюда относятся в основном многосложные существительные, имеющие более одного заударного слога (žibəla "ласточка", haltəra "река" и т.п.). В таких случаях ə̲ сохраняется также и в морфонематической записи.

7. Фарингализация отмечается лишь на фарингализованном корне и аффиксе qI(a). Вторичная сильная фарингализация на ударных гласных аффиксов и на q̲ в глагольных формах будущего времени не обозначается.

1. В случаях, когда синкопа заударного гласного происходит в некоторых формах "постоянного" сложного глагола, этот гласный в словаре записан в скобках: k'olm(a)-kes "отделяться", т.к. есть форма k'olm-et̄i "отделился" и т.п.

2. В "постоянных" сложных глаголах ударение на второй части ставится лишь в случае, когда она неодносложна, в прочих случаях

8. Опускается знак долготы на ударных гласных в глагольных формах на -arši.

Для иллюстрации приведем орфографическую запись 10 предложений из предыдущего параграфа Ф.53:

1) ra‘ čúčə-bos zon háltərčeqIak órqIa
2) tow bošór x̌an ác’as xówt̄iši wi
3) jow han wárši wi
4) zaHmát̄ut ári as kₒáš̄ot’u xamáj
5) úxlin járxullut parčá noIšórčaj éq̄’uli
6) buxállaš ǩ’aráši q’it̄i ékuli qIa
7) úx̌du jásqi mocórumčejši uqIa
8) hawálit žíbəla parx̄árši i
9) jat lahás bá’-bos ǩ’án-kért’u
10) zári bazállitiš os Hawán bešdéli ébdi

ударение отмечается лишь на первой части.

ЛИТЕРАТУРА

Бокарев 1959: Е.А. Бокарев. Цезские (дидойские) языки Дагестана. М., 1959.

Бокарев 1961: Е.А. Бокарев. Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1961.

Венцов 1969: А.В.Венцов. Исследование физиологических механизмов артикуляции некоторых согласных звуков. Автореф. канд.дисс. Л., 1969.

Гаприндашвили 1965: Ш.Г. Гаприндашвили. Фонетика даргинского языка. Тбилиси, 1965.

Гигинейшвили 1968: Б.К. Гигинейшвили. Общедагестанские *l и *r. "Сообщения АН Груз. ССР", т.XLIX, № 1. Тбилиси, 1968.

Гигинейшвили 1970: Б.К. Гигинейшвили. Общедагестанская система взрывных согласных. "Мацне" ("Вестник АН Груз.ССР"), 1970, № 4.

Гигинейшвили 1971: Б.К. Гигинейшвили. Придыхательные аффрикаты общедагестанского языка (опыт реконструкции). "Тр. Тбилисского ун-та", в. 1(138). Тбилиси, 1971.

Гигинейшвили 1973: Б.К. Гигинейшвили. Общедагестанский консонантизм. Автореф. докт. дисс. Тбилиси, 1973.

Грегоре, Суарес 1967: E. Gregores, J.A.Suárez. A description of colloquial guarani. Mouton & Co. The Hague. Paris, 1967.

Гудава 1964: Т.Е. Гудава. Консонантизм андийских языков. Тбилиси, 1964.

Деляттр 1965: P.Dellattre. Comparing the phonetic features of English, French, German and Spanish. Heidelberg, 1965.

Деляттр 1971: P.Delattre. Pharyngeal features in the consonants of Arabic, German, Spanish, French and American English. "Phonetica", v. 23, No 2, 1971.

Джейранишвили 1959: Е.Ф. Джейранишвили. Фарингализованные гласные в цахурско-рутульском и удинском языках. ИКЯ, т. XI, 1959.

Дирр 1908: А.М. Дирр. Арчинский язык. Тифлис, 1908.

Еськова и др. 1971: М.А. Еськова и др. Формальная модель русской морфологии. Ин-т русского языка АН СССР. Проблемная группа по эксп. и прикл. лингвистике. Предварительные публикации. М., 1971.

Златоустова 1962: Л.В. Златоустова. Фонетическая структура слова в потоке речи. Казань, 1962.

Ибрагимов 1968: Г.Х. Ибрагимов. Фонетика цахурского языка. Махачкала, 1968.

23[X] - 2913

Ибрагимов 1974: Г.Х. Ибрагимов. Фарингализованные звуки в цахурском и рутульском языках. "Ежегодник иберийско-кавказского языкознания", I. Тбилиси, 1974.

Кахадзе 1958: О.И. Кахадзе. Латеральные согласные в арчибском языке. ИКЯ, тт. IX - X, 1958.

Кахадзе 1973: О.И. Кахадзе. Арчибский язык и его место среди родственных дагестанских языков. Автореф. докт. дисс. Тбилиси, 1973.

Кибрик, Кодзасов 1970: А.Е. Кибрик, С.В. Кодзасов. Принципы фонетической транскрипции и транскрипционная система для кавказских языков. ВЯ, 1970, № 6.

Кибрик, Кодзасов, Словянникова 1972: А.Е. Кибрик, С.В. Кодзасов, И.П. Словянникова. Фрагменты грамматики хинадугского языка. МГУ, 1972.

Кодзасов, Отряшенков 1968: С.В. Кодзасов, Ю.М. Отряшенков. Экспериментальные исследования ударения. "Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики", вып. 2. МГУ, 1968.

Кодзасов 1968: С.В. Кодзасов. Измерение основной частоты при исследовании интонации. "Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики", вып. 3, МГУ, 1968.

Кодзасов 1972: С.В.Кодзасов. Фонетический эллипсис в русской разговорной речи. "Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики", вып. 6. МГУ, 1972.

Кодзасов 1975: С.В. Кодзасов. Две заметки о звуковом символизме. "Публикации отделения структурной и прикладной лингвистики", вып. 7. МГУ, 1975.

Кузнецов 1959: П.С. Кузнецов. Об основных положениях фонологии. ВЯ, 1959, № 2.

Ладефогед 1967: P.Ladefoged. Linguistic phonetics. "Working papers in phonetics", 6, 1967.

Ладефогед 1971: P.Ladefoged. Preliminaries to linguistic phonetics. Chicago, 1971.

ЛДЯ 1971: Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М., 1971.

Магометов 1963: А.А. Магометов. Кубачинский язык. Тбилиси, 1963.

Магометов 1965: А.А. Магометов. Табасаранский язык. Тбилиси, 1965.

Магометов 1970: А.А. Магометов. Агульский язык. Тбилиси, 1970.

Мейланова 1970: У.А. Мейланова. Гинейский диалект - основа лезгинского литературного языка. Махачкала, 1970.

Меликишвили 1974: И.Г. Меликишвили. К изучению иерархических отношений единиц фонологического уровня. ВЯ, 1974, № 3.

Микаилов 1967: К.Ш. Микаилов. Арчинский язык. Махачкала, 1967.

Микаилов 1968: К.Ш. Микаилов. Рефлексы аварских абруптивных аффрикат в арчинском языке. "Уч. записки Ин-та истории, языка и литературы". Махачкала, 1968.

Трубецкой 1926: N.Trubetzkoy. "Kurzen" und "geminierten" Konsonanten der awaro-andischen Sprachen."Caucasica",3.Leipzig,1926.

Трубецкой 1931: N.Trubetzkoy. Die Konsonantensysteme der ostkaukasischen Sprachen. "Caucasica", 8. Leipzig, 1931.

Трубецкой 1960: Н.С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960.

Фант 1964. Г. Фант. Акустическая теория речеобразования. М., "Наука", 1964.

Фант 1967: G.Fant. Sound, features and perception."Proceedings of the sixth int. congress of phonetic sciences, 1967". Prague, 1970.

Хайдаков 1973: С.М. Хайдаков. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М., 1973.

Халле 1962: М. Халле. Фонологическая система русского языка. "Новое в лингвистике", вып. 2. М., 1962.

Халле, Хомский 1968: N.Chomsky, M.Halle. The sound pattern of English. New York, 1968.

Халле, Стивенс 1971: M.Halle, K.N.Stevens. A note on laryngeal features. "Quarterly progress report № 101", MIT, 1971.

Царенко 1972: Е.И. Царенко. О ларингализации в языке кечуа. ВЯ, 1972, № 1.

Чистович и др. 1965: Л.А. Чистович и др. Речь. Артикуляция и восприятие. М.-Л., 1965.

Чистович, Кожевников 1969: Л.А. Чистович, В.А. Кожевников. Восприятие речи. - В сб.: Вопросы теории и методов исследования восприятия речевых сигналов. Л., 1969.

Эман 1966: S.Öman. Co-articulation in VCV utterances: spectrographic measurements. JASA, v. 39, 1966.

Эман и другие 1967: S.Öman, A.Persson, R.Leanderson. Speech production at the neuro-muscular level. "Proceedings of the sixth int. congress of phonetic sciences, 1967". Prague, 1970.

Языки народов СССР, т.4. Иберийско-кавказские языки. М., 1967.

Якобсон и др. 1962: Р.Якобсон, Г.М. Фант, М.Халле. Введение в анализ речи. "Новое в лингвистике", вып. 2. М., 1962.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ И ОБОЗНАЧЕНИЙ

Условные сокращения названий языков

ав. – аварский
аг. – агульский
буд. – будухский
крыз. – крызский
лак. – лакский
лез. – лезгинский
рут. – рутульский
таб. – табасаранский
уд. – удинский
цах. – цахурский

Условные сокращения в грамматике и фонетике

адъ – адъектив
алл – аллатив
апик. – апикальные
аффр. – аффрикаты
вел. – велярные
ген – генитив
дат – датив
дп – деепричастие
дур – дуратив (вид)
ед.ч. – единственное число
заверш – со значением завершенности
зв. – звонкий
инкл. – инклюзивное
инф – инфинитив (видо-временная форма)
имп – императив
импф – имперфект
ист.масд. – исторический масдар
итер – итератив (видо-временная форма)
кауз – каузативный (глагол)
кл – (именной) класс
комит – комитатив
комп – компаратив
конст – констатив (видо-временная форма)
конт – континуальное (деепричастие)
лаб. – лабиализованный
лат – латив
лат. – латеральные
лич – личный (глагол)
лок – локовое значение локализации
мн.ч. – множественное число
ном – номинатив
одн – (деепричастие) одновременности
отр – со значением отрицания
през – презенс (видо-временная форма)
рез – со значением результата
св-уст – связанно-уступительное СД
СД ‖ сд – союзное деепричастие
синк – синкопированная форма
стан – (глагол) становления
стат – стативный (глагол)
субст – субстантив
суж – суженный
терм – терминатив (вид)
ув. – увулярные
уд. – ударный
фар. – фарингализованные
фр. – фрикативный
числ – числительное
шип. – шипящие
экскл. – эксклюзивное
эрг – эргатив
эсс – эссив

Условные сокращения в переводе арчинских фраз

Ки, Га, Гу – индекс исследователя
прим – пример
прим.сем – семантический пример
рус – перевод с русского
тр – трансформ некоторого другого предложения
т. х, у – текст № х, предложение № у

Прочие условные сокращения

букв. – буквально
диал. – диалектное
напр. – например
т.к. – так как
т.е. – то есть
устар. – устаревшее

Условные обозначения

* – восстанавливаемая форма
а/б – а или б
а ‖ б – варьирующиеся формы а и б
[ ] – фонетическая запись
/ / – фонематическая запись
{ } – морфонологическая запись
а → б – б образовано из а
< > – запись модели управления
АГ – агент
АД – адресат
И – инструмент
К – комплетив
КП – классный показатель
Л – локатив
СОВМ ⇒ Х, У – совместность, выражаемая посредством двух актантов Х и У
С – согласный
$С_м$ – признак исторической лабиализации согласного
V – гласный
A – адъектив
Adv – наречие
Num – числительное
S – субстантив
V – глагол
√ – исходная основа

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5
Таблица соответствий транскрипционных знаков 41

Часть первая. Л. ЛЕКСИКА 42

Л.1. ЛЕКСИЧЕСКИЕ И ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ КЛАССЫ СЛОВ 43
Л.11. Заимствованная лексика
(1. Заимствования из арабского языка.2.Заимствования из персидского языка. 3. Заимствования из тюркских языков. 4.Заимствования из русского языка. 5. О влиянии аварского и лакского языков) 44
Л.12. Именные классы
(1. I-II классы. 2. III-IУ классы. 3. У-УШ классы. 4. О связи класса с фонетическим оформлением слова). 55
Л.13. Топонимы 66
Л.14. Лексико-синтаксические классы глаголов (1. Стативные глаголы. 2.Лабильные глаголы. 3. Глаголы, выражающие завершенность действия. 4. Глаголы, выражающие результативность действия). 70
Л.15. Идеофоны 79
Л.151. Глагольные идеофоны (bos'овые глаголы) (1. Глаголы со значением "звукопроизводства". 2. Глаголы "физиологического" действия. 3. Символические обозначения действий) 80
Л.152. Именные идеофоны 85
Л.153. Детские слова 87
Л.154. Фонетические особенности идеофонов. 88

Л.2. ЭЛЕМЕНТЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ. 89
Л.21. Субстантив (1. Суффикс {am}. 2. Суффикс {i}. 3. Суффикс {əla}. 4. Суффиксы {əra}, {əna}. 5. Суффиксы {ól}, {ór}, {ón}. 6. Суффиксы {u}, {či}. 7. Суффиксы {mul}, {kul}, {t'i}. 8. Словосложение. 9.Конверсия) . . . 90
Л.22. Глагол (1. Глаголы, сложные с as "делать", kes "становиться". 2. Прочие сложные глаголы (кроме bos'овых)) 99
Л.23. Наречие 113

Л.3. МАТЕРИАЛЫ К ТЕМАТИЧЕСКОМУ СЛОВАРЮ 115
Л.31. Естественная внешняя среда . . . 116
Л.311. Животный мир. 116
Л.311.1. Классификационные признаки (1. Признак вида. 2. Признак пола. 3. Признак возраста. 4. Дополнительные признаки). 116
Л.311.2. Типы лексических коррелятов. 120
Л.311.3. Домашние животные (1.Названия домашних животных 2. Лексические корреляты). 120
Л.311.4.Дикие животные (1.Названия диких животных.2.Лексические корреляты). 123
Л.312. Растительный мир (1. Травянистые растения. 2.Деревья и кустарники. 3. Плоды. 4. Сельскохозяйственные и огородные культуры). 125
Л.313. Географические понятия и неживая природа. 128
Л.313.1. Географические понятия (1.Пространственные ориентиры. 2. Населенные пункты и сооружения. 3. Пути передвижения по местности, переправы. 4. Горный и равнинный ландшафт. 5. Водные объекты). 128
Л.313.2. Явления и объекты природы (1.Атмосферные осадки. 2. Состояния погоды. 3. Ветер. 4. Стихийные бедствия. 5. Почва, камни, вода. 6. Огонь и свет. 7. Небесные тела) 132
Л.314. "Наивная физика" внешнего мира (1. Представление о времени. 2. Геометрические, физические и количественные представления. 3. Цветообозначение и выражение значений "окрашиваться" и "красить") 134
Л.32. Человек 141
Л.321. Организм человека и животных (1. Названия частей тела человека и животных. 2. Покровы и образования на теле. 3. Кровеносная система. 4. Выделения из организма. 5. Лексические корреляты) 141
Л.322. Названия людей 148
Л.322.1. Названия людей по возрасту и полу 148
Л.322.2. Термины родственных отношений (1.Классификационные признаки. 2. Названия родственников по прямой линии. 3. Названия родственников по боковой линии. 4. Названия родственников по брачной линии. 5. Названия родственников по линии вторичной брачной связи). 151
Л.322.3. Названия людей по характерному признаку частей тела и физиологических действий 154
Л.322.4. Ограниченные неисчисляемые множества людей . . . 154

Л.33. Мир человека. 155
Л.331. Хозяйство и промыслы (1. Земледелие. 2. Заготовка сена. 3. Животноводство. 4. Домашние промыслы. 5. Охота и ловля рыбы). 155
Л.332. Жилище (1. Строительство жилища. 2.Устройство жилища. 3. Внутреннее убранство жилища). 161
Л.333. Пища (1. Продукты питания, пищевые блюда, способы обработки продуктов питания. 2. Приготовление пищи. 3. Употребление пищи. 4. Вкусовое восприятие. 5. Корм для животных). 166
Л.334. Одежды (1. Виды мужской и женской одежды. 2. Детали одежды. 3. Головные уборы. 4. Обувь. 5. Украшения. 6.Лексические корреляты). 173
Л.335. Социальные проявления человека (1. Обряды. 2. Досуг. 3. Эмоциональные отношения и состояния. 4. Агрессивные действия человека). 177

Часть вторая. Ф. ФОНЕТИКА 185
Ф.1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОПИСАНИЯ 188
Ф.11. Форма описания 188
Ф.111. Общая схема описания 188
Ф.112. Формы представления фонетической характеристики предложения (1. Собственно фонетическое представление. 2.Фонематическое представление. 3. Морфонематическое представление) 189
Ф.113. Особенности описания фонетической синтагматики и чередований. 196
Ф.114. Транскрипция и орфография 197
Ф.12. О некоторых фонетических трактовках (1.К классификации постувелярных артикуляций. 2. О фарингализации. 3. О ларингальных признаках шумных. 4. Об употреблении терминов "сильный" и "геминированный". 5. О нейтрализации противопоставления по лабиализованности). 198

Ф.2. ПАРАДИГМАТИКА. 213
Ф.21. Вокалическая система (1.Гласные и их признаковое описание. 2. Примеры на гласные фонемы. 3. Фонетическое варьирование гласных. 4. Историко-типологический комментарий). 213
Ф.22. Консонантная система 223

Ф.221. Консонантные различительные признаки (1.Признаки шумных. 2. Признаки сонорных) 223
Ф.222. Консонантные подсистемы (1. Взрывные. 2. Аффрикаты. 3. Фрикативные. 4. Лабиализованные фонемы. 5. Ларингалы. 6. Сонорные). 230
Ф.223. Примеры на согласные фонемы 234
Ф.224. Фонетическое варьирование согласных (1.Варьирование ларингальных признаков. 2. Геминация аффрикат и полугласных. 3. Варианты отдельных фонем. 4. Слияние гоморганных. 5.Внесистемные звуки). 237
Ф.225. Исторический комментарий. 242
Ф.23. Супрасегментные признаки 248
Ф.231. Фонетические корреляты ударения. 248
Ф.232. Фарингализация (1. Распределение фарингализованных звуков и фонематическое описание фарингализации. 2. Фонетические особенности фарингализованных звуков. 3. Об источниках фарингализации). 250
Ф.3. СИНТАГМАТИКА И ЧЕРЕДОВАНИЯ. 260
Ф.31. Несегментные фонетические составляющие. 260
Ф.311. Фонетическая синтагма (1. Границы фонетической синтагмы. 2. Мелодические завершители синтагмы). 260
Ф.312. Фонетическое слово (1.Грамматический состав фонетического слова. 2. Ритмика фонетического слова). 262
Ф.313. Слог (1. Правильная слоговая структура. 2. Установление правильной слоговой структуры). 269
Ф.32. Распределение и чередование гласных. 276
Ф.321. Распределение основных гласных (1. Ударный слог. 2. Предударный слог. 3. Заударные слоги. 4. Чередования основных гласных, не связанные с ритмикой). 276
Ф.322. Распределение долгих гласных. 294
Ф.33. Распределение и чередования согласных. 297
Ф.331. Распределение согласных "основных" классов (1.Внутрислоговые сочетания. 2. Межслоговые сочетания. Регулярные чередования согласных в консонантных сочетаниях. Устранение полугласных. 5. Нерегулярные чередования согласных). . 297
Ф.332. Распределение ларингальных признаков и сильных-слабых фонем. 312

Ф.333. Распределение лабиализованных - нелабиализованных согласных и их чередования (1. Нейтрализация противопоставления по лабиализации перед /o / и /u /. 2. Делабиализация согласных после /u /. 3. Следы исторических процессов делабиализации). 316
Ф.34. Распределение "центров" фарингализации в слове. 320

Ф.4. О ФОНЕМАТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ МОРФ
(1. Различия фонематического состава полнозначных и служебных морф. 2. Фонематическая синтагматика морф). . . 324

Ф.5. ПРИЛОЖЕНИЯ. 333
Ф.51. РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ФОНЕТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ 333
Ф.511. Наблюдения над осциллограммами арчинской речи . . 333
Ф.512. Наблюдения над спектрограммами арчинской речи . . 340
Ф.52. ЧАСТОТЫ АРЧИНСКИХ ФОНЕМ. 345
Ф.53. ПРИМЕРЫ ТРАНСКРИПЦИОННЫХ ЗАПИСЕЙ 349
Ф.54. ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ СОГЛАШЕНИЯ. 350
ЛИТЕРАТУРА. 353
СПИСОК ПРИНЯТЫХ УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ И ОБОЗНАЧЕНИЙ. 356
СОДЕРЖАНИЕ. 358

ОПЫТ СТРУКТУРНОГО ОПИСАНИЯ АРЧИНСКОГО ЯЗЫКА
Под общей редакцией В. А. Звегинцева
I

Зав. редакцией *Л. А. Колченко*
Редактор издательства *Е. П. Зотова*
Технический редактор *Т. Е. Светличная*

Заказная

Подписано к печати 2/XII 1976 г. Л-54892 Формат 60×90¹/₁₆ Бумага тип. № 3
Усл. печ. л. 22,75 Уч.-изд. л. 22,49 Зак. 2913 Тираж 600 экз. Цена 1 р. 45 к.

Издательство Московского университета. Москва, К-9, ул. Герцена, 5/7.
Типография Изд-ва МГУ Москва, Ленинские горы